

ГОСТИНЫЙ ДВОРЬ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
писателей России

*Издание осуществлено на средства
Правительства Оренбургской области*

Оренбург
2018

«Гостиный Дворь» № 3 (7), 25 октября 2018 г.

Журнал

Учредители:

Министерство культуры и внешних связей Оренбургской области, ГБУК «Областной Дом литераторов им. С.Т. Аксакова»

Главный редактор Н.Ю. Кожевникова

Редакционный общественный совет:

председатель – **Е.В. Шевченко**, министр культуры и внешних связей Оренбургской области

С.В. Василенко (Москва)

Д.Е. Кан

П.Н. Краснов

В.Н. Кузнецов

В.А. Лабuzов

А.В. Лигостаева

В.Д. Лютый (Воронеж)

Г.П. Матвиевская

В.М. Молчанов

П.Г. Рыков

Л.П. Сквородко

В.Б. Соколов

Т.В. Судоргина

А.Г. Филиппов

Т.М. Шабаренина (Уральск, Казахстан)

Н.А. Ягодинцева (Челябинск)

Почтовый адрес редакции: 460014, г. Оренбург, ул. Правды, 10

Телефон 8-903-394-32-60

Телефон/факс (3532) 78-37-91

E-MAIL: Gdvor56@yandex.ru, editor@orenlit.ru. Веб-сайт: orenlit.ru

Почтовый адрес издателя: 460014, г. Оренбург, ул. Правды, 10, ГБУК «Областной Дом литераторов им. С.Т. Аксакова»

E-MAIL: Domliteratorov28@mail.ru

Телефон/факс (3532) 78-41-29

На первой и последней страницах обложки – фотоколлажи **В.Б. Соколова**

Художник – **В.В. Кожевникова** (г. Санкт-Петербург)

Компьютерный дизайн – **Ю.В. Стрельникова, Л.И. Потехина**

Компьютерный набор, корректура – **Ю.В. Стрельникова**

В спорных случаях оставляются стиль, орфография и пунктуация авторов, которые несут ответственность также и за достоверность фактов. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи

Сдано в набор 15.08.2018 г.

Подписано в печать 03.09.2018 г.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 22,5 печ. л.

Тираж 1112 экз.

Заказ

Цена свободная

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ56-00704 от 18 октября 2017 г. в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Оренбургской области.

ООО «Типография Для Вас»

620073, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 52, офис 3

ISBN

© Журнал «Гостиный Дворь», 2018

Любопытно, забавно и тонко:
Стих, почти непохожий на стих.
Бормотанье сверчка и ребёнка
В совершенстве писатель постиг.

И в бессмыслице скомканной речи
Изощрённость известная есть.
Но возможно ль мечты человечьи
В жертву этим забавам принести?

И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?

Нет! Поэзия ставит преграды
Нашим выдумкам, ибо она
Не для тех, кто, играя в шарады,
Надевает колпак колдуна.

Тот, кто жизнью живёт настоящей,
Кто к поэзии с детства привык,
Вечно верует в животворящий,
Полный разума русский язык.

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

ГОСТИНЫЙ ДВОРЬ

КРАСНАЯ ГОРА

- 6 **Инна Фролова.** Оренбургская весна. *Впечатления о фестивале*
10 **Геннадий Калашников.** Немое кино. *Стихи*
14 **Вера Хамидуллина.** Одуванчики во ржи. *Стихи*
18 **Анастасия Ермакова.** Пластилин. *Отрывок из романа*
24 **Инна Фролова.** Однажды в России. *Стихи*
29 **Андрей Щербак-Жуков.** Ружьё, которое не выстрелило. *Рассказ*
36 **Левон Осепян.** Умереть в Париже. *Рассказ. Фото с выставки*

НАША ГОСТИНАЯ

- 46 **Сергей Трахимёнок.** Земляки-сибиряки. *Рассказы*
64 **Людмила Калинина.** Кипрейные сны. *Стихи*
68 **Николай Толстиков.** Христопродавцы. *Рассказ*
75 **Константин Емельянов.** Авитаминоз. *Стихи*
80 **Валерий Сдобняков.** Искры потухающих костров. *Фрагменты дневника*
100 **Игорь Тюленев.** «Нет, Родина не умирает!» *Стихи*
104 **Валерий Михайлов.** Иволга, леса отшельница. *Главы из книги*
152 **Наталья Тагорина.** Внутреннее движение. *Интервью с А.С. Бакулевским*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- 166 **Валентин Курбатов.** «Под бременем познания и сомнения». *Эссе*

МИР ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

- 179 **Марина Гах.** «Я научу вас мыслить...» *Стенограммы лекций Юрия Кузнецова. Продолжение*

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ	188	Виталий Молчанов. Гофманиада. <i>Стихи</i>
	191	Сергей Фролов. От чапаевского конника до Ельцина. <i>Из записок строителя</i>
	207	Владимир Шадрин. Обратная сторона. <i>Стихи</i>
	212	Антон Горынин. С любовью. <i>Мини-пьеса</i>
	221	Любовь Сухарева. «Я серьёзно». <i>Стихи</i>
ДЕБЮТ	226	Елена Левченко. «Хочу весну». <i>Стихи</i>
ОРЕНБУРГСКАЯ ДИАСПОРА	229	Анатолий Санжаровский. Чего девушка не знает, то её и красит. <i>Повесть</i>
ПУБЛИЦИСТИКА	258	Михаил Чванов. Совесть России. <i>Памяти В.Г. Распутина</i>
КАЗАЧЬЯ ЛИНИЯ	282	Владимир Семёнов. Подвиги казаков-падуровцев (1914-1917). <i>Из исторической хроники</i>
НЕСЛОМЛЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ	290	Александр Митаревский. Шанхай—Бурлык. <i>Далёкое и близкое</i>
100 ЛЕТ ВЛКСМ	308	Алевтина Арнаутова. Я жила комсомолом... <i>Надежда и вера</i>
	332	Виктор Поляничко. Записки комсорга. <i>Главы из книги</i>
КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ	355	Татьяна Текутьева. Кумирами не рождаются. <i>О творческом долголетии артиста</i>

ОРЕНБУРГСКАЯ ВЕСНА

С 16 по 18 мая в Оренбуржье проходил VI Международный фестиваль содружества национальных литератур «Красная гора». Своими впечатлениями о фестивале делится поэт, переводчик, член Союза писателей Беларуси и Союзного государства Инна Фролова.

Необъятность России впечатляет. Конечно, не буду лукавить, как и любой в прошлом советский школьник, из курса географии хорошо усвоила: территориально СССР самое крупное в мире государство. Скорее была не готова к осознанию масштаба пространства. Да и выбор транспорта несколько смутил моих оренбургских коллег. По России все давным-давно летают и на меньшие расстояния, а затратная по времени железная дорога, по которой я отправилась, с радостью приняв приглашение на VI Международный фестиваль содружества национальных литератур «Красная гора», — это как старые добрые письма вместо смс.

Удивил Оренбург с первых минут знакомства своей размеренностью жизни и самодостаточностью, если, конечно, такие понятия применимы не только к человеческой природе. Первое, что бросилось в глаза на вокзальной площади, — это

облака сирени, бледно-фиолетовые, белые, которые после сопровождали меня в течение всей творческой командировки. И в тихом дворике Дома литераторов имени С.Т. Аксакова, к слову, особой гордости горожан, такую роскошь может позволить себе не каждый регион; и в Саракташе, где участники литературной экспедиции посетили мемориал боевой и трудовой славы и возложили цветы к Вечному огню; и в старом городе, куда нас доставил экскурсионный «Литературный автобус», так аромат сирени в прямом смысле обрамлял Водные ворота, охраняемые ангелами с явно восточными лицами, а открывающаяся за ними аллея благоухающими кустами примыкала к мосту через полноводный Яик, соединяющий Европу и Азию. И казалось, что суровое здание Музея истории города, подавшись весенней блажи, боем курантов на башне каждые полчаса погружает город в атмосферу торжественности и парадности. И от этого хотелось верить, пока только в своё робкое предположение, что совсем в недавнем прошлом, по меркам истории, именно у стен этой крепости назначал свидание простой девушке Валентине молодой, влюблённый, пока ничем не примечательный Юрий Гагарин.

Открытие VI Международного фестиваля содружества национальных литератур «Красная гора»

В Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской

В Свято-Троицкой Симеоновой Обители Милосердия

Фестиваль встретил и «взбодрил», после расслабляющей, продолжительной дороги, подарившей иллюзию иного течения времени, чего, к слову, никогда не случается с летающими «похитителями времени», интересной и очень насыщенной творческими мероприятиями программой; но доброжелательность оренбуржцев, их искреннее внимание ко мне, как представителю белорусской стороны, быстро вернуло эмоциональное равновесие. Было бы правильно начать со знакомства с участниками творческой делегации — это поэт, прозаик, переводчик, литературный деятель Вера Хамидуллина (Набережные Челны), поэт, переводчик, главный редактор республиканской газеты «Истоки» Айдар Хусаинов (Уфа), поэт, прозаик Геннадий Калашников (Москва), поэт, прозаик, заместитель редактора в литературном приложении к «Независимой газете» «НГ-Ex libris» Андрей Щербак-Жуков (Москва), прозаик, фотохудожник Левон Осемян (Баку), прозаик, заместитель редактора «Литературной газеты» Анастасия Ермакова (Москва).

С собой я увезла яркие впечатления, оставленные после посещения культурного комплекса «Национальная деревня», юбилейного творческого вечера поэтессы и главного редактора литературно-художественного журнала «Гостиный Дворь»

Наталии Кожевниковой. Запомнились встречи с участниками литературного объединения при областном Доме литераторов, которым успешно руководит широко известная не только в России, но и на просторах литературной Беларуси поэтесса Диана Кан. Упомяну и акцию «Стихи на асфальте», экскурсию по областной библиотеке имени Н.К. Крупской, литературное шоу «Битва поколений», в котором гости и признанные оренбургские поэты Диана Кан, Виталий Молчанов, Владимир Петров, Павел Рыков, Вячеслав Моисеев соревновались с молодыми и дерзкими начинающими поэтами. Посчастливилось попасть в литературный десант в одно из учебных заведений в команде с известным писателем Петром Красновым. И не без гордости скажу, с тёплой авторской подписью увезла в Минск роман Петра Николаевича «Заполье».

А в номере гостиницы с надеждой на новую встречу я оставила ароматный букет сирени, который мне вручили на вечере национальной и переводной литературы «Строки содружества», где со сцены Оренбургского государственного национального театра имени М. Файзи прозвучали стихи на белорусском языке поэта Виталия Молчанова в моём переводе. В хорошие приметы я верю!

Инна ФРОЛОВА
Минск

* * *

Проговори: море. Ещё раз:
 море. Берега полоса.
 Слышит ухо, и видит глаз,
 и нестройно шумят голоса

живых и тех, кого уже нет,
 делая вдох у скал,
 вдруг понимаешь — крикнуть
 привет
 грудная клетка узка.

Небесная твердь, и водная
 гладь,
 и горизонта кольцо.
 Смотри, как волны уходят
 вспять,

и на жизнь не сетуй за
 то, что увидеть твоё лицо
 можно, только закрыв глаза.

* * *

Сутулый поплавок в воде увяз
 по плечи,
 намечен чуть пейзаж откосов
 и лугов.
 Какой-то ночедень — не утро и
 не вечер,
 запаяна вода по кромке берегов.
 Откосов и лугов, узлов и
 тайных петель
 не отразит вода недвижимой
 реки.

Все снасти, все крючки, все
 невода, все сети,
 настожившись, ждут — все
 снасти, все крючки.
 Всё сбудется, придёт, всё вновь
 на место встанет,

забудется, уйдёт и унесёт с
 собой,
 останется, пройдёт... О, это
 трепетанье,
 удилице творца согнувшее
 дугой.

НЕМОЕ КИНО

Дождик прошёл, второпях,
 между делом,
 только и помню — ночное окно
 да мельтешенье картин чёрно-
 белых,
 словно смешное немое кино.

Что в нашей памяти? Только
 прорехи
 и на воде ледяные круги.
 Сонный трамвай эту ночь
 переехал,
 искры посыпались с чёрной
 дуги.

Светит фонарь, переулочек
 забрызган
 люминесцентными каплями
 слёз.
 Слышно, как тихо жужжат
 механизмы
 старой, обманчивой фабрики
 грёз.

Мельница снов, световых
 перебоев,
 годы мелькают быстрее, чем
 дни.
 Что ж, перематывай свой
 целлулоид
 и обмани, ещё раз обмани...

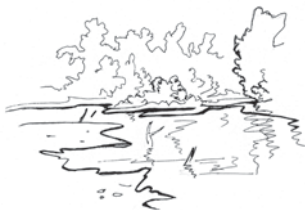
СВЕТ

Осенний день, но осень
сдаёт свои права.
Иней словно проседь,
ломкая трава.

И воздух словно взвешен,
и постепенно в нём
над полем опустевшим,
за глиняным бугром,

нетронутые ветром,
из одного куска,
все в переливах света,
вспухают облака.

Неярок он и млечен
свет тот неземной,
словно мир подсвечен
грядущей зимой.

Вера ХАМИДУЛЛИНА

ОДУВАНЧИКИ ВО РЖИ

*Вера Петровна
Хамидуллина родилась
в г. Краснотуринске
Свердловской области.
Поэт, переводчик, издатель,
автор семи поэтических
сборников. Стихи и
переводы публиковались
в ряде газет и журналов
Татарстана и России.
Лауреат, призёр и
дипломант международных
конкурсов, награждена
знаком «Золотое перо Руси».
Член Союза российских
писателей, Литфонда
России, Союза писателей
Республики Татарстан,
Союза писателей XXI века.
Живёт в г. Набережные
Челны.*

* * *

К Денежкину Камню прижмусь
щекой:
— Ну, давай рассказывай, как
дела!
Пращура рукой пущена пращей...
Снова траектория нас свела.

У кедровых шишек особый шик.
Смоляные чучелки вы мои!
Влипла так, что незачем
тормозить,
Сок орехов досыта выдою.

Вдоль Бажовых сказов тропой
пройду:
Кокованя где-то вот здесь живёт,
Ящерка заветная на виду,
И по крыше козлик копытцем
бьёт.

Самоцветы детства несую в
горстях —
Всё боюсь растратить их до
поры.

И нет-нет, душа моя вновь в
гостях,
Припозднившись, кается у
горы.

* * *

Я своих воспоминаний стала
пленницей.
Всё гляжу и наглядеться не
могу:

И дрова всё так же сложены в
поленницы,

И всё так же пацаны к реке
бегут.

Так же сладко за рекою свищет
славка,

Так же ворот у колодца
скриповат.

Здесь всё детство я пробежала
стремглавкой

Взад-вперёд, туда-сюда, вперёд-
назад...

Мне ирга протянет руки над
канавкой,

Ссыплет ягод разноцветных на
развес,

Да облает в полный рост
смешная шавка,

Проявляя неподдельный
интерес.

Три журавлика над речкой
утром ранним

Раскурлы-курлы-курлычутся
по мне,

Да наморщится в окошечке
с геранью

Бабка древняя, узнав и
обомлев:

— Не Дубровиной ли Тоси
будешь дочка?

Не узнать тебя! Давненько не
была...

В деревеньку я выросла, выходит,
прочно,
Если память обо мне не умерла...
Я своих воспоминаний стала
пленницей.

Я у памяти той бабушки в
долгу...

Значит, жизнь моя по-новому
отмерится

Деревенькой той... на дальнем
берегу.

* * *

Сколько в нас намешано
кровей!..

Стоит только пристальней
вглядеться

В лица окружающих людей:
Вот оно — вселенское соседство.

Разделить попробуй ДНК —
Ни за что не выйдет, хоть
убейся!

Спаянные гены за века
Призывают нас к единству
действий.

Мы едины общностью побед,
Верой в свет, добро и

справедливость.

И ценнее этой веры нет,
Даже если время изменилось.

* * *

Бывает так, что вовсе не смешно...
Заплакать иногда бывает впору,

Когда лишь слякоть видишь за
стеклом

И слабых выбираешь для
опоры.

Душа гола, а голым — поясок
Потуже затянуть и в путь

пуститься.

И жизнь стечёт водичею в
песок,
Ни капли не оставив от
амбиций...

* * *

Мамы нет и некому ругать,
Что домой я возвращаюсь поздно,
Если накрывает благодать
Зимней ночи ясной и морозной.

Запретить попробуй мне летать
И пришиллить к креслу взглядом
грозным...

Мне ещё по силам сильной стать,
Чьей-то путеводной в небе
звёздном.

Я ещё желаю помечтать
И порассуждать вполне
серьёзно.

С чистого листа свою тетрадь
Наполнять поэзией и прозой.

* * *

Складываю стопочкой
футболки.

Вешалки в рубашки наряжаю.
Вниз бегу с седьмого этажа я
Лестницей в блистательных
осколках.

Просыпаюсь и соображаю:
Нет седьмого этажа в помине,
Лишь огонь, мятущийся в
камине,
Да над ним латинские
скрижали.

«Ты отделишь землю от огня и
Тонкое от грубого искусно».

Зимней ночью холодно и пусто.
И скрижали эти — не фигня ли?

Землю и огонь делить пыталась,
Тонкое и грубое тем паче...
В результате, мир переиначив,
На бобах принцессою осталась.

* * *

Под звон монет
И дзиньканье бокалов
Как девушка сошла на «нет» —
Женою стала.

Под писк детей
И кухонные скрябы
И женщина пропала в ней —
Осталась баба.

Под грохот дней
И взрыв эмансипации
Как вид нет больше баб.
Есть лошадь нации.

* * *

Деревянная игрушка пахнет
стружкой.

Деревянным душам веришь без
опаски.

Деревянная игрушка, если
нужно,

Оказаться может куклою
прекрасной.

Деревянная игрушка Буратино —
Этот с носом оставлять умеет
многих!

Буратино подарил вчера мне
сына,

А сегодня виртуозно сделал
ноги...

И качает деревянная кровать
 Буратиновую копию беспечно.
 Эта копия ни в чём не
                                 виновата...
 Виноват огонь, беснующийся в
                                 печке.

Раз полешко... два полешко...
                                 вечер длинный.
 Язычки поскачут, и зайдётся
                                 треском
 Заготовка для доверчивой
                                 Мальвины,
 Не успевшая в доверие
                                 втереться.

У печи предназначение
                                 понятно.
 А любви огонь сгущает только
                                 краски...
 Проще сделать из игрушки
                                 деревянной
 Нам языческого идола из
                                 сказки...

* * *

Было пасмурно, сыро, стыло,
 Да вот бабочка-махаон
 С неба ангелом пестрокрылым
 Опустилась в мою ладонь
 И, сложив два крыла в молитве,
 Замерла. И молитве той
 Заподscriпывала калитка,
 Заподдакивал хмель витой.
 Что просила она у Бога
 За неделю до холодов?
 Не в бессмертие ли дорогу?
 Не Эдемowych ли садов?
 Может, в крыльях перетирая
 Летних дней золотой песок,
 Сокрушалась, что чашу Грааля
 Не родил ни один цветок.

Видно, тщетно взбивала воздух
 Из настоя цветущих трав...
 Что осталось? В куколки поздно
 И с огнём позади игра...

* * *

Одуванчики во ржи,
 васильки, сурепка...
 Русь исправно сторожит
 поле наших предков.
 Старый камень у межи —
 трёх дорог разметка:
 войны, Соловки, Кизи —
 и дедкам, и деткам!

* * *

М. И. Цветаевой

Узкие удочки. У двора
 Лужи.
 Только убоже моя нора
 Уже.

Только слетаются воронье
 Стаей.
 Только заходитя собачье
 Лаем.

Тут не покажешь — и так побьют
 Норов.
 Тут загоняют пять раз на дню
 Сворой.

Только застряли внутри стихи
 Комом.
 Только замаливаю грехи
 Словом.

Только и дела, что пережить
 Лето.
 Только и дела: в петлю и шаг
 С табураста.

Анастасия ЕРМАКОВА

ПЛАСТИЛИН

Отрывок из романа

Анастасия Геннадьевна Ермакова родилась в Москве. Окончила Московский металлургический институт и Литературный институт им. А.М. Горького. Прозаик, критик, автор пяти книг прозы. Заместитель главного редактора «Литературной газеты». Шеф-редактор проекта по национальным литературам «Многоязыкая Лира России». Дважды лонг-листёр премии «Ясная Поляна» (2010, 2015), входила в шорт-лист Горьковской литературной премии (2016) и премии «Золотой Дельви́г» (2016). А также лауреат премии им. М.Ю. Лермонтова (2010) и дипломант Бунинской премии (2011). Живёт в Москве.

Созвонилась с куратором Торжокского детского дома Владимиром. Договорились так: я беру в восемь утра студенток из Академии физкультуры, и все вместе мы отправляемся в Торжок, по Ленинградке. Там встречаемся возле стелы с названием города. Я еду просто как водитель, хотя могу, конечно, провести занятие по русскому и литературе для желающих. Там посмотрим, сказал Владимир.

— Ты опять едешь к безмамным детям? — подозрительно спросила дочь.

— Опять.

— А ты что, найдёшь им маму?

— К сожалению, нет.

— Тогда папу?

— Папу найти ещё труднее, чем маму.

— Почему? — удивилась Катя.

— Потому что пап на свете меньше, чем мам...

— Так не бывает! Пап — столько же, сколько мам!

— Знаешь, папа — это как павлин с красивым хвостом — птица диковинная и редкая.

— Не-е-ет, — отвергла сравнение дочка, — никакой не павлин. Папа — это большая сильная лошадь, которая может покатать.

— Может покатать, — согласилась я, — а может и сбросить.

— А я буду очень крепко держаться! — пообещала Катя.

Подставила губы для поцелуя. Но тут же нахмурилась:

— Только других деток там не целуй, ладно?

— Почему?

— Потому что целовать можно только меня.

— А папу?

— Ну, папу иногда... А меня — всегда!

На остановке возле Академии физкультуры мёрзла на утреннем майском холодке стайка девочек лет семнадцати-восемнадцати. Я притормозила возле них, они, дрожащие, тут же запрыгнули в тёплое нутро машины. Немедленно зашуршали пакетами, доставая конфеты, печенье, йогурты, словно только и ждали меня для того, чтобы, согревшись, перекусить. Они делали всё сразу: ели, гомонили, смеялись, смотрели в окно, тыкали кнопки на мобильниках.

По дороге разговорились. Оказалось, что все они учатся по специальности режиссёр массовых зрелищ, и одна из них,

выпускница, едет в детский дом с концертом — это и есть её будущий диплом.

— А что за концерт-то? — спросила я.

— Увидите! — пообещали они.

Ехали часа четыре с половиной. Майские пейзажи после резких мартовско-апрельских казались мягче, пастельней; март нужно писать маслом, май — акварелью или пастелью. Пару раз останавливались — девочки бежали в лесок, каблук их вязли во влажной, только что оттаявшей от снега земле. Их веселило даже это. Одна из них вляпалась в свежую кучу, потом долго обтирала каблук о молоденькую травку. Над ней хихикали всю дорогу, зажимая носы и всячески показывая своё отношение к досадному происшествию. Особенно забавным казалось то, что виновницей торжества оказалась бойкая девушка по имени Ева, которая никак не хотела признать то, что от неё может исходить неприятный, отнюдь не библейский запах.

Возле стелы «ТОРЖОК» уже стояли две машины: серебристый «Фольксваген» и бордовый «рено». Они дождались нас, помогали, приглашая следовать за ними, и тут же тронулись, показывая дорогу. Ехать оказалось недолго, минут через семь притормозили возле маленького продуктового магазинчика. Рядом были какие-то ларьки, чуть дальше — обшарпанные пятиэтажки. Между домами виднелось поле, на нём силуэты крестов — кладбище.

По улочке шли жители Торжка: молодая мама с коляской, пара средних лет, мужик забулдыжного вида. Сразу ощущалось: здесь никто никуда не спешит, торопиться не нужно. Насколько же провинциальный ритм жизни обаятельней нашего мегаполисного и суматошного. Особенно остро это чувствуешь, когда живёшь попеременно то в крупном городе, то в тихом городишке. Может, поэтому провинциалы и считают москвичей не душевными: для провинциала душевности нужен определённый эмоциональный настрой, а он создаётся вдумчиво и неспешно. У москвичей просто ни на что не хватает времени. Они глотают гамбургеры, глотают в метрополитеновские промежутки быстрорастворимые, как суповые пакетики, книги, а вечером — фальшивые сериалы. И всё это малосъедобно, практически не переваривается, отдаётся отрыжкой: нервозностью, суетливостью, безразличием к ближнему.

Мы стоим с куратором Владимиром возле магазина и ёжимся от злого, будто сорвавшегося с цепи, холодного ветра — после тёплой машины это особенно ощутимо.

Владимир худ, сутул, широкобров, с тёмными внимательными глазами. Переминается с ноги на ногу.

— Давно сюда ездите? — спрашиваю его.

— Второй год уже. А вы в первый раз?

— Сюда — да. Я езжу в Быковский.

— А я побывал в нескольких, и в Быковском, кстати, тоже, но в этот — приехал однажды — и всё. Сразу понял — моё. У меня у самого четверо, — улыбается.

— Ничего себе! Как же вы ещё сюда-то успеваете?

— Да вот так. Привык. Уже не могу без этого. Тянет... Жену тоже привлёк. Она сначала ни в какую, говорит, ты что, с ума сошёл, а потом съездила разок, понравилось...

Расселись по машинам, поехали. Сразу за магазином — поворот — и вид на детский дом — белое трёхэтажное здание, за ним поле, вдалеке ещё голый серый лес. Тихо и грустно. И всё время это щемящее чувство: страшно войти внутрь — там сразу со всех сторон хлынет горе, горячее чужое горе, растянутое на годы и растворённое в детских рисунках, висящих на стенах, в обихих, не имеющих хозяина игрушках, в любопытных глазах детей, обступивших нас.

Надо как-то противостоять ему. Собраться с силами. Не показать детям, что тебе их жалко.

У них хватает мужества и мудрости быть добрыми к нам: не прогнать, не обидеть, чем-нибудь одарить.

Я не привезла с собой даже конфет — Владимир сказал, что чаепитие планируется в следующий раз. Одна девчушка, лет восьми, подбежала ко мне и протянула листок жёлтой бумаги с

вышитым на нём красными нитками цветком.

— Это тебе!

— Спасибо.

Внимательно рассмотрела. Внизу ручкой, аккуратным почерком было написано: «Оля Галкина. Кружок рукоделия «Узелок».

Я стояла посреди коридора и держала в руках, быть может, самый дорогой подарок в своей жизни.

Пока студентки репетировали свой концерт, волонтеры распределились по мастер-классам. Я пошла к детсадовским детям. Со мной — ещё два волонтера, молодые женщины. В довольно большой комнате дети трёх—пяти лет сидели за маленькими партами на лилипутских стульчиках и во все глаза глядели на нас. Сначала одна из волонтерш показывала, как делать бумажные цветы, а я фотографировала лица детей. Одна из девочек неотрывно смотрела на меня, её не интересовали бумажные цветы, не интересовали и фотографии, которые я показывала ей.

Ребёнок глазел на меня зачарованно, с первозданным младенческим любопытством.

— Ты моя мама? — наконец тихо спросила она.

Удар. Дыхание пресеклось.

— А у тебя разве нет мамы?

— Есть. Но она приезжает редко.

— А как тебя зовут?

— Алиса.

— А меня Полина.

— Ты — моя мама Полина, — внезапно решила девочка и взяла меня за руку.

Тут ко мне подошла воспитательница.

— Детей фотографировать нельзя, — сказала строго. — Всех вместе можно, а по отдельности — нет.

— Почему?

— Нельзя, — ещё жёстче потянула она.

— Мама, пойдём! — потянула меня Алиса.

— Куда?

— Играть, — и кивнула на игрушки, стоящие на полках вдоль стены.

Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта, там виднелись аккуратно застеленные кровати.

— Алиса, — гаркнула воспитательница, — ты куда это собралась? Ну-ка быстро сядь на место!

Девочка нехотя послушалась.

Вторая волонтерша принялась надувать длинные разноцветные воздушные колбаски, которые ловко превращала в различные игрушки: собаку, зайца, лебедя. У детей это вызвало восторг: они повскакивали со своих мест и кричали: «А мне лошадку! А я хочу мишку! А я саблю!»

Девушка надувала фигурку за фигуркой специальным насосом и раздавала игрушки всем, кто тянул к ней руки. Алиса тоже подбежала и потребовала цветок, который и был тут же изготовлен для неё.

Я продолжала фотографировать: Алиса с цветком, Алиса смеётся, Алиса задумалась, Алиса смотрит на меня. Щёлкала и других: вот один мальчик заплакал, потому что его друзьям сделали сабли, а ему нет, вот другой — бесстрашно размахивает ею, разинув в крике рот, вот девочки сбились в кучку и хвастаются друг перед другом своими новыми игрушками. Тайком сфотографировала и воспитательницу: низенькая, полная, в голубом халате, с мальчужковой ершистой стрижкой, в шерстяных носках на толстых икрах. Недовольно наблюдает за тем, как у детей одна за другой лопаются надувные игрушки, незлобно поругивает.

— Всё, теперь идём обедать! Всем быстро мыть руки! — командует она.

Дети не реагируют.

— Я кому сказала! — вскрикивает грозно.

Это действует.

Алиса подбегает ко мне.

— Ты не уйдёшь?

— Нет, — обещаю ей, — не уйду. Иди поешь.

Воспитательница разрешила мне побыть в группе. Я сижу одна в тихой опустевшей комнате, где по полу разбросаны игрушки, а на стенах висят детские рисунки, где остро, как свежесваренным вареньем, пахнет детством. Подхожу к окну: бескрайнее поле, кладбище: видно, как некоторые кресты покосились, как треплет ветер блёклые прошлогодние венки, как перелетают с места на

место безмятежные вороны. Вдалеке, на горизонте возле леса какая-то маленькая деревенька — не приведи Господи тут жить.

Скоро вернётся Алиса. Я зачем-то стою и жду её, хотя надо скорее уходить. Убежать, скрыться. Но я стою и стою. И смотрю в окно. На поле, на кладбище, на лес. Чувствую, как целая шеренга добрых плюшевых зверей дышит мне в спину.

Но вот слышен на лестнице стремительный топот детских ног.

Первой врывается Алиса.

— Ты здесь?! — кидается обнимать.

— Поела? Вкусно?

Девочка кивает, не сводя с меня глаз. К верхней губе её прилип кусочек капустного листа, вокруг рта широкий желтоватый жирный круг. И запах — скудной столовской еды. Достая из сумки салфетку, вытираю ей рот. Она стоит, не шелохнувшись, — ей приятно и это. Не зная, куда выкинуть, комкаю и пихаю обратно в сумку — увезу этот запах с собой домой. Сажусь на стул, Алиса кладёт голову мне на колени и гладит их как котёнка. Я ерошу её волосы и смотрю в окно — долгий сумеречный день, не поймёшь — утро или вечер, а впереди ещё пять часов езды до дома. Чувствую, как устала, как начинает болеть голова, всё сильнее и сильнее, будто боль — это звук, который кто-то назло делает всё громче.

— Мама, — тихо и внятно произносит Алиса и целует мои

колени. Слово больно вспыхивает и внезапно гаснет, как перегоревшая лампочка.

Всё, надо уходить.

— Так, дети, пора спать! — требует воспитательница. Лицо её лоснится от пота, в подмышках тёмные круги с белёсыми разводами.

— Алис, тебе тоже пора спать, — пытаюсь поднять её.

Она мотает головой и прижимается ещё крепче.

— Мы с тобой прилипли, как две карамельки, — говорю ей.

Это срабатывает. Девочка смеётся, вскакивает, повторяя:

— Как две карамельки! Как две карамельки!

— Алиса, я кому сказала! Быстро в туалет и спать! — воспитательница хватает её за руку и тащит от меня волоком. Ребёнок тут же заходится плачем.

— Зачем вы так? Не надо. Она сама пойдёт, — беру её за другую руку. — Пойдёшь сама?

Алиса, не прерывая рыданий, кивает.

— Ну, всё-всё, успокойся. Тебе действительно пора спать, — вытираю ей обильно бегущие по щекам слёзы.

— А когда я посплю, мы с тобой поиграем?

— Давай лучше в следующий раз. Сейчас мне пора домой.

Я жду нового приступа слёз,

но она вдруг становится серьёзной и тихой и, ни слова не говоря, уходит.

Я не знаю, что сказать ей на прощание.

Концерт, подготовленный студентками Академии физкультуры, оказался совсем не плох. Тема — весна, показанная через танцы разных народов. Всё было красочно и на удивление профессионально. К финалу вышли танцоры в костюмах пингвинов с воздушными шариками, изображающими живот и, неловко перетапываясь, исполнили забавный и симпатичный танец пингвинов. Дети восторженно хлопали, воспитательницы довольно кивали, директор, подтянутая и ухоженная женщина, совсем не похожая на жительницу Торжка, улыбаясь, что-то записывала себе в блокнот — наверное, краткий отчёт о проведённом мероприятии.

После концерта дети висли на Владимире и просили кто — покрутить, кто — подкинуть повыше. Он, потный и счастливый, не отказывал никому. Дети поглощали кратковременную радость, как мороженое в жару, хватали большими сливочными кусками, не боясь ангины и зная: новое приключение может выпасть не скоро, а скука будет долгой и однообразной, как вид из окна: поле, кладбище, лес.

Инна ФРОЛОВА

ОДНАЖДЫ В РОССИИ

*Инна Николаевна Фролова
родилась в Минске в семье
служащих. Окончила Белорусский
государственный педагогический
университет. Работала в
дошкольных учреждениях. Член
Минского городского отделения
Союза писателей Беларуси.
Поэт, переводчик, автор
трёх поэтических сборников.
Публиковалась в журналах
«Польмя», «Нёман», «Новая
Немига Литературная», «Орёл
литературный», «Белая Вежа»,
в ряде коллективных сборников
и альманахах Беларуси и России.
Лауреат Международной премии
«Семья-Единение-Отечество»
(2014), литературного конкурса
СПб, посвящённого 100-летию
со дня рождения Алясея Бачило
(2018). Живёт в Минске.*

МОЛИТВА ПОЭТА

В тот час, когда переступлю
черту
У неизбежной точки
невозврата.
Господь мой Бог, вновь за
тобой пойду,
Путь осияв, при жизни трижды
клятый.

В Твой дом войду, в окне
увидю Сад.
Стыдиться буду за босые ноги,
За весь в пыли заплатанный
наряд,
Уместный разве для земной
дороги.

Без багажа предстану, налегке
Перед Светлейшим и
Пречистым ликом.
Измятый лист, зажатый в
кулаке,
И тот отдам безропотно и тихо.

Просить не смея, слово обреку
В горячий сок в Саду
                                созревшей вишни.
Один глоток, Господь, одну
                                строку,
Оставь как память о суетной
                                жизни.

НА БЕЛОМ БЕРЕГУ

Стоит мой дом на белом берегу,
Стоит мой дом на берегу
                                высоком.
Его покой как прежде берегут
Сирени белые у молчаливых
                                окон.

А рядом луг на белом берегу —
Слегка горчит полынь
                                хмельные травы.
Конь в белых яблоках пасётся
                                на лугу,
Такой ретивый — не найти
                                управы.

Укроет берег на заре туман,
Конь молодой собьёт копытом
                                росы.

А после ветер, что шальной
                                цыган,
Уложит гриву шёлковую в
                                косы.

Стоит мой дом на белом
                                берегу.
Дымком с дороги гостя
                                привечает.
Дом от сирени белой, как в
                                снегу.
Конь белогривый за версту
                                встречает...

ОДНАЖДЫ В РОССИИ

Однажды в России, в России
                                однажды,
В стране, где мессия едва ли не
                                каждый,
В стране, где полгода снега да
                                снега,
Где в белых туманах мои
                                берега

Случилось поэту на свет
                                появиться.
И свету служить, невзирая на
                                лица.
Да что там, на лица — не те
                                времена,
Когда на земле правит бал
                                сатана.

Поэт, как ведётся, был беден,
                                но честен.
Дорогой добра шёл с Россией
                                он вместе.
О нём после скажут: «Душою
                                богат»,
Но после... трибуны взорвёт
                                демократ.

Сейчас, когда Родины рваная
                                рана,
Как красная тряпка, для
                                Евромайданов,
И на дух не терпят уже
                                русский дух,
От фейка и глянца эфир весь
                                протух,

Собрались на поле великом и
                                бранном
Сыны тех Петров, Николаев,
                                Иванов.

Тех ратных героев, кому нет
числа,
За кем только правда святая
была.

Сражался с врагом и наш
старый знакомый,
Идущий за правду и правдой
ведомый —
Он вместе со всеми верста за
верстой
Держал, не колеблясь, редеющий
строй.

Что дальше? Оставлю вопрос
без ответа.
Балладу закончу строфою
поэта,
Которая пулей пробита
шальной,
Которую взял в небеса он с
собой...

«Однажды в России, в России
однажды,
В стране, где мессия едва ли не
каждый,
В стране, где полгода снега да
снега,
Где в белых туманах мои
берега...»

ИЗ «ОРЕНБУРГСКОЙ ТЕТРАДИ»

В сирени сад и соловей
заврался:
Ночь напролёт голосит о любви.
Ещё чужак на удочку попался
Весны, что скажет завтра —
«се ля ви».

Уйдёт к поэту в скромную
однушку.
Босая, в ночь за ласками уйдёт.
Не знает bestия, а может быть
простушка,
Ему Весна не баба, лишь
джекпот.
Состарится на кухне
Дульсинеей,
Джувлеттой, Лорелеей
наконец.
А ведь могла, как я, пускай с
плебеем,
Разок другой сходить и под
венец,
Детей рожать, от счастья
задыхаясь
Шептать «люблю»! И всё, как
у людей.
...Кого я уговариваю, каюсь,
Соври ещё, дружище соловей!

ЗАПОЗДАЛОЕ СЧАСТЬЕ

Дай мне руки, я их обогрею.
К ним прижавшись горячей
щечкой,
Охмелею тобой, осмелею,
Не смогу надышаться тобой.
Прошепчу над тобой обереги,
Чтоб в чужой стороне не
пропал.
В сумасшедшем неистовом беге
От завистливых глаз не упал.
Да и мне в суете бесконечной
Так легко оступиться и —
в грусть,
Да пропасть безвозвратно,
навечно...
Дай мне руки — и я удержусь.

Я слова «не смогу», «не
сумею» —
Сброшу под ноги, словно старьё.
Дай мне руки, я их обогрею,
Запоздалое счастье моё.

* * *

Ожиданием долгим недели,
Через дом мой прошли, как
дожди.
Держит время тебя в чёрном
теле,
А в таёжном краю свиристели,
О любви раскричались, поди.

Ты сейчас в одиночестве гордом
По далёким дрейфуешь мирам.
Подожду, если Богу угодно...
Но закончу победным
аккордом:
Я тебя никому не отдам!

* * *

Столько лет я живу наугад,
Безнадёжно влюблённая в
жизнь.
То малиновый звон, то набат...
То судьба умоляет
«Держись!...»

Мне на райские кущи порой
Не хватает ни зла, ни белил.
А смывает водой дождевой
То, на что не жалела чернил.

И заранее зная ответ,
Не полжизни потратила —
всю —
На сомнительный памяти след —
Рядовой оставаться в строю.

О ЛЮБВИ

В родных пенатах тишь да
благодать,
Лишь небеса как будто стали
строже.
Жасмин снежит и обнажает
стать,
А в душу лезут мысли о
Серёже.

Презревший тень полуденный
зенит
Глубоким вдохом измеряет
небо,
Но мой клубок из жалящих
обид
Не по зубам вселенскому
плацебо.

За вдохом вдох спускаюсь
не спеша
В обитель, где не лицемерит
слово.
Эх, сколько позабыть должна
душа,
Чтобы во мне ей поселиться
снова?!...

На горизонте горнем Аркаим,
А вот с земными видами всё
тоже:
В окне благоухающий жасмин
Заезженной пластинкой о
Серёже...

* * *

Пусть, как Иерихон, гремит
Парнас,
И щёки раздувает, как
Везувий,

Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ

РУЖЬЁ, КОТОРОЕ НЕ ВЫСТРЕЛИЛО

Рассказ

Андрей Щербак-Жуков (Андрей Викторович Щербак) родился в 1969 году в Москве. Окончил отделение киносценарно-киноведческого факультета ВГИКа и аспирантуру при кафедре киносценаристики. Автор нескольких книг прозы, стихов, сценариев, искусствоведческих исследований. Выпускающий редактор приложения к «Независимой газете» «НГ - Exlibris». Дипломант Международного литературного фестиваля им. М. Волошина (Коктебель), призёр форумов фантастики «Интерпресскон» (Санкт-Петербург), «Аэлита» (Екатеринбург), «Фанкон» (Одесса) и др. Живёт в Москве.

У детей занижено чувство опасности и при этом усилена страсть к приключениям — они безрассудны, а стало быть, и бесстрашны. Даже смерть, слоняющаяся совсем рядом, не пугает их. Не зря же говорят, что за каждым подвигом стоит или разгильдяйство, или безрассудство. По крайней мере это утверждение полностью справедливо по отношению к моему небольшому детскому подвигу...

Мои детство и юность прошли в Краснодаре. На самой его окраине. Я жил в микрорайоне, который стоял прямо на берегу реки Кубани. Местные жители называли микрорайон «посёлком» — настолько он не был похож на часть краевого центра, которым был и остаётся Краснодар. А когда кто-то ехал в центр, скажем, на рынок, то говорил: «Поеду в город».

От окраины нашего посёлка начиналась неровная грунтовая дорога. С одной её стороны были огороженные колочей проволокой поля научно-исследовательского института, а с другой — берег реки. Чуть дальше от посёлка между рекой и дорогой возникала лесистая пойма, разрезанная множеством тропинок. Этот лес в некоторых местах был довольно густым, с деревьев свисали лианы. Но заблудиться в нём было невозможно — куда бы ты ни пошёл, рано или поздно выйдешь либо к реке, либо к дороге. Однако нам — детям — этого леса хватало на целый день серьёзных и весьма опасных приключений: мы совершали экспедиции, летом купались, к Восьмому марта приносили своим мамам первоцветы, синенькие такие, мелкие цветочки, по-научному — пролески... Недалеко от берега было несколько островов — заросших травой и деревьями кос. Один назывался то ли Свиначим, то ли Свинечным, старожилы не могли договориться по этому поводу, другой — почему-то Третьим. Информацию о том, существовали ли когда-нибудь Второй и Первый, история не сохранила. Ещё один остров не назывался никак, возможно, он и являлся когда-то одним из них. До Третьего острова можно было добраться по песчаной дамбе, до других — только вплавь.

Наша компания состояла из четырёх человек. Заводилу звали Денис. Хоть он и был на

год младше остальных трёх, он признавался ими как авторитет. Денис тогда учился, кажется, во втором классе, а мы соответственно в третьем. Отца у него не было, а мать водила туристические группы по Кавказу. Он жил с бабушкой и старшей сестрой и весь день оказывался предоставлен сам себе. В нашем пятиэтажном четырёхподъездном доме все его звали «Дикий Денис». Он был настоящим героем, отчаянным смельчаком. Самый быстрый, самый ловкий, самый лихой. Я старался ни в чём ему не уступать, но какой-то лихости мне всё же не доставало, сказывалось интеллигентское воспитание, родители — научные сотрудники. Вовка тоже тянулся за нами, но поспевал не всегда. Игоря можно было бы считать несколько трусоватым, но теперь-то я понимаю — просто он был более всех нас ранимым... При этом он часто проявлял изрядную хитрость. Себе на уме, он даже внешне походил на эдакого лисёнка. А вот Вовка был прямым и открытым и из-за этого частенько страдал. Он носил очки, и над ним по этому поводу часто издевались.

Все мальчишки в посёлке играли в «банки». Правила этой игры довольно сложны. У всех игроков — палки. Кто уж себе какую вырежет. На половинку кирпича ставилась жестянка из-под кабачковой икры или зелёного горошка. Один из игроков

её стережёт, это называлось — «мается». Остальные по очереди кидали палки, стараясь сбить банку с кирпича, а потом бежали гурьбой за своими палками. Цель «сторожа» — вернуть жестяную мишень на место, а потом не только «замаять», то есть коснуться палкой игрока, но самому же сбить банку с кирпича. Тогда тот, до кого дотронулись, становился «мающимся». Существовала сложная система позаимствованных у картёжников «званий», которыми награждались игроки — в зависимости от того, сколько раз сбили банку... Валет, дама, король, туз, а потом почему-то — император. Кого-то можно маять с палкой в руке, кого-то — без неё, кто-то был уязвим до черты с банкой, кто-то — за ней... Если «мающийся» оказывался недостаточно ловок, он мог оставаться при банке до поздней ночи. Если же ему нужно было домой, его «катали на красном коне» — сажали верхом на несколько палок и сильно трясли. Было довольно больно... Вовку часто «катали на красном коне», катали до слёз. Очки летели на траву, потом туда же под общий хохот летел и сам «наездник»... В общем, парню часто доставалось от мальчишек посёлка. Его дразнили Вова-незадача.

А ещё мы четверо играли в индейцев. Нет, не так. Мы были индейским племенем. Денис признавался всеми как вождь, я — как шаман. Игорё и Вовка являли

собой всё остальное племя. Луки мы делали из молодой поросли гледичии. Есть на юге такое дерево — у него абсолютно ровный ствол, и прямо из него растут багрово-малиновые острые колючки, а ветви начинаются где-то высоко — для лука лучше не придумаешь. Стрелы мы делали из рогаза. К одному концу крепили наконечник из срезанной с консервной банки и свёрнутой конусом жести, а в другой вклеивали подрезанное перо — чаще всего грача. Правда, гледичию в посёлке называли «акацией», рогаз — «камьшом», а грача — «вороной». Кстати, пасхальный кулич там называли и, вероятно, называют до сих пор «пасхой». Разница в том, что творожное кушанье, называемое пасхой в средней полосе России, на Кубани не делали, а вот настоящие акация, камыш и грач там всегда водились. Ну, это к слову...

Вот такое у нас было племя: Дикий Денис, Вова-незадача, Игорёк и я. Меня звали Длинный — за высокий рост и худобу. У меня был отличный ярко-оранжевый лук — такой цвет приобретает кора гледичии, когда хорошо подсыхает. Он легко добивал до балкона пятого этажа, а то и выше. Тогда у нас вообще высота чего-либо измерялась пятиэтажками...

Но однажды нам наших луков показалось мало. Денис то ли сам смастерил, то ли раздобыл где-то самопал. В других районах их

ещё называли «поджигами», но у нас — самопалами. Стальная трубка загибалась с одного конца, и в неё заливалось немного расплавленного свинца — для надёжности. Получившееся дуло крепилось на приклад, выпиленный из доски. Возле сгиба делался пропилен. Самопал готов. В дуло забивался порох, потом засовывался комок газеты, который играл роль пыжа, за ним сыпалась дробь и — снова газетный пыж. Пропил присыпался серой от спичек. Всё, можно стрелять. Подноси спичку, отводи подальше руку и, желательно, зажмуривай глаза...

Испытывать самопал мы пошли на Кубань, подальше от жилья. Была зима, подморозило, и даже выпал несчастый в Краснодаре снег.

Рядом с нашим посёлком было два крупных НИИ, поэтому жили в нём в основном семьи научных сотрудников, так что особенного хулиганства не было. Но рядом был комбинат строительных материалов, в просторечии рубероидный завод, с соответствующим контингентом молодёжи. Рубероидских боялись. Хотя сейчас я вспоминаю, ну что они могли сделать? Ну дать пинка, ну отпустить затрепину, ну вывернуть карманы... Дралась тогда до «кровянки», не дольше, а поножовщины не было совсем. Беспредел, когда ходили стенка на стенку с топорами и цепями от бензопилы

«Дружба», начался гораздо позже. И всё же рубероидских боялись. Хотя если нечего взять, то и не особенно боялись... Но тогда у нас был самопал, и мы его терять никак не хотели. Поэтому всё связанное с ним мы тщательно попрятали на себе. Собственно, самопал мне как самому высокому засунули в рукав пальто. Дробь тоже досталась мне — как сейчас помню, я обнаружил дырочку в своей шапке-ушанке и засыпал туда мелкий боеприпас. Доставать её было труднее, чем засовывать, — остатки дроби потом долго пересыпались внутри моего головного убора... Порох где-то у себя спрятал Денис, а «пыжи», то есть попросту газету, схоронил за пазухой Игорь. Вовку почему-то обделили — ну не везло ему, что тут поделаешь. И мы пошли.

Сама Кубань-река полностью не замерзает никогда, но протоки между берегом и островами в тот год промёрзли основательно. Это открытие увлекло нас даже больше испытания самопала. Мы решили выйти на лёд. У берега он был слишком тонок, но мы нашли гатку. Так — в уменьшительно-ласкательной форме от устаревшего и диалектного слова «гать» — назывались на Кубани небольшие низкие причалы, сделанные из воткнутых в дно кольев, переплетённых прутьев, а также глины, заполнявшей пространство между ними. К гаткам можно было

причаливать на лодке, с них можно было рыбачить.

Гатка уходила от берега метров на пять—семь — там лёд уже был прочным. Этим мы и воспользовались. Мы ходили по льду между берегами и наслаждались этим приключением. На льду было много птичьих следов — грачей, уток, каких-то ещё птиц... А потом мы поссорились. С чего всё началось, я уже не помню. Наверное, Денис неудачно пошутил над Игорем. Тот обиделся и повернул назад. А мы остались веселиться на льду.

Игорь долго шёл вдоль берега, ища возможности миновать зону тонкого льда — от нашей гатки мы отошли довольно далеко. Потом он обнаружил вмёрзшую в лёд лодку и сошёл по ней на сушу. А мы в это время решили всё-таки испытать самопал. И не просто так, а с особой лихостью — выстрелить из него прямо в лёд у себя под ногами. Нас интересовало, что тогда будет...

Скажу сразу, мы этого так и не узнали. Вместе с Игорем на берег ушли наши «пыжи» — газета осталась у него. Вовка вызвался догнать обиженного приятеля — судя по всему, он с ним не поссорился — и вернуть недостающий элемент боекомплекта. Он побежал, а мы остались изучать следы на льду.

Время от времени мы посматривали: как там наши приятели. Игорь шёл по берегу, Вовка

догонял его по льду. Так продолжалось несколько минут. И вот очередной раз оторвав взор ото льда, я увидел такую картину. Уже на самых подступах к берегу Вовка поскользнулся. Его ноги как-то странно подлетели вперёд и вверх, он согнулся в воздухе примерно под девяносто градусов и, упав на пятую точку, ставшую вершиной этого угла, пробил лёд.

Жуткий, хриплый и абсолютно незнакомый крик разрезал зимнюю тишину. Спустя четверть века я помню его. «Пацаны! Тону!» — кричал Вовка. Мы с Денисом бросились к нему на помощь.

Игорь был совсем недалеко, Вовка почти догнал его, но их разделяла полоса тонкого льда. Ни лодки, ни гатки поблизости не было. Вовка пытался вылезти, подтягивался на руках, но лёд с треском кололся, и он опять уходил под воду с головой. Игорь бессильно бежал по берегу и причитал: «Вовочка, держись! Вовочка, держись, пожалуйста!»

Бежать по льду, да в зимней одежде, было довольно трудно. Денис заметно вырвался вперёд — на мне было длинное пальто, а в рукаве злосчастный самопал. Когда мы подбежали, Вовка уже изрядно расширил свою полянью. Не ожидая спасения от Игоря, он ломал лёд по направлению к нам с Денисом, а это значит — на глубину. У Вовки

явно была истерика, и неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы расстояние между нами было больше.

Денис, конечно, подбежал раньше меня. Он не задумываясь протянул Вовке руку, дёрнул на себя и... начал сам уходить в поляню. Но тут подросел я и схватил его за куртку. Ему пришлось бросить Вовку, который уже был совсем невменяем — он ломал лёд прямо у нас под ногами. «Самопал!» — крикнул я Денису и протянул ему оружие. Он сунул приклад Вовке, потянул за дуло, я потянул его за куртку. Когда мы выгнали Вовку на лёд, у него уже не было сил шевелиться. Он волочился, словно тряпица, приставшая к прикладу самопала. Вот ведь как пришлось его применить. Не выстрелило наше самодельное ружьё, но все же службу сослужило...

Больше приключений в тот день не было. Куда уже больше! Даже невезению Вовы-незадачи был предел. Вместе мы быстро нашли подходящую гатку, выбрались на берег и трусцой, чтобы не дать Вовке замёрзнуть, побежали домой. Родителям он сказал, что упал в лужу, — даже серьёзного скандала не было...

Наше племя просуществовало довольно долго. Однако через несколько лет мать Дикого Дениса получила квартиру в другом конце Краснодара, и он исчез с нашего горизонта. Да и мы уже

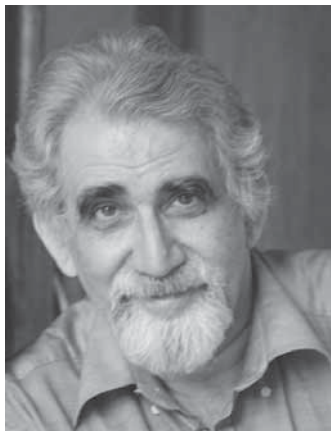
повзрослели — какие уж индейцы... Мы учились в старших классах, когда повесился Игорь. Он тоже рос без отца, жил с матерью в малосемейном общежитии. История тёмная, говорили разное — и про какие-то долги, и про наркотики... Мать лежала в больнице, он был один. Повесился на дверном косяке. Действительно странно — трудно себе представить щуплого восьмиклассника, который висит на короткой верёвке и держит ноги согнутыми в коленях, пока не наступит удушье. Как ни был он хитёр, а жизнь перехитрила его...

С Вовкой-незадачей мы доучились до десятого класса. Уже не так дружили, как прежде, но продолжали общаться до самых выпускных. Потом я уехал в Москву и поступил во ВГИК, а он с головой окунулся в перестроечный беспредел. Занимался мелким бизнесом, переходящим в криминал. Был довольно лих, женился на прекрасной блондинке. Потом вдруг резко уверовал в Бога и ушёл из криминала и бизнеса. Сейчас строит церкви и растит сына. Мы с ним иногда видимся, когда я оказываюсь в Краснодаре. Вову-незадачу не узнать. Крупный солидный мужчина, в машине диск с проповедями Андрея Кураева. Собственными руками строит церкви... Как будто он за детские годы избыл весь объём неудач, положенных ему на жизненном веку.

Однажды он мне рассказал про Дикого Дениса. Тот тоже женился, но неудачно — от этого запил. Как-то вернулся пьяный, жена его не пустила в дом — он начал ломиться, тёща вызвала милиционеров. Те так отделали его дубинками, что теперь он едва ходит и ещё хуже соображает. Переломали все руки-ноги, проломили голову. Вовка встретил его в церкви — мать привела в надежде на чудесное исцеление. Бывшего друга он не то чтобы не узнал — просто не заметил... Вовка за него

помолился. Как, наверное, он молится иногда и за покойного Игоря. Как, определённо, молится и за меня, безрезультатно ищущего в столице творческих успехов, не сумевшего построить семьи и оттого сильно пьющего... Иначе почему меня до сих пор хранит Бог? Его заслуга...

Чехов, конечно, прав. Это я как несостоявшийся драматург знаю хорошо. Но всё-таки прав он не совсем: не каждому ружью доводится выстрелить. Как часто порох юности не даёт вспышки. И наоборот.

ЛЕВОН ОСЕПЯН

УМЕРЕТЬ В ПАРИЖЕ

Рассказ

Левон Оганесович Осепян родился в 1952 году в Ереване. Окончил энергетический факультет Азербайджанского института нефти и химии. Работал в Рязани, Тюменской области, Москве. Прозаик, поэт, драматург, эссеист, переводчик, фотохудожник, издатель. Редактор альманахов «Меценат и Мир», «Арагаст». Орг-секретарь Союза российских писателей, член Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП). Награждён грамотой Министерства культуры РФ за большой вклад в развитие культуры (2011), званиями и отличиями различных общественных организаций России. Автор персональных фотовыставок в Крыму, Ереване, Польше, Шри-Ланке, Украине, Словакии, Китае, Латвии, Израиле. Живёт в Москве.

Пролог

До поздней осени 2015 года я ни разу не был в Париже, да и вообще во Франции.

Не складывалась поездка туда, хотя душа рвалась, да и фотоаппарат звал!.. И ох, как звал!..

Но всегда что-нибудь мешало...

На самом деле и в этот раз я собирался вовсе не в Париж, а в Рим...

Но там не сложилось с ночлегом, и я поменял планы.

У меня оставался только месяц Шенгена, и надо было использовать визу хотя бы ещё один раз — это важно, дополнительная поездка в Европу без приключений, без попыток остаться в ней на нелегальном положении, — всё это в плюс при получении Шенгенской визы в следующий раз! И появлялись шансы на больший срок визы!

Да и желание наконец увидеть Париж, о котором много читал и был напичкан рассказами своих друзей, бывавших в нём не один раз...

Итак, решено: в Париж, и точка.

Самый удобный, но и рискованный (на обратном пути) рейс был с пересадкой в Амстердамском аэропорту.

В Париж — ещё ничего, времени хватало на нормальную пересадку, но вот на обратном пути между прибытием рейса из Парижа и отправлением рейса Амстердам—Москва на всё про всё оставалось всего 45 минут!..

Конечно, я понимал, что это нереально! Успеть за столь короткое время совершить пересадку, при этом нужно было выйти из самолёта, добежать до границы, пройти фэйс-контроль, потом добраться до зоны осмотра и далее — в зону посадки, ещё там отстоять очередь. Нет, это совершенно невозможно! Я уже подумывал где-то осесть на ночь на обратном пути, а заодно посмотреть город...

Мои опасения начали сбываться уже на пути в Париж! Мы прилетели с опозданием в Амстердам, потом наш самолёт откатили на какую-то дальнюю стоянку, на которой промурыжили минут сорок! Поэтому до зоны паспортного контроля пришлось добираться минут двадцать, не меньше!.. Столько же времени пришлось отстоять в очереди до пограничников —

народу в ней было немало! Ой, как немало!..

Словом, весь такой прочный запас времени растаял, и я еле успел на свой самолёт...

На свой самолёт, летящий в Париж...

Впервые я столкнулся со смертью в году 55-м. Умерла моя бабушка. Известный в Тбилиси лекарь — к ней ходили лечиться жители целого квартала в центре города, рядом с Дезертирским рынком. Помню только поминки, так как был очень мал: года два с половиной, не больше...

Народу собралось много, и было довольно шумно... Но никакого ощущения смерти я не почувствовал, только ползал повсюду, в том числе и под столом, играл, видно, с такой же малышкой...

Картинки из прошлой жизни пролетели быстро, и очнулся я в кресле самолёта уже в Париже...

Первый день в Париже

Знакомого моей жены, у которого должен был остановиться, среди встречающих я не обнаружил.

Поскольку он обещал встретить, я решил пока не дёргаться и никуда не ехать, справедливо полагая, что и в Париже бывают пробки. И действительно, минут через 15 Денис появился и на своей машине довольно быстро домчал до своего района.

На самом деле Париж — город небольшой.

Место, где я остановился, считается предместьем Парижа, но там есть станция метро, кстати, несуразная, поскольку не имеет перехода с одного перрона на другой; и если человек ошибается, а такое бывает, ему приходится тратить ещё один билет, чтобы всё-таки уехать из этой ловушки...

Отсюда до центра города и всего-то шесть километров.

При желании можно и пешком пройти! Но это надо знать дорогу, чтобы не плутать...

Вечером я выбрался в город.

Вышел из метро у острова Ситэ, рядом с местом, где по преданию 18 марта 1314 года был сожжён Великий Магистр ордена тамплиеров Жак де Моле, проклявший перед смертью короля Филиппа Красивого и его сообщника Папу Римского Климента V¹. Именно отсюда я сделал свой самый первый снимок в Париже².

Как-то сразу почувствовал, что это мой город, мне нравилось в нём, и я бы мог жить здесь...

Я успел сделать ещё несколько снимков на острове Ситэ, в том числе и свой известный

автопортрет на фоне собора Парижской Богоматери (Нотр-Дам де Пари), отражённый в витрине магазина. И вдруг совершенно неожиданно начался ливень, да ещё какой! Я промок до нитки! Я очень хотел домой, но у Парижского метрополитена были свои планы на этот счёт: мы проехали одну остановку и проторчали на станции минут десять, проехали ещё остановку и застряли минут на тридцать... Казалось, время остановилось!.. И я ещё не знал, что это предзнаменование...

Город хотел вытолкнуть меня отсюда, уберечь от грядущих потрясений и смертельной опасности...

История, случившаяся в одном средневековом городе

Однажды в одном средневековом городе некоему ремесленнику нагадали, что он сегодня умрёт, если не покинет город до закрытия ворот.

Страшно перепугавшись, он срочно продал своё имущество и побежал к городским воротам. Но время истекало, он бежал изо всех сил, а ворота уже начали сдвигаться, ещё чуть-чуть — и они закроются... Невероятным усилием воли он прыгнул в ворота и смог-таки протиснуться между створкой ворот и стеной и оказаться за пределами города.

Ремесленник облегчённо вздохнул, но тут увидел странную фигуру дамы в чёрном с

¹ После этого проклятия Папа Римский умер через 33 дня, а Филипп Красивый — через полтора года.

² Именно этот снимок использован в оформлении 1-й страницы обложки книги («Умереть в Париже»).

косой, которая, ехидно усмехнувшись, мерзким голосом сказала:

— А я думала, что сегодня ты уже не успеешь!..

Воспоминания о выставке в музее, организованном Ольгой Свибловой

При открытии нового здания Мультимедиа Арт Музея, Москва (МАММ) — того, что на Остоженке, 16, меня поразила больше всего выставка из полицейских архивов США. Особенно две фотографии. На одной из них была видна лежащая фигура убитого гангстерами мужчины, который не подчинился их приказам лечь, как сделали все остальные. Почему он поступил именно так, теперь не узнать... Но он выбрал свою Судьбу — Смерть, не имея к тому каких-либо оснований... Всего только Миг — между Жизнью и Смертью...

На другой фотографии полицейского фотографа, на улице у моста (кажется, в Нью-Йорке), лежал труп человека, убитого ночью или ранним утром. Другие полицейские стояли рядом, видимо, ожидая приезда начальства...

Кадр был необыкновенно красив, и, как это ни звучит дико, очень романтичным. Мастерство фотографа поражало! Во всяком случае, я не видел такого гениального сплетения Жизни и Смерти в единую ткань!..

Хасидская история о кладе

Однажды рабби Айзик из Кракова во сне получил указание отправиться в Прагу и найти под мостом клад. Рабби Айзик, в конце концов решивший отправиться в путь, услышал от охранявшего мост солдата, что ему тоже приснился сон о сокровище, спрятанном под печкой в доме еврея по имени Айзик, проживающего в Кракове, но он (солдат) не настолько глуп, чтобы в это поверить. Рабби Айзик вернулся домой и нашёл под собственной печкой клад.

Рабби Айзик должен был решить, как поступить: поверить сновидению или отмахнуться от него. Он решил отправиться в путь, то есть поверить, что, невзирая на беспросветную его нищету, он может надеяться на лучшее; надеяться, что жизнь даст ему новые возможности преуспеть. И, действительно, поездка оказалась успешной: оказавшись в Праге, он узнал, что его действительно ждёт сокровище, причём прямо дома, в Кракове. Однако у этой истории есть и другая мораль: если бы не эта дальняя поездка, клад так и не был бы найден.

Я бы прокомментировал эту историю так: доверяй своей интуиции, ибо ответы на твои вопросы сумеешь найти там, куда она приведёт...

Мадемуазель Кристиан Пойне, студентка юридического факультета, Париж, Франция, 1944 год.

Фото из прошлого в будущее...

Однажды в просторах Интернета мне встретилась эта фотография, парижская, снятая Кристианом Пуйком более 70 лет назад. Мог ли я подумать, что в ноябре 2015 года я вспомню о ней при очень трагических обстоятельствах и именно в Париже. Эта необычная фотография, словно герой литературного произведения, кричала о торжестве Жизни над Смертью!..

Последний день в Париже

Утром следующего дня я должен был возвращаться в Москву. А между тем я ещё не

посетил Музей Д'Орсэ с картинами импрессионистов и постимпрессионистов, хотя в этом музее достаточное количество прекрасных работ и художников реалистов. Замечательный музей!..

Да и знаменитый Люксембургский сад обязательно надо было увидеть в этот последний день...

Да и прогуляться по вечерним улицам Парижа на прощанье не помешало бы...

С утра я отправился в музей, где провёл не менее шести часов, а потом отправился в Люксембургский сад, где меня поразила абсолютная безмятежность, наслаждение жизнью в самых простых её проявлениях...

На фотовыставке
авторских работ
Левона Осепяна
в Оренбурге

**«Вхождение
в ночь»
Флоренция.
Италия**

**В Вавельском
замке. Краков.
Польша**

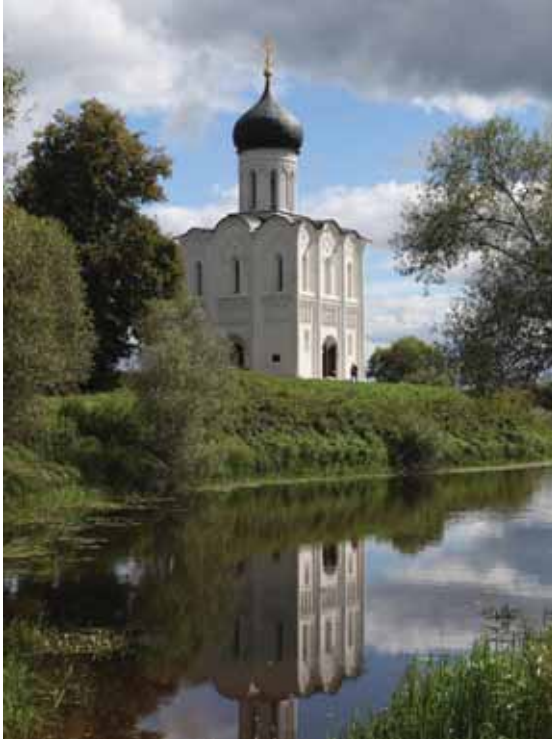

**Вид на башню на
площади Святого Марка.
Венеция. Италия**

**Туман в Гарни.
Армения**

**Новый мост в
Иерусалиме.
Израиль**

**Вид на церковь
Покрова на Нерли
близ Владимира**

**Портрет художника
Мартироза Бадаляна.
Армения**

Впервые воочию увидел игру в железные шары и наблюдал за ней с полчаса, как начало вечереть, и я поспешил пройтись по саду, чтобы и осмотреть его, и поснимать³...

И тут начались первые неприятности этого дня.

Появились охранники и свистками стали отгонять (точнее, выдавливать) людей к главному выходу... Сад закрылся.

С сожалением я покинул это прекрасное место...

Как я уже писал, центр Парижа можно исходить пешком без всякого труда, что сильно мне помогало в моих непредсказуемых передвижениях по улицам столицы Франции.

В этот раз в районе девяти вечера я оказался на углу улиц Биша (Rue Bichat) и Алибер (Rue Alibert). Уже изрядно изголодавшись, я зашёл в бар Le Carillon, но не успел даже выбрать еду и взять чашечку кофе, как раздалась очередь из автомата по посетителям кафе.

Это была одна из атак террористов ИГИЛ, которые устроили в этот вечер в Париже ряд акций устрашения, в результате которых погибли сотни ни в чём не повинных людей.

Я лежал на полу среди прочих посетителей кафе, надеясь как всегда на авось, на везение, без оружия, не имея возможности ответить этим мерзавцам-террористам как надо было бы — до полного уничтожения этих уродов...

Я вспомнил Старуху из средневековой байки: её мерзкую ухмылку и косу, которой она замахнулась на всех нас, этого бедолагу из банка, лежащего на полу, труп убитого под мостом в Нью-Йорке, наконец, очаровательную жизнеутверждающую девушку из парижского кафе на фоне простреленных витрин...

Пули летели над нами, и мы прижимались к полу всё сильнее и сильнее...

И тогда я наконец понял, что приехал сюда не только для того, чтобы увидеть Париж, но и умереть в нём...

---

³ Серию моих фотографий «В Люксембургском саду» можно увидеть на моей странице в Фэйсбуке.

Сергей ТРАХИМЁНОК

ЗЕМЛЯКИ- СИБИРЯКИ

Рассказы

Сергей Александрович Трахимёнок родился в 1950 году в городе Карасуке Новосибирской области. Окончил Свердловский юридический институт. Доктор юридических наук, профессор. Член Союзов писателей России и Беларуси. Автор тридцати книг, вышедших в издательствах Минска, Москвы и Санкт-Петербурга, четырнадцати кино- и видеофильмов, снятых по его сценариям. Обладатель «Золотого купидона» – национальной литературной премии 2008 года (Беларусь), лауреат литературной премии Уральского федерального округа 2012 года (Россия), дипломант национальных кинофестивалей в Бресте (Беларусь-2007), «Бородинская осень» (Россия-2008), фестиваля спортивных фильмов в Липецке (Россия-2012). Живёт в Минске.

ИГЛА В КВАДРАТЕ

Санитарка, которую все звали в отделение Семёновой, грузная и неповоротливая тяжёлая женщина, которая, казалось, не могла стоять на ногах, не опираясь на швабру, закончила наконец уборку в процедурном кабинете. Алёна включила кварц, затем закрыла дверь кабинета на замок и, проходя мимо поста дежурной медсестры, отдала ключ, предупредив, чтобы та не забыла через полчаса отключить кварцевый аппарат.

На выходе из отделения её встретил больной Катуковский, он же Каток. Неделю назад его привезли, как говорила Семёновна, никакого. Но уже через два дня он оклемался, начал ходить, показав всем свой прилипчивый характер. Молодой, языкастый с татуированной

печаткой на безымянном пальце правой руки, обаятельной улыбкой, сквозь которую, однако, едва просматривалась лёгкая ирония, он завязал знакомство с большинством женщин в отделении, каким-то чутьём безошибочно определяя тех, кто действительно нуждался в мужском внимании.

— Уже линяете? — спросил он ириво.

— Да, — холодно ответила Алёна.

— Куда мне позвонить?

— В Новинки...¹

Каток сделал коленце, видимо предполагая, что этим оказывает знаки наивысшего внимания и уважения.

— Ну, тогда до завтра...

— До завтра — сказала она ему, понимая, что попытки установить с ней контакт были связаны вовсе не с интересом Катка к ней как к женщине. Его, скорее всего, интересовало содержимое маленького отделения сейфа процедурного кабинета, в котором вместе с ампульной наркотикой хранились и таблетки кодтерпина.

Закрывая дверь отделения, Алёна заметила, как Каток эковской походкой покатил к посту дежурной медсестры. Манёвр этот был преждевременен. Сестра, конечно, пошлёт его подалее. Она не станет болтать с ним днём: в ординаторской

врачи, да и завотделением, ушедшая к главному на совещание, вот-вот должна была появиться обратно.

Спускаясь по лестнице в вестибюль, она поймала себя на мысли, что переключение внимания Катка на другой объект слегка уязвило её. Однако уже на улице забыла и Катка, и коллег по работе. Впереди были домашние заботы.

Алёна забежала в гастроном возле универсама «Беларусь». Обычно продукты она покупала на Комаровке². Времени на это уходило больше, но продукты там были дешевле.

— Проигрываешь в расстоянии, выигрываешь в ценах, — говорил сын Виталька, студент политеха, который вчера уехал с друзьями в Брест. И, следовательно, ей нельзя было долго задерживаться на работе.

Втиснувшись в трамвай, она проехала три остановки и пересела на автобус, идущий на юго-запад. На её счастье, это был экспресс. Значит, скоро она будет дома. Тут она хлопнула себя по карману и вспомнила, что забыла на столике в процедурном камфорное масло.

— Может быть, дома осталось чуть-чуть, — вслух произнесла она, понимая, что не сможет забежать в аптеку. Лимит её отсутствия дома уже истёк.

---

¹ Новинки — психиатрическая больница

---

² Комаровка — центральный рынок в Минске

С большой хозяйственной и маленькой дамской сумочками она простояла в проходе две остановки, пока не освободилось место рядом с окном. Алёна плюхнулась на освободившееся место, краем глаза заметив бабульку, которая была явно недовольна этим. Та с неприязнью смотрела на Алёну. А затем, чтобы в какой-то мере оправдать эту неприкрытую неприязнь, произнесла, ни к кому не обращаясь.

— Понаехали тут...

И хотя фраза не была окончена, всем было понятно, о чём идёт речь. Её не первый раз относили к лицам «кавказской национальности».

Алёна не обиделась. Она вспомнила, как у них в отделении лежала Галия Ахметова, которую две старушки из Логойска подвергали такой же обструкции.

Галия искренне возмущалась и говорила, что она белоруска, на что у старушек был один аргумент:

— Якая ты беларуска, — говорили они, — ты на сябе пагляди...

Старушкам было до лампочки то, что их оппонентка родилась в белорусском селе и является белорусским языковедом.

Вспомнив всё это, Алёна улыбнулась. Улыбка эта совсем вывела бабульку из себя. Однако, не чувствуя поддержки окружения, она не стала зубатиться дальше, а пошла в

голову салона, что-то ворча себе под нос.

За кавказку её принимали не только белорусы. Однажды на центральном рынке какая-то чеченка стала говорить о родной крови и предлагать по дешёвке маринованный чеснок. Алёна еле отвязалась от настойчивой «одноплеменницы».

Впрочем, возможно, предки её и были кавказских кровей, но где-то ещё до пятого колена. Об этом Алёне говорила бабка Макрына. А ещё она говорила, что дед Алёны был вылитый джигит, хотя и родился на Полесье.

Перед самым освобождением Белоруссии его расстреляли немцы, за то, что он спас четырёх детей во время карательной операции.

Было это в деревне под Пинском. Там же был у Алёны дом, который её сёстры называли фамильным. И в котором она не была уже много лет.

Из трёх сестёр она, как тот зелёный горошек, по которому изучают особенности наследственности, единственная пошла в деда. Но в деревне никто не обращал внимания на то, что одна из внучек Макрыны форменная горянка. В столице же — другое дело... Впрочем, и в столице такое стало случаться в последние годы...

А четверть века назад, когда она приехала поступать в медицинский институт, всё было по-другому. Будь ты хоть негром преклонных годов, никто

тебе вслед не пробурчит афоризм «пра малпу³, якая ещэ и гаворыт...»

В институт она не поступила и с теми же баллами пошла учиться в медучилище, памятуя о том, что самый лучший генерал тот, кто начинал службу с младших чинов. Закончив училище, она вышла замуж за своего ровесника Аркадия, который тогда работал на городской АТС. Через год родила дочь, а спустя три года — сына. И всё было нормально, как у людей, если бы не извечная бабья беда: муж стал пить, и они развелись.

После развода мыслей об институте уже не возникло. Закрутили домашние хлопоты. Детей надо было обуть, одеть, накормить, проследить, чтобы старшенькая не съехала на тройки, а младшенький не попал в дурную компанию.

Аркадий совсем исчез из её жизни. Правда, однажды всезнающие соседки сообщили, что он женился. Но вторая женитьба не изменила его. Пил он по-прежнему и всё больше развивалась в нём черта, которая когда-то была совсем незаметной. В подпитии он, хотя не был агрессивным по натуре мужиком, всегда влезал в споры и разборки собутыльников, а иногда и случайных лиц. Впрягался, как он сам когда-то говорил. Видимо, в одно из таких впряганий получил он по

голове железной трубой, а упав, ударился о бетонный поребрик основанием черепа.

Те же соседки сказали Алёне, что он находится в девятой больнице парализованный и потерявший дар речи.

Новая жена не стала забирать его из больницы, и Алёна с младшеньким перевезли папу домой, где он поселился в одной из комнат их двухкомнатной квартиры.

Дети под руководством Алёны быстро выучили ритуал обслуживания отца. Дать пить, покормить, по часам перевернуть. А уж массаж, камфорные протирания и всё остальное делала она сама. В силу невозможности долго отлучаться из дома, Алёна перестала ездить к себе в деревню, да и вообще куда-либо выезжать за пределы городской черты. И наверное, в качестве компенсации этой добровольной тюрьмы, стены которой то совпадали со стенами квартиры, то с кольцевой дорогой Минска, она вернулась к одному из своих детских увлечений.

Зарплаты постоянно не хватало, и она подрабатывала, делая инъекции на дому. У неё была лёгкая рука. Пациенты ей доверяли. Впрочем, известность «мастера иглы» она приобрела не сразу. Постепенно те, кто верил в её руку, распространяли слух, который Алёна не опровергала. Они говорили, что эта процедурная из рода полесских колдуний. Она может заговаривать зубы, а

---

³ Малпа (белоруск.) — обезьянка

уколы, сделанные ей, безболезненны. Для тех, кто этого ещё не знал, она применяла заморочки, выработанные годами практики. То шлёпнет по противоположной ягодице, то скажет какую-нибудь колкость. Но никто за это не был на неё в обиде. Уж лучше тебя предварительно уколёт острый язык, зато потом не почувствуешь боли от укола иглой шприца.

Молодые медсёстры пытались ей подражать, но чаще всего это им не удавалось, потому что пытались они копировать некую поверхностную сторону её поведения и разговоров с больными, ещё не отдавая себе отчёта, что главное в чём-то другом. Впрочем, в чём основа её мастерства, Алёна и сама не знала. Дал Бог талант, и на здоровье.

— Просто у меня большая практика, — говорила она тем, кто пытался выведать у неё секреты искусства.

С этим соглашались. Инъекций за свою жизнь она сделала не мало. Но не у всех количество переходит в качество. Взять хотя бы Нору Степановну — вторую дежурную сестру. Ей через год на пенсию. А больные воют, когда она входит в палату со шприцем в руках. Ну не создана её рука колоть, хоть ты убей, несмотря на то, что она так же, как и Алёна, всю свою жизнь только и делает, что колет.

Однако никто из сослуживцев и не догадывался, что практика

её была в другом. Детское увлечение, к которому она вернулась, было вышиванием. Но это были не те женские вышивки, которые барышни шестидесятих годов прошлого столетия делали при помощи ниток мулине и пялец.

Растянув на огромном квадрате основу, она вышивала голубены.

И этой неполой иглой она управлялась так же ловко, с таким же мастерством и с любовью, как с той, что имела наружный срез, внутренний канал и канюлю.

Готовя еду, убирая в квартире, массируя тело парализованного мужа, чтобы не было пролежней, и протирая его камфорным маслом, Алёна представляла себя маленькой девочкой, которой мать в тарелку манной каши положила ложку варенья. И она спешит съесть кашу, чтобы потом, не торопясь, насладиться лакомством. От этой работы-лакомства у неё не ныла спина, не болели руки, и сама работа выпадала из времени и пространства.

Вышивала Алёна без рисунка. Усаживаясь за станок, иногда не знала, что у неё получится. Но с первых же стежков выходило так, что она работала будто по матрице.

Вся прежняя жизнь до переезда в Минск словно отразилась в её голове и выплёскивалась на тканевую основу. Это были картинки полесского жития: густых

и мрачноватых лесов; лугов с разнотравьем, в котором преобладали жёлтые цвета; деревянной бани, хозяйственных построек, почерневших от сырости и времени; кривых ульев, той пасеки, за которую насмерть билась с сыновьями бабка Макрына, когда те хотели продать её вместе с усадьбой и забрать бабку в Пинск.

При всём этом картины эти нельзя было назвать реалистическими. Но каждый, кто смотрел на эти сочетания цветов, видел именно то, что видела она, только по своему, словно именно это сочетание служило неким толчком к собственному представлению о том, что было заложено в их содержании и названиях. «Луг» поражал буйством красок и, несмотря на то, что на картине не было ни одного цветка, зрители иногда перечисляли до десятка их названий. «Лето» — удивляло осязаемым зноем, тишиной, в которой ощущалось стрекотание кузнечиков. Фиолетовые краски «Зимнего вечера на Полесье» побуждали искать тепло у деревенской печки.

И только одна картина не была похожа на все её творения.

Она называлась «Взрыв». Это был причудливый разброс и переплетение красок, которые мгновеньем назад ещё были в центре картины. Непередаваемое ощущение мощи, которая сдерживалась некоей оболочкой, а затем разлетелась под влиянием ещё большей силы. И именно в этот момент игла художника

смогла зафиксировать и передать через краски эту мощь.

К ней ходили знатоки. Выражали удивление, что она не член Союза мастеров народного творчества. Иногда приходили представители из картинной галереи и предлагали приобрести некоторые из её работ. В последнее время стала звонить секретарша какого-то «бизнесмена Кондратьева», предлагая купить все картины оптом. Но Алёна вдруг заупрямилась. Ей почему-то показалось, что, продав картины, она ничего больше не создаст. И Бог, наделивший талантом, лишит её возможности творить.

Алёна поднялась на четвёртый этаж, открыла дверь квартиры ключом, и, не снимая обуви, прошла в комнату к Аркадию. Слава Богу, всё было в порядке. Обычно в дни, когда Виталька куда-либо отлучался, она просила дочь Варю присмотреть за отцом. Но вот уже два года та живёт с мужем отдельно. Оба зарабатывают деньги на свой угол и поэтому квартиру снимают в Фаниполе⁴.

Алёна зажгла маленькую лампочку ночника. Перевернула Аркадия на бок.

— Всё нормально? — спросила она его.

Он хлопнул в ответ глазами. Таким языком они пользовались с первого дня его возвращения в лоно бывшей семьи.

---

⁴ Фаниполь — посёлок под Минском

— Виталька уехал в Брест, — сказала Алёна.

Аркадий опять хлопнул глазами в знак того, что всё это ему известно.

— У, как ты зарос, — сказала Алёна и провела по редким волосам бывшего мужа, — в воскресенье будем тебя стричь. Лежи.

Она подоткнула под спину Аркадию две специально спитые плотные подушки, больше похожие на валики, и пошла на кухню готовить кашу.

Однако раздался телефонный звонок и ей пришлось вернуться в коридор и снять трубку телефона.

— Алёна Михайловна? — спросил женский голос.

— Да, — ответила она, узная секретаршу «бизнесмена Кондратьева».

— С вами будет говорить Игорь Павлович...

Семь лет назад она возвращалась домой с работы. Был вечер. Троллейбус, на котором она ехала, неудачно свернул с проспекта на боковую улицу и у него сорвалось то, что когда-то маленький Виталька называл удочками. Водитель остановил троллейбус, вышел из него и стал манипулировать верёвками, но что-то наверху заело, и он влез на крышу.

Пассажиры терпеливо ждали, пока эта процедура закончится, однако случилось неожиданное. Раздался хлопок, салон на мгновение озарился голубоватым

светом, и тело водителя, пролетев мимо окон салона, упало на асфальт. Пассажиры высыпали наружу и образовали круг, в центре которого находился бездыханный водитель.

В Алёне в этот момент словно что-то включилось, хотя она смутно помнит свои действия в той ситуации. Впоследствии «Вечорка» описала их весьма красочно. Оказывается, Алёна сказала всем, что она врач, послала одного из мужчин звонить в скорую, а сама начала делать водителю непрямой массаж сердца. Она никогда не делала этого в своей работе, но однажды была свидетелем, как у них в больнице американские врачи стажировали своих коллег в рамках терапии неотложных состояний на манекене. Сёстры называли этот манекен Ванькой и в отсутствие врачей пытались повторить действия реаниматоров.

Скорая прибыла через четверть часа, но Алёне удалось «запустить» сердце водителя в течение первых четырёх минут, и она могла законно гордиться тем, что именно она сделала всё, чтобы тот остался полноценным человеком.

Она уже забыла о случившемся. Но спустя месяц у дверей больницы её встретил тот, кого сослуживцы после публикации материала в «Вечорке» называли крестником. Он был в парадном костюме и с букетом цветов.

Потом они сидели в кафе «Сосны», пили шампанское

и оба испытывали неловкость, предчувствуя, наверное, что встреча эта может многое изменить в их жизни.

После этого они стали встречаться, так обозначили бы то, что произошло, её соседки. Разрываясь между заботами о больном Аркадии, детях, путаясь в конспиративных встречах, она тем не менее не бросала своего любимого занятия, хотя и уделяла ему внимание только ночью. И трудно было понять, что придаёт ей силы — новая любовь или старое увлечение.

Именно тогда появился «Взрыв». Картина, не похожая ни на одну её прежнюю работу. Впрочем, и последующие тоже.

Их роман или, как говорили в таких случаях сослуживцы, отношения продолжались два месяца.

В один из дней сентября, когда листья каштанов уже порыжели и наступило бабье лето, у дверей больницы её встретила женщина.

— Здравствуйте, — сказала она, — именно такой я вас и представляла. Я жена Николая.

Потом они сидели в кафе «Сосны» и совершенно спокойно говорили каждая о своём. Вероника, так звали жену Николая, не угрожала ей, не пыталась брать с неё клятв не разрушать семью. Всё было вполне пристойно. Разговор шёл о трудностях вообще. О проблемах воспитания двух девочек, фотографии которых тут же были извлечены из сумочки.

В конце этой встречи Вероника ещё раз поблагодарила Алёну за то, что она один раз уже спасла её мужа для её девочек. И пригласила при случае навестить их семью.

В тот же день Алёна позвонила другу Аркадия, который по-прежнему работал на городской АТС и попросила посодействовать быстрой замене номера её квартирного телефона.

Алёна приготовила кашу, покормила Аркадия, промассировала ему спину, перевернула на другой бок и снова ушла на кухню, чтобы уже поужинать самой.

Пока она делала это, мыла посуду, в голове вертелись слова «бизнесмена Кондратьева», который знает о квартирных проблемах Вари. И откуда он их узнал, прямо какая-то бизнес-разведка. Далее он сказал, что продажа картин по той цене, которую они стоят, может эту проблему решить.

— Ваш ответ? — спросил он.

— Я подумаю, — ответила Алёна.

Однако, когда она вошла в свою комнату и стала смотреть на стены, увешанные работами, решимость вдруг оставила её. Ей опять представилось, что, продав картины, она останется не только с пустыми стенами, но и никогда больше не сможет испытать это сладостное чувство, волшебный процесс, когда из ничего получается что-то.

Алёна провела кошмарную ночь и впервые за многие годы опоздала на работу.

Раздевшись в гардеробе больницы, она поднялась в отделение. В коридоре отделения ничего не было. Видимо, заведующая собрала врачей у себя, а средний персонал был уже в сёстринской. Открыв шкафчик в процедурном, она увидела, что сестра-хозяйка так и не заменила ей старый халат на новый. Но сейчас это было не главным, шестым чувством она понимала, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Запах грозы словно исходил от стен отделения. В дверях показалась сестра-хозяйка:

— Я принесу халат, когда всё успокоится, — сказала она, подтвердив худшие предположения Алёны.

— А что случилось?

— Вторая палата забастовала.

— Каким образом?

— Отказались колоться у Норы...

— Час от часу не легче...

Алена вошла в сёстринскую, когда старшая уже заканчивала то, что в отделении называлось разбором залётов. К опозданию Алёны, однако, старшая отнеслась благосклонно, как любящая мать к проступку любимой дочери.

— А вот и Алёна, — сказала она, — все свободны, кроме неё...

Сёстры быстрее, чем обычно, стали покидать кабинет старшей, из чего Алёна поняла, что

ей предстоит миссия, от которой многие только что отказались.

— Алёна, — сказала старшая, когда все вышли из кабинета, — нужно сделать утренние инъекции второй палате... После Норы девчонки туда боятся...

— Ну, надо так надо, — ответила Алёна словами популярной телерекламы, в которой лихой директор предлагает своим подчинённым работать без выходных...

— Вот и прекрасно, — ответила старшая, — за работу...

Алёна взяла на посту дежурной сестры листы назначений пациентов второй палаты, просмотрела их, положила, как в старые времена, на крышку от стерилизатора одноразовые шприцы и направилась во вторую, не без основания предполагая, что провокатором забастовки там был, скорее всего, Каток...

— Ну-с, — сказала она бодро, входя в палату, — начнём лечиться.

— Куда будем делать? — не преминул съязвить Катуковский.

Нужно было брать инициативу в свои руки, иначе ею завладел бы Каток.

— Языकाстым в язык, остальным в ягодицу, — безапелляционно сказала Алёна.

Закончив процедуры, Алёна направилась к дверям палаты. Но Катуковский не был бы самим собой, если бы позволил последнему слову не остаться за ним. Он развёл руками и произнёс иронически:

— Игла в квадрате.

В палате на это не отреагировали. Он был балабон, а балабон должен болтать и к месту, и не к месту — такая у него стезя. И только Алёна поняла, насколько точно определил её сущность Катов.

У процедурного кабинета уже скапливались больные. Алёна попросила их немного подождать, зашла в сёстринскую, набрала номер телефона Кондратьева и сказала, что продаст ему гобелены.

— Все? — спросил он

— Все, — ответила она. И, немного помедлив, добавила, — кроме «Взрыва»...

ЗЕМЛЯКИ-СИБИРЯКИ

Мы познакомились на пляже курортного посёлка у подножия знаменитого Аю-Дага. Пляж не был санаторным, а принадлежал поссовету, потому не имел присущего лечебным лоскам и по черноморским меркам был очень мал. В пространство между двумя бетонными волнорезами он с трудом вмещал сотню неорганизованных отдыхающих.

Неорганизованные боролись за место под солнцем, поднимаясь ни свет ни заря, чтобы застолбить прокатным лежаком небольшой участок на гальке. Случайно мой лежак оказался рядом с топчаном высокого мужчины, чем-то похожего на Спартака, точнее, на Кирка Дугласа,

когда-то сыгравшего эту роль в кино.

Мужчина был достопримечательностью пляжа. Он выделялся среди всех великолепным трёхнедельным крымским загаром и ещё более великолепной фигурой легкоатлета десятиборца с сухими рельефными мышцами. В фигуре этой было редкое сочетание мощи и изящества.

Когда мужчина шёл по пляжу или выходил из воды, за ним, как подсолнухи вслед за солнцем, поворачивали свои широкополые шляпки все дамы нашей галечной косы.

Но мужчина ни на кого не обращал внимания, и я был удивлён, когда он спросил меня:

— Сибиряк?

В голосе его мне послышался нездоровый интерес. Так спрашивают о редкой болезни или тайном пороке, и я чуть было не ляпнул глупую остроуту о каторжном клейме, которым помечены сибиряки, но в последний момент сдержался и ответил коротко, чтобы не продолжать разговор.

— Да.

Мужчина, видя мою ершистость, улыбнулся, и к дугласовской ямочке на подбородке прибавились ещё две ямочки на щеках.

— Не сердитесь, — сказал он, — любопытство моё от ностальгии... Я родился и вырос в Новосибирской области... служил на Дальнем Востоке...

Познакомились. Соседа моего звали Виктором. В Крым он приехал из Липецка.

Через час мы были с ним уже на «ты», а к вечеру того же дня я знал о нём больше, чем он обо мне. Объяснялось это тем, что говорил в основном он и говорил о прошлой своей жизни. Выходило так: лучшие годы он провёл в Сибири, лучшие люди — тоже в Сибири, и так далее.

Я посмеивался над ним, потому что со многими его доводами был не согласен, но он не обращал на это внимания.

— Вот брошу Липецк и уеду в Сибирь, — мечтательно говорил Виктор, — там жизнь...

Он приехал в Крым с женой и дочкой, но тем не понравился неорганизованный отдых, и они улетели к теще, а зять остался погреться на солнце ещё недельку.

Три дня мы вместе купались, загорали, ходили обедать в летнее кафе рядом с пляжем. На четвёртый день он пришёл поздно, когда все места на пляже были уже заняты.

— Улетаю сегодня, — сказал он. — Я разденусь у тебя?

— Конечно, — ответил я, — а почему так спешно?

— Дела, — произнёс он неопределённо и пошёл в море.

Искупавшись, вернулся ко мне и уселся на лежак. Помолчали. Он достал часы, взглянул на циферблат:

— Пожалуй, успею ещё раз искупаться.

— Разумеется, — ответил я,

хотя не знал, сколько времени у него в запасе, — всё хотел тебя спросить: как ты определил, что я сибиряк?

Виктор самодовольно усмехнулся:

— У меня дар ясновидения. Это мне в работе знаешь, как помогает? Приходит ко мне, скажем, малец лет семи-восьми и лопочет, мол, хочет заниматься лёгкой атлетикой... А у самого ручки-верёвочки, ножки-камышинки, от сверстников в развитии отстаёт... И данных у него нет, и наследственность ни то ни сё, а я вижу — из парня будет толк. Вижу, что работать он будет не в пример развитым однокласскам, и компенсирует отставание, и вперёд уйдёт, и к пятнадцати годам не сменяет лёгкую на дискотеки и прочие молодёжные развлечения... Вот так...

Я и профессию себе выбрал потому, что в себе этот дар открыл. Дар ясновидца... Это тоже, кстати сказать, в Сибири было... в Новосибирске...

— Ну про Сибирь потом, — перебил я его. — Ты мне скажи, как ты узнал, что я оттуда.

Он снова усмехнулся и ответил:

— По загару было видно, что ты приехал только-только. На пляж пришёл в начале седьмого, а выглядел как огурчик... Значит, ты приехал или прилетел оттуда, где трёх-четырёхчасовая разница во времени. Уловил? Во-вторых, загар у тебя был не

бронзовый, как в Крыму, а наш, сибирский, — красновато-чёрный.

Ну и в-третьих. Ты на отдых приехал, а на пляж ходишь, как на работу, — собранный, деловой. Не умеешь раскрепощаться, не умеешь отдыхать. Это тоже нам, сибирякам, свойственно. Понял?

— Да, — покачал я головой, — тебе психологом надо работать, а не тренером.

— Одно другому не мешает, — и опять начал говорить о Сибири. — Пятнадцать лет назад после срочной жил я у родителей в посёлке Чистоозёрное Новосибирской области... Отдыхал... Сам знаешь, как по дембелю отдыхать: спал до обеда, по вечерам — на танцы, дискотек тогда не было, с девчонками гулял до утра. Не сморчок в стакане был — старшина первой статьи, в общем, вёл ту жизнь, о которой на флоте три года мечтал. Жил без забот. Правда, мыслишка одна тревожила: а что потом, что дальше? Но я её гнал от себя. Авось, на что-нибудь решусь. Учиться пойду или работать... Была бы шея...

Ну вот, сижу я как-то дома, и ко мне, как смерч, врывается тренер поселковой ДЮСШ Коля Братов, весь из себя деловой... Он старше меня года на три был, к тому времени физкультурный техникум закончил и уже пару лет отработал в школе.

Коля был местным пижоном. Роста он небольшого и, как большинство коротышек, старался выглядеть выше — носил туфли на огромных каблуках. Даже в жару не снимал светлый кримпленовый пиджак, полы которого по тогдашней моде были вечно расстёгнуты и обнажали широкий, как лопата, красный галстук. Уже значительно позже, когда смотрел в записи матчи наших хоккеистов с профессионалами, понял я, что одежду и манеры Коля позаимствовал у хоккейных тренеров — и наших, и канадских. Но тогда я этого не знал, и взрослый вид Братова поразил меня.

Братов начал без предисловий:

— Есть необходимость заткнуть дыру в эстафете четыре по сто и в шведке. Как? Не девалифицировался?

Я хотел объяснить ему, что на крейсере бегал другие дистанции, не такие прямые, и в основном от кубрика до боевого поста, но сдержался и сказал:

— Подумаю.

А надо сказать, что до армии я прилично сотку бежал. Один раз за одиннадцать пролетел, — а это первый разряд... Жаль, результат не засчитали — ветер попутный был...

В тот же день я взял у Братова секундомер и вечером на стадионе пробежал сто метров раз, другой... Чуть-чуть за двенадцать вылез. Отяжелел на

флотских макаронах, но Братов меня успокоил: мол, для команды этого достаточно, — и я решил ехать.

Братов вёз в Новосибирск на взрослые соревнования бывших десятиклассников. Они только что выпустились, были чрезмерно самостоятельны и даже нахальны, на меня посматривали, как на что-то доисторическое.

Перед поездкой Братов меня проинструктировал: я не должен был звать его Колей, а только Николаем Панкратьевичем; не должен был вмешиваться в тренерскую работу и руководство командой.

— Ты едешь отдохнуть за казённый счёт, — пояснил он, — я на тебя не ставлю.

Коля и на других своих воспитанников не ставил, кроме средневички Ольги Коротун. Ольга была звездой команды и надеждой Братова. Прошлым летом она выиграла первенство области среди старших школьников, а в этом году Коля хотел её обкатать на взрослых соревнованиях. Хотя, правильной было бы сказать, не обкатать, а показать Ольгу.

Ольгу я знал, разумеется, насколько может знать восемнадцатилетний парень, уходящий в армию, девчонку четырнадцати лет, живущую через три дома от него.

В детстве Ольга была, можно сказать, достопримечательностью нашего квартала. Правда, со знаком минус.

Родилась она в семье Фёдора Коротуна, составителя вагонов на железнодорожной станции, у которого долго не было детей, и вот наконец на стыке четвертого и пятого десятка жена забеременела. Коротун, который был чуть старше своей супруги, от счастья ошалел и стал хвастаться соседям, что на старости лет Бог послал ему наследника. Соседи посмеивались и спрашивали в шутку, почему у него такая уверенность? Уж не клал ли он кобуру под подушку?..

В общем, ошибся составитель, родилась девочка, но, видимо, старания Коротуна не пропали даром. У девочки был мальчишеский характер, а упрямства столько, что и на трёх пацанов с лихвой хватило бы. Да и похожа она была на мальчишку: рыжая, курносая и с таким упрямым взглядом исподлобья, что от него хотелось глаза отвести.

В первом классе Оля умудрилась довести до слёз молодую учительницу, выпускницу педучилища. Досконально я эту историю уже не помню. Помню только, что целая война шла в классе из-за места. Учительница рассадила всех по собственному усмотрению, но Ольга на перемене уселась там, где сама хотела, «переселив» довольно жёстким образом мальчишку-одноклассника. После перемены появилась учительница и очень удивилась тому, что Ольга

сидит на чужом месте, а одноклассник с красным ухом — на Ольгином. Справедливость тут же была восстановлена, но через перемену Ольга опять сидела на облюбованном месте. История эта повторилась ещё несколько раз, пока отчаявшаяся учительница не пошла на крайнюю для первоклашек меру — пригласила в школу родителей.

После беседы с учительницей старый Коротун — стыдно говорить — взялся за ремень и, говорят, с чувством отходил «наследника». Об этом знал весь квартал, так как во время экзекуции из дома Коротунов раздавался плач и даже крик. Это плакала мать, а дочь не проронила ни слезинки.

Вот такая была девчонка.

И уж если она что-то задумала, то не было такой преграды, которая могла бы её остановить.

Ещё дошкольницей она любила самостоятельно хозяйничать в доме. Благо родители железнодорожники и работали в одну смену, так что никто ей не мешал делать то, что вздумалось.

В отсутствие родителей от соседей по дому только и слышалось:

— Оля! Ты зачем собираешь щепки? Оля! Ты зачем тащишь уголь?

— Зачем, зачем, — отвечала Ольга как некрасовский мужичок-с-ноготок, — печку топить.

— Оля, прекрати, — волновались соседки, но та их не слушала и продолжала волоком волоочь в дом ведро с углём.

Через четверть часа соседки замечали дымок над трубой — Оля топила печь, а они по очереди забежали в дом Коротуна приглядеть, чтобы ребёнок не сгорел, да, избави Бог, огонь не перекинулся на их избы.

Такой я её знал. Но на вокзале увидел совершенно иную девushку. Удивительно, как я мог не заметить её раньше, наверное, спал долго. Она выросла, оформилась, и от той девчонки остался только курносый нос...

В Новосибирске нас как самую малочисленную команду разместили в гостинице при стадионе.

Гостиница как гостиница. Комнаты на двоих, кровати деревянные. Только в номерах окна большие и потолок скошенный — гостиница под трибунами располагалась. Здесь же, шокируя наших школьников развязными манерами и джинсовым облачением, проводила сборы местная футбольная команда. Их тренер пытался держать футболистов в ежовых рукавицах: он лично «отбивал» команду, лично приходил на подъём, а по вечерам, собираясь домой, строго наказывал администраторшам, молодым женщинам, докладывать ему обо всех случаях нарушения режима, особенно о самовольных отлучках после отбоя.

Питомцы знали о поставленных администраторшам задачах и откупались шоколадками. И если бы тот тренер обладал таким даром ясновидения, как у меня, он смог бы точно вычислить, сколько его воспитанников отсутствовало ночью, — стоило лишь посчитать шоколадки, которые по утрам администраторши перекладывали из холодильника в сумочку...

Ну, я отвлекся. На том стадионе была прекрасная тартановая дорожка, она с результата на сто метров добрых две десятки сбрасывала. Я бегал там до армии, помню. Но, наверное, я действительно отяжелел и потерял былую резвость — не помогла мне дорожка, как и в посёлке, пробежал я за одиннадцать и девять... В тот же день был забег на полторы тысячи метров, и звезда нашей команды не вошла даже в десятку лучших.

Братов вышел из себя. Он накричал на Ольгу, наговорил ей, что не будет с ней работать, что ей не стоило приезжать в Новосибирск, что она — бездарь, что... В общем, наговорил он ей много чепухи, которую в случае провала говорят не столько тренеры, сколько плохие режиссёры.

Видимо, всем этим Братов пытался как-то вызвать в Ольге спортивную злость, но он ошибся. Он не знал Ольгу так, как знал её я. Она не оправдалась, ни слова не сказала, а

только исподлобья, как когда-то в детстве на учительницу, посмотрела на Братова, и тут я понял: звезда наша закатилась... Да и, если честно говорить, я не верил в то, что Ольга сможет стать хотя бы призёром. Упрямства в ней было много, но на нём одном далеко не уедешь... Коле бы с ней над техникой поработать, да и с тактикой бега на средние дистанции ознакомиться не мешало бы, но тренер был такой же упрямый, как и Ольга, и видел во всём лишь её нежелание работать. После воспитательной беседы с лидером Коля под горячую руку отругал всю команду и исчез, предоставив школьникам делать всё, что вздумается... И они, воспользовавшись этим, группками разбрелись по городу.

Я повалялся в номере и тоже пошёл в город. В коридоре гостиницы встретил Ольгу, ершистую и настороженную, как ёжик в опасности. Не знаю, что меня дёрнуло, но я уверенно, как взрослый человек такому же взрослому, сказал:

— Перестань дуться, соседка. Пойдём в луна-парк, посмотрим, что это такое.

Ольга согласилась, и мы пошли к ДК Октябрьской революции, рядом с которым разместился луна-парк — площадка с аттракционами, невиданными доселе в Сибири. В Новосибирске в то время только и было разговор, как об этих

аттракционах. Особенно много говорили о «страстях», которые ожидают желающих посетить комнату неожиданностей.

В парке мы смотрели американские горки, выиграли в кегельбане два пластика жевательной резинки, купили мороженое.

Я время от времени поглядывал на Ольгу. Окружающее мало её трогало, она по-прежнему была похожа на свернувшегося ёжика: коснёшься чуть — и в пальцы твоих рук вонзятся колючки.

— Пойдём в Комнату неожиданностей, — предложил я.

— А что это? — спросила Ольга.

— Чёрт его знает, там посмотрим.

И мы, взяв билеты, стали в конце длинной очереди новосибирцев, жаждущих попасть в комнату неожиданностей...

Хлоп — это в голову моего соседа попал большой оранжевый мяч, посланный нетвёрдой ещё рукой пятилетнего малыша. Мяч тут же был возвращён владельцу, тот получил шлепок от родителей, а мой собеседник продолжил рассказ:

— В очереди мы стояли долго. Двигалась она медленно, и чем ближе мы подходили к пологу, за которым притаилась неожиданность, тем настороженнее становилась моя спутница. Таким образом, замысел мой как-то отвлечь её от сегодняшнего

проигрыша, снять напряжение провалился. Подошла наша очередь. Мы сели на двухместную тележку и с грохотом въехали во тьму комнаты. Тележка прошла под страшным пауком, мохнатые лапы которого едва не коснулись нас. Затем направилась прямо на открытый гроб, в котором в позе мыслителя сидел желтоватый скелет, но перед гробом свернула в сторону и понеслась дальше... Что там было ещё из страстей земных и неземных, не помню, только в самом конце нашей дороги Ольга чуть взвизгнула, чего я от неё не ожидал, и прижалась ко мне, видимо, что-то её напугало... Через секунду мы выехали из тьмы. Светило солнце. Все страхи были позади, и я рассмеялся. Засмеялась и Ольга...

— Знаешь, — сказал я ей, — я тебя специально не предупредил: в этой комнате есть невидимая рука, — тех, кто боится, она либо за нос хватает, либо щелбана даёт...

Ольга опять засмеялась и сказала, что её эта рука погладила по голове и что она сначала испугалась, а потом перестала бояться...

Мы ещё погуляли по парку и вернулись в гостиницу. Прощаясь, я пожал ей руку:

— Ты не огорчайся проигрышу, завтра у тебя всё будет в порядке. Недаром же тебя рука погладила... Это счастливая рука.

Она со мной согласилась.

На следующий день ей предстояло бежать три тысячи. Коля Братов в воспитательных целях, наверное, не обращал на Ольгу внимания. И тогда я нарушил договорённость и стал сам готовить её к забегу... Дали старт — Ольга побежала так же нескладно, как и вчера, но мощно и упрямо. Она бежала два круга первой, затем её обошли две взрослые соперницы. Однако через круг Ольга опять вырвалась вперёд, потом снова отстала. Я смотрел на забег и хотел одного — чтобы Ольга сошла с дистанции, иначе более опытные, взрослые конкурентки доведут до того, что она о беге и думать забудет... Но случилось невероятное: на последней двухсотметровке Ольга ускорилась и первой пришла к финишу...

Что творилось на стадионе после забега, трудно описать. Когда бегут взрослые, а среди них девчонка, разумеется, все болеют за неё... а земляки тем более. Когда Ольга первой пересекла линию финиша, вся поселковая братия вскочила и начала визжать, кричать и прыгать, даже Коля Братов забыл, что он тренер и руководитель, — скакал и визжал вместе со всеми. Но больше всех, разумеется, успеху Ольги радовался я. Я орал ей с трибуны:

— Это счастливая рука... я же говорил... я же говорил!..

— Вот после этого я и решил стать тренером, — закончил мой собеседник, — поехал в Омск, поступил в инфиз, закончил его, работал там же, да чёрт дёрнул перебраться в Европу. Нет, не подумайте, что я неудачник. У меня всё хорошо... один из моих барьеристов стал призёром первенства Союза... Вот так!..

Виктор замолчал, поднялся с лежака и снова пошёл купаться. Когда он вернулся, я предложил:

— Провожу тебя до автобуса.

Он не стал возражать. Мы взяли вещи, лежак и, рискуя наступить на отдыхающих, двинулись к выходу. Навстречу нам, с таким же риском наступить кому-нибудь на голову, мчался с лежаком претендент на освободившееся место.

На автобусной остановке, когда водитель уже объявил в микрофон отправление, я спросил Виктора:

— А что с Ольгой-то стало? Ты не встречался с ней больше?

— Ну как же! Она в то же лето поступила в какой-то техникум... Почти без экзаменов, видимо, кто-то из тренеров видел, как она три тысячи выиграла. Правда, отучившись в техникуме, она бросила спорт... Сейчас живёт в Новосибирске... замужем, двое детей.

— Автобус отправляется, — повторил водитель.

— Да, — добавил Виктор, встав на первую ступеньку, чтобы шофёр не закрыл дверь, — видел я её года два назад... случайно. Был в Новосибирске на соревнованиях... Обрадовался, как мальчишка, а она — наоборот. Я ей говорю: «Ты помнишь луна-парк, комнату, счастливую руку? Эта рука и для меня стала счастливой. Я нашёл себя...»

А она отвечает: «Витя! Я думала, что это ты меня по голове погладил...» Вот так!..

Виктор поднялся на ступеньку выше, дверь мягко захлопнулась, и автобус, выбросив сиреневое облако выхлопных газов, тронулся, увозя от меня моего знакомого с великолепным крымским загаром, фигурой многоборца и даром ясновидения.

Людмила КАЛИНИНА

КИПРЕЙНЫЕ СНЫ

Людмила Фёдоровна Калинина родилась в посёлке Керженец Нижегородской области. Окончила историко-филологический факультет Горьковского университета, Высшие литературные курсы в Москве (семинар Ю.Кузнецова), аспирантуру на кафедре русской литературы XX века Литературного института им. А.М.Горького. Член Союза писателей России, автор книг стихов и очерков, ряда публицистических и литературоведческих публикаций. Лауреат премии «Нижний Новгород». Заслуженный работник культуры РФ, работает главным редактором газеты «Нижегородский университет». Живёт в Нижнем Новгороде.

НЕ УХОДЯТ РЕКИ ВСПЯТЬ

К синю морю убегают реки,
Знаю, не уходят реки вспять...
Мы с тобою жили в прошлом
веке,
Нам с тобою было что терять.

Там остались дорогие люди,
Кажется, осталась я сама.
Там январь был несказанно
лютым,
Не стучась, врывалась в дом
зима.

Холодели, опускались руки,
Думалось, что это навсегда...
Помнят здесь военную разруху,
Как в беде спасала лебеда.

Липкую снимаю паутину,
В лопухи не прячу скорбных глаз.
Над родной могилою повинно
Замираю, горестно склоняюсь.

Мы застыли у черты у крайней,
И по чьей, неведомо, вине...
Вы простите нас, односельчане,
Что ребята снова на войне.
Что девчонок сманивает город,
Что старухи гложут от утрат...
Вновь тревога перехватит горло
И не отпускает до утра.

Зимнее лесное бездорожье,
Вьюгой припорошен бурелом.
Давнее напутствие поможет
Не плутать, когда вьюжит
кругом.

По лыжне промчатся полем
белым
Через ледяное забытье.
Только дело, праведное дело
Будет оправдание моё.

* * *

Тише.
Не хлопайте дверью,
Не машите руками зря...
Не пугайте в лесу зверя,
За окошками — снегирия.
Криком, движеньем неловким,
Словом, брошенным невзначай,
Не троньте божью коровку
На цветке иван-чай.
Тише.
Пчела пролетела,
С ношей спешит муравей...
Не сорите слова без дела,
Ради потребности своей.
Тише.
Лишь ветру раздольному
Можно топтать траву.
Нам же, заблудшим, дозволено
Только кричать «Ау!»

БРОШЕННЫЙ ДОМ

Закрыли дом, забили...
Повис на ветке стук.
И яблони забыли
Тепло хозяйских рук.
Колючками печали,
Дичками обросли.
Примолкли, одичали,
А с места — не сошли!

* * *

Город вернул своё имя,
Город в себя никак не придёт...
Флигель глазами пустыми
Смотрит, как суетится народ.

Набок сдвинута кровля,
Будто бы в летаргическом сне
Флигель живёт.
А легко ли
Новый дом держать на спине?

Видно, флигель по всем приметам
К переменам давно готов.
Ветхий, раздавленный этот
Старожил, списанный со счетов.

Только вот пыль да неверье
Притаились по тёмным углам...
Настежь парадные двери —
Пенье скрипки, детский шум и
гам!

Подниму яблоко дикое,
Сколько вяжущей горечи в нём...
Мы не видим великое
В городе нашем таком большом.

Древние Дятловы горы,
Бегут и бегут они вдоль реки

Туда, где в Старых Печорах
Не погасли ещё родники.

Кружкой, ведром, горстями
Зачерпни звонкое серебро!
Живём, не ведая сами,
Где беды наши, а где добро.

Кажемся себе большими,
Споро шагающими вперёд...
Город вернул своё имя,
Город в себя никак не придёт.

В РАЗОРЁННОМ ХРАМЕ

Отражаясь в тусклой позолоте,
День осенний пасмурно притих.
В разорённом храме на погосте
Мы стоим пред ликами святых.

Пережив забвение и войны,
После гиблых варварских порух
Византии свет нерукотворный
В осквернённых ликах не потух.

По камням, сквозь сумрака
завесу,
Седовласый, в ризе золотой,
Шествует с благословенной
вестью
Нам навстречу сам Отец Святой.

Привело сюда нас провиденье?
Или не прощённая вина?
И Отец Святой в нравоученье
Не сумел ответить бы сполна.

Выронил из рук он ветхий
свиток,
Верные слова не отыскать...

Молча, с головою непокрытой,
Замер ты, не зная, что сказать.

Юность безоглядная виною
В том, что невозвратно, навсегда
Самое заветное, святое
Унесла весенняя вода.

Встретились не поздно и не
рано —
Не на век, а лишь накоротке.
Мы стоим не вместе, только
рядом
На осеннем гулком сквозняке.

И трава забвенья не залечит
Горькую поруху-мяту.
Тихо опускает мне на плечи
Сумрак невесомую фату.

Ангелы, исполнены величия
И наивной детской чистоты,
Манят нас прощальным криком
птичьим
В дали бесподобной высоты.

Верится, что есть на белом
свете

Ясная дорога впереди.
С высоты безбрежной вольный
ветер
В куполе зияющем гудит.

КИПРЕЙНЫЕ СНЫ

Пробираюсь сквозь глухую
чашу
По дремучим, по кипрейным
снам.
Мёдом переполненную чашу
Август преподносит небесам.

Николай ТОЛСТИКОВ

ХРИСТОПРОДАВЦЫ

Рассказ

Николай Александрович Толстиков родился в 1958 году в г. Кадникове Вологодской области. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького, работал в районной газете. Принял духовный сан, служит в храме Святого Николая во Владычной слободе города Вологды. Печатался в российских и зарубежных изданиях: еженедельниках «Литературная Россия» и «Наша Канада», журналах «Крещатик», «Новый Берег», «Чайка», «Русский дом», «Наша улица», «Север», «Лад», «Южная звезда», «Вологодская литература», «Наше поколение», «Венский литератор», альманахе «Литрос». Автор нескольких книг прозы. Лауреат международных литературных фестивалей: «Дрезден-2007», «Литературная Вена-2008», Международного конкурса, посвящённого 200-летию Н.В. Гоголя, конкурса имени Ю. Дружникова на лучший рассказ журнала «Чайка» (США).

Алексей Рыжиков, военный пенсионер, приехал в родной городишко «домовничать». Старенький отец надолго залёг в больницу и попросил сына присмотреть за домом. Вот и обосновался Алексей в родовой избе-пятистенке в уцелевшей деревеньке из тройки домов за городской чертой.

Прежде, когда он изредка приезжал в Городок, и, жаждав неторопливого общения, проходил по его улочкам, старые знакомцы от него отмахивались, пробегали мимо. Все были при деле. Даже алкаши записные, тюремщики — на теле живого места от наколок нет, и те по-скорому «залудив» по стакану и не вступая в разглагольствования, мчались кто куда. Одни — в лес на делянку, другие — на пилораму брёвна закатывать. Время — деньги.

Уж если только с самыми последними «опойками» приходилось Алексею компанию составлять.

Но вот грянул вдруг мировой кризис, и стоило теперь Алексею

лишь показаться в Городке, как тут же его встречала целая орава мужиков, желающих набиться в sobутыльники. Бабёнки-то, цепляясь за бюджетные должности, получали какие-то копейки и старались худо-бедно содержать семью. А мужики, когда выпазганный ими на многих гектарах окрест лес и стрелеванный в бесчисленные штабеля, стал никому не нужен ни в столице, ни за бугром, растерялись и раскисли, пошли горе своё заливать. А «горловина» эта такая, что скоро портки последние с себя спустишь, а «нутро» всё ноет и требует.

Мужики к старушкам навешиваться: дров напилить и наколооть, забор подправить или крышу дома починить. Мало ли дел в хозяйстве найдётся? Главное, чтобы старушонка расчитаться могла, она же пенсионерка и у неё денежки есть. Но и бабули скоро ушлые сделались: запрут на все запоры и нос наружу ни за что не вынут. Знают они горе-работничков: вроде что-то делают, а сами зыркают по сторонам чего бы спереть да и продать потом в соседнем же доме.

За Алексеем открылась настоящая охота: он — военный пенсионер, не то что какая-нибудь тебе старуха. Богач! Раньше ему просто покалякать было не с кем, а теперь дай бы Бог благополучно прошмыгнуть мимо этого сонма желающих и жаждающих!

Но двое, Алька Лохов да Вовик Безруков, пристанут, как листья банные. Они тоже в Городке без дела болтаются. Алька, ровесник Алексею, в самом начале лесного «бума» влип с возом ворованного леса, схлопотал срок, правда, небольшой. Хотя его вполне хватило для того, чтобы Алька «завязал» воровать по-крупному. Для собственного прокорма он промышлял теперь по мелочовке, под покровом ночи шарился по подворьям и тянул, что плохо лежит и не приколочено. Ясным днём он всучивал свою «добычу» где-нибудь на другом краю Городка за бутылку «палёной» водки и краюху хлеба. После неудачных выходов на «промысел» Алька, как утверждали злые языки, не брезговал и перекусить собачатиной: то там, то тут бесследно пропадали добродушные упитанные псины.

Другой кто давно бы от такой жигухи коньки отбросил, а Альке хоть бы что! К нему, приветливому и словоохотливому, ещё и бабёнки-алкашки липли. Когда-то у Альки была своя семья, дети, но от мужика-гулевана все сбежали, и обитал теперь Алька один, но временами — и с сожителями, в полуразвалившемся родительском доме с дырявой крышей.

А над Вовиком Безруковым не зря подсмеивались: маленькая собачка и до старости — щенок! Дело — к полтиннику, а он всё как пацанчик, шкет шкетом: ростиком — метр с кепкой,

косточки щуплого тельца только что не просвечивают на солнышке. Вдобавок — у него наивные глаза навывкат, и дураковатая улыбочка всегда сияет на рожце. К учению или к какому серьёзному ремеслу Вовик оказался с малолетства не способен, от юности до «пустозрелости» перебивался кое-какими работками — бери меньше, кидай ближе. Благо подкармливали его мамаша и отец-инвалид. Девки на Вовика — ноль внимания, остался он старым холостяжкой. Потом ещё и в тюрягу загремел. Выпивал как-то в компании с такими же, как сам, шаромыжниками и стакан с «палёной», видать, не поделили, повздорили. Вовкин оппонент, едва живой с перепоя, сам споткнулся и упал, а Вовик решил закрепить неожиданную свою победу: распластанному на земле верзиле влепил в бок пиннок. У верзилы во внутренностях лопнула и пошла кровью застарелая болячка, через несколько часов бедняга отдал концы...

Вовик отсидел своё и, вернувшись домой, отпустил длинную, с проседью, бороду: вроде б как «закошил» под монашка. Но ни в церкви, ни около неё Вовика никто не видел, тёрся он больше на автовокзале. Облачённый в затрапезную одежку явно с чужого плеча, нацепив на нос очки с растресканными стёклами, Вовик восседал на лавке у входа и, раскрыв какую-то затрёпанную книгу, бубнил невнятно, раз-

меренно-неторопливо крестясь. Кто-то из сердобольных путешественников ссужал его рублишжом-другим, и довольный Вовик бежал в соседнюю домишку аптеки за склянкой «брынцаловки», именуемой так местным народом настойки боярышника. Поднабравшись, он заползал в привокзальные кусты подремать. После блаженного сна он опять вылезал в людскую толчею, и, если не подавали чужие, то начинал приставать с просьбишками к местным прохожим, впрочем получая тут чаще вместо денежки по уху.

Позднее Вовик повысил «квалификацию»: переместился на микробазарчик в центре Городка убирать после торгашей остатки испортившегося товара. Перепадало ему и полакомиться вкуснятинкой, а то и нажраться от пуза; днём было время и на «брынцаловку» копеек настрелять у тех же торговцев и покупателей.

Вот они, Алька с Вовчиком, и составили Алексею в этот раз компанию. Знали, чем его пронять, как и любого человека — залебезили перед ним оба, с заискивающими нотками в голосе назвали по имени-отчеству.

Он и повёлся, поглядывая свысока, поделился с одноклассниками сигаретами, присел на лавочку с ними на минутку покурить, прихвастывая, поотвечал на участливые их вопросы о житье-бытье и не заметил, как разговор свернулся на

пол-литра. Слабо, что ли, немущих угостить, самолюбие себе же потешить?

А там, дальше, понеслось всё кувыркoм! Друзья-приятели мигoм просекли, что в кошельке у Алексея имеется, пусть и скромная, но наличность, и теперь не собирались с ним расставаться.

Гулянка плавно переместилась из парка под дырявую крышу Алькиного дома.

Дом — наподобие постоянного двора, забегаловки: одни людишки приходят, пьют-гуляют, валяются и потом кое-как прочь уползают, а на смену им уж другие прутся. Хозяин Алька только рад тому, кто на огонёк с дармовой «палёнкой» наведается. В доме — голо, шаром покати: на просторной кухне под тусклой лампочкой возле стола громоздятся грубо сколоченные лавки, в полумраке горницы угадываются очертания кроватей с голыми панцирными сетками с кучами тряпья, наваленного на них. Здесь и днём темно: видать, кто-то буйный высадил в окнах стёкла, и они были наспех залатаны листами фанеры.

Алексей с новыми приятелями «попал в круг»: для него день перемешался с ночью, в пьяном забытии проплывали перед ним какие-то рожи. Выпивох оказался в Городке не так уж и мало, Алик с Вовиком — только верхушка айсберга. Кого-то Алексей помнил ещё с детских лет, росли вместе, в одну школу бегали, и

им он радовался больше. Незнакомцы, выслушивая его болтовню о зигзагах военной карьеры, хмуро и недоверчиво хмыкали; одноклассники же рассказам внимали, раскрывши рты, хлопали Алексея по плечу, лезли пить на брудершафт: «Вот он, наш герой!»

Язык у Алексея деревенел, славный воин засыпал, уткнувшись лицом в столешницу, чтобы вскоре опять быть растолканным очередным захожаем. Алексей договорился уж до того, что он — без пяти минут генерал авиации и геройскую «звезду» только из-за происков злопыхателей не получил...

Очередной раз очнулся он — его трясли, умоляли, требовали. Наступил кризис наличности в кошельке — на самую захудалую, воняющую ацетоном, бутылку «палёнки» было не наскрести. Алексей пошарился в карманах — тоже пусто.

Кто зайкнулся об этом первым? Наверное, Алька.

— Лёха! — теперь к Алексею заискивающе по имени-отчеству никто не обращался. — У тебя в доме иконы от стариков остались, без толку висят. Давай «толкнём» пока хотя бы одну! Вон, Вовка её «чуркам» своим на базар сволокёт и хорошо загонит!

Вовик головёнкой радостно закивал: всегда готов!

В сумерках, пьяно гомоня и поддерживая под локти друг

дружку, они поплелись к Алёхиному дому. Редкие встречные прохожие брезгливо и испуганно шарахались от разудалой компашки, перебежали на другую сторону улицы. Кончилась нечастая череда светящихся себе под нос уличных фонарей; на окраине Городка — темень ткни глаз, возле родительского дома Алексея гуляки притихли. Проглянула ненадолго ущербная луна в разрыве облаков, и Алексей наконец попал ключом в замочную скважину. Руки тряслись, едва ключ не обронил. Алька с Вовиком притулились на брёвнышке под забором, вроде б как на стрёме остались стоять.

Алексей, не включая свет, прокрался в темноте из сеней в горницу. С улицы в окна проникал бледный лунный свет, и в углах пугающе шевелились какие-то тени. «Откуда они и взялись? — у Алексея вздох сердце. — Как вор я...»

Боясь оглянуться, он на цыпочках прокрался к божнице в красном углу и, нащупав за занавеской на киоте доску иконы, резко её сдёрнул и, прижав к груди, опрометью вылетел из избы.

— Мужики, а может, не надо продавать? — нерешительно пролепетал он на улице.

— Давай, Лёха, не скупердяйничай! — Алька ловко выхватил из его рук икону и передал Вовику.

Тот, шкет, где ветром мотает, а тут рванул на желтеющие в

Городке огоньки фонарей — только его и видели. Следом — Алька. Алексею оставалось покорно ковлять за ними по лужам.

«А что? — пытался оправдаться он. — Они и так бы в дом залезли и украли, стоило бы мне только уехать. Не они — так другие. А тут всё же даром не пропадёт...»

От последних словечек, повернувшись в мыслях, Алексея покорило, стало противно и тоскливо на душе...

Впрочем, свежая лошадиная доза пойла угрызения совести скоро заглушила.

Опять в Алькином вертепе пошёл-поехал шум, гам, тарарам!

Не только мужички заскакивали на «огонёк», забредали и бабёнки. Алексей уж на что пьян не бывал, но сторонился их, неряшливо одетых, с опухшими лицами, противными визгливыми голосами. Бабёнки всё равно нагло норовили залезть к нему на колени, тыкались ему в щёки слюнявыми губами и, грубо стяхнутые с коленей, пускали похабные шуточки и сами же, довольные, хихикали над ними.

Надку, сестру Альки, свою ровесницу, Алексей бы и не узнал, если бы её брат не окликнул... Ввалились две доходяги-бабёнки с одинаково оплывшими, с землистой кожей рожами, одетые в одинакового фасона труньё: дражные грязные джинсы, затасканные пиджаки явно с мужского плеча. Кое-как подстриженные в

волосы разлохмачены во все стороны, только что сенной трухи в них не хватает. У бабёнок — последняя стадия, сразу видно, дальше их ждёт гибель под забором или возле баков помойки.

Одна из доходяжек, пытаясь распялить в улыбке по-старушечьи беззубый рот, подседа к Алексею и тут же сгребла со стола его стакан и выхлебала остатки «палёнки».

— Надька, хорош борзеть! — угрожливо прикрикнул на неё Алька.

Дама резко обернулась к нему, злобно заблестевшие глаза её сузились в щёлки. Ещё бы немного — и она вцепилась бы в хозяина вертепа.

Но Алька вовремя переключил её внимание на гостя:

— Помнишь его? Это Лёха Рыжиков!

— Лёшка?! Ты?! — Надька, восторженно взвизгнув, немедленно обслонявила Алексею щёки и пристроилась, елозя тощим задом, на его колени.

Грубо стряхнуть её, как других, с коленок Алексей не посмел. Надьку ещё в детстве Алёшка побаивался. Завидев её, идущую по улочке навстречу, норовил поскорей свернуть в проулок, а то и сунуться напропалую в какой-нибудь двор. Потому как Надька из пацанок — язва хорошая, язычком подцепит — с ходу в краску вгонит. Все Алёшкины изъяны наружу вывернет, в особенности при девчонках. Знает,

что в ответ оплеуху Алёшка не даст и не нагрубит: нет, не слабак он, а просто девок боится. А Надька и рада-радёшенька...

Приехала к соседям юная гостья из большого города, поглянула Алёшке; тот не знает, как и к ней подступиться. Решился-таки однажды, заговорил с девчонкой, а Надька тут как тут! Идёт мимо и, прищуривая глаз, кричит Алёшке:

— Эй, чмо болотное, пойдём любовью заниматься!

Где и слова такие услышала, ведь по телеку в ту пору о том молчали?!

Приезжая девчонка покосилась на Лёшку, хмыкнула и домой юркнула. Что за кавалер, коли ответить не может, стоит и пышкается, рот распялив.

Надька вымахала в рослую крепкозадую бабёнку: в редкие приезды Алексея в родной городишко иногда встречалась ему, с ехидцей улыбаясь белозубо. И Алексей, как в подростках, старался прошмыгнуть поскорее мимо...

Алька, неистощимый пустобрёх и балагур, ещё вчера пригорюнивался над стаканом палёной водки, вспоминая, что сеструху, сгинувшую в одночасье из-за этой самой заразы, недавно схоронил. А сейчас Надька, вроде бы и живая, сидела на коленках у Алексея. Склонилась к уху и зашептала горячо:

— Уйдём отсюда! Ну их всех, пропадёшь с ними ни за грош!

И дряблые свои титёшки в Алёхины ладони вжала.

В ночной тишине они брели, обнявшись, по улочке наугад.

— И не вздумай возвращаться к ним! — запальчиво бормотала Надька. — У меня, вон, мужик-красавец был, спился с концами! Теперь дочка — прости, господи, сынок в тюрьге сидит. И сама я — кто бы пригрел! А всё прежде над людьми смеялась-лыбила!.. И тебя, бывало, задевала. Прости, нравился ты мне, пусть и «тёпленький» был...

У Алексея отяжелела голова, ноги подгибались в коленях. Надькин торопливый говорок становился всё глуше и глуше, а потом отдалился и вовсе...

Алексей очнулся, когда уже брезжил робкий серенький рассвет. Кто-то настойчиво тормозил его, лежащего на холодной земле, за плечо. Алексей приоткрыл глаза и обмер: над ним склонился священник. Кое-как поднявшись, Алексей испуганно-недоумённо заозирался по сторонам: церковный погост, низкие, заросшие травой, холмики в оградках, храм с открытыми воротами.

У священника были добрые, с участливо-тревожным выражением глаза, рыжеватая бородка пушилась с круглых щёк. Оглянувшись на Алексея ещё раз, он, перекрестясь, шагнул в проём церковных ворот. Алексей, превозмогая в себе страх и озноб, переступил порог следом.

Всем объявили вчера, что весны
 не будет.
 Всё отменяется: солнце, тепло и
 зелень.
 Снег ожидается вечный и грипп
 с простудой.
 И за окном видок останется
 чёрно-белым.
 Глядя на это, больше не веришь
 в возможность
 В реке искупнуться и ягод
 поесть от пуза.
 Тянутся вечные: холод и
 осторожность
 Катетами бесконечной зимы-
 гипотенузы...

АВИТАМИНОЗ

На улице слякоть
 И холод опять.
 И хочется плакать,
 И хочется спать.
 И что-то не слышно
 Кричит из окна
 Душевнобольная весна.
 А мне не понятно:
 Где финиш, где старт.
 Раскинулся в пятнах
 Бесчувственный март.
 А рядом мой пёс —
 Чуть правей от меня.
 Такой же больной, как и я.
 Тоска притаилась
 В холодных ветрах,
 Она накалилась
 В тугих проводах.
 А мы еле-еле
 Куда-то бредём
 По мартовской грязи вдвоём.
 Но, может, вернётся
 Снова апрель.

И вновь развернётся
 Весны канитель.
 И март перестанет
 Пугать нас до слёз
 Как полиавитаминоз...

ПТИЦЫ

Тает вечер, осень тает...
 Над ложбиной низкой
 Улетает в небо стая
 Буквой V английскою.
 Их пугает злая вьюга
 И дожди кислотные.
 Вот и мчатся птицы к югу
 Стаей перелётною.
 Под крылами речка вьётся,
 Огибает рощицу.
 Кто-то, может, не вернётся,
 Может, не захочется...
 Может, сам туманом станет,
 Растворится дымкою.
 На земле чужой растает
 Ночью-невидимкою.
 Кто надумал возвращаться
 На свою неблизкую,
 Будет в стаю собираться
 Буквой V английскою...

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Какие-то чашки, какие-то
 блюда,
 Какие-то люди, сидящие рядом...
 А завтра мы можем вдруг все
 не проснуться,
 Накрытые мощным ракетным
 снарядам.
 Какие-то тени, какие-то стены,
 Какая-то люстра над головою...

* * *

Одиночество Эмиграции —
Эмиграция в Одиночество.
Я еще не сошёл на станции,
А уже мне обратно хочется.
И ещё не сказавши главного,
Я хочу попросить прощения
У того, что имелось славного.
Но за гранями возвращения,
Позабыв своё имя-отчество,
Лишь махну на прощанье гавани,
Уплывая в своё одиночество,
Как корабль в дальнее плаванье.

* * *

Для поэта не хватает солнца,
Чтоб с людьми нормально
говорить.
Не заметишь сам, как вдруг
прервётся
Размышлений скомканная нить.
У поэта есть свои причины

Прекращать ненужный
разговор:
По словам он бродит, как по
минам,
Он их разряжает, как сапёр.
У поэта скверные манеры,
Он живёт по собственным часам.
Обитает в разных стратосферах,
Слишком доверяя своим снам.
А из долгой нити размышлений,
Скрученной в клубок глухих
обид,

Разочарований и сомнений,
В тишине вдруг чисто прозвучит
Та заветная, родная строчка,
Что так долго в муках он искал,
Распустившись долгожданной
почкой

На корявом дереве стиха.
Побирается он, как придётся,
Не любя, не веря, не щадя.
Для поэта не хватает солнца,
Но зато в излишестве — дождя.

Валерий СДОБНЯКОВ

ИСКРЫ ПОТУХАЮЩИХ КОСТРОВ

Валерий Викторович Сдобняков родился в 1957 году в Красноярском крае. Создатель и главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век». Секретарь Союза писателей России. Председатель Нижегородской областной организации Союза писателей России. Лауреат многих всероссийских и международных литературных премий. Награждён государственной наградой – «Медалью Почётной грамоты Нижегородской области и Почётным знаком главы города Нижнего Новгорода. Автор тридцати книг прозы, публицистики, критики. Живёт в Нижнем Новгороде.

ДА НЕ СМУЩАЕТСЯ СЕРДЦЕ ВАШЕ

2016 год. 31 марта

Горячий спор с нижегородским публицистом Рубцовым на тему о «покаянии русского народа за гибель царя». И больше всего меня раздражало, что на все сомнения и вопросы Михаил заученно отвечал цитатами из святоотеческой литературы. И ни одной своей свободной мысли, ни одного собственного размышления. А ведь подумать есть о чём. Например — пока мы не поймём, в чём каяться, никакого искреннего покаяния достичь невозможно.

Подобные проповедники нам кликушески талдычат: «За то, что допустили казнь царской семьи большевиками-инородцами». Здесь кроется главное заблуждение. Приход большевиков был подготовлен двадцатилетней

русской смутой — когда убивали людей из власти, помещиков, жгли и разоряли их усадьбы. Когда вся наша интеллигенция была пропитана духом нигилизма и либерализма. Всё это и привело к февральскому (демократическому) перевороту, а уж потом к октябрьской (большевистской) революции в 1917 году. И выходит, что гибель царской семьи — это лишь закономерный итог, а начало духовной болезни кроется в ином.

Да, канонизированы страс-тотершцы, видимо, законно. Но ведь перед этим Николай II отрёкся от престола ради спасения собственной семьи, и тем самым обрёк на страдания миллионы других русских семей. Обрёк страну на кровопролитие гражданской войны. Не мог навести порядок? Не знаю, насколько я тут прав (уверен, что эти суждения довольно поверхностны), но ведь большевики навели порядок «железной рукой» в течение нескольких лет. Да — жестоко, но навели. Так ведь это после того, когда вся страна была разрушена. Государь же, наверно, мог это сделать как-то иначе — имея талант и мужество руководить государственным аппаратом с его полицией, жандармерией, армией, казаками.

Так можем ли мы выбросить все эти вопросы из своего сознания, будто их и не существует, чтобы бездумно, автоматически каяться? Да и будет ли от такого

покаяния толк, изменится ли что-то в наших душах от него?

Говорил я всё это Михаилу несдержанно, излишне горячо, о чём, конечно же, сожалею. Да только ведь куда денешься от действительности — сколько лет он проводит чуть ли не еженедельные молебны у Покаянного Царского Креста, а приходит на них горсточка (человек 5—10) старушек маргинального вида — и всё. И не оттого, что другие черствы душой или глупы. Нет! Не идут, потому что не объяснено, в чём каяться, в чём лично каждого из нас вина в произошедшей почти сто лет назад трагедии в Екатеринбурге. Бесконечные же цитаты, что мы слышим от «проповедников» и «подвижников», лишь раздражают своей каменной нежизнеспособностью.

2 апреля

Премьеры новой музыки (в основном нижегородских композиторов) в Большом зале консерватории имени Глинки. Пригласил скрипач Евгений Анатольевич Андрианов. Он исполнил рапсодию для скрипки соло Бориса Сазонова. Я уже слышал это произведение на концерте у нас в Союзе писателей на Рождественской, а вот вся остальная программа оказалась в новинку — музыка Татьяны Татариновой, Дениса Присяжнюк, Анастасии Шестериковой, Бориса Гецелева, Марка Булошников. Почти всё

— «авангардно», сконструировано, не мелодично. Тут бы выделил только Дмитрия Лукьяненко с его «уединённостью» для двух скрипок, альтового саксофона и уличных шумов (во время исполнения демонстрировался видеоряд лондонских улиц, в котором участвовал и автор — саксофонист). Тоже, конечно, претенциозно... Но и оригинально.

Ну да это ладно. Главное, почувствовал во время концерта, как эмоциональная усталость, раздражительная тяжесть от встреч, поездок, споров потихоньку начала оставлять меня. Давно я не ощущал такого освобождения от душевных тягот.

В новостях: начались кровопролитные столкновения между Азербайджаном и Нагорным Карабахом. Армяне сбили один вертолёт.

3 апреля

Ещё в консерватории доктор физико-математических наук и автор многих книг по древней истории Руси Анатолий Александрович Абрашкин отдал мне «Литературную Россию» № 12 со статьёй Александра Байгушева «Гришка Отрепьев нашего времени» (об А.И. Казинцеве). Статья огромная, но в конце её стоит — «продолжение следует». Давно я не читал ничего более хамского, да и глупого. А тут ещё автор называет себя одним из лидеров (в прошлом) «Русской партии». Ну, если такие

мракобесы возглавляли в советское время «скрытую в недрах КПСС «русскую партию», то стоит ли удивляться тому, что в итоге империя развалилась, принесла русскому народу неисчислимые жертвы — десятки миллионов вымерли, остались за границей недогражданами. Был нанесён колоссальный урон промышленности, сельскому хозяйству, культуре.

Конечно, не со всеми высказываниями Александра Ивановича можно соглашаться. Но не до такой же степени, чтобы в ответ раздражаться площадной бранью. Да и опускаться до прямой лжи. И тут вопрос коснулся лично меня. Автор упоминает нашу с Александром Казинцевым беседу «Патриотизм — это не СОБЕС» в газете «Завтра», и по этому поводу утверждает, что «серый кардинал (Казинцев — **В.С.**) «Нашего современника» взял покладистого А.А. Проханова (главного редактора «Завтра» — **В.С.**) за горло, и тот оперативно напечатал явно состряпанное самим «Козьявкой» наглое интервью с самим собой... Собственно, именно саморазоблачительный стриптиз... и побудил меня всё-таки взяться за перо.

Иными словами, подобные патриоты нам уже и думать самостоятельно запрещают. Дай им волю — только бы вешали инакомыслящих, и в первую очередь русских думающих и страдающих людей.

4 апреля. Горбатовка

Художник А.Ф. Важнёв решил написать море. Поехали с другим художником К.И. Шиховым смотреть его картину. Конечно, любительщина, ничего самостоятельного, живого.

Вот нашёл человек в конце жизни «отдушину эмоциональную» в живописи, а понимания служения искусству нет. Искренне не понимает! И драгоценное время (которого впереди не так уж и много) тратится впустую.

За обедом, перешедшим в ужин, выпили с Кимом Ивановичем по бутылке водки. Я-то ладно, не привыкать. Но Шихов! И это в 84 года! К тому же почти ничего не ел. Закусывал сигаретами «Прима», выкуривая одну за другой. И при этом не потерял ясность ума в своих высказываниях.

5 апреля

Был у областного министра культуры С.А. Горина по его просьбе. Предлагают Союзу писателей переехать в другое помещение. Правда, окончательное слово оставляют за мной. Конечно, ответу — нет! Тут ведь только раз согласишься — и загоняют по городу так, что рад не будешь.

8 апреля

Вот и прилетели утки. Последние дни всё вглядывался, проходя через Канавинский мост, в береговые заросли острова — не появятся ли, не воротились ли

домой. И вот — парочка (серка и селезень) любовно плавают, перелетают, играя, с берега на берег. А река тиха, приветлива. Вода будто выглажена, и круги от забав влюблённых птиц радостно расходятся долгими волнами. Шли с Ириной, и оба обрадовались этим первым прилетевшим птицам, как родным.

12 апреля

Михаил Рубцов побывал у заместителя генерального директора по персоналу «Нижегородского машиностроительного завода» С.Н. Рыбакова. Вроде бы договорился о небольшой помощи «Вертикали. XXI век». Во всяком случае, я письмо подготовил. Но интересное высказывание Сергея Николаевича передал мне Рубцов: «Нам нужно ещё года три, чтобы восстановить паритет с США. Пока такого нет». И это чувствуется по не столь резким высказываниям В.В. Путина в адрес США, которые в сложившейся обстановке могли бы быть. Потому и на этот завод он недавно приезжал, открывал новый завод — «Нижегородский завод 70-летия Победы» по производству противовоздушных комплексов С-400.

Поздно возвращаюсь из Союза писателей. День потух, близится к ночи. В небе летит самолёт, и за ним тянется розово-красный двойной след, освещённый там, в вышине, заходящим солнцем.

Очередное скандальное видео с нашим митрополитом Георгием.

Недалеко от Оранского монастыря на дорогу опустился вертолёт. Дорогу перегородили легковые автомашины. К вертолёту подъехала машина владыки. Из неё вышел Георгий и уместил своё тело в летающий аппарат. Вертолёт взмыл в небо.

Видео, зафиксированное автомобильным регистратором, показал федеральный канал «Россия 24» в сводке криминальных новостей. На запрос программы Нижегородская епархия ответила, что разберутся.

В комментариях специалистов отмечено, что такой вертолёт стоит от 500 тысяч долларов. А ещё необходимо оплатить огромный таможенный сбор, сборы за регистрацию и прочее, прочее. Не говоря уж о содержании машины, её обслуживании, зарплате специалистам и лётчикам...

Ну и чем «эти бизнесмены» отличаются от прочих денежных мешков, захвативших в свою власть Россию? Только тем, что носят на груди панагии и кресты.

20 — 24 апреля. Москва — Санкт-Петербург — Москва — Нижний Новгород

В Москве надеялся провести несколько встреч, но столица не терпит наскоков. Тут, чтобы кого-то «поймать», выхватить из непрерывного, десятилетиями установившегося бега, нужны дни, недели. Одна помощь мне — поэт Николай Викторович Офитов. Ему оставил и книги для книжной палаты, и деньги,

чтобы заплатить в Союзе писателей России за удостоверения священников Сергея Муратова и Евгения Юшкова. Александр Казинцев — в командировке, Арсений Васильевич Ларионов — болен (давление), даже по телефону разговаривать не стал.

21.04. Боясь проспать утренний поезд, встал рано. Из дому вышел загодя и от Ленинградского вокзала ещё прогулялся по проспекту Сахарова. Хоть и прохладно, но солнечно и безветренно. Дышится легко. В поезде продолжал читать воспоминания о детстве Павла Флоренского. Некоторые места подчёркивал для памяти. С самого раннего детства философ, учёный-открыватель ощущает себя неординарной, ищущей личностью. Если кому-то Богом даны особые способности, то он их ощущает сразу, с первых годов жизни.

В Санкт-Петербурге погода такая же, как и в Москве. Знакомой улицей Пушкина дошёл до Разъезжей, затем по Марата до Звенигородской. Тут гостиница, устроенная в бывшем доходном доме. Номера тесноватые, но по-современному чистенькие оборудованные всем необходимым. В такой комнате не жить, а только спать. Окно моего номера выходит на улицу.

Встретились с Андреем Ребровым, Игорем Смолькиным, Игорем Гуревичем (впервые познакомились — писатель из Архангельска). Андрей водил по местам своей юности в районе

Сенной площади, Фонтанки, у Мариинского театра (величественный собор, в который вошли). Заходили в кафе обедать. Выпили водки. Вечер закончили в китайском ресторане. Туда Валентина Ерофеева привезла отца Геннадия Рязанцева, с которым мы встречались ещё в общежитии Литературного института в начале 80-х годов — я несколько дней жил там в их комнате. Конечно, вспомнили это время — бывших студентов о. Владимира Чугунова, о. Михаила Резина.

Отец Геннадий высок, худ, на макушке головы лысина, волосы прямые и тонкие, оттого неопытно раздуваемы ветром, не держатся в причёске. Говорит тихо, смиренно, и, по-моему, искренне добрым сердцем.

Со Смолькиным за столом всё-таки поспорили несколько. Некритичность взглядов на нашу прошлую (царскую) историю и на события сегодняшнего времени меня всегда заставляют возразить оппоненту. Это не значит быть врагом нашему государству, не ценить его политических и духовных лидеров. Но рассуждать обо всём прошедшем и происходящем мы должны без усвоенных догм.

В номере долго стоял под горячим душем. В постели вновь читал «Раннее детство», «Пристань и бульвар», «Наука» Павла Александровича Флоренского.

«А любил я воздух, ветер, облака, родными мне были скалы, близкими к себе духовно ощущал

минералы, особенно кристаллические, любил птиц, а больше всего растения и море» (философ о своём детстве).

22.04. Из гостиницы на двух такси организаторы конференции, приуроченной к «Всемирному дню книги и авторского права», повезли нас в медиационный центр правительства города на улице Потёмкинской. Старинный особняк с небольшими, уютными залами.

Интересно выступил председатель Комитета по печати С.Г. Серезлеев: «Санкт-Петербург входит в тройку самых читающих регионов (по проведённым исследованиям). Книжный салон располагается на 5 га исторического центра. В прошлом году его посетили более 200 тысяч человек. Было представлено 20 тысяч наименований книг. Продано более 60 тысяч экземпляров печатной продукции. Организована книжная аллея у Михайловского дворца. В Рождество такую аллею устраивали на Малой Конюшенной улице.

Местный издательский совет получил в 2015 году 25 млн рублей. В городе 197 библиотек. Создан поезд-библиотека (8 вагонов) в метро. С помощью издательского совета в 2015 году издано 200 тысяч экземпляров книг.

Трансляция нашей конференции по интернету ведётся на сайте «город +» и в зал книжного магазина (не записал, какого).

Издатель книг на русском языке из Эстонии Нэлли Мельц,

редактор журнала «Таллинн»: в стране живёт 1 200 тыс. человек. Из них 200 тысяч русскоязычные. Издательство через гранты поддерживает Министерство культуры Эстонии. Оно заинтересовано в переводе книг местных авторов на русский язык. Никогда и никто не оказывал на издательство давления (политического или националистического). «Более свободно, чем сейчас, я никогда не работала».

Действительно, представила интересные, хорошо изданные книги и номера журнала.

Николай Мейнерг, Хельсинки, издатель из Финляндии — Эстонии: в Финляндии действует сильный профсоюз журналистов и публицистов. Защищает права авторов. Хотя любое устное соглашение в стране имеет силу закона — связано ли это с трудовыми отношениями, коммерческими или какими-то ещё. Потому как таковой контракт (на бумаге) заключать совсем необязательно.

Открыта замечательная четырёхэтажная библиотека, где всё предусмотрено для работы — можно уединиться с книгой, попить кофе, встретиться с коллегами и так далее. Финны считают, что работа с книгой необходима. Но в библиотеке книги гуманитарного направления — не художественная литература.

Интерес к русской книге огромен. Связано это с желанием разобраться в России. А вот

в Эстонии есть ещё один интересный способ поддержать писателей — специальное агентство выплачивает деньги авторам за то, сколько раз его произведение было востребовано в библиотеках страны.

Живую дискуссию вызвало выступление генерального директора Санкт-Петербургского «Дома писателя» Владимира Мальшева. Владимир Викторович затронул тему уважения в России писательского труда и оплаты за него. Тут уж всё всколыхнулось. Причём со стороны некоторых издателей было полное непонимание требований.

После обеда в ресторане на Смольной набережной всей группой (присоединились москвичи Виктор Кирюшин и Игорь Шумейко) поехали в офис «Родной Ладоги». Андрей Ребров организовал застолье. Я больше молчал, опасался опять ввязаться в бесплодные споры. Лишь негромко переговаривался с рядом сидящим о. Геннадием Рязанцевым, который перед этим, полистав показанный мною журнал, попросил подарить ему «Вертикаль. XXI век».

Увы, но Андрей выпил лишнего, оттого по предложению Смолькина мы поспешили уехать.

Вечер закончили в пивном баре на Невском проспекте — вокруг шумно, звучал рок, по телевидению крутили моменты забитых голов в английской футбольной лиге, а мы спокойно и хорошо говорили о литературе.

Уже на обратном пути в гостиницу рассказывал отцу Геннадию о своём впечатлении от только что прочитанной книге «Жизнь Клима Самгина» Максима Горького, о драматургии писателя. И, кажется, Рязанцев был заинтересован моим анализом этих произведений.

Перед сном сидели в номере у Игоря Смолькина, пили красное вино. Читал ему отрывки своих бесед с Юрием Васильевичем Бондаревым из книги «В предчувствии Апокалипсиса», пока не зашёл отец Геннадий и не забрал подаренную ему книгу.

23.04. В половине десятого зашёл к Смолькину звать завтракать и на прогулку. Игорь отказался — будет спать. Поев и напившись кофе, распрощавшись с администратором, в 10 часов пошёл в город. До поезда четыре часа.

Шёл по тихим улицам (в выходной день Северная столица просыпается не сразу), по тротуарам, которые намывают продавцы перед своими магазинами, мимо лотков, на которых продают свежельвовленную корюшку — мелкую, размером с мойву рыбку.

В эти часы почему-то теплее всего вспоминалась моя первая поездка в Ленинград. Тогда город меня ошеломил — красотой и непохожестью друг на друга зданий, музеями, театрами, барами, каналами.

Вышел на Литейный проспект. По Невскому проспекту

пересёк Фонтанку и вновь углубился в старый город. Посидел у Инженерного замка. Невольно вспомнилось, как жестоко здесь убивали императора Павла. Через Марсово поле прошёл к Мраморному дворцу. Вновь (в который уже раз) попытался разгадать загадку (для меня) памятника Александру III. Удивительно притягательная работа скульптора Павла Петровича Трубецкого. Есть в ней что-то чисто русское, неповторимое для других народов (и, может быть, непонятное).

Между Мраморным дворцом и Эрмитажем вышел на Дворцовую набережную. Засмотрелся, как в центре огромного города на Неве, напротив Петропавловской крепости, рыбаки на большой лодке достают из воды садки и вытряхивают из них корюшку. Рыбаки в прорезиненных костюмах наподобие химзащиты. Видно, что труд не из лёгких, снасть поднимается из воды с большим усилием.

По Миллионной дошёл до Зимнего дворца. Зашёл в дворик Эрмитажа (тут уже людно, светло). Когда вновь выходил на Дворцовую площадь — раздался выстрел пушки. Полдень! Петропавловская крепость возвестила городу.

По Большой Конюшенной вышел на Невский проспект, и уже по нему (с остановкой в скверике у нейрохирургического института на улице Маяковского — почитал книгу Флоренского) вышел к Московскому вокзалу. Питер

оставил светлое, праздничное впечатление.

Москва после Северной столицы тиха, сонлива. Время вечернее. Не без путаницы, но встретились с художником Алексеем Фёдоровым. Ужинали у него в мастерской. Алексей подарил мои фотографии, сделанные у Кремлёвской стены, у праха В.П. Чакова, у могилы И.В. Сталина.

В квартиру к Офитову приходил в полночь — Николай уже и не ждал.

24.04. Нужно возвращаться домой. Доходим с Николаем Офитовым до метро «Семёновская». Он спрашивает:

— Сколько сейчас времени?

— 12-30. До поезда полтора часа, — отвечаю ему. — Пойдём, прогуляемся одну-две остановки.

— Конечно, пошли. С удовольствием.

И менее чем за час дошли до Курского вокзала. Оба этим были довольны.

В поезде с восхищением прочитал очерк Павла Флоренского о Троице-Сергиевой Лавре. Какой мудрый, глубокий взгляд на историю России!

27 апреля

Журналист и руководитель пресс-службы нашего Союза писателей Станислав Александрович Смирнов в Центральной городской библиотеке устроил представление вновь изданной книги «Политические репрессии в Нижегородской области 1917 — 1953». Попросил быть и меня. Я

в своём выступлении предложил присутствующим быть более объективными и менее эмоциональными в обсуждении этого очень непростого периода в нашей истории. Но, конечно, никто не внял моей просьбе. Собрались в основном люди пожилые (хотя среди них были и доктора наук), подозреваю, бывшие комсомольские и партийные активисты, и устроили перестроечный антисталинский и антисоветский митинг. Доводы сплошь времён «Огонька» Коротича. Как и во всех подобных встречах, раздавались требования, чтобы эта книга была в каждой школе. (Напечатать её, как я понимаю, должно за свой счёт то самое, так ненавидимое ими, государство), что молодёжи нужно рассказывать о преступлениях советского периода.

Профессор, доктор исторических наук В.М. Строгеецкий так распалился в крике, что не заметил абсурдности своего последнего требования — нужно всё сделать, чтобы имена В.И. Ленина и И.В. Сталина были стёрты из человеческой памяти.

Мне пришлось спросить: «Так вы за то, чтобы о «преступлениях советской власти» рассказывать молодёжи, или за «стирание памяти»?» Подозреваю, что этот профессор ранее преподавал научный коммунизм или историю КПСС. И был столь же строг к студентам в знании ими основ марксизма-ленинизма. Всё ещё не нареволюционировали. И пример Украины (да и

наш двадцатипятилетний) им не впрок.

Впрочем, я задал аудитории вопрос: «Расстрел законно избранного парламента России из танковых орудий в 1993 году — это политические репрессии?» В ответ зал взревел негодованием. По мнению многих «профессоров и демократов» это, конечно же, было продиктовано политической необходимостью.

28 апреля

С нового космодрома «Восточный» в Амурской области стартовала первая ракета. Всё должно было произойти вчера, но автоматика за полторы минуты до старта остановила запуск. И вот — свершилось. Но произошедший вчерашний сбой В.В. Путин не простил. После того, как спутники доставили на орбиту, он объявил выговор вице-премьеру Дмитрию Рогозину, строгий выговор главе «Роскосмоса» и предупреждение о не полном соответствии директору предприятия, чьи детали автоматика «забраковала».

Вчера умер Валентин Зорин, сегодня Игорь Фесуненко (его я видел на заседании «Клуба Н.И. Рыжкова») — политические обозреватели Центрального телевидения СССР, чьими глазами мы видели (в нашей молодости) и через чьи комментарии воспринимали весь остальной (не советский) мир.

Пришёл доктор наук Алексей Маркович Коломиец. Его геологические идеи продолжают быть

востребованными. Представитель президента в Приволжском федеральном округе М.В. Бабич приглашал, выслушивал (думаю, всё хотят нефть найти в наших краях). Но мы говорили о другом — о прожитом и пережитом. О разбитых и склеенных «горшках» дружбы. А склеенное, как известно, не прочно. И тут я признался, что только благодаря мудрости Коломийца наша дружба не была прервана. Хотя несколько раз мы стояли «на краю», но Алексей Маркович всегда осторожно и инициативно исправлял ситуацию.

— Это всё неважно. Главное, знайте — я всегда ваш, — закончил беседу Алексей Маркович.

29 апреля

В центральной областной библиотеке о своём деде Вячеславе Михайловиче Молотове рассказывает депутат Государственной думы Вячеслав Никонов. Вернее — о нижегородском периоде жизни будущего государственного деятеля.

Надо сказать, что и в телевизионных дебатах Вячеслав Алексеевич говорит всегда точно, аргументированно, убеждённо-спокойно. Вот и на этот раз он сразу сориентировался (было много студентов первых курсов — устроители, похоже, побоялись, что зал будет пуст), как бы упрощённо-доходчиво построил своё выступление.

В завершение предложил желающим взять распечатки своего

выступления (стопки лежали на столе президиума) и подарил библиотеке брошюру, которая под редакцией Молотова вышла в Нижнем Новгороде (кажется, обобщение опыта проведения субботников) и была подписана Вячеславом Михайловичем В.И. Ленину, но по каким-то причинам вождю так и не была вручена — осталась в домашней библиотеке хозяина.

По завершении я представил-ся депутату. Пожали друг другу руки, обменялись визитными карточками. Попросил Никонова найти время для беседы. Он согласился, но тут меня перехватила его помощница (Татьяна Борисовна) и оттеснила от шефа, которого ждала толпа телевизионщиков для пресс-конференции.

1 мая. Пасха Христова!

На службу ходили с Ириной в наш Староярмарочный собор.

Вечером по обещанию пошёл к своей бывшей классной руководительнице Т.Б. Лубяко. Татьяна Борисовна вчера звонила, жаловалась на здоровье, просила прийти. Два часа слушал монолог, невольно думая о быстротечности времени. Её любимый дядя (я о нём наверняка в своих записях уже упоминал) служил во время Великой Отечественной войны «при лошадях». Потому он всегда и говорил: «Меня лошади спасли». В чём спасение? Я сразу не догадался. И только потом до меня дошло: лошадиная тяга

была главной у артиллеристов. Потому коней берегли, их обслуживала специальная команда конюхов — людей, умеющих обращаться с этими животными (кормить, поить, обихаживать, лечить). Лошади подвозили орудия на позиции, и их отгоняли в безопасное место — подальше от возможных взрывов вражеских снарядов. С ними уходили и конюхи. Вот что значит — «меня лошади спасли».

3 мая

Из дома пешком сходил в Кузничиху, в мастерскую к Николаю Павловичу Мидову. Галина Алексеевна Скотина закончила художественное оформление моей повести «Колька». Рисунки я забрал, но как это всё будет выглядеть в книге — пока не представляю. И от содержания картинки, как мне кажется, довольно далековаты. Это общие (яркие) деревенские мотивы. Но — посмотрим, что выйдет, когда буду готовить книжку.

С Мидовым проговорили более шести часов. Выпили три чечушки водки (в честь праздника). Главная тема беседы — что есть спасение, как его достичь. В земной жизни тут хоть что-то ясно — спасение в работе, в служении, в том, чтобы что-то оставить людям после своего ухода. А вот далее...

Вспомнил Николай Павлович свою молодость и небольшую церковку на улице Рождественской — такую аккуратную,

красивую. Как бы она сейчас украшала улицу! Но во времена хрущёвских гонений на православие её снесли.

— Где же она стояла? — спросил у него.

Оказалось — напротив Волжско-Камского банка. На опустевшем месте в моё время были выстроены кафе-стекляшки «Мороженое», «Пиво-воды». Теперь и эти кафе заброшены. Стоят, стыдливо от глаз людских затянутые банерами. Ничего на этой земле не прижилось. Зря церковку загубили.

6 мая

Новым мэром Лондона избран мусульманин, выходец из Пакистана, поднявшийся на политическую вершину из «городских трущоб». Интересно, чего здесь больше — толерантности англичан, или это всё-таки показатель превышения (количественного) мусульманского населения столицы над христианским (иными словами — традиционным). Не первая ли это ласточка для Европы о грядущих изменениях в её жизни?

Ещё 4 мая бывший губернатор Амурской области Владимир Павлович Полеванов откликнулся на моё поздравление и прислал интереснейший материал по Китаю — презентационно-аналитический доклад с фотографиями и статистическими справками. Развитие экономики этой страны просто потрясает —

огромные новейшие аэропорты и железнодорожные вокзалы, скоростные авто и ж/д трассы и по нескольку десятков километров мосты, огромные размеры экономической экспансии по всему миру. Быстрыми темпами идут космические программы, особенно по освоению Луны (Россия в этом вопросе тоже зашевелилась — явно боясь опоздать, оказаться в хвосте при «делёжке нового пирога»). Попробую поговорить с Полевановым, чтобы этот «Китайский материал» привести в форму статьи для «Вертикали. XXI век». К тому же эта тема для нас не нова, и начатый ранее разговор на страницах журнала требует продолжения.

8 мая

Позвонил Полеванову. Номер его телефона не изменился. Владимир Павлович пообещал прислать статью после праздников.

В филармонии с Ириной слушали выступление (традиционное) симфонического оркестра Мариинского театра (Пасхальный фестиваль — на этот раз посвящён 125-летию Прокофьева). 6 мая этот оркестр (дирижировал Валерий Гергиев) выступал в Сирии, в Пальмире, в древнем амфитеатре, внутри которого, на сцене боевики устраивали показательные казни с отрезанием голов. И вот через два дня музыканты в нашей филармонии исполняют музыку Прокофьева (из «Ромео и Джульетты»),

Рахманинова («Симфонические танцы») и любимого мною Чайковского (симфония № 5).

Домой шли через Кремль, и музыка всё жила во мне.

9 мая

На островке справа у Канавинского моста со стороны улицы Советской, где растут несколько американских клёнов, заливается соловей. Вчера поздно вечером, возвращаясь после концерта, я услышал его «щёлканье» — и удивился, и пожалел птичку: «Ну кого ты здесь, в самой городской толчее, в несносном автомобильном шуме найдёшь?» Но сегодня вновь услышал его зов и, как мне показалось, благожелательные ответы соловыхи.

И в лесу на острове разливаются трели. А по мосту идут и идут мне навстречу люди с портретами своих близких — участники «Бессмертного полка». Запечатлённая акция гражданской, человеческой памяти.

Вот и открыл «пляжный» сезон. Читал и загорал на набережной Оки. Книга Данилы Зайцева «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева» — согласен, необычна (воспоминания русского старообрядца — довольно непоследовательные, но живые, исполнены в «разговорном жанре»), любопытна (с точки зрения познания иной, скрытой от большинства из нас жизни на южно-американском континенте) и даже имеет некоторую историческую

ценность (как документ). Но я бы не стал переоценивать это произведение подобно Валентину Курбатову, который в статье «Здравствуй, завтра!» (прислал мне для «Вертикали. XXI век») пишет о нём так: «На немислимых путях скитаний вполне нынешней старообрядческой семьи в «Повести и житии Данилы Терентьевича Зайцева» XVII век со всею ветхой лестовкой совершенно естественно живёт, житийствует посреди двадцатого и двадцать первого веков, не теряя и не роняя себя, опять доказывая, что в духовно правильном мире времени нет».

В такой оценке книги Валентин Яковлевич больше выдаёт желаемое за действительное, чем констатирует действительно имеющий место факт. Нет, в книге полно и падений, и сомнений, и прочих неблагоприятностей, как в духовной жизни переселенцев, так и в их бытовой, семейной, производственно-сельскохозяйственной. А некоторые места в ней и просто уморительно-смешные.

И уж коли заговорил о книгах: звонил Анатолий Абрашкин, поздравлял с праздником, да и сообщил, что в «Эксмо» у него вышла книга о романе «Мастер и Маргарита».

— Выходит, поторопились мы с её публикацией в журнале «Вертикаль. XXI век»?

— Напротив, думаю, что публикация помогла тому, что издательство её выпустило.

В Москве этой работе дали другое, более провокационное

для читательского интереса, название. Ну да это неважно. Надо бы отметить выход этой книги в очередном номере «Вертикали», но так не хочется помещать на наши страницы нынешнее её название.

Вечером с Ириной смотрели салют на Волжской набережной у Чкаловской лестницы. Пока дожидались его начала — в сумерках смотрел на воду, и заметил, что если резко отвести от неё взгляд на бетонный склон набережной, то этот бетон, вместо воды, начинает двигаться, колебаться, «плыть».

11 мая

Отец Евгений Юшков приехал с пасхальным угощением на стол — кулич, конфеты, сахар. Пожалуй, впервые никуда не торопился — был не на машине, а «своим ходом». Привёз распечатку вёрстки книги «Последняя тетрадь» с небольшой правкой. Думает уже о продолжении — второй части. А в конце года обе книжки соединить в одну и издать в хорошем оформлении с цветными вклейками. Предложил сходить в Художественный музей, посмотреть выставку работ Олега Григорьевича Бордея, приуроченную к 100-летию художника. Я позвонил заместителю директора музея Вере Гордеевне Хорошиловой, уточнил — да, экспозиция в «Губернаторском доме».

Пошли пешком. Жара! Вверх по Кремлю поднимались медленно, о. Евгений рассказывал

о своём сельском житье, о заросшем чистотелом огороде. Я — о вчерашней встрече с Коломыйцем, Шаровым, Абрашкиным. У Анатолия вышла в Москве книга по тайнам «Мастера и Маргариты». Ну и просидели за столом в Союзе писателей до позднего вечера, обсуждая все наши дела за рюмкой водки. Теперь вот никак в себя не придую.

Выставка нам понравилась — картины, рисунки представлены из фондов музея и из частных собраний Голланда, Ларисы Помяткиной, Кузнецова. Но большинство работ именно из собрания Яна Голланда.

После обеда занимался подготовкой к годовому собранию — премией нашей организации за 2016 год, дела (личные) для приёма в члены Союза писателей. Приезжал Владимир Серафимович Новиков, забрал файлы для изготовления дипломов. Рассказал о поэте Владимире Константиновиче Миронове (как тот хотел застрелиться от чувства невыносимой жизни, но жена его напоила, а когда тот заснул — на лодке выплыла на озеро и утопила в нём пистолет), что, когда Владимир служил в армии, его за непокорный нрав часто и сильно били. Ох, не сладка жизнь русского мужика из глубинки, от земли, без образования. Тем и удивительнее, когда из этого неблагополучия вдруг является в мир настоящий поэт!

Ещё утром звонил Владимир Павлович Полеванов. Переживает

— получил ли я текст отправленной статьи. Подтвердил, что получил.

12 мая

Издательский совет. Подготовленная речь хозяина «Дирижабля» Якова Иосифовича Гройсмана, смысл которой — художественная литература (вся ранее изданная) низкого качества, не покупается, а потому зачем финансировать из бюджета издание подобных книг. На самом деле — он не далёк от истины. Подготовленное издательством «Книги» — всё низкого литературного качества. Но ведь под это «Дирижабль» расчищает площадку для себя. Тут виден исключительно коммерческий интерес, а не забота о литературе. Но Гройсман захотел решить вопрос кардинально — поставить на голосование предложение о финансировании проектов художественной литературы 50% на 50% — издательством и бюджетом. Понятно, что в этом случае издание наших книг однозначно бы прекратилось.

Я выступил и сказал: без обсуждения по такому важнейшему пункту голосовать нельзя. В итоге «убийство» не состоялось. Но тенденция видна, явно прослеживается. И мне приходится тут вступать в полемику уже не в первый раз. Местная «старая тусовка» привыкла всё делить — бюджетные деньги, награды, почести, привилегии — только

между собой. И до смерти будут отстаивать это право. А кто их, собственно, назначал в вершители местных судеб? Никто. Они сами себя назначили. И теперь держатся за своё место зубами.

13 мая

Станислав Смирнов попросил устроить в Союзе писателей встречу по поводу окончания работы над книгой о репрессиях. Тираж в 100 экземпляров распродан и распространён. Я думал, что соберутся какие-то люди, но кроме Станислава Александровича пришёл его соавтор кандидат юридических наук Александр Валентинович Беляков — и всё. У меня в кабинете оказался Михаил Рубцов. Вот и устроили маленькое застолье с бутылкой скотча. И конечно, заспорили по репрессиям, о дальнейшем историческом пути России. Правда, обошлось без обид и взаимных упрёков. Беляев — историк правоохранительных органов — в ответ на подаренные мною в библиотеке (во время встречи 27.04.) ему книги, принёс свои исторические исследования, очень уважительно мне подписанные. Принёс с благодарностью.

14 мая

Годовое собрание. Решил на нём провести приём новых членов. Отобрал дела Юрия Изумрудова, Алексея Лосякова, Николая Петрова, Михаила Рубцова и ещё нескольких человек. Ничто

не предвещало каких-то осложнений, но бучу поднял Евгений Эрастов.

— Кроме Юрия Изумрудова я никого не читал и поэтому голосовать не буду. Воздержусь. И вообще, вот раньше...

Пришлось спросить:

— Кто всем вам мешал книги этих авторов прочитать загодя? Они год лежали для ознакомления у нас в библиотеке.

В очередной раз удивил Чугунов. Только вчера мне звонил, говорил, что если у Изумрудова нет книг, то принимать его нельзя. Однако, стоило выступить Эрастову (только произнести первые несколько слов), как отец Владимир стал призывать немедленно принять Юрия Александровича в Союз писателей и поддержал претензии Евгения о «неизвестных книгах». Что происходит в голове у этих людей — для меня потёмки. И чего в их действиях больше — глупости или...

Конечно, я взял ситуацию под контроль. Всех обсудили и приняли. Но к таким мелким проявлениям тщеславия, предательства никак не могу привыкнуть.

Гадкий осадок на сердце. Почему всегда его ощущаю после «больших» встреч с местными писателями?

15 мая. День жён-мироносиц

Читал воспоминания старообрядца у Староярмарочного собора. Иду назад — на солнечной стороне аллеи у Красного дома

буйство красок: внизу сочная зелёная трава сплошь покрыта жёлтыми цветами одуванчиков. А над этой красотой кипенно-белое цветение калины, приглушённо-белое рябины, спокойно-белое яблони. Между ними жёлто-тёмными искорками, вкраплениями цветёт акация, и большими сиреневыми гроздьями сирень.

Пройдёт совсем немного времени, и всё это исчезнет. Но сейчас — красота!

16 мая

На Оке над островом кружит ястреб. Вот и этот прилетел в свои владения.

Отдал для номера «Вертикали. XXI век» последние материалы. Наверное, ещё что-то понадобится, но основная работа сделана. Внёс правку в тексты В.П. Полеванова и В.И. Заного, вычитал (большая работа, неряшливо написано) воспоминания В.Г. Татаринцева — война и послевоенный Баку.

Звонили из фонда митрополита Николая (Кутепова). В программе Мининской конференции стоит мой доклад. Не хватило духу сразу отказаться. Но, конечно, не пойду. Всё это пустые хлопоты.

Из министерства культуры вновь зовут в Болдино на Пушкинский праздник. От одного этого названия такой скукой повеяло... А ещё зовут в Лысково на дни памяти князя Грузинского. В Сеченово (Глыбин) на

представление его книги о знаменитых земляках. Не разорваться же. К тому же своя работа требует сосредоточенности. Наконец-то начал приобретать форму роман-дневник.

20 мая

Пришли статьи от Станислава Смирнова и Ирины Сергеевны Цветковой (Херсон). Станислав написал довольно пространно о красном терроре в Нижегородской губернии. Есть интересный фактический материал. Но главное: две статьи с разных позиций — Никонов и Смирнов — рассказывают примерно об одном и том же времени в Нижнем Новгороде. И как разнятся их оценки, взгляды. И у каждого своя правда. Вот что значит гражданская междоусобица. Сто лет прошло (этими статьями «Вертикаль-48» начинается разговор в преддверии юбилея революции — переворота 1917 года), а примирения нет и не предвидится. Публикация (именно из-за непримиримости сторон) будет интересной.

Цветкова о событиях на Украине написала «на нервах». Подписалась псевдонимом — боится. И есть чего. Выказала горький упрек России — не оправдала надежд, бросила в трудную минуту. Здесь автору можно было бы возразить — в своём государстве разбирайтесь сами. Она это предвидит и идёт в наступление: Российская армия правопреемница армии СССР,

которую строили все жители страны, включая и тех, которых сейчас гнобят на Украине. Так почему же эта армия не защищает тех стариков (да и не только их), кто столько сил и средств вложил на её создание? Честно скажу — не знаю, что на это ответить. Одно ясно — это крик отчаяния, потому что больше защиты униженным и оскорблённым, ограбленным и избитым искать негде.

Думая обо всём этом, смотрел с моста, как ветер по Оке против течения гонит большие, буквально морские валы с белыми гребнями. Не часто такое увидишь. Но как спокойна, мощна в своей силе стихия. Завораживающее зрелище!

Отослал в журнал «Столица Нижний» статью о книгах Анатолия Абрашкина. Надо Анатолия Александровича поддержать, дать красивую публикацию.

Ближе к ночи позвонил заслуженный артист России А.В. Мюрисеп. Из типографии в Союз писателей привезли половину тиража его книги «Степень свободы», и Александр Васильевич хотел узнать моё мнение о ней, услышать добрые слова. Я же пробормотал что-то не совсем вразумительное, чем его несомненно расстроил. Расстроил незаслуженно. Потому что «Степень свободы» — книга хорошая, ранее вся мною прочитанная (по отдельным публикациям). И оформлена довольно неплохо. Хотя и возвышенные оценки Мюрисепа по этому поводу я

не разделяю. Скажу даже — в оформлении есть некая провинциальная претензия на оригинальность. И это нехорошо. Уж лучше попроще, классически.

21 мая

Вот уже несколько дней в новостях главная тема — катастрофа (я уверен — теракт) египетского «Боинга», летевшего из Парижа в Каир. Самое страшное, что мы все к подобным новостям начинаем привыкать.

Михаил Рубцов зазвал на чтение акафиста Николаю II у Покаянного Креста. Пошли с Ириной. В сквере на улице Маслякова «столпотворение» из Михаила (в красной праздничной русской рубахе), А.М. Коломийца, одинокой старушки и непонятного вида мужичка.

Прочитали акафист, помолились. В заключение Михаил организовал Крестный ход с иконами Государя и Григория Долбунова по Большой Покровской из двух человек — он и мужичок. Немного с ними прошёл Коломиец. Мы с Ириной отказались. Рубцов не настаивал.

23 мая

В Академии госслужбы скромненько отметили 80-летие Анатолия Ивановича Пафнютьева — автора интереснейших литературных заметок о поэзии начала XX века. Человек сложной судьбы — детство в немецкой оккупации, в молодости закончил

юридический факультет Московского государственного университета, работа, алкоголизм, потеря семьи, тяжёлое восстановление «насухую». При этом успел стать кандидатом юридических наук, практически всю жизнь преподаёт в высших учебных заведениях, является автором монографий и всего прочего, положенного в этом статусе. К этому ещё примешалась «поэтическая тяга» и, как следствие, непризнание... Жизнь заканчивается (при двух семьях) проживанием в комнате студенческого общежития. Впрочем, он всем доволен, всё его устраивает.

Пафнютьев — добр, талантлив и сострадателен. Пока поднимались по лестнице на пятый этаж в комнату, где в уголке между стеной и шкафом втиснут его рабочий стол, Анатолий Иванович сказал: «Знаешь, часто вспоминаю детство и совсем не вспоминаю время московского студенчества».

За праздничным столом (небольшим, несколько коллег-преподавателей) вручил юбиляру диплом нашей (Нижегородской областной организации СП России) премии, пожалел, что Пафнютьев перестал писать свои литературные заметки. Это у него получается лучше стихов — в оценках, видении чужого творчества он оригинален, мыслит свободно, нестандартно, самостоятельно.

Провожая, Анатолий Иванович пообещал всё-таки подготовить текст книжки с заметками

о произведениях А.С. Пушкина. Не уверен, что соберётся. А хотелось бы такую книжку выпустить.

Шёл с юбилея с какой-то грустью в сердце и с полным пониманием ненужности таких «придуманных», тягостных торжеств.

26 мая

Профессор А.В. Мюрисеп осуществил новую постановку. На этот раз оперы «Зори здесь тихие» со студентами консерватории. Показал в зале Дома актёров. Музыка исполнял Нижегородский русский народный оркестр (дирижировал Борис Схиртладзе). Сцена маленькая, но Александр Васильевич всех уместил, хор пел из зрительного зала. Удивительно, но получился полноценный драматический спектакль, в котором герои (всё отличие) не разговаривают, а поют. Немножко комически выглядел старшина (А. Пузырёв), больше напоминающий шириной, басовитостью, жестами сельского раскормленного попа, а не отца-командира. Но и об этом во время действия забываешь.

28 мая. Лысково — Макарьевский монастырь

Как и в прошлом году, Лития в Спасо-Преображенском соборе по светлейшему князю Георгию Александровичу Грузинскому, который несколько десятилетий был предводителем дворянства Нижегородской губернии и имел

множество других заслуг перед государством. Службу провели два священника — местный и из Грузинской церкви Москвы — тоже прошлогодние знакомцы. Лысковский священник (не запомнил его имя, но узнал, что он из бывших журналистов, краевед) сказал хорошее слово о князе, подтверждая свои выводы ссылкой на документы, которые разыскал в областном архиве.

Я спросил о могиле (захоронении) Грузинского — действительно ли она здесь? Или в церкви лежит только надгробная плита?

— Захоронение здесь. Мы, когда были мальчишками, в небольшие проёмы пролезали и заглядывали в подвалы собора. Видели там надгробья. Так что под нами, под полом некрополь (родовой) Грузинских.

— Вы думаете, его не разорили, не осквернили?

— Нет. Но кто именно там захоронен, нужно узнавать в архивах. Видимо, опять придётся всем этим заняться мне.

Митинг у мемориальной доски, посвящённой памяти Грузинского. Я в своём выступлении предложил, чтобы в городе в день памяти князя вспоминали и других замечательных людей, много сделавших добра для Лысковской земли.

После говорили «академик» Сергей Скатов, журналист Валерий Татаринцев, Кукунашвили от грузинской диаспоры, «атаман» Назимов, «академик и профессор» Мария Сухорукова...

Экскурсия по Центру народного творчества «Рассвет» (замечательное дело делают энтузиасты, обучая детей ткачеству, кузнечному и гончарному делу, рисованию, шитью, работе с кожей, деревом, камнем...) Краеведческий музей оставил жалкое впечатление, но директор истово любит (и знает) своё дело. Слушала её с удовольствием.

На пароме переплыли Волгу (а это целое 40-минутное путешествие). На воде хорошо. Наблюдала над ястребами. Они кружатся над водой, шкируют вниз и выхватывают когтями лапами рыбу. Видимо, — больную. Это добыча более лёгкая, вот они и составляют конкуренцию чайкам.

В Свято-Троице-Макарьево-Желтоводском монастыре встретила матушка игуменья Михаила с двумя девочками («мои дочки») лет десяти. Фотографировались, долго трапезничали, говоря тосты под вкусное грузинское вино.

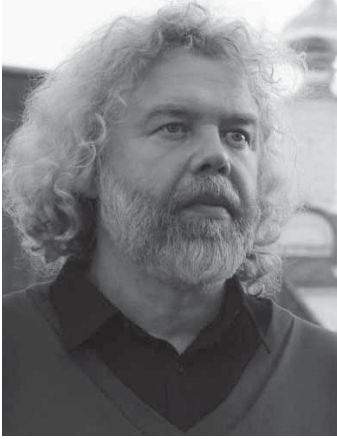
Я поднял бокал за любовь и веру — только это объединяет людей, даёт возможность для их

дальнейшего существования. После меня каждый говорил только лично о себе и своих достижениях. Как это скучно. Но матушка выступила в роли доброй и заботливой хозяйки. С удовольствием пригубила вино: («Ну, давайте на посошок до дна и бегом к мощам...»), рассказывала о восстановлении обители из страшной «мерзости запустения». Это сейчас она сплошь цветущий сад. Сама провела нас по церквям и соборам. Приложились к мощам Макария Желтоводского. На паром чуть успели.

Матушка Михаила проводила нас до самой пристани и, оставшись на ней одна, ещё долго крестила (благословляла) нас своим крестом. Когда паром довольно далеко отплыл, помахала рукой и одиноко побрела к монастырю (как мать, проводившая в дорогу своих детей) — невысокая, полная, тяжело идущая.

В город въехали по Карповскому мосту. Вышли с Ириной у парка Дубки и до Комсомольской площади (до магазина «Новость») шли пешком. Делились впечатлениями от поездки.

(Продолжение следует)

Игорь ТЮЛЕНЕВ

«НЕТ, РОДИНА НЕ УМИРАЕТ!»

Игорь Николаевич Тюленев родился в пос. Ново-Ильинском Пермской области в 1953 году. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве и творческом семинаре Юрия Кузнецова. Автор более 20 книг стихов, публикаций в литературных журналах и альманахах. Лауреат премий «Имперская культура», «Традиция», дважды лауреат журнала «Наши современник», Международной премии им. С. Михалкова, Всероссийской литературной премии им. Н. Лескова «Очарованный странник», академик «Академии поэзии». Секретарь Союза писателей России. Живёт в Перми.

СОВЕТСКОЕ КИНО

Смотрел с утра советское кино,
Уже не помню имена артистов...
А взял вдруг и расплакался
(смешно)

Над судьбами чумазых
трактористов.

Они, как дети, чистые внутри,
Таковыми быть их научил
Спаситель,
Когда ходил по небу златогрив,
Швыряя свет в советскую
обитель.

Душе подай целительный
настрой,
И я смотрел без тени
превосходства,
Что со странною стало и со мной,
И тихо плакал, чувствуя
сиротство.

А балалаечник, ей-богу,
Как ножичком по струнам — вжик!
И тут же к русским на подмогу
Бежит камаринский мужик.

Нет в помине той России
С журавлями в бороде,
Где ступнями шёл босыми
К нам Спаситель по воде.

Русых муз с огнём при свете
В той сторонке не найти...
Сплошь чернявенькие дети
Попадаютя в пути.

А до небу на карете
Катит с грохотом Илья,
Не заботясь об эффекте,
С ветки щёлкнет соловья!

Коршуна в гнездо загонит.
Опрокинет самолёт.
Небо вслед ему застонет.
Баба в поле заревёт.

Но пока шумят берёзы,
Расцветают лопухи.
И поэты нетверёзы
Пишут трезвые стихи...

Ничего уже не страшно,
Если ты в ладу с душой.
И Россия вновь прекрасна!
А Илья суров, но свой!

ДУМЫ ВЕЛИКОРОССА

Лишь спросонья вывалюсь из
горницы —
Слышу, как из «Слова о полку»
Киевские каркают усобицы...
Снова ввук Троянов начеку!

Храбрые Мстиславы
поразвели —
Не хотят быть Лондону щитом,
Ведь не зря Радедю-то зарезали
Пред полком касожским
вечерком!

Факельные шествия и прочая...
Символы коричневой страны,
Песня пролетарская, рабочая
Гонит сонм свидомой саранчи!

В небе старорусская поэзия!
В стрелах грозовые облака!
Вот о чём душа мальчишки
грезила
Если бить, так бить наверняка!

Не уступит Русь Тмутаракани
И Тавриды больше не отдаст.
Крымский ли, казанский ли
татарин,
Он теперь, как Чингисхан за
нас!

Вот с такими возвращаюсь
думками
И не знаю, правда где, где
ложь?
Если перекалишь — станут
хрупкими
Боевые души и штык-нож.

* * *

Не лезьте в душу, дураки,
И со спины не заходите.
Я больно бью с любой руки!
Тех, что упали — оттащите.

Не лезьте в душу, дураки,
Она, как отчина безмерна.

Валерий МИХАЙЛОВ

ИВОЛГА, ЛЕСА ОТШЕЛЬНИЦА

Главы из книги

Валерий Фёдорович Михайлов родился в 1946 году в Караганде. Окончил геофизический факультет Казахского политехнического института. Работал редактором газеты «Казахстанская правда». Известный русский поэт, прозаик, критик. Член Союза писателей России, секретарь правления Союза писателей Казахстана. Автор более двадцати книг поэзии и прозы, множества публикаций в российских изданиях, антологиях стран ближнего и дальнего зарубежья. Главный редактор ведущего русскоязычного литературно-художественного журнала «Простор». Лауреат международных премий «Алаш», Лермонтовской (2014), кавалер ордена «Парасат». Живёт в Алматы.

ДУША, ПОЛНАЯ ТАЙН

Имя собственное

В середине двадцатых годов прошлого столетия молодой ленинградский стихотворец Коля Заболотский вдруг начал подписывать свои изредка появляющиеся в печати сочинения именем Николай Заболоцкий.

Друзья, знакомые и приятели немного удивились, но расспрашивать, что да почему, по-видимому, не стали. В конце концов дело хозяйское, сегодня зовёшься так, завтра эдак. В те годы сменишь имя было за обычай, тем более в творческой среде. Подумаешь, чуть-чуть подправил свою исконную вятскую фамилию в ударении и написании. Зазвучало, правда, немного на польский манер, но в общем, даже чётче, благозвучнее. Словом, привыкли

постепенно да и выбросили из гол-
ловы...

Время-то какое тогда было — время псевдонимов. Ярких, звонких, громких! В прошлые десятилетия в общественной жизни негласно властвовало народовольчество. Как отголоски этого движения вместо какого-нибудь заурядного Петрова вдруг являлся загадочный Скиталец. Или же неприметный и непритязательный Пешков неожиданно становился Максимом Горьким. Каково! Такие имена сразу же врезаются в память читающей публики. Сразу видно — мятежники духа, страдальцы за народ.

Серебряный век литературы установил уже несколько иные каноны, утончённые и романтические. Разве может поэт, к примеру, называться Бугаевым? Топорно, грубовато, перед барышнями стыдно. Совсем другое дело — Андрей Белый. А Гликберг?... эдакое и выговорить трудно. Не угодно ли — Саша Чёрный? Изящно, звучно и под стать ироническим стихам. Юная Аня Горенко выступила таинственной Анной Ахматовой. (Впрочем, не самолично — строгий отец повелел своевольной девице: если уж не можешь не сочинять своих стишков, так хоть не позорь нашу фамилию, печатайся под псевдонимом.)

Времена революционные продиктовали новые правила. Бойкий творец рифмованных агиток Ефим Придворов сообразил: имечко-то старорежимное,

попахивает лакейской. И подарил себе новое, классово-верное — Демьян Бедный. Хотя отнюдь не бедствовал... Некто Эпштейн, совершенно в том же ключе, сделался Михаилом Голодным (и он не «голодовал»). Что уж говорить о таких непривычных для кондового русского слуха фамилиях, как Дзюбин и Шейнкман? В советскую литературу они гордо вступили Багрицким и Светловым...

Что же касается горлана-главаря революционной поэзии Маяковского, то ему и менять ничего не надо было. Читателям он представлялся не иначе как светильником во тьме, спасительным для заблудших мореплавателей. Однако, заметим, эта фамилия скорее всего имела совсем другое значение: на Руси (см. словарь Даля) маяками, или маклаками, назывались сводчики, посредники при продаже и купле, маклеры, прасолы, кулаки, барышники, базарные плуты.

Непревзойдённым же в своём революционном пыле стал на долгие годы (прожил более века) бывший одесский, а затем московский куплетист Александр Давыдович Брянский, взявший псевдоним по цвету знамени — Саша Красный.

Но что рассуждать о литераторах, когда сам нарком просвещения Советской республики носил странное, завораживающее имя — Луначарский. Даже не пирожное — сплошной крем. Тоже ведь псевдоним — правда,

доставшийся по наследству от отчима Чарнолуского, который, несомненно, из общей тяги к прекрасному, переставив слоги, так переиначил свою природную фамилию. Видно, и Анатолию Васильевичу, урождённому Антонову, не чуждому литературства, эта переделка приглянулась, коль скоро он не расстался с нею.

Не чурались того, чтоб зваться «покрасивше», и пламенные революционеры. Конечно, в подпольной пропагандистской работе им приходилось частенько обновлять псевдонимы, но отметим, какие из них в итоге утвердились. Джугашвили избрал стальное имя Сталин, его соратник Скрябин — железное Молотов. Ну, и так далее...

Случай Коли Заболотского, недавнего ленинградского студента, до самозабвения увлечённого стихами, всё же особый.

Он не искал броскости и красоты — он словно бы подчинился духу поэзии и своего поэтического долга. Ведь что такое поэт? Это новое качество. Это преображённое слово.

Ещё недавно, томясь неизвестным зовом, ползала по земле зелёная, неотличимая от травы гусеница. Мгновение — и вот, высвободившись из засыхающего и ненужного уже кокона, это существо обретает крылышки и взлетает в воздух, в небо. Оно преображается вдруг в диковинную бабочку, предназначенную для полёта. Не так ли из стихотворца появляется поэт?

...Что там, разоблачая ползучую тварь, высокопарно утверждал в своей крылатой фразе основоположник метода социалистического реализма Алексей Максимович Горький, в молодости баловавшийся стихами? Дескать, рождённый ползать летать не может? — Ещё как может! Чудо бабочки тому доказательство.

*Бабочка белая! Бабочка
белая!
В травах горячих земля.
Там, за притихшей лесною
капеллою,
Слышится всхлип журавля.*

*Речка бежит, загибая за
просеку,
Жёлтый погнавши листок.
Бабочка белая с чёрненьким
носиком!
Лето пошло на восток.*

*Чуешь, как мир убегает в ту
сторону —
Горы, леса, облака?
Сосны гудят — и старинному
ворону
Прошлые снятся века.*

*Сколько жилось ему смолоду,
смолоду
В гулкой лесной глубине?!
Ты же погибнешь по первому
холоду.
Много ль держаться и мне!..*

*Думы наплыли, а сосны
качаются,
Жёлтый кружится листок.*

*Речка бормочет. Глаза
закрываются.
Время бежит на восток...*

*Пусть же послышится песня
знакомая
Там, за Вечерней Звездой.
Может, и мы здесь июльскими
дрёмами
Завтра проведем с тобой.*

*Годы промчатся, как соколы
смелые,
Мир не устанет сиять...
Бабочка белая! Бабочка
белая!
Кто бы родил нас опять!*

Так написал, десятилетия спустя, совсем другой поэт, Николай Иванович Тряпкин, и не подумавший расстаться со своей «некрасивой» фамилией...

Однако каждый решает по-своему — и, наверное, по-своему прав.

...В родовом его имени Заболотский словно бы жил Русский Север, с его просторами, лесными далями, болотами; в самом звучании дышала родная вятская земля, окутанная долгими туманами, её реки, озёра, задумчивые небеса. Новое имя сделалось отчётливей, резче: акварель сменилась графикой. Прежняя жизнь ушла насовсем, и вслед за нею будто бы стала неуместной и та исконная напевность, что звучала в прозвании, которое носили предки.

С детства сочиняя стихи, Коля Заболотский окончательно

утвердился в себе как поэт годам к двадцати пяти. И, только твёрдо, ясно и бесповоротно осознав это, сменил фамилию, доставшуюся от предков.

В новом имени Заболотский зазвучал чеканный шаг анапеста — классический ритм стихов. (Заметим в скобках — как прообраз самой поэтической классики, к которой Николай Алексеевич после ранних новаторских опытов обратился в зрелом творческом возрасте.) Поступь решительная, пожалуй, даже фатальная, роковая. И лишь последний, безударный слог, оставшийся в неизменности, сохранил нечто от старого имени. Этот четвёртый слог был похож на выдох в пространство земли, в его открытое небо...

Поэт не мог не слышать чужеродного звука, что появился в его обновлённой фамилии, не мог не понимать, что самим этим поступком отстраняется от семьи, от своего прошлого.

Он словно бы простался и с отцом-агрономом, и с дедами-крестьянами, и со всей родовой, подчёркивая своё новое качество.

Это было символическое прощание с прошлым.

Был Заболотский — стал Заболотский.

Была фамилия — возникло имя.

Несколько слов о жанре жизнеописания

Говорят, чужая душа потёмки. Провергнуть невозможно

— остаётся принимать за истину. Темноватую, однако, истину...

Со временем понимаешь: да что там — чужая, когда и своя-то отнюдь не вполне ясна!

Лев Николаевич Толстой, всю жизнь пытавшийся познать себя (ну, разумеется, и человека, и мир вокруг, — даже на смертном одре он до последнего часа диктовал для записи свои мысли), как-то заметил в дневнике: «Биограф знает писателя и описывает его! Да я сам не знаю себя, понятия не имею. Во всю длинную жизнь свою, только изредка, изредка кое-что из меня виднелось мне». Не иначе накануне что-то прочёл про себя, про свою жизнь. Прочёл — и подивился. Не столько дерзости или же наглости жизнеописателя, сколько глубине своих потёмок...

Если взглянуть «с холодным вниманьем вокруг» — ни космос души, ни уж тем более её хаос понять просто невозможно. И это касается не только чужой души, но и своей. А стало быть, жизнь другого или же своя — до конца непознаваема.

Наверное, один Бог знает всё и про всех. Лишь Ему открыты — во всей полноте — наши души и жизни.

Расхожая приговорка: «Бог его знает?» привычно понимается нами как: кто же это знает? Но не отвечает ли сама она, в буквальном своём смысле, на поставленный ею же вопрос?

Только Бог (как это странно ни прозвучит) и мог бы стать

единственно истинным жизнеописателем. Потому что лишь Ему ведомы все поступки, мысли и чувства человека. Но не Божье это дело — писать биографии...

Наши мысли и чувства не отделимы друг от друга, и, пожалуй, их лучше бы называть одним словом — мыслечувства. Таинственно они настояны на прапамяти — и подпитываются памятью. Духовное, душевное и физическое в человеке находится в столь сложной взаимозависимости, что всё это вряд ли возможно в точности определить словами.

Тем не менее нашего любознания ничем не унять, — такова природа человека. Чем значительнее, ярче личность, тем притягательнее она как предмет самопознания человечества. И потому замечательный человек вызывает такой жадный, непреодолимый интерес как у исследователей и толкователей, так и у обычных людей — вне зависимости от того, когда он жил на свете и насколько известна правда о нём и его земном существовании. Не оттого ли биография — вечный жанр литературы?

Естественно и очевидно: ни одна такая книга, даже самая выдающаяся, не может исчерпать своей темы — жизни того или иного человека. Но даже и множество книг, посвящённых одному герою, не в силах установить окончательную истину: предмет исследования всё равно останется недостижим, как ускользающий в

непомерную даль горизонт. Всякий раз это только попытка приблизиться к тому, что столь же недостижимо, как и влекуще...

Так надо ли писать биографии? Вот, к примеру, прозаик Михаил Попов недавно придумал хлесткий афоризм: «ЖЗЛ — враньё о реальных людях, беллетристика — правда о вымышленных». Куда как верно, на первый взгляд.

Однако есть Творец с его Творением — и есть творцы с их творениями.

Биограф пытается приблизиться к истине, доступной лишь Творцу.

Да, жизнеописатель обречён на поражение.

А беллетрист? Неужто он в самом деле воображает, что знает то, что ведает лишь один Творец?

Правда беллетриста — вымышленная; его реальность, как бы ни была правдоподобна, — мнимая. Он принимает воображаемое за действительное. А пишет — из себя, сознательно или бессознательно придавая персонажам свои же собственные черты. (Не потому ли Флорбер говорил: мадам Бовари — это я.) Беллетрист, по сути, познаёт самого себя — а это дело бесконечное. Он, как и жизнеописатель, пытается понять человека, Творение Божье, приблизиться к тому, что до конца понять невозможно.

«Суди люди — суди Бог...» — задорно поётся в народной песне.

Людской суд нам известен — суд Божий не ведом.

Призвание

— Я только поэт... — однажды, под конец жизни, признался Заболоцкий.

В записи Наталии Роскиной, близкой тогда ему женщины, а говорил он, по её воспоминанию, «в минуту душевного растворения», фраза немного длиннее. Но мы пока избираем именно эти начальные слова, потому что они важнее всего — и с точностью формулы выражают его существо, его душу, смысл и предназначение его жизни.

Он понял, что стал наконец поэтом в голодном и холодном Ленинграде 1920-х годов, когда начали появляться новые по качеству стихи, составившие позже его первую книгу «Столбцы».

Друг детства и юности, Михаил Касьянов писал в своих воспоминаниях, как однажды в 1933 году в Питере пришёл к Николаю в гости после долгой разлуки. В дом Заболоцких на Большой Пушкинской привёл их общий товарищ и земляк Николай Сбоев:

«...жены с младенцем не оказалось. По-видимому, она с кричащим первенцем была отправлена на житьё к своей маме, чтобы младенец не мешал поэтическим занятиям папы. Мне это, по правде сказать, не понравилось. <...> К тому же Сбоев был крёстным отцом Никиты, так что родителям его приходился кумом. Так как мы с Наташей и не думали крестить своих двух ребят, то это

мероприятие меня тоже несколько удивило.

Николай Алексеевич встретил нас обоих гостеприимно. Была небольшая выпивка и закуска. Обо мне он сказал: «Ты, Миша, не похудел, а как-то сохся». Заболоцкий был тогда уже во славе. Вышла его книжка «Столбцы», вызвавшая большие отклики — и положительные, и отрицательные».

Заболоцкий подарил ему в тот день машинописный экземпляр «Столбцов» и сделал такую надпись: «Дорогому М. И. Касьянову, старому другу туманной юности. Впредь до будущей книги. Н. Заболоцкий. 17. 03. 33».

Николай Алексеевич вложил в сборник несколько своих новых стихотворений, написанных от руки, — они предназначались для второй книги, которую он готовил к печати.

И вот самое главное:

«Посидели, поговорили. Вспоминали, как вместе голодали в Москве. Николай Сбоев прибавил, что и в Петрограде в 1921/1922 годах «мы с Николаем (так он звал Заболоцкого) голодали немало». Николай Алексеевич вдруг оживился и начал вспоминать, как он тогда голодал, лёжа от истощения в кровати, но и то же время вырабатывал собственный стиль, так что время петроградской голодовки было для него плодотворным».

Там, там из гусеницы рифмоплётства вылетела на Божий свет чудная бабочка его поэзии!..

Итогом поисков стали столбцы — совершенно нового уровня стихи.

Это были уже не ученические опыты — он отыскал собственный голос, на редкость самобытный и выразительный, который сразу же сделался различаем во всём пространстве русской поэзии.

Как вдруг возникли эти новые стихи?

Вопрос сложный, до конца не объяснимый, глубинно связанный с тайнами души и творчества. Многописание тут ни при чём. Вопреки расхожему постулату материалистов, в поэтическом деле количество не переходит в качество. Примером тому — многопудовая продукция графоманов. Новое качество — самопроизвольный рост таланта, вспышка молнии, космический взрыв, порождающий ещё одну звезду.

В случае раннего Заболоцкого, конечно, бросается в глаза то, насколько сильно повлияли на него не только уроки Хлебникова, но и творчество живописцев, таких как Брейгель, Босх, Анри Руссо, в особенности Павел Филонов — его современник, с которым поэт был лично знаком. Однако это лишь видимая составляющая той непостижимой внутренней работы, что проделал поэт в поисках самого себя.

В студенческом журнале «Мысль» было напечатано его стихотворение под необычным названием «Сизифово рождение» — угловатое, наивное,

нарочито самоироничное. (Впоследствии Заболоцкий безжалостно сжигал свои ранние стихи, как «серьёзные», так и шуточные, — и сохранилось совсем немного: то, что удержала память его друзей или же что чудом уцелело в старых архивах.)

*Просвистел старый Ибис
с папируса*

*В переулки извилин моих,
И навстречу пичужке
вынеслись*

*Золотые мои стихи.
А на месте, где будет
лысина*

*К двадцати пяти годам,
Жёлтенькое солнышко
изумилось*

*Светлейшим моим стихам.
А они, улыбнувшись
родителю,*

*Поскакали в чужие мозги.
И мои глаза увидели
Панораму седой тоски.
Не свисти, сизый Ибис
с папируса,*

*В переулки извилин моих,
От меня уже не зависят
Золотые мои стихи.*

<1921>

При всей незамысловатости строк в них живёт и сияет, словно цветок-самоцветик, по-детски чистая любовь к стихам. К стихам как таковым — не важно, своим ли, чужим (да разве бывает чужим то, что любимо: оно уже своё). Без этой любви, естественной как дыхание, поэтов не бывает, ими попросту не становятся.

Может быть, лучше всех это чувство выразил Антиох Кантемир: умирая, он напоследок обратился к своим стихам: «Примите последнюю мою к вам любовь, прощайте!..» Или вспомним Пушкина, как он приподнялся со смертного ложа в своём кабинете, заставленном по стенам фолиантами, и сказал книгам: «Прощайте, друзья мои!..»

Конечно же, повлиял на рождение поэта Заболоцкого и сам город, в котором он тогда жил. Невероятный до упоминания!..

Петербург, Петроград, Ленинград... чего только не водилось в его промозгом, пряном, мглистом воздухе, замешанном на миазмах отсыревших каменных дворов-колодцев и всех человеческих страстей, — но и, одновременно, дивно мерцающим своими белыми ночами, великой историей и такой же великой литературой. Недавняя российская столица не только хранила в своём архитектурном размахе имперскую волю Петра и дышала ясной чистотой Пушкинского духа, — тут, казалось, незримо жили изломы кривых зеркал (и зазеркальности) Гоголя, душевные бездны и мистические прозрения Достоевского и многое-многое другое.

О том, как серьёзно относился молодой Заболоцкий к поэзии, можно судить по мемуарному очерку Беллы Дижур, которая в начале 1920-х годов училась с

ним в питерском Педагогическом институте.

Вспоминая те годы, она пишет:

«...неизменно вижу рядом с собой розовощёкого, светлоглазого мальчика из Уржума.

Это был ещё не тот Николай Заболоцкий — поэт трагической судьбы, автор блистательных стихов, переводчик «Рыцаря в тигровой шкуре» и даже не автор нашумевших «Столбцов».

Но уже тогда — в ранней молодости — лежала на нём печата какой-то «особости». Сдержанный, молчаливый, с холодными глазами, он выглядел очень значительным, при весьма ординарной внешности.

<...> в среде сверстников он всегда был как бы старшим, держался особняком и подружиться с ним было не легко».

Но всё-таки познакомились и подружились — когда юная поэтесса с химико-биологического факультета (а Заболоцкий учился на литературном и был редактором институтской стенной газеты) вдруг увидела напечатанным своё стихотворение, которое она «опустила в почтовый ящик» даже без подписи.

«Был он не старше меня. (На самом деле старше на три года — В. М.) Но держался очень солидно, за всё время беседы ни разу не улыбнулся, расспрашивая об Екатеринбурге, откуда я приехала, о любимых поэтах, поморщился, когда я среди любимых назвала Бальмонта».

Уже следующим вечером они вместе гуляли по улицам... «Коля говорил о Бальмонте. Это плохой поэт. Надо читать Лермонтова, Гейне. Спросил, как у меня с немецким? Гейне хорошо читать в подлиннике. <...>

Потом мы пили морковный чай и ели кашу из турнепса, которую мои подружки по общезнанию сварили во время моего отсутствия.

Такие чаепития и прогулки повторялись не однажды».

И наконец — самое поразительное:

«Иногда Коля отказывался от еды. Говорил очень серьёзным голосом: «Я ещё сегодня не писал стихов».

На гостеприимную настойчивость моих соседок отшучивался: «Кто не работает — да не ест». А иной раз говорил стихами: «Душа обязана трудиться и день и ночь».

Много лет спустя я прочла эти строки в одном из сборников Заболоцкого.

Господи! Оказывается, я была свидетельницей рождения этих прекрасных строк!»

Стихотворение «Не позволяй душе лениться», откуда эти слова, относится к 1958 году, последнему году Николая Алексеевича Заболоцкого на земле.

*Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!*

*Гони её от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому
Через сугроб, через ухаб!*

*Не разрешай ей спать
в постели*

*При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в чёрном
теле*

И не снимай с неё узды!

*Коль дать ей вздумаешь
поблажку,*

*Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвёт.*

*А ты хватай её за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой
по-человечьи
Училась заново она.*

*Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!*

...Казалось бы, поэзии в этом произведении маловато, зато назидательности с лихвой. Казалось бы, это просто зарифмованная волевая установка самому себе. Но так ли он нуждался в подобном самопонукании?

К тому времени Заболоцкий хорошо знал, что протянет недолго. И это был не просто дружеский совет братьям по рифме. Конечно же, это было обращение ко всем, кто остаётся на земле.

Признание напоследок — может быть, самое важное в его жизни.

Он прощался — и вспоминал себя, свою жизнь, свои испытания («тащи с этапа на этап» — это же и о многолетней неволе, о лагере!..).

Прикрывшись лёгкой, добродушной самоиронией, поэт со всей серьёзностью поведал о том, какой закон положил самому себе в юности.

И словно бы ненароком признался в том, что всю жизнь прожил по этому суровому — нравственному, а по сути религиозному — закону.

По свидетельству тех, кто знал Заболоцкого в петроградской молодости, он вёл жизнь самую аскетическую и «даже подвижническую». Например, в чтении отвергал беллетристику, предпочитая не тратить время попусту.

В поэтической программе обэриутов («Объединения Реального Искусства»), написанной в 1928 году, он, дав краткую выразительную характеристику своим товарищам — Константину Вагинову, Игорю Бахтереву, Даниилу Хармсу, Борису Левину, сказал о самом себе следующее:

«Н. Заболоцкий — поэт голых конкретных фигур, придвинутых вплотную к глазам зрителя. Слушать и читать его следует более глазами и пальцами, нежели ушами. Предмет не дробится, но наоборот — сколачивается и уплотняется до отказа, как бы готовый встретить ощупывающую руку

зрителя. Развёртывание действия и обстановка играют подсобную роль к этому главному заданию».

Точно так же, как в творчестве, он сколачивал и уплотнял до отказа свою собственную жизнь.

В феврале 1928 года двадцатипятилетний Заболоцкий, в быту то молчун, то насмешник, пишет письмо своей хорошей знакомой, студентке Кате Клыковой, — в скором будущем она станет его женой. Пишет с предельной откровенностью, так, будто предупреждает её, оберегая от того, чтобы не сделала неверного шага, — и в то же время прямо давая понять, на что обречена жена поэта:

«Моя жизнь навсегда связана с искусством — Вы это знаете. Вы знаете — каков путь писателя. Я отрёкся от житейского благополучия, от «общественного положения», оторвался от своей семьи — для искусства. Вне его — я ничто».

Что здесь невольно вспоминаешь?..

«И пришла к Нему Мать и братья Его, и не могли подойти к Нему по причине народа. И дали знать Ему: Мать и братья Твои стоят вне, желая видеть Тебя. Он сказал им в ответ: мать Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его» (Лк, 8, 19-21).

Поэзия стала его верой и слушением, его словом Божиим.

Писатель Вениамин Каверин был знаком с Николаем Заболоцким с молодости. В своих

поздних воспоминаниях он, стараясь быть максимально точным, признаётся:

«Мы были друзьями. Это не была полная, окончательная откровенность, та близость, при которой между друзьями нет и не может быть никаких тайн. Между нами была известная сдержанность, — может быть, потому, что я инстинктивно чувствовал в нём эту черту. Он был человеком глубокой мысли и глубокого чувства, но выражение мысли и чувства было не так-то легко для него. Всё выражалось в слове. А слово было для него не только элементом речи, но как бы орудием какого-то действия, свершения. Думая о нём, невольно вспоминается библейское: «Вначале было Слово».

Я не сразу понял по молодости лет ту главную черту, которая кажется мне для него необычайно характерной: что происходило с ним, вокруг него, при его участии или независимо от него — всегда и неизменно было связано для него с сознанием того, что он был поэтом.

Это вовсе не было ощущением учительства, стремлением поставить себя выше других. Это было чертой, которая морально, этически поверяла всё, о чём он думал и что он делал. Ощущение высокого призвания было для него эталоном в жизни. Он был честен, потому что он был поэтом. Он никогда не лгал, потому что он был поэтом. Он никогда

не предавал друзей, потому что он был поэтом».

Сам Николай Алексеевич никогда про то не говорил, своё писательство называл — в автобиографии и в очерке «Ранние годы» — обыденным словом профессия. И лишь изредка прорывалась наружу энергия высокого напряжения, которой он жил в глубине души и которую целиком отдавал своему служению.

Не потому ли самым мучительным воспоминанием за восемь лет неволи, в которой он перенёс и пытки, и временное помешательство рассудка, и смертельные опасности, и голод, был для него один случай, произошедший, по-видимому, в лагере близ Комсомольска-на-Амуре. Это неизбывное видение преследовало его до кончины, спустя годы и годы по освобождению.

...Серый строй заключённых, в котором стоял и он, истощённый, не знающий, протянет ли ещё день-другой. Начальник конвоя в упругих ремнях, ретиво рапортующий самому начальнику лагеря. И вдруг небрежная реплика того, кто принимал смотр, для кого их жизни были не дороже, чем пыль под сапогами:

— Ну, как там Заболоцкий — стихи пишет?

— Никак нет. Говорит: больше никогда в жизни писать не будет.

— Ну то-то...

В записках жены Заболоцко-го, Екатерины Васильевны, ни слова об этом, хотя наверняка Николай Алексеевич рассказывал

ей про тот случай. Должно быть, она, оберегая память о муже, посчитала необходимым умолчать о произошедшем. А вот Наталия Роскина в своих литературных мемуарах «Четыре главы» не однажды обращается к этому:

«Он редко и мало рассказывал мне о годах своего заключения, но один эпизод рассказывал даже несколько раз, и с большим волнением. <...>

И когда он в лицах изображал мне разговор этих двух начальников, в глазах его было что-то зловещее».

И ещё:

«Он рассказывал про голод, холод, про другие тяготы, про издевательства, какие только может создать воображение садиста, про вещи, только услышав которые человек перестаёт есть и спать; <...> и обо всём этом он говорил ровным тоном, не меняя выражение. И только когда он вспоминал, как начальник лагеря сказал — «не пишет, ну то-то» — в глазах его появлялся злой, отчаянный огонь».

И это мне понятно, ибо ни к чему на свете не относился он с таким благоговением, как к стихам, и ничто на свете не могло сравниться для него со смыслом и назначением его поэтического призвания».

Не потому ли самодовольная реплика начальника лагеря не забывалась, продолжала вызывать в Заболоцком гнев и неизгладимую муку?

Сам он это никак не объяснял. Можно представить, каково ему было восемь лет терпеть ежедневную пытку немотой — писать стихи запрещалось. Да и как бы он мог это делать, когда все силы уходили на то, чтобы выжить. Смеем предположить, что страдал он не только потому, что в нём был предельно унижен поэт и оскорблён Божий дар, — Заболоцкого с каждым годом, проведённым в неволе, всё сильнее угнетал тот неисполненный поэтический долг, который ему — и только ему — надлежало осуществить в короткой человеческой жизни.

А теперь закончим ту фразу, которую в минуту душевного растворения, незадолго до своей кончины, он сказал Наталии Роскиной:

«Я только поэт, и только о поэзии могу судить. Я не знаю, может быть социализм и в самом деле полезен для техники. Искусству он несёт смерть».

УРЖУМСКИЙ РЕАЛИСТ

Портрет художника в отрочестве

Тема посвящения у Заболоцкого, как говорится — сквозная.

В поэме «Птицы» учитель посвящает ученика — в жизни отец посвящал сына.

Так, Алексей Агафонович постепенно знакомил своего первенца Колю с миром природы,

с наукой её познания, словно бы ненароком вводя сына в дело своей жизни. Точно так же, повзрослев, и сам Николай Алексеевич захотел в своё время передать нечто сокровенное, важное сыну Никите. Это естественное отцовское желание было в поэте гораздо острее, чем когда-то у его отца-агронома: ведь Заболоцкий в 1938 году попал в неволю и на целых восемь лет разлучился с семьёй. Его старшему, Никитушке, было в год ареста отца всего шесть лет...

В январе 1941 года Николай Заболоцкий пишет из лагеря к сыну, поздравляя его с днём рождения:

«Вот тебе уже 9 лет. Ты уже совсем большой, милый. Мне было 9 лет в 1912 году. В то время праздновали 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. Мы, дети, очень увлекались рассказами об этой войне. Летом мы целыми днями играли в войну: наделали себе из бумаги треуголок, из палок — сабель, пик, ружей, и храбро сражались с крапивою, которая изображала собой французов. В 9 лет я отлично знал, кто такие были Наполеон, Кутузов, Барклай де Толли. Памятники Кутузову и Барклаю стоят около Казанского собора. Мама объяснит тебе — кто такие были эти люди.

Когда я хочу себе представить тебя, то вспоминаю себя девятилетним мальчиком. И это уже совсем не тот Никитка — маленький, которого я оставил в

Ленинграде около 3-х лет назад. Придётся нам с тобой снова знакомиться, сынок».

Литературовед Игорь Лоцилов замечает: «Слова из письма дают новый угол зрения на художественную задачу очерка, созданного в 1955 году, когда сыну исполнилось 23 года. В том письме отчётливо виден исток замысла, воплотившегося через много лет <...>»

И. Лоцилов сравнил письмо 1941 года с тем, что рассказано в очерке о детских играх 1912 года: всё сходится, Заболоцкий лишь чуть подробнее развил тему. Новое «знакомство» тем более необходимо: страна испытала за небольшой отрезок времени величайшие перемены, безвозвратно унёсшие прошлую жизнь:

«Выведенная за скобки текста перспектива времён, совмещающая исторический и лично-биографический опыт (1812 — 1912 — 1941 — 1955), сообщает небольшому очерку художественный объём. Мир, окружавший автора в годы казанско-сернурско-уржумского детства, становится своего рода Атлантидой, навсегда исчезнувшей после революции и «великого перелома», в окружении двух мировых войн».

Однако вернёмся на вятскую землю, в довоенный 1913 год.

«Уржум, ближайший уездный город, был в шестидесяти верстах от нашего села. В Уржуме было реальное училище, отлично оборудованное в новом корпусе, построенном на средства местного

земства — одного из передовых земств тогдашней России. В 1913 г., десятилетним мальчиком, я сдавал туда вступительные экзамены. Экзамены шли в огромном зале. Перед стеклянной дверью в этот зал толпились и волновались родители. Когда мать провела меня в это святилище науки, я слышал, как кто-то сказал в толпе: «Ну, этот сдаст. Смотрите, лоб-то какой обширный!» — не без улыбки вспоминал Заболоцкий в очерке «Ранние годы». — И действительно, сначала всё шло благополучно. Я хорошо отвечал по устным предметам — русскому языку, Закону Божьему, арифметике. Но письменная арифметика подвела: в задачке я что-то напутал, долго бился, отчаялся и, каюсь, малодушно всплакнул, сидя на своей парте. К счастью, в мой листочек заглянул подошедший сзади учитель и, усмехнувшись, ткнул пальцем куда следовало. Я увидел ошибку, и задачка решилась. В списке принятых оказалась и моя фамилия».

При всей его нерасположенности к разговорам о своём прошлом — о детстве, о родительском доме, о юности и молодости в столицах — в этом очерке поэт вдруг нараспашку открывает свою душу. Таких радостных, светлых страниц, блестящих всеми красками, всюю полнотой жизни, больше не сыскать у Заболоцкого!..

«Это было великое, несказанное счастье! Мой мир раздвинулся до громадных пределов, ибо крохотный Уржум представлялся

моему взору колоссальным городом, полным всяких чудес. Как была прекрасна эта Большая улица с великолепным красного кирпича собором! Как пленительны были звуки рояля, доносившиеся из открытых окон купеческого дома, — звуки, ещё никогда в жизни не слышанные мною! А городская сад с оркестром, а городовые по углам, а магазины, полные необычайно дорогих и прекрасных вещей!

А эти милые гимназисточки в коричневых платьицах с белыми передничками, красавицы — все как одна! — на которых я боялся поднять глаза, смущаясь и робея перед лицом их нежной прелести! Недаром вот уже три года, как я писал стихи, и, читая поэтов, понабрался у них всякой всячины! <...>

И вот я — реалист».

После однообразной сельской жизни всё в Уржуме ему казалось великолепным, всё приводило в восторг. Училище казалось просторным, в светлых классах всё необходимое; новые друзья-товарищи — выдумщики на проказы. Отлично смотрелась чёрного сукна шинель с жёлтыми кантами и золотистыми пуговицами — а к ней ещё и фуражка с лаковым козырьком и блестящим гербом. Манил еженедельный городской базар на площади перед острогом, где торговали всем на свете и сновали домохозяйки с озабоченными и вдохновенными лицами. Особенно же привлекал

театр, где ставил спектакли любительский драматический кружок.

Этот восторг первооткрытия остался в Заболоцком на всю жизнь так же свеж и ярок, как когда-то в отрочестве. Наверное, он потому-то и уходил от расспросов о прошлом, и хмурился, замыкаясь, что берёт в себе до поры до времени эти воспоминания как самое близкое сердцу и дорогое.

Поначалу мальчик, оторванный от семьи, видно, сильно тосковал по дому. Его устроили «на хлеба» к одной уржумской хозяйке по имени Таисия Алексеевна. В комнате ровесник, такой же ученик. «Нас кормят, нам стирают бельё, за нами приглядывают, и всё это стоит нашим отцам недёшево — по тринадцать рублей с брата в месяц. Наш надзиратель «Бобка», а то и сам инспектор могут нагрязнуть к нам в любой вечер: после семи часов вечера мы не имеем права появляться на улице. Но где же набраться силы, чтобы выполнять это предписание? Здесь, в этом великолепном городе, действует кинематограф «Фурор», а там идут картины с участием Веры Холодной и несравненного Мозжухина! Приходится идти на то, что старшие наряжают меня девчонкой и тащат с собой на очередной киносеанс. Всё как-то сходило с рук, но однажды мы попались: в наше отсутствие явился на квартиру инспектор и устроил скандал. К счастью, в

этот вечер горела городская лесопилка, и мы отговорились тем, что были на пожаре. В кондуит мы всё же попали, но это было полбеды».

Уездный город... казалось бы, что в нём может быть интересным и тем более необычным? Но для разгорающегося день ото дня поэтического воображения отрока, недавнего жителя села, это волшебный кладёзь новых знаний и впечатлений. Захолустный, покойный Уржум, ни чем в общем не знаменитый, крошечный в размерах громадной державы, сам того не ведая, бурно развивал в юном реалисте способности, заложенные от рождения, исподволь воспитывал и закалял характер. И главным для отрока Коли было, конечно, его реальное училище, которое он любил и которым гордился.

В Уржуме имелось ещё и городское мужское училище — а женская гимназия была одна-единственная. Естественно, мальчишеские школы соперничали между собой, добиваясь девичьего внимания. Реалисты надевали по праздникам голубую парадную шинель, и за это городские дразнили их «яичницей с луком». Никто не сомневался: завидуют! Ведь как кавалеры они без труда «забивают» городских.

Это «забивают» было не столь далеко от буквального смысла слова.

«Иной раз эти распри принимают серьёзный оборот, — не без удовольствия вспоминал

Николай Алексеевич Заболоцкий в «Ранних годах». — В городе существует заброшенное Митрофаниевское кладбище — место свиданий и любовных встреч. Бывают вечера, когда по незримо телеграфу передаётся весть: «Наших бьют!» Тогда все реалисты, наперекор всем установлениям и правопорядкам, устремляются к Митрофанию и вступают в бой с городскими. Орудиями боя чаще всего служат кожаные форменные ремни, обёрнутые вокруг ладони. Медная пряжка, направленная ребром на противника, действует как булава и может натворить немало бед. Почти всегда победителями выходили мы, реалисты, но кое-когда достаётся и нам, если мы проморгаем нужное время».

Сказано с хорошим знанием дела.

Митрофания — старую церковь и разросшийся вокруг неё живописный сад — Заболоцкий вспомнит позже, в дальневосточном лагере. В мае 1939 он писал в Уржум к жене, Екатерине Васильевне, куда она с детьми переехала из Ленинграда после ареста мужа — там, рядом с его роднёй, всё же легче было выжить. Рассказывал, что остро представляет себе весну в городе детства и что воображает, как в Митрофаниевском саду будет хорошо гулять летом его мальчику и девочке...

А тогда, ещё до германской войны, он спешил по утрам в училище, щёлкал каблуками

перед строгим инспектором Сильяндером, встречающим на лестнице учеников, старался, как и все, проشمыгнуть мимо зоркого ока этого педантичного немца, неумолимо требующего, чтобы белё было свежим, а обувь начищенной до блеска. Потом общая молитва в актовом зале, перед огромным парадным, в золотой раме, портретом императора — с пением, с главой из Евангелия, которую читал жиденьким тенором их законоучитель, отец Михаил, и, наконец, совместное исполнение гимна «Боже, царя храни!» Лишь после всего этого дети «с облегчением» разбегаются по классам. Рутина, поднадоевший ритуал... но школа и учит прежде всего дисциплине и порядку.

Само же обучение было налажено превосходно. Недаром Заболоцкий запомнил по именам почти всех учителей, начиная с директора, хотя тот в младших классах не преподавал. Незаурядный математик и прекрасный шахматист, Михаил Фёдорович Богатырёв был статен, вальяжен, живописно седовлас, и мальши с замиранием наблюдали, как швейцар Василий, помогая директору снять пальто, почтительно величает его «вашим превосходительством».

Общей любовью реалистов стал учитель истории Владислав Павлович Спасский. Он был ещё молод и, в отличие от всех других учителей, носивших форменные сюртуки, надевал

«гражданский» пиджак, «правда, с теми же лацканами и пуговицами». Принятыми учебниками он явно пренебрегал. «Основными движущими силами истории считал материальное бытие человечества и по основным вопросам давал свои формулировки, которые заставлял записывать в тетрадь и требовал от нас хорошего их понимания. Никакие ссылки на учебник не помогали иному лентяю в его ответах — уделом его была неизменная двойка в дневнике. Это обстоятельство долгое время обескураживало нас, но со временем мы поняли, что Спасский — человек самостоятельной мысли, и это обстоятельство необычайно подняло его авторитет в наших глазах. В жизни он был малоразговорчив, сосредоточен и никогда не был с нами запанибрата. Мы уважали его и гордились тем, что он был нашим классным наставником с первого класса».

По воспоминаниям Михаила Касьянова, в реальном училище была неплохая библиотека. Владислав Павлович Спасский говорил о ней, что если бы произошла мировая катастрофа, вся земля погибла и остался бы один Уржум, то можно было бы восстановить всю культуру по содержанию книг этой библиотеки. А ведь в Уржуме была ещё и городская публичная библиотека, куда постоянно ходили реалисты и гимназистки.

Увлекательно вёл свой предмет учитель естествоведения. Кроме того, он был любитель

посмеяться и накануне каникул уморительно читал ученикам ранние рассказы Чехова, сам при этом первым хохоча.

«Фёдор Логинович Логинов (на самом деле — Ларионов В.М.), учитель рисования, красавец мужчина, кумир уездных дам, пользовался нашей любовью именно потому, что преподавал любезное нашему сердцу рисование, а также потому, что имел порядочный баритон и недурно пел на наших концертах», — рассказывает Заболоцкий в очерке «Ранние годы».

Похоже, тут много личного: сам Николай Алексеевич с детства проявил способности и к рисованию, и к пению.

Любопытно, что рисование наряду с математикой считались в реальном училище самыми важными предметами. Причём обучали основательно, почти как художников: реалисты должны были владеть и карандашом, и акварелью, и маслом. Живописью увлекались чуть ли не все, и в училище были свои художники-знаменитости. Класс для рисования располагался амфитеатром (так были устроены и все другие классы), был чист, светел, кругом копии античных статуй, и, самое главное, у каждого ученика имелся собственный мольберт. Немудрено, что Коля весьма отточил своё мастерство портретиста и карикатуриста (шаржами и шуточными рисунками Заболоцкий «баловался» и во взрослом возрасте).

Запомнился ему и великолепный гимнастический зал, оснащённый турником, кожаной кобылой, брусьями, канатами, шестами. «На праздниках «сокольской» гимнастики мы выступали в специальных рубашках с трёхцветными поясами, и любоваться нашими выступлениями приходил весь город», — с явным удовольствием добавляет он.

Впоследствии, будучи уже студентом, Заболоцкий, давая пробные уроки в некоторых школах Ленинграда, с гордостью отметил: «<...> ни одна из них не шла в сравнение с нашим реальным училищем, расположенным в ста восьмидесяти километрах от железной дороги».

И это не «местный патриотизм», это вполне справедливо. Приехав в Уржум, я первым делом отправился в бывшее реальное училище. Его здание и через сто лет — одно из самых внушительных в городе, оно по-прежнему служит делу образования: теперь это гимназия. Красный кирпич, из которого оно сложено, потемнел, но не обветшал. Классы, что были прежде, конечно, давно перестроены, однако бывший рекреационный зал, с его высоченным потолком, поражает своими размерами. Да, с размахом построили уржумские купцы училище для своих потомков!..

Так уездные города учили и воспитывали для державы своих сыновей. В провинции к образованию относились, может быть,

уважительнее, чем в российских столицах.

Как-то мне довелось побывать в Ельце, в старинной гимназии, где когда-то отроком учился Иван Алексеевич Бунин, привезённый отцом из далёкой орловской деревни. Он тоже обитал у хозяйки «на хлебах», и так же его забирал к себе в гостиницу отец, когда приезжал по делам в уездный город: гулял с сыном, угощал вкусными деликатесами. В доме, где жил Бунин, в тесных комнатках обычного елецкого особняка, теперь музей его имени. Неподальёку в сквере памятник — бронзовый Иван Бунин задумчиво сидит на скамье. Беззаботные летние девушки легкомысленно садятся ему на колени, обвивают рукой и, смеясь, фотографируются на память. — А вот в Уржуме памятника Заболоцкому нет. Конечно, Елец покрупнее Уржума (в своё время едва губернским городом не стал), а стало быть, побогаче. Но разве в этом дело? Дело просто — в памяти. Или, может, кому-то покажется, что Бунин и Заболоцкий по таланту несопоставимы? Это не так, ещё как сопоставимы. Но что говорить о райцентре Уржуме, когда не вспомнили о Заболоцком и в Петербурге-Ленинграде, где он долго жил до ареста. И в Москве, где ему — как великому русскому поэту — давно, казалось, пора бы воздвигнуть памятный монумент.

Готовясь к отплытию

Удивительно, но в «Ранних годах» Заболоцкий почти ни слова не говорит о своём призвании и деле всей жизни — о поэзии.

Про чтение, — а оно, несомненно, было запойным — вскользь, по случаю; точно так же — про сочинительство, которого наверняка было не меньше, чем книгочейства.

И то, и другое стало главным в его жизни, начиная с Сернура — и в Уржуме только возросло.

Правда, писал он своей очерк многие годы спустя отроческой и юношеской поры — а к тогдашним опусам своим был строг, как никто другой.

Ни строчкой давнишней не обольстился — потому впоследствии и сжигал ранние произведения. Пожалуй, будь его воля — не оставил бы ничего.

Благо, что-то небольшое осталось в памяти друзей и знакомых, уцелело в старых письмах. Конечно, ничего особенно интересного, самобытного в этих стихах нет, — Заболоцкий был совершенно прав в оценке своих ранних сочинений, — но они показывают, с чего он начинал, как мыслил — и, кроме того, невольно говорят о нём самом как человеке.

Екатерина Васильевна Заболоцкая впоследствии вспоминала, что поэт хранил до 1938 года самодельную книжицу под названием «Уржум», куда он в 1919 году переписал свои юношеские

стихи: «Это была им самим спитая книжечка размером поуже тетради, сантиметров около двух толщиной... Помнится, там было много стихотворений о природе — о берёзе в инее, о сверкающем снеге, о звёздном небе. Было там и стихотворение «На смерть Кошкина», которое упоминается в «Ранных годах».

Михаил Касьянов свидетельствует, что в пятнадцать лет Николай сочинил шутивную поэму «Уржумиада» про жизнь в родном городке, в которой упоминались и сам Миша, и общие их друзья: Борис Польшер, Николай Сбоев, а также знакомые гимназистки Нюра Громова, в которую пылко и безответно был влюблён Миша Касьянов, и Шурочка Шестопёрова. От поэмы осталось лишь шесть строк, посвящённых Коле Сбоеву, любителю патриархальщины:

*Прохожий этот, так и знай, —
Философ Сбоев Николай.
Он отрицает всю культуру:
Американские замки,
В аптеках разную микстуру,
Пробирки, склянки, порошки.*

По этому отрывку трудно о чём-либо судить, хотя заметно: будущий поэт, а покуда уржумский реалист, был хорошо знаком с «бытовыми» ироническими поэмами Пушкина и Лермонтова, сочинёнными ими также по молодости для приятельского круга — от избытка жизни и забавы ради.

Но вот совсем другое — и уже интересное.

В письме домой Николай набросал восемь строк для младшего брата Алёши:

*Здравствуй, Лелюха,
Жареный ватруха!
Как ты поживаешь?
Из ружья стреляешь?
Я твоё письмо получил,
Чёрным квасом намочил.
Прощай, Лелюха!
Твой брат Колоха.*

Казалось бы, куда как неприятно — но до чего же естественно и непринуждённо пишет Колоха, как хорошо знает и чувствует живую русскую речь, с её игровыми перевёртышами женского рода на мужской («Жареный ватруха»).

И ещё одно стихотворение, посвящённое малолетней сестрёнке Наташе:

*«На сундуке, на горшочке», —
Говорит Наташа.
Как хотите, понимайте —
Это воля ваша.*

*И закрывши «глазами»,
Водит нас Наташа.
Как хотите, понимайте —
Это воля ваша.*

*«Старая и новая», —
Говорит Наташа.
Как хотите, понимайте —
Это воля ваша.*

Прихотливые ударения в детских словах Наташи изначально

свойственны опять-таки народным русским говорам, — и это тонко почувствовал юноша Заболоцкий. Недаром потом он, взрослым, с удовольствием и без особого труда писал стихи для мальчиков и девочек в детских журналах Питера.

Кстати, строка «Старая и новая» в последней строфе касается власти: в родительском доме всю обсуждали, какая власть лучше — прежняя, царская, или новая, советская? Лишнее свидетельство того, какое незначительное место смолоду занимала политика в душе Заболоцкого: над властью — устами ребёнка — можно было лишь слегка позабавиться. По-настоящему его волновала только поэзия.

Если изыски и красоты поэтов Серебряного века «дарили» его литературщиной, то живая обыденная речь учила истинному чувству русского слова.

О круге чтения подрастающего уржумского реалиста свидетельств крайне мало. Одно из самых важных принадлежит другу юности Михаилу Касьянову:

«Октябрьская революция дошла до нашего города в конце ноября (по старому стилю). Учебный 1916/ 1917 год закончился, по правде говоря, кое-как. Осенью мы снова собрались в реальном. После Нового года в Уржум пришла книжка какого-то журнала, в которой были напечатаны «Двенадцать» Блока, его же «Скифы» и одно стихотворение Андрея Белого. <...>

Николай вразумил меня относительно чеканной краткости и эмоциональной насыщенности стихов Анны Ахматовой, которые он очень любил. Бальмонта и Игоря Северянина мы к 1919 году уже преодолели. Маяковского мы тогда ещё знали мало. Только к лету 1920 года до Уржума дошла книжка «Всё сочинённое Владимиром Маяковским». А до этого нам становились известны лишь отдельные стихи и строки Маяковского. Их привозили из столиц приезжавшие на побывку студенты. Николай относился к Маяковскому сдержанно, хотя иногда и писал стихи, явно звучащие в тональности этого поэта <...>.

В начале 1920 года Николай написал своего «Лоцмана», стихотворение, которое он очень любил и считал своим большим и серьёзным достижением.

*...Я гордый лоцман, готовлюсь
к отплытию,
Готовлюсь к отплытию
к другим берегам.
Мне ветер рифмой нахально
свистнет,
Окрасит дали полunoчный
фрегат.
Вплыву и гордо под купол
жизни
Шепну богу: «Здравствуй,
брат!»*

Стихи были характерны для нашего молодого задора. С этим настроением мы вступали в жизнь и на меньшее, чем на па-

нибратские отношения с Богом, не соглашались».

Задор, конечно, похвальное дело, только «лоцманы» выводят корабли из гавани, а к «другим берегам» ведут капитаны. «Вплыву» — темно по смыслу... Вероятно, молодой автор, житель сухопутного Уржума, немного напутал в морской терминологии или же Михаил Касьянов ненароком запомнил что-то в стихотворении. Однако в этих некасистых строках всё-таки передано то волнение, которое охватывает юношу перед будущей дальней дорогой. Понятно, эта дорога — творчество, полёт вдохновения, поэзия.

Прощальный взгляд на город детства

Едва пролетел первый год в Уржуме — время восторженных открытий, новых знакомств и дружб, — как началась немецкая война. Отроку Коле было в 1914 году одиннадцать лет и учился он во втором классе. От вятского края война была далеко и почти никак не ощущалась. Но однажды в реальное училище пришли недавние выпускники, а ныне молодые прапорщики. Они отправлялись на фронт и заглянули попрощаться с учителями. В защитных куртках и ремнях, в погонах, с саблями на боку, новобранцы гляделись настоящими воинами, и мальчишки мучительно завидовали будущим героям.

Однако вскоре разнёсся слух: одного из тех, кто приходил в училище, убили. В памяти Коли осталась лишь его фамилия — Кошкин. «Труп его в свинцовом гробу привезли в город, и всё реальное училище хоронило его на городском кладбище, — пишет он в своём очерке. — По этому поводу я написал весьма патристическое стихотворение «На смерть Кошкина» и долгое время считал его образцом изящной словесности».

Собственно, «Ранние годы» и заканчиваются германской войной: Россия вступала в новый этап своей истории, вскоре обернувшейся крахом империи. Заболоцкий описал только самое начало этих грядущих перемен:

«Во всех домах появились карты военных действий с передвигающимися флажками, отмечаящими линию фронта. Вначале всё это занимало нас, особенно во время прусского наступления, но затем, когда обнаружилось, что флажки передвигаются не только вперёд, но и назад, и даже далеко назад, — игра постепенно приелась, и мы охладели к ней. И только буйные крики пьяных новобранцев да женский плач, которые всё чаще слышались у воинского присутствия, напоминали нам о том, что в мире творится нечто страшное и беспощадное, нимало не похожее на это безмятежное передвигание флажков в глубине уржумского захолустья».

«Страшное и беспощадное» постепенно приближалось и к Уржуму.

В те несколько лет до Октябрьской революции 1917 года тут шла ещё обычная жизнь. Николай учился, сочинял, много читал (в городе было «две приличные библиотеки»), на вечерах в реальном училище или в гостях у друзей пел под гитару и даже исполнил главную роль в оперетте под странным названием «Иванов Павел». Этот музыкальный спектакль устроили в доме Польнеров, где обитал «на хлебах» его друг Миша Касьянов. Другой спектакль поставил учитель рисования Ларионов в реальном училище: в «Ревизоре» Коля сыграл роль зрителя училищ Хлопова. (Так мало-помалу он набирался опыта держать себя на сцене — потом, в начале литературной жизни в Петрограде, это ему весьма пригодилось.) «Ревизор» имел такой успех, что постановку через некоторое время перенесли на сцену городского самодеятельного театра «Аудитория», где всякий раз публики было много.

После Февральской революции 1917 года и падения царской власти жизнь в городе стала оживлённей и беспокойней. Первого мая по главной улице прошла такая большая демонстрация, что Михаил Касьянов, вспоминая её, впоследствии писал: «Никак нельзя было поверить, что в Уржуме живёт столько народа. Наверное, все окрестные деревни пришли в город <...>»

В реальном училище образовался «Союз учащихся», благодаря свободе получивший право в лице своих представителей посещать «святая святых — заседания педагогического совета». В училище стали устраивать «субботники» — приуроченные к субботе вечера музыки и художественного чтения. Николай Заболоцкий тут же ввёл в репертуар чтение иронических стихов и с особым успехом декламировал непревзойдённого остроумца Алексея Константиновича Толстого:

*Верь мне, доктор
(кроме шутки!), —
Говорил раз пономарь, —
От яиц крутых в желудке
Образуется янтарь!*

«Здорово выходило у Николая: «Проглотил пятьсот яиц» с большим таким и очень убедительным «о», — вспоминал Михаил Касьянов. — Михаил Быков (председатель «Союза учащихся» — **В. М.**) пытался приучить публику даже к Маяковскому и для этого, чтобы напугать буржуев, прочёл стихотворение «Вот так я сделался собакой».

Немецкая война сменилась гражданской. Пояса пришлось подтянуть, и молодые реалисты на каникулах устраивались на службу, чтобы подработать денег. Миша Касьянов летом 1918 года стал делопроизводителем, его примеру последовал и Коля Заболоцкий.

о нём в город. В результате Николай был сам задержан и отправлен в уржумскую тюрьму. Вообще, латышские стрелки зверствовали в городе хуже всяких банд. В центр и, кажется, самому Кирову, земляку уржумцев, стали поступать многочисленные жалобы населения. Для их проверки была прислана специальная комиссия, после чего стрелки-чекисты были выведены из Уржума, а арестованные ими — освобождены. Так что в тюрьме Николай пробыл недолго. Но появилась строка о решётках, которые золотит заходящее солнце, а в семье долго вспоминали, как Лидия Андреевна носила передачи сыну».

Летом 1919 года Николай снова устроился на службу, теперь уже в городе. Армия Колчака прорывалась к Уржуму, и всем учреждениям было приказано перебраться в село Кичму. В глазах Михаила Касьянова, ставшего свидетелем этой эвакуации, запечатлелась живописная картина. По главной улице тащится обоз из трёх-четырёх крестьянских телег, гружённых тюками с бумагами и канцелярским инвентарём. На одной из подвод плачущая машинистка. За телегами пешком шагают служащие, и среди них его друг-поэт Коля. С виду, как всегда, невозмутим, важен и решителен.

«Не помню теперь, в каком таком серьёзном учреждении работал тогда Николай, — вероятно, в самом уисполкоме. Впрочем, вскоре на ближайшем к нам

участке фронта наступило улучшение. Колчаковские части были отброшены. Через полторы-две недели положение выровнялось, и Николай, всё такой же важный, как победитель вернулся в Уржум».

Существенную подробность о настроениях молодого поэта во времена Гражданской войны сообщил Никита Заболоцкий: «Много лет спустя Николай Алексеевич признался жене, что сочувствовал тогда белому движению и подумывал, не вступить ли ему в армию Колчака. Но, видимо, решил, что слишком молод, да и не в том его судьба».

Стало быть, Заболоцкого политика всё же волновала и тревожила — даже смолodu. Однако он не позволил, чтобы эта мутная стихия захватила его сознание. Душа безвозвратно принадлежала стихам, а поэзии место — над схваткой. Злоба дня — дело временное, стоит ли подчиняться временному?..

Он всё яснее осознавал: по окончании реального училища, — впрочем, теперь оно называлось «единой трудовой школой», — надо уезжать в столицу. Учиться дальше, набираясь ума-разума, крепнуть в мастерстве — и наконец сказать в поэзии своё собственное слово. Без этого не бывает настоящих поэтов. Уездный город был уже тесен, как старая одежда, из которой вырос.

Прощальный взгляд на родной город в очерке «Ранние годы» — уже не из отроческой

его поры, а из 1955 года. В этом взгляде не осталось ничего от того первоначального восторга, который некогда ощутил мальчик, покинувший своё скромное село Сернур. Он далёк от лирики — отфокусирован, отчётлив, как дагерротипный снимок, и разве что сдобрен внутренней добродушной иронией:

«Маленький захолустный Уржум впоследствии прославился как родина С. М. Кирова. В моё время это был обычный мешанский городок, окружённый морем полей и лесов северо-восточной части России. Было в нём два мизерных заводика — кожевенный и спиртоводочный, в семи верстах — пристань на судоходной Вятке. Отцы города — местное купечество — развлекались в Обществе трезвости, своеобразном городском клубе. Было пять-шесть церквей, театр в виде длинного деревянного барака под названием «Аудитория», земская управа, воинское присутствие, номера Потапова и ещё кого-то, весьма основательный острог на площади, аптека, казарма местного гарнизона. Гарнизон состоял из роты солдат под командой бравого поручика, в перчатках и при шпаге. Существовала пожарная команда с её выдающимся духовым оркестром. На парадах по царским дням мы имели удовольствие наблюдать всё это храброе воинство. Парад принимал настоящий генерал, правда, в отставке, по фамилии Смирнов. Эта еле двигающаяся развалина,

одетая в древний мундир, белые штаны и треуголку, с трудом вылезала из собора, воинство брало «на караул», и еле слышный старческий голосок поздравлял его с тезоименитством государя императора. Воинство гаркало в ответ, неистово подавал команду поручик, пожарники, хлебнув заблаговременно по чарке, взывали на своих трубах и литаврах, и рота дефилировала к казарме. Толпа торговков, шумя и толкаясь, провожала своих любезных восторженными взглядами и восклицаниями».

И ещё:

«Большим воскресным событием был еженедельный базар на площади перед острогом. Сюда съезжались крестьяне со всего уезда. Везли скот, мясо, муку, дрова, пеньку и всё то, что можно было вывезти из деревни. <...> Бойко работала «монополька». Начиная с полудня вокруг неё лежали живые трупы, слышался бабий вой, воздух наполнялся смрадом пережжённого спирта, песнями и руганью. Не отставало от «монопольки» и Общество трезвости. По крутым его ступенькам посетители зачастую съезжали на спине и лишь с помощью городского могли подняться на собственные конечности».

Бывший уржумский реалист вполне реально смотрел на вещи...

В 1955-м его жизнь — и он, конечно, понимал это — была на излёте. Тяжкая сердечная хворь не оставляла особых надежд. Каждый человек перед

земным концом задумывается о Боге — неверующие не исключение. Не потому ли и Заболоцкий в глазах жены, без сна и отдыха сидящей у его постели, вдруг разглядел нечто ангельское. Что мерещилось ему в полубреду ночных видений? Возможно, что-то подобное тому, что описано им в стихотворении «Бегство в Египет». А может, сюжет, схожий с евангельским, был просто игрой воображения? Поэт ничего не пояснил — да это и не очень важно. Глаза подруги, его ангела-хранителя по жизни, — вот что было важнее всего.

После того, что открыла ему болезнь, Николай Заболоцкий не мог не вспомнить в очерке о детстве того, что связывало его с православной верой, с Богом, с церковью. Лирика в этих церковных воспоминаниях смешалась с прозой жизни. Но ничего надумывать сверх того, что было, он, разумеется, не стал. И рассказал точно и правдиво, а где и с улыбкой о своём религиозном «опыте»:

«Каждую субботу и воскресенье мы обязаны были являться к обеду и всенощной. Мы, реалисты, построенные в ряды, стояли в правом приделе собора, гимназистки в своих белых передничках — в левом. За спиной дежурило начальство, наблюдая за нашим поведением. Дневные службы я не любил: это тоскливое двухчасовое стояние на ногах, и притом на виду у инспектора, удручало всю нашу братию. Мудрено было

жить божественными мыслями, если каждую минуту можно было ожидать замечания за то, что не крестишься и не кланяешься там, где это положено правилами. Но тихие всенощные в полутёмной, мерцающей огоньками церкви невольно располагали к задумчивости и сладкой грусти. Хор был отличный, и, когда девичьи голоса пели «Слава в вышних Богу» или «Свете тихий», слёзы подступали к горлу, и я по-мальчишески верил во что-то высшее и милосердное, что парит над нами и, наверное, поможет мне добиться настоящего человеческого счастья.

Иногда мы прислуживали в соборе. Одетые в негнущиеся стихари, двое или трое из нас ходили зажигать и тушить свечи перед иконами, помогали в алтаре и потихоньку попивали «теплоту» — разведённое в тёплой воде красное вино, которым запивают причастие. Но, будучи служками, мы несли ещё и другие, не установленные начальством и совершенно добровольные обязанности. Пачки любовных записок переходили с нашей помощью от реалистов к гимназисткам и обратно в продолжение всей службы. Это дело требовало ловкости и умения, но мы быстро освоились с ним и почти никогда не попадались в лапы начальства».

Весь этот короткий автобиографический очерк Заболоцкого — просто чудесен по ясности и точности слога, по своей музыке.

Недаром филолог Наталья Корниенко назвала «Ранние годы» «кристально чистым по пушкинскому звуку» и пришла к выводу, что очерк выделяется «на фоне образов детства, как его писали современники поэта».

В послереволюционные годы Николай увлёкся музыкальными собраниями, незамысловатыми спектаклями в театре «Аудитория», где однажды поставили даже оперу «Аиду». Артисты пели под сопровождение одного рояля, но это никого не смущало — своей собственной оперой Уржум законно гордился! В то время в город, спасаясь от голода, хлынули из российских столиц артисты и художники — и нашли здесь, особенно среди старшекласников, всеобщие любовь и поклонение.

А сам гордый лоцман уже всю готовился по окончании единой трудовой школы к отплытию...

...ПИТЕР БОКА ПОВЫТЕР

«В похоронном свисте революций...»

С петроградского снимка 1921 года, посланного домой в Уржум, смотрит почти что мальчик — белокурый, опрятный, в косоворотке: на переносице овалы очков, взор внимательный, скорее задумчивый, чем грустный. Этаким робкий, прилежный ученик; уголки губ чуть опущены

— признак печали, — хотя юноше всего-то восемнадцать лет. На обороте этой старой фотографии была надпись: «От сына Коли — студента Петроградского института имени Герцена». Для отца с матерью, наверное, и снимался на память.

Как непохож на этого примерного студента карандашный автопортрет 1925 года! Вроде бы тот же человек — да совсем не тот, хотя и прошло-то совсем немного лет. Рисунок — в манере кубизма: лицо в квадратах, ромбах, прихотливых многоугольниках светотени; линии резки, изломаны. Особенно поражают глаза: они расширены, суровы, пытливы и как будто бы искажены страстью, в которой и воля, и целеустремлённость, и мука. Сумасшедший взгляд — и предельно трезвый! Взгляд человека, беспощадно требовательного к себе и окружающему миру, человека, взыскующего правды жизни, какой бы эта правда ни была.

Фотопортрет отразил лишь внешность, рисунок же — внутреннюю жизнь, да заодно и пять лет петроградского студенчества. Как раз тот отрезок времени, когда Заболоцкий, вечно голодный, а то и вовсе голодая, вырабатывал собственный стиль, отыскивая свой способ писать, думать и видеть.

Август 1921 года, когда он приехал в город на Неве, был солнечным, тёплым и даже жарким. Больше всего его поразили

тогда два события, произошедшие в канун его приезда: кончина Блока и гибель Гумилёва. О первой трагедии напоминали афиши с приглашением на вечера памяти поэта, расклеенные на городских стенах; о второй — шептались повсюду, в попытке узнать подробности. «Сколько утрат — умер А. Блок, уехал из России А. Белый, Н. Гумилёва — расстреляли», — позже писал Николай своему другу Мише Касьянову в письме от 11 ноября 1921 года.

Судьба, конечно, не зря изгнала Заболоцкого из Москвы и привела в Питер. Тектонический разлом эпохи, всей русской истории особенно ярко отразился именно здесь. К тому же юному провинциалу, желающему во что бы то ни стало получить хорошее литературное образование, куда как больше подходил, да и соответствовал по характеру Петроград, превратившийся после революции в провинциальный город, нежели Москва с её столичной суевой.

Ещё недавно блестящая столица могучей империи, колыбель революции, Петербург-Петроград на исходе Гражданской войны стал похож на город-призрак. Революция не пощадила своей колыбели: из города словно бы выпили кровь. Прежде наполненный бурлящей жизнью, он сделался полуживым: населения вдвое, если не втрое, меньше; кругом запустение; заводы и фабрики стоят — нет ни сырья, ни

топлива. В пролетарском центре стало впятеро меньше рабочих: заводской и фабричный люд просто разбежался по деревням, чтобы прокормиться и выжить. На земле это было ещё возможно — но не на мостовых.

Несчастье оказалось городу к лицу.

«<...> именно в эту пору сам Петербург стал так необыкновенно прекрасен, как не был уже давно, а может быть, и никогда», — писал впоследствии поэт Владислав Ходасевич в очерке «Диск» — воспоминаниях о Доме искусств, или «Диске», где он жил рядом с Мандельштамом, Зощенко, Фединым, Шкловским и другими известными личностями. И так развивал свой образ:

«Москва, лишённая торговой и административной суевы, вероятно, была бы жалка. Петербург стал величествен. Вместе с вывесками с него словно сползла вся лишняя пестрота. Дома, даже самые обыкновенные, получили ту стройность и строгость, которой ранее обладали одни дворцы. Петербург обезлюдел (к тому времени в нём насчитывалось лишь около семисот тысяч жителей), по улицам перестали ходить трамваи, лишь изредка цокали копыта либо гудел автомобиль, — и оказалось, что неподвижность более пристала ему, чем движение. Конечно, к нему ничто не прибавилось, он не приобрёл ничего нового, но он утратил всё то, что было ему не к лицу.

Есть люди, которые в гробу хорошеют: так, кажется, было с Пушкиным. Несомненно, так было с Петербургом.

Эта красота — временная, мимолетная. За нею следует страшное безобразие распада. Но в созерцании её есть невыразимое, щемящее наслаждение. Уже на наших глазах тление начинает касаться и Петербурга: там провалились торцы, там посыпалась штукатурка, там пошатнулась стена, обломалась рука у статуи. Но и этот еле обозначающийся распад ещё был прекрасен, и трава, кое-где пробившаяся сквозь трещины тротуаров, ещё не безобразила, а лишь украшала чудесный город, как плющ украшает классические руины. Дневной Петербург был тих и величествен, как ночной. По ночам в Александровском сквере и на Мойке, недалеко от Синего моста, пел соловей».

Собственно, это уже был не Петербург (понятие всё-таки до-революционное, а если исторически — довоенное), а — Петроград.

«В этом великолепном, но странном городе жизнь протекала своеобразно, — продолжает Владислав Ходасевич. — <...> Заводы и фабрики почти не работали, воздух был ясен, и пахло морем. <...> Зато жизнь научная, литературная, театральная художественная проступила наружу с небывалой отчётливостью. Большевики уже пытались овладеть ею, но ещё не умели этого сделать, и она доживала последние дни свободы в

подлинном творческом подъёме. Голод и холод не снижали этого подъёма, — может быть, даже его поддерживали. Прав был поэт, писавший в те дни:

*И мне от голода легко
И весело от вдохновенья.*

Быть может, ничего особенно выдающегося тогда не было создано, но самый пульс литературной жизни был приметно повышен. Надо прибавить к этому, что и общество, у которого революция отняла немало обывательских навыков и пред которым поставила ряд серьёзных вопросов, относилось к литературе с особым, подчёркнутым вниманием. Доклады, лекции, диспуты, вечера прозы и стихов вызывали огромное стечение публики».

Вот в какую необыкновенную пору Петрограда попал сюда семнадцатилетний, никому не известный сочинитель.

В общежитии он устроился в одной комнате с приятелями по Уржуму: Николаем Резвых, Борисом Польшером, с которыми вместе учился в педагогическом, и Аркадием Жмакиным из технологического института. Как и в Москве, земляки держались вместе, стараясь поддерживать друг друга.

Но и в Питере студентам было не легче, чем в столице. Недаром, в ответ на «удручающее» послание Михаила Касьянова из Москвы, Заболоцкий воскликнул в письме от 7 ноября 1921

года: «Трудно жить, невозможно жить!» Над юношами висела постоянная угроза голода: в любой момент их могли лишить довольствия, и без того скудного. Проучились всего-то ничего, а снимут паёк — так и вовсе распустят на все четыре стороны на месяц-другой. «Всё это сейчас ещё крайне неопределённо, а потому — мучительно, — писал Николай другу. — Практические дела с каждым днём всё хужеют — бунтует душа, а жизнь не уступает. Проклятый желудок требует своих минимумов, а минимумы пахнут бесконечными десятками и сотнями тысяч... А душа бунтует — но, увы, и она просит того же...»

Однако как уберечь последние гроши, когда в книжных лавках столько интересного! Николай не удержался — купил объёмистый том Д. Гинцбурга о русском стихосложении, «Опыты» В. Брюсова и ещё одну книгу по стихосложению, «сортот-двумя ниже», — «Версификацию» Н. Шебуева. Да набрал ещё стихотворных сборников и литературных журналов:

«Теперь читаю, используя всякую возможность. Хочется, до боли хочется работать над ритмом, но обстоятельства не позволяют заняться делом. Пишу не очень много. Но чувствую непреодолимое влечение к поэзии Манделъштама («Камень») и пр. Так хочется принять на веру его слова:

*Есть ценностей незыблемая
скала...
И думал я: витийствовать
не надо...*

И я не витийствую. По крайней мере, не хочу витийствовать. Появляется какое-то иное отношение к поэзии, тяготение к глубоким вдумчивым строфам, тяготение к сильному смысловому образу. С другой стороны — томит душу непосредственная бессмысленность существования».

Обстановка в городе была напряжённой, сложной: не прошло и полгода с Кронштадтского мятежа, жестоко подавленного властью. Тысячи моряков, ещё недавно бывших честью и славой революции, были перестреляны и казнены за то, что хотели «Советов без большевиков». А в августе, по делу так называемой Петербургской боевой организации Таганцева, были расстреляны несколько десятков человек, в том числе и поэт Николай Гумилёв, — арестованных же было около тысячи...

Гнетущая атмосфера террора и порождаемого им страха была вполне ощутимой для всех в опустошённом Гражданской войной Петрограде — и вызывала душевную смуту:

«Есть страшный искус — дорога к сладостному одиночеству, но это — Клеопатра, которая убивает. Родина, мораль, религия, — современность, — революция, — точно тяжкая громада висят над душой эти гнетущие вопросы.

воздухом Ахматова, Мандельштам и другие поэты, которых он читал в Уржуме и Москве, но он, кажется, и не думал заявиться к кому-нибудь из них со своими стихами, — по крайней мере, ни в одних воспоминаниях нет даже и намёка на это. Вообще говоря, в своей поэтической молодости Заболоцкий, по-видимому, и не пытался представиться ни одному из мэтров. Отчасти, наверное, из самолюбия, отчасти же понимая: из того, что написано, показывать нечего. (Потом, когда появилось своё, — идти за «благословением» было уже незачем.) Но, скорее всего, он изначально решил до всего дойти собственным умом, без чьих бы то ни было советов и подсказок.

Обитатель «Диска» Владислав Ходасевич, сравнивая академические пайки в Москве и Петрограде, пришёл к выводу, что петроградцы получали гораздо меньше да и «подвоза продуктов приходилось ожидать часами».

По поводу пайков успел перед смертью печально усмехнуться Александр Блок:

*Верь, читатель, — он не проза
Свыше данный нам паёк.
Ввоза, вывоза, подвоза
Ни на юг, ни на восток...*

Паёк академический выдавали по специальному списку. Куда было студентам до академической «роскоши»!.. Так что вряд ли Николаю и его сотоварищам по комнате в общежитии

было «от голода легко». Всё свободное от учёбы время уходило на поиски заработка и добывание пищи. Вот что писал Заболоцкий Михаилу Касьянову в ноябре 1921 года:

«Мой дорогой Миша, прости — за 3 месяца моего петроградского житья не послал тебе ни одного слова. Почему? Ни одной минуты не уделил ещё себе из всего этого времени — обратился в профессионального грузчика — физическая работа — всё время заняла до сих пор — сюда ещё присоединяется хроническое безденежье и полуголодное существование. 3 месяца убиты на будущее. Работал в порту по выгрузке кораблей — за эту работу получу скоро различных продуктов (шпику, муки, сахару, рыбы и пр.) общей стоимостью на один-полтора миллиона. Кроме того, заработал тысяч 400 на лесозаготовке. На всё это думаю немного подправиться — весь обносился и исхудал, так что меня в институте многие почти не узнают. Пока с продовольственной стороны мы — я, Аркадий и К. Резвых (Борис не вынес и укатил в Уржум) различаем 3 периода в своей жизни. I картофельный, II мучной и сейчас III — жировой. Отделяется один от другого — расстройствами желудков. Сейчас живу более или менее сносно, но холодильник мешает заниматься. Только что начинаю посещать лекции и начинаю зарываться в глубины человечества — сумерийские, хамитские и пр.

и пр. эпохи. С журналом дело не ладится. Паёк прибавили: 1 ф. хлеба, 4 ф. крупы, 5 ф. селёдок, 1 — масла, 1 — сахару и пр. Голодать кончаю. Зато отупел совершенно и плачу над самим собой. Ничего не пишу или очень мало. Иногда выступаю на концертах — публика относится с удивлением и нерешительно хлопает».

И чуть далее:

«Живу в обществе Аркадия и Кольки Резвых. Математика и желудок. Одиночество. В Институте много славных ребят, но толку мало. Бабья нет, да и не надо. <...>

Дома положение плохо. Отец болен, совхоз шатается и пр.

Пиши мне стихи. Здесь Мандельштам пишет замечательные стихи. Послушай-ка:

*Возьми на радость из моих
ладоней
Немного солнца и немного
мёда,
Как нам велели пчёлы
Персефоны. <...>»*

Если Николая и навещало порой вдохновение, то не весёлое:

*...Но день пройдёт печален
и высок.
Он выйdet вдруг походкой
угловатой,
Накинет на меня упрugое
лассо
И кровь иссушит на заре
проклятой.
Борьба и жизнь... Пытает
глаз туман...*

*Тоскует жизнь тоскою
расставанья,
И голод — одинокий
секундант —
Шаги костяшкой меряет
заране...*

Поэзии в этих неуклюжих строках и угловатых рифмах нет — лишь сумбурный выплеск чувств, не созревших до стихов. Память о прочитанном «выдала» юному сочинителю готовые образы: Майн Рид кинул в подарок упрugое лассо, Пушкин с Лермонтовым одарили дуэлью. Борьба за существование показалась поединком со смертью, где голод уже отмеряет шаги до барьера...

Так действовал на восемнадцатилетнего Заболоцкого Питер.

Сады познания

В письмах 1921 года из Петрограда, собственно, меньше всего — о самом Герценовском педагогическом институте. На уме юноши одна поэзия да ещё наивное желание научиться писать стихи с помощью пособий по версификаторству. Но что могут дать теоретики этого премудрого искусства вроде Гинцбурга или Шебуева, не снизшедшие за отсутствием таланта до, так сказать, практики? Одно дело — Камасутра, и совсем другое — любовь. Своенравная муза почему-то всегда отворачивалась от учёных знатоков теории стихосложения: коли они вдруг начинали петь, то выходило не

лучше, чем у механических словёв. (Валерий Брюсов, может быть, не в счёт, талант у него был, хотя больше — поза и роль мэтра, теоретика-практика, усиленно играющего мускулами и перепробовавшего весь арсенал размеров и рифм. Только вот глубокое мастерство нимало не прибавило поэзии его стихам.)

Человек, обладающий даром, сознательно или же бессознательно, ищет прежде всего поэтического содержания, а оно даётся не познаниями в стихосложении, но живой жизнью: впечатлениями, переживаниями, всем опытом ума, памяти и сердца. Версификация — дело последнее и, кажется, не очень-то и нужное, а, может, не нужное вообще. Не от избытка теории глаголют уста — а от избытка сердца. Содержание само находит себе форму, всякий раз — единственно возможную. Ритм и интонацию подсказывает сама стихия рождающегося слова. Русский язык словно бы изначально предназначен для поэзии, ведь стих и стихия — однокоренные слова. Давным-давно они органично перешли из греческого в старославянский, а затем и в современный русский язык, чтобы определить нечто, подобное творению. Не сами Бог-Слово благословил этими понятиями русскую поэзию...

Понимание всего этого пришло к Заболоцкому через годы и годы после его петроградской юности, а тогда он только интуитивно приближался к сути поэзии и к тайнам мастерства.

Сам этот великий город, в его прекрасной нищей наготе, незримо выковывал дух в юном художнике, прибывшем сюда из глубин России по наитию ума и сердца.

Несмотря на революционные потрясения, Северная столица сохранила костяк своей знаменитой академической школы, так что почерпнуть из кладезя знаний молодым людям было у кого.

Разумеется, для Николая важнее всего были стихи. А институт, образование — постольку-поскольку. Педагогом он быть не собирался, хотя считался способным студентом и даже одно время испытал малодушный соблазн свернуть с назначенного пути и посвятить себя «всецело науке». Но так и так хорошее образование ему было необходимо. Громадные пробелы в знаниях сделались для него очевидными сразу же при поступлении в педагогический институт.

Его экзаменовал декан общественно-экономического факультета профессор Василий Алексеевич Десницкий, известный литературовед. Десницкий был чрезвычайно яркой и незаурядной личностью. Он родился в Нижегородской губернии и был из «духовного звания» (отец — дьякон). Там же, в Нижнем Новгороде, закончил духовную семинарию, а потом увлёкся революционными идеями и примкнул к социал-демократам. В молодости познакомился с Максимом Горьким и дружил

с ним до самой смерти писателя. Получил ещё одно образование — историко-филологическое. По натуре это был учёный-созидатель и педагог-организатор. Десницкий глубоко изучал русскую классику: Пушкина, Гоголя, Гончарова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Горького и других; воспитал десятки известных литературоведов и педагогов. Его учениками считали себя такие выдающиеся учёные, как академик В. М. Жирмунский, Т. В. Томашевский, Б. Н. Берков.

Василий Алексеевич Десницкий, собственно, и создал Герценовский институт в Питере: через посредничество Горького обратился в 1918 году к Ленину (с которым был знаком по партийной работе), предложив создать высшее педагогическое учебное заведение нового типа — с полным университетским образованием. Проект Десницкого был тогда же одобрен декретом наркома просвещения. Под новый институт отдали здание бывшего Императорского Воспитательного дома на набережной реки Мойки.

Василий Алексеевич умел разбираться в людях — и разгадал в юноше Заболоцком, поступавшем на литературное отделение факультета, немалые творческие задатки. Декан не раз выручал молодого студента на регулярных «чистках», когда бдительные комиссии выискивали в рядах студентов и преподавателей тех, кто происхождением относился к «имущим классам». Хотя отец

Николая был из крестьян и всю жизнь проработал на земле, для советской власти образца двадцатых годов он был «эксплуататором», потому что занимал должность агронома. За такое сомнительное родство его сын мог в два счёта вылететь из рядов студентов. Если бы не партийное прошлое Десницкого и не его авторитет, жизнь Заболоцкого сложилась бы иначе. Точно так же Десницкий помогал и своим коллегам: в 1921 году, обратившись с письмом к Ленину, он вызволил на свободу известного историка И. А. Рожкова.

Осенью 1947 года комиссия по организации 70-летнего юбилея В. А. Десницкого обратилась к Николаю Заболоцкому, лишь недавно отбывшему срок заключения, с просьбой написать стихотворение в честь педагога для специального выпуска институтских «Учёных записок». Сочинять подобные вещи поэт, понятное дело, не любил, как пишет в книге об отце его сын Никита Николаевич, — да почти никогда и не принимался за такое. «В отношении близких ему людей прибегал в таких случаях к шуточному жанру — писал добродушно-иронические, шутливые, по его выражению, «стишки», предназначенные исключительно для домашнего пользования». Но Василия Алексеевича Десницкого поэт уважал по-особому, испытывая огромную благодарность к своему заступнику.

Когда поэта арестовали в 1938 году, Василий Алексеевич был одним из немногих, кто его защищал перед властями. Десницкий обратился с письмом к Сталину, сказав, что высоко ценит своего бывшего ученика как поэта и что тот никак не может быть врагом народа. С вождём он был лично знаком ещё по большевистскому подполью и обращался к нему, как прежде, называя — Коба и подписываясь своей партийной кличкой — Лопата. Что Коба ответил Лопате и ответил ли вообще, не известно — только участия арестованного это ходатайство никак не переменяло.

В декабре 1947 года Николай Алексеевич сердечным письмом поздравил с 70-летним юбилеем своего учителя:

«Сколько раз за эти годы мы с Катей вспоминали Вас как отца родного и вместе с этим вспоминали нашу молодость, и Герценовский институт <...>. Я очень хорошо помню, как в августе 21 года, когда на стенах города были расклеены афиши о траурных вечерах по поводу смерти Блока, Вы впервые экзаменовали меня, принимая в институт; как я безбожно путал Пугачёва со Стенькой Разиным, но зато наизубок знал символистов вплоть до Эллиса, и как Вы тогда мне сказали, что в голове у меня порядочная каша и что если и есть в ней что-нибудь порядочное, — то это безусловное желание учиться. В сущности говоря, тогда решалась судьба этого вятского

паренька; эту судьбу решали Вы, и Вы решили её человеколюбиво и правильно. А в институтские годы сколько раз Вы охраняли меня <...>! Всегда, вплоть до последних лет моего отсутствия, я чувствовал Вашу внимательную и направляющую руку <...>».

А в мае следующего года послал Десницкому письмо со стихотворением «Садовник», ему посвящённому :

*Но, если есть награда
за труды, —
Что может быть отраднее
сознания
Садовника, взрастившего
сады
На каменистых склонах
мироздания? <...>*

*В его садах — избыток
дивных сил,
Их не убьют ни засухи,
ни стужи...
Учитель мой! Ты не сады
растил —
Ты строил человеческие
души.*

И далее:

*Согретый солнцем
сталинских идей
И до конца поверив
в человека,
Ты вызвал к жизни тысячи
людей —
Строителей невиданного
века.*

.....

*Поистине, сегодня
счастливы ты,
Живых сердец
взыскательный садовник!*

Что и говорить, юбилейное стихотворение Заболоцкий сочинил добросовестно. Однако это дело техники — не вдохновения. Муза, конечно, поморщилась: человекоугодничество. Муза, она, хоть и мифическое существо, но крайне привередливое, и такое ей не по нраву. Но не отвернулась насовсем, простила — потому что любила Заболоцкого.

Никита Николаевич пишет в своей книге, что отец, как обычно, прочитал стихотворение своему другу Николаю Леонидовичу Степанову. Тот, по всегдашней своей осторожности, предостерег: в образе садовника уже давно грузинские поэты воспевают Сталина. «Как бы не сочли недозволенной дерзостью уподобление мудрому садовнику не вождя, а профессора-литературоведа, не усмотрели бы в этом какой-либо нежелательный смысл. В то тревожное время приходилось учитывать даже такие едва уловимые нюансы». Заболоцкий не внял предостережению, посчитав, судя по всему, что вполне обезопасился непременно «солнцем сталинских идей».

Сам он не смог приехать на юбилей учителя: в Подмоскowie жил в то время «на птичьих правах», да и денег не водилось. Но в Ленинград как раз собиралась

его жена, Екатерина Васильевна, — ей надо было присмотреть за небольшим наследством — дачей, которую оставил ей дядя. Сама выпускница Герценовского института, она и передала стихотворение бывшему декану. За обедом в доме Десницкого на Кировском проспекте профессор с женой подробно расспросили её о Заболоцком. «За чаем, когда Василий Алексеевич ушёл в свой кабинет, его жена Александра Митрофановна сказала, что они читали «Садовника», что Василию Алексеевичу неудобно хвалить воспевающее его стихотворение, но оно ему понравилось и он даже пожелал, чтобы после его смерти «Садовника» прочли на его могиле».

Всё это по-человечески трогательно, но собственно к поэзии отношения не имеет, — истинную цену стихотворения Заболоцкий, конечно, понимал лучше других.

Однако вернёмся ко временам его обучения в Петрограде.

«Характерными чертами студенческой жизни 20-х годов была самостоятельность, возможность и способность отстаивать на дискуссиях и семинарах свою точку зрения, широта интересов, — пишет Никита Заболоцкий. — Не было ещё возникшей позднее самоизоляции специалистов. Гуманитарии заинтересованно общались с биологами, физиками, математиками. Писатель Геннадий Гор, учившийся в то время в Петроградском университете, вспоминал: «Рядом со мной

жили студенты: физик, биолог, этнограф... В университете между «физиками» и «лириками» не было китайской стены. Филологи заглядывали на лекции Ухтомского, Филипченко, Хвольсона (профессора — физиолог, генетик, физик. — **Н. З.**), а биологи и физики — на заседания университетской литературной группы». Похоже, что подобное общение студентов разных факультетов существовало и в педагогическом институте. В конце 1921 года все они с одинаковым интересом слушали организованные здесь в пользу голодающих платные лекции крупных учёных: литературоведа В. А. Десницкого — о зарубежной литературе; историка Н. А. Рожкова — о теории познания; ботаника, будущего президента Академии наук В. Л. Комарова — о естествознании и этике. <...>

Разговоры о теории относительности, о чувствительности растений, о развитии генетики сменялись спорами о театре Мейерхольда, о живописи Шагала и Малевича, о новых течениях в литературе. Такая атмосфера взаимопроникновения гуманитарных и естественных знаний соответствовала ещё в детстве возникшему стремлению Заболоцкого к целостному постижению окружающего мира.

Прилежно занимался Николай и по институтской программе — увлечённо слушал лекции по истории искусств известного археолога и искусствоведа Б. В. Фармаковского, успешно работал

в семинаре по древнерусской литературе профессора Д. В. Бурбиха, старался не пропускать лекций популярного у студентов В. А. Десницкого. Наиболее активные студенты педагогического института и Петроградского университета ходили слушать лекции в существовавший тогда Институт истории искусств, где преподавали В. М. Жирмунский, Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский, Л. В. Щерба, Б. М. Эйхенбаум и другие видные учёные. Трудно себе представить, чтобы Заболоцкий, увлекавшийся в студенческие годы филологией, тоже, хотя бы выборочно, но посещал эти лекции».

Проба голоса

Удержаться в Питере, несмотря на беспросветную жизнь впроголодь и постоянные угрозы «чисток», юноше было очень и очень нелегко. В 1923 году от недоедания у двадцатилетнего Николая обострилась цинга, и он даже попал в больницу. Вышел оттуда, прихрамывая от боли в ноге, и одно время ходил, опираясь на палку. А ведь ещё недавно был сельским здоровяком, с густым румянцем на щеках. Тогда же, в 1923-м, его впервые и заметила худенькая улыбчивая первокурсница из пединститута Катя Клыккова: не по летам серьёзный молодой человек, опершись на самодельную трость, о чём-то оживлённо беседовал с приятелями.

«Посмотри, вон тот, с палочкой
— Николай Заболоцкий, поэт»,
— сказала ей подруга...

По немногим сохранившимся стихам того времени видно, что поначалу на сердце у этого студента была тяжкая смута. В «Небесной Севилье» (1921) речь идёт от первого лица, которое называет себя выпендренно и странно — «профессором отчаянья», снедаемого «тоской». Этими же мотивами пронизано стихотворение «Сердце-пустырь», датируемое 1921-1922 годами:

*Прозрачней лунного камня
Стьнь, сердце-пустырь.
Полный отчаянием
каменным,
Взор я в тебя вперил.
С криком несутся стрижи, —
Лёт их тревожен
рассеянный,
Грудью стыллой лежит
Реки обнажённый бассейн.*

*О река, невеста мёртвая,
Грозным покоем глубокая,
Венком твоим жёлтым
Осенью сохнет осока.
Я костёр на твоём берегу
Разожгу красным кадилом,
Стылый образ твой сберегу,
Милая.*

*Прозрачней лунного камня
Стьнь, сердце-пустырь.
Точно полог, звёздами
затканый,
Трепещет ширь.
О река, невеста названная,*

*Смерть твою
Пою.*

*И, один, по ночам —
окаянный —
Грудь
Твою
Целую.*

Это стихотворение, вместе с двумя другими, Заболоцкий поместил в первом и последнем номере самодельного студенческого журнала «Мысль». Очевидно, оно отражало его поиски ритма, но, возможно, было дорого ему и тем, что запечатлело тогдашние настроения. Однако похоже, что душевная смута, отчаяние и тоска усугублялись подсознательным пониманием того, что это пока ещё не самостоятельные стихи, что свой голос ещё не найден. А будет ли найден — ещё вопрос. Потому он, перед лицом звёздной вечности, так обострённо и ощущал своё окаянное одиночество. Тем не менее — в поисках себя — решительно прощался с прошлой жизнью и прошлыми стихами...

Мудрено сочинителю, тем более молодому, заговорить в русской поэзии собственным, неповторимым голосом — как только что проклюнувшейся в ночи звезде засиять на небосклоне, усыпанном сверкающими светилами. Но именно такую задачу Николай себе и ставил, на меньшее не был согласен. Это отнюдь не авторские амбиции — а условия существования истинного художника; не тщеславие — но

честолюбие. Иначе просто нельзя тому, кто по-настоящему уважает поэзию и свой труд в ней.

Молодой Заболоцкий целенаправленно, упорно и последовательно шёл к самому себе, изучая прошлых и современных поэтов и одновременно подвергая взыскательному суду свои стихотворные опыты.

Чем серьёзнее художник, тем более и одинок. Одно дело — примеривать, подражая, чьи-то личины, и совсем иное — стать самим собой.

Поэт и художник Игорь Бахтерев впоследствии вспоминал один из эпизодов молодости — посиделки «отцов-основателей» обэриутства в доме Даниила Хармса, — по времени это примерно 1926—1927 годы. Молодые поэты то ли в шутку, то ли всерьёз затеяли опрос: кто на кого хотел бы походить?

Хармс ответил не сразу — и неожиданно для всех:

— На Гёте. — И добавил: — Только таким представляется мне настоящий поэт.

«На тот же вопрос ответил и Введенский:

— На Евлампия Надькина, когда в морозную ночь где-нибудь на Невском беседует у костра с извозчиками или пьяными проститутками.

Надькин — популярный в те годы персонаж из «Бегемота», ленинградского юмористического журнала. Длинноносый человек символизировал обывателя нэповских лет. Выбор оказался

не случайным, у меня и моих друзей было немало случаев убедиться в этом.

Вспоминаю и собственный ответ. Моделью для подражания оказался Давид Бурлюк, «только с двумя глазами» — счёл я необходимым оговориться.

Игра продолжалась, очередь дошла до Заболоцкого.

— Хочу походить на самого себя, — ответил он не задумываясь.

Запомнились не только серьёзно прозвучавшие слова, но и то единодушие, с которым их встретили Хармс, Введенский, Леонид Липавский. Стоило Заболоцкому скрыться за дверью, тут же его обвинили в эгоцентризме, мании грандиоза, многих других грехах, в равной мере незаслуженно.

Безрезультатно пытался я напомнить, что Заболоцкий действительно никому не подражает, а ему подражали многие. Примеров подражания каждый из нас знал множество.

Всегда и во всём оставаясь самим собой, он не был подвержен распространённому недугу (иначе не скажешь) играть заранее придуманную для себя роль. Актёрство не на сцене — в жизни — было не только чуждо, глубоко отвратительно Заболоцкому».

Без сомнения, точно так же думал Николай и несколькими годами раньше, когда только определялся как поэт, когда никаких «первых результатов» ещё не было и, уж конечно, когда ему ещё никто не подражал.

В студенческой жизни ему некогда было предаваться отчаянью и тоске. Заболоцкий деятельно участвовал в создании институтского кружка поэтов, который был назван «Мастерской слова», выступал на вечерах с чтением своих произведений — впрочем, без успеха и видимого одобрения слушателей. С поэтами в рядах будущих педагогов Николай как-то не сошёлся. Среди них выделялся Николай Браун, впоследствии довольно известный стихотворец. В отличие от Заболоцкого, с его ещё не перебродившими мыслями и чувствами, смутными образами и метафорами, Браун сочинял свои ясные, благозвучные стихи в полном согласии с традицией.

«Литературная молодёжь педагогического института более сочувствовала Брауну, — пишет Никита Заболоцкий. — В ходу был артистический эффект, яркая внешняя образность, склонность к декаденству. К Заболоцкому относились несколько свысока <...>. Кое-кто пытался покровительствовать ему и настаивать на путь истинный, что, конечно, отталкивало молодого человека с остро развитым чувством достоинства. Он стал избегать откровенных высказываний о своих взглядах и последовал совету, данному им Касьянову: «Если видишь в себе что-нибудь, не показывай этого никому, — пусть ты будешь для других кем угодно, но пусть руки их не трогают твоего сердца».

Постепенно Николай стал отходить от активного участия в «Мастерской слова». В результате, когда с февраля 1923 года в издательстве «Прибой» начал выходить общегородской студенческий литературный и общественно-политический журнал «Красный студент» и молодые литераторы института стали в нём печататься, Заболоцкого среди них не оказалось».

Писать стихов он, конечно, не перестал, но, наверное, стал строже относиться к публикациям — как собственным, так и своих ровесников. Вряд ли его устраивал уровень творчества студентов, коль скоро даже о стихах лучшего из них, Николая Брауна, Заболоцкий отзывался, чем дальше, тем пренебрежительней. Николай Леонидович Степанов позже припомнил обычный отзыв в 30-е годы своего друга о Брауне: «Ему бы только молочные бидоны возить» — что касалось, вероятно, усиленному вниманию Брауна к звучности стиха.

После стихотворения «Сердце-пустырь» и до 1926 года из стихов Заболоцкого не сохранилось почти ничего. То ли он всё уничтожил (что скорее всего), то ли никому из друзей стихов не показывал и потому ни один из знакомых ничего не уберёг. Известно только, что на старших курсах института Заболоцкий писал шуточные экспромты своей однокурснице Ане Ключевой, а подруге её, Кате Ефимовой, посвятил вполне серьёзное

стихотворение «Любовь», которое сам же потом и сжёг.

Полный курс обучения Заболоцкий завершил в 1925 году, но до весны 1926 года у него оставалась задолженность по педагогической практике в школе. А свидетельство об окончании института он получил лишь в 1927 году...

В августе 1933 года в Ленинграде встретились три друга по юности в Уржуме: Заболоцкий, Касьянов и Сбоев. Михаил заговорил о совместном с Николаем московском голодном житье-бытье, а Сбоев в ответ сказал, что, дескать, и в Петрограде в 1921—1922 годах они с «Николой» немало поголодали. Тут, по словам Касьянова, Николай Алексеевич вдруг оживился и признался: петроградская голодовка была для него временем плодотворным. Лежал он тогда в кровати без сил от истощения — но «в то же время выработывал собственный стиль».

Николай Сбоев оставил свои воспоминания, и начало их относится к осени 1925 года, когда он приехал в Ленинград «для приискания себе места в жизни». Стало быть, с «Николой» они голодали не ранее 1925 года. Очевидно, Касьянов, передавая слова друга, запямятовал точную дату и ошибся на три года.

Разумеется, над созданием своего стиля Заболоцкий думал все годы студенчества, но в 1925 году, по-видимому, в его «наработках»

появились явные проблески. Дорогое воспоминание!..

Вот что пишет непосредственный участник событий Николай Сбоев в очерке «Мансарда на Петроградской (Заболоцкий в 1925—1926 годах)»:

«У меня был хороший адрес: Ленинград, ул. Красных Зорь, д. 73/75, мансарда, комн. 5.

Этот адрес я предпочёл другим из-за значительности и звучности слов: «Ленинград» и «мансарда».

Комната 5 до моего приезда была достаточно заселена: в ней жили студенты педагогического института Блохин Александр Михайлович — тверяк, Заболотский Николай Алексеевич — из Уржума и Резвых Николай Петрович — также из Уржума.

Товарищи потеснились, ответили мне угол и помогли сколотить из большого ящика сооружение для спанья.

Жили в нужде; во владении этой братии были предметы фабричного производства — примус, чайник, котелок для варки пищи, связка бутылок для керосина. Другие предметы индивидуально пользования были привезены из дома — это были плетённые из ивы корзины, складные ножики и кое-какая посуда.

Н. П. Резвых был обладателем карманных часов — единственного предмета роскоши на четверых.

У нашей комнаты площадью примерно в десять метров потолок был скошен по ходу крыши,

и воздуху в ней было маловато. Окно давало свету достаточно. Вид из окна был превосходен: за Большой Невкой мы любовались частью Выборгской стороны до политехнического института и Сосновки. Паровое отопление работало исправно, но всё же при северном ветре вода в чайнике застывала.

Стипендия у студентов в ту пору была, видимо, очень незначительна — питались «во вся дни» чёрным хлебом с кипятком. Но в какие-то дни благополучия бывал и приварок — каша с постным маслом или варёная треска. Теперь такой трески нет — нет такого запаха: от одной сваренной трещины дух шёл по всем проходам и комнатам мансарды. Нередко бывали дни полного безденежья у всей братии; флегматичные особи в эти дни томилась на ложах своих, а другие изматывали последние силёнки, мыкаясь по стогнам града в поисках любой работы, но работы не было. <...>

В один из таких голодных дней Н. П. Резвых поднялся с топчана, мрачно, без звука исчез.

Бедняга не вынес и продал часы (память об отце); принесённую им снедь мы все вкушали в молчании».

Как бы туго ни приходилось, друзья были духом бодры: читали стихи, спорили о политике и искусстве, пели. «Общее пение допускалось в редких случаях по причине чрезвычайного проникновения звуков во все норы

мансарды. Пели мы: «Вечерний звон», «Быстры, как волны...», «Вниз по матушке по Волге...», «Чёрный ворон» и из духовных песнопений — «Хвалите имя Господне...», «Се жених...», «Чертог твой...». Голоса у всех были изрядные, выходило вполне хорошо, особенно в части духовных песнопений».

Изощрались в шутках, особенно по поводу тяжёлого воздуха крошечной комнаты поутру; Заболоцкий и Резвых рисовали весёлые карикатуры. «Помню, что один из наших товарищей по Уржумскому реальному училищу, Польнер Борис Александрович, уже успел к тому времени окончить экономический вуз и работал бухгалтером в Саранле. Он сразу же там женился, что вызвало в нас, «саврасах без узды», и жалость, и насмешки. Этому человеку было сочинено сообщая письмо по поводу поспешной женитьбы и перехода к размеренной сытой жизни. В письме описывалась вольная жизнь четырёх отроков в тесной келье с картинкой поклонения в стихарях топору, парящему в воздухе, с надписью: «О, топор святой, како висиши на воздухе, ничем не держомый, зело блистающ!» <...>

Рвение к учёбе в пединституте у трёх студентов отсутствовало».

Николай Резвых вскоре порвал с обучением. А Николай Заболоцкий, который окончил институт «скорее для проформы», уже определился и для

товарищей, и для многих других как литературный работник:

«Помню, — говорит в конце своего очерка Сбоев, — в 1926 году Н. А. пригласил меня в Дом печати на вечер, посвящённый его поэзии. Зал был полон сочувственной для Н. А. молодёжью. Выступил и я с одобрением его поэзии — в смысле доходчивости для всех живых и простых людей».

Институт был позади; работы не было, ни временной, ни постоянной. Осенью 1926 года кончалась отсрочка от военной службы, которую давали студентам, и Николая должны были призвать в армию. Он по-прежнему жил в мансарде, надеясь, что до призыва не выселят... Но, главное, к Заболоцкому наконец пришли те стихи, которых он так долго ждал — совершенно новые и для себя, и для всех, кто знакомился с ними.

.....

АРЕСТ

Под неусыпным оком критики

Ни покаяние в формалистических «грехах», ни «Горийская симфония» с «Великой книгой», в которых славился товарищ Сталин, ни публицистические стихи и советские оды не избавили Николая Заболоцкого от пристрастного и подозрительного внимания литературной критики. Он получил короткую передышку,

и только. Его зоилы затаились, приутихли, дожидаясь своего часа. Тем временем поэт напряжённо работал над переводом Шота Руставели.

5 апреля 1937 года в его семье был праздник: родилась дочка Наташа. Никита Заболоцкий пишет:

«Вечером Николай Алексеевич пришёл к Гитовичам и с гордостью заявил:

— Сегодня днём у меня родилась младшая дочь.

И, несмотря на то, что у него был один сын и одна дочь, он с тех пор часто говорил: «мой старший сын» и «моя младшая дочь». Конечно, у Гитовичей выпили по поводу такого торжества, и все вместе отправились в квартиру этажом ниже, как раз под Гитовичами, — к Шварцам. Сильва Гитович запомнила, что «Николай Алексеевич сидел за шварцевским столом довольный, умиротворённый, сдержанный и с горделивой важностью поднимал за бокалом бокал».

В третьем номере «Литературного современника» у него вышла крупная подборка стихотворений. Её предваряла фундаментальная статья Николая Степанова. «<...> последние произведения Н. Заболоцкого, — писал он, — представляют решительный перелом в его творчестве, начало нового этапа, знаменующего выход поэта на широкую дорогу современной советской тематики и реалистических принципов поэтического мастерства». Критик уверенно

заявлял о том, что мастерство Заболоцкого, «освобождённое от пут формалистической искусственности и идейно возмужавшее», несомненно, будет расти и впредь. Не забыл упомянуть о глубоком интересе поэта к переводам грузинской классики и к народной поэзии.

Казалось бы, всё сделал Николай Леонидович Степанов, чтобы публично утвердить друга в глазах общественности в его новом статусе — поэта «на правильно найденном» творческом пути, и таким образом отвести от него политические нападки в тревожное время. Однако решающее мнение было не за литературными, а за партийными изданиями. В «Ленинградской правде» тут же выступил некий П. Сидорчук. Кратко отметив «большой идейный и художественный рост» поэта в «Горийской симфонии» и «Седове», он обрушился на редакцию «Литературного современника» с обвинениями в том, что она «сочла возможным» напечатать и старые стихи, «повторяющие зады «Столбцов» и «Торжества земледелия»:

«Ясно, что эти стихи ничего общего не могут иметь с советской поэзией, что эти стихи не просто далеки от «Горийской симфонии» того же автора, а враждебны ей по всему своему духу.

Почему же Заболоцкий, громко объявивший о своём «прощании с прошлым», даёт в печать свои старые, осуждённые

советским читателем стихи, почему печатает их «Литературный современник»? Получается не «прощанье с прошлым», а амнистирование прошлого на том основании, что, мол, поэт написал несколько хороших стихов».

Вот что любопытно: в этой заметке приведены две цитаты, которые через год будут буквально повторены в политическом доносе на поэта, написанном недавним рапповцем Н. Лесючевским по заказу НКВД, — они станут основой обвинительного заключения. (Всё-таки бывших рапповцев не бывает!..) Если П. Сидорчук, приводя эти строки, лишь намекает, что «тородивая философия» Заболоцкого может иметь «тайный смысл», по духу враждебный, то Н. Лесючевский в своём доносе скажет прямо:

«<...> под видом «естествоиспытателя», наблюдающего природу, автор рисует полную ужаса, кошмарную, гнетущую картину мира советской страны.

*У животных нет названья —
Кто им зваться повелел?
Равномерное страданье —
Их невидимый удел.*

За «животными» без труда можно расшифровать людей, охваченных коллективизмом, людей социализма.

Или ещё более откровенные строки:

*Вся природа улыбнулась,
Как высокая тюрма.*

На безднах мук сияют
наши воды,
На безднах горя высятся
леса!»

То ли Лесючевский просто позаимствовал цитаты из «Ленинградской правды», то ли он и никому не известный П. Сидорчук — одно и то же лицо (что вполне возможно, поскольку довольно многие литературно-критические статьи того времени ничем не отличаются от доносов, проходивших у следователей как неопровержимые доказательства).

Выступление «Ленинградской правды» вызвало краткую полемику в литературной печати — некоторые критики попытались отстоять нового Заболоцкого от обвинений, однако итог этому спору подвела «Литературная газета» в лице давнего гонителя поэта А. Тарасенкова. В одной из статей он усомнился в художественной полноценности таких стихотворений, как «Север», «Седов» и «Горийская симфония». Подчеркнув при этом, что «мудрое и неустанное сталинское руководство нашей литературы со стороны коммунистической партии» помогает разоблачать и «выкорчёвывать из литературы *агентуру врага*». (Курсив мой — В. М. Лексика литератора, как видим, вполне достойна оперативного работника НКВД, в лучшем случае — штатного, в худшем — внештатного.) Затем

во второй статье, целиком посвящённой новым стихам Заболоцкого в периодике и его «Второй книге», критик «ударил» по некоторым строфам из «Горийской симфонии» о «вожде народов великом Сталине»:

«Мне думается, что эти строки Заболоцкого глубоко ошибочны, — в них формирование гениальной личности Сталина рассматривается исключительно в одном плане — под влиянием условий первобытной кавказской природы. К сожалению, социальная обусловленность развития личности вождя народов начисто игнорируется Заболоцким, о ней он не говорит ни слова».

По тем временам, удар под дых.

Но это случилось 28 февраля 1938 года. А в 1937-м Заболоцкому жилось ещё относительно спокойно. То было его последнее вольное лето...

Молодая семья... дети под присмотром няни... озеро под Лугой, сосны... комната с верандой на даче... Поэт плотно сидел за переложением для детей знаменитой поэмы Руставели; изредка прогуливался по лесу или вдоль берега озера. По своему обыкновению, внимательно разглядывал старые деревья, коряги, муравьиные кучи, жуков. Порой к нему присоединялся Николай Степанов, тоже снявший неподалёку дачу, и они обменивались новостями, вели беседы. Бывало, поэт уезжал по делам в город: в тот год

он то и дело заключал договоры на издание новых книг.

Ленинградцы жили тем летом в тревоге: кругом шли аресты. Дымок из печных труб и едкий запах никого не удивлял: кто-то жёг свои бумаги...

В начале июля поэт узнал об аресте Олейникова.

Н. Н. Заболоцкий пишет в своей книге:

«Евгений Львович Шварц рассказал Николаю Алексеевичу о своей последней встрече с их общим другом. Незадолго до ареста только что вернувшийся с юга Олейников встретил Шварца и с мрачным видом говорил ему о всеобщей подозрительности, при которой становится трудно жить. Он рассказал, что

комендант дома на канале Грибоедова Котов тайно собрал домработниц писателей и объявил им, что их наниматели представляют серьёзную опасность для советской власти. Тем, кто поможет разоблачить врагов народа, комендант обещал постоянную городскую прописку и комнату в освободившейся квартире. И эти несчастные деревенские женщины, нашедшие временное пристанище в городе, уже шептали друг другу о тех счастливицах, которые будто бы получили жилплощадь в награду за донос».

Все они — и Заболоцкий, и Шварц, и Олейников — были соседями по дому на канале Грибоедова.

(Продолжение следует)

Наталья ТАГОРИНА

ВНУТРЕННЕЕ ДВИЖЕНИЕ

*Интервью с Александром
Сергеевичем Бакулевским*

*Наталья Васильевна
Тагорина родилась в
г. Коржма Архангельской
области. Окончила
Санкт-Петербургский
государственный
университет. Поэт, член
Союза писателей России,
редактор сайта Ассоциации
писателей Урала.
Печаталась в альманахах
«Чаша круговая»,
«Направление мысли»,
«Кольчугинская осень».
Лауреат конкурса
«Стилисты добра» (2016).
Живёт в Санкт-Петербурге.*

Александр Сергеевич Бакулевский — график и живописец, художник книги, педагог, народный художник России, заслуженный художник РСФСР, заслуженный деятель искусств Марийской АССР, член Марийского регионального отделения Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России».

Лауреат и дипломант многих конкурсов и премий. В том числе обладатель диплома I степени Всероссийского конкурса искусства книги (1980) за высокое мастерство исполнения серии иллюстраций к повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка». Награждён золотой Пушкинской медалью (1999) за вклад в развитие, сохранение и приумножение традиций отечественной культуры. В 2011 году Союзом художников России награждён золотой медалью «Духовность.

Традиции. Мастерство». Его работы экспонировались на многих выставках в России и за рубежом (Италии, Австрии, Германии, Франции, Чехии и др.). Гравюры художника находятся в Третьяковской галерее, в музее А.С. Пушкина в Москве, художественных музеях Нижнего Новгорода, Саратова, Киева и других городов. 50 гравюр хранятся в музее мировой графики Альбертина (Вена).

Александр Сергеевич считается одним из авторитетнейших мастеров ксилографии, отдавший этому делу более 40 лет жизни. Художника называют «Золотым штихелем» России. Он проиллюстрировал более 70 книг, работал для издательств «Детская литература», «Советская Россия», «Радуга», Марийского, Удмуртского, Дальневосточного издательств и др. Автор графической «Пушкинианы», включающей иллюстрации ко всем повестям великого поэта.

— Уважаемый Александр Сергеевич, благодарю вас, мне очень приятно, что вы согласились на это интервью.

Вы как-то рассказывали о первом детском впечатлении, с которого начали развиваться как

А.С. Бакулевский

художник. Это был листочек с нарисованным яблоком — рисунок отца, присланный с фронта в солдатском треугольнике. Вы почувствовали тогда и вкус, и аромат этого яблока, и вас это поразило. А что было дальше? Сохранилось ли это состояние? Цвет, звук, запах и вкус, прикосновение — весь этот многофактурный, растрёпанный мир — как он воплощается в чёрно-белом штрихе? Что наполняет ваше сознание, когда вы работаете над графическим листом?

А.С.: Да, вкус и запах фруктов на рисунках отца я запомнил на всю жизнь. Он не был художником, но его любительские рисунки для ребёнка, да ещё в голодные годы, были волшебством. Много лет спустя я испытал нечто подобное. Рисовал ветку сосны по памяти. Работа затянулась, и вдруг в какой-то момент

мне почудился такой яркий запах хвои, что я бросился искать, откуда он. И ничего не нашёл. Что это было?

Я начал что-то понимать, познакомившись с трудом А. Гильдебрандта «Проблема формы в изобразительном искусстве». Упрощённая суть её: реальная форма предмета не зависит от обстоятельств. А восприятие этой формы зависит от многого: от освещения, от ракурса, от особенностей нашего зрения, от находящихся рядом предметов. То есть в состав характеристики предмета входит его окружение. Значит, мы можем выявить в предмете нужное нам качество, подбирая ему определённое соседство. Можно ли таким образом сообщить зрителю запах и вкус? Теоретически, в недостижимом идеале — да. А передать собственно пластические качества предмета: величину, тяжесть и лёгкость, статичность и динамику, пространство и время — несомненно, можно. Все художники это делают, одни осмысленно, другие интуитивно. Так «Проблема формы» стала «языком» композиции.

— Где или в чём (в какой эпохе, художественном стиле) ваши корни? На какие высокие образцы вы опираетесь в своей работе? Или просто — кто ваши любимые художники прошлого и настоящего? Почему именно они? И менялось ли это с течением времени?

А.С.: У всех учащихся художественных училищ любимые художники — величайшие из великих. Кроме них в Казанском училище у нас был кумир — Н. И. Фешин. Благодаря ему до революции Казанское училище давало профессиональную подготовку на уровне Академии. В наше время живы ещё были его коллеги и друзья. На старших курсах преподавал Василий Кириллович Тимофеев. Он рассказывал: «Студенты пишут стоящего натурщика со спины. Подходит Фешин, внимательно смотрит: «Что же вы заканчиваете работу, когда она ещё не начата?» Берёт любую активную краску — кость, крапак — и большой кистью проводит две линии: позвоночника и опорной ноги. Автор в шоке: работа испорчена, это последний сеанс. Зато всем стало понятно, как ставить фигуру».

В институте у будущих художников книги появились новые кумиры, соавторы великих книг. Многие из них были блестящими рисовальщиками. А. Бенуа «Медный всадник», В. Лебедев — глава советской школы детской книги, В. Фаворский «Теория композиции» (о книге), Кукрыниксы «Левша» — абсолютное, на мой взгляд, попадание в образ Левши, В. Горяев «Мёртвые души», Д. Шмаинов «Капитанская дочка», Д. Дубинский. И уже из нашего поколения: М. Майофис и Б. Власов, учившиеся в моё время. Боже! Какая культура, какое мастерство! Сколько

выходило специальной литературы: альманахи «Искусство книги», «Лучшие издания», монографии, и т.д., и т.д. А что сейчас? Об этом вы прекрасно написали в своей статье. Человек я косный, вкусы мои не меняются. Считаю и считаю, что «Чёрный квадрат — великое произведение искусства... авантюры». Стыдно старику признаваться в этом, но... За бугром на концерте чешской пианистки я сделал с неё набросок. Искусствовед Червонная показала его пианистке. Та спустилась в зал, подняла рисунок над головой: «Почему современные модные художники рисуют уродов, и только русские рисуют людей?»

Ответ на ваш вопрос будет неполным, если я не приложу к нему портрет своего друга. Николай Иванович Калита. Классик. Не было, нет, и теперь уже никогда не будет в мире равного ему мастера ксилографического портрета. «Читал гравюру» (его выражение) как никто. Знал всех гравёров в Союзе. Если где-нибудь во Владивостоке или в Воркуте кто-то брал в руки штихель, будьте уверены — он уже есть в реестре Калиты. Блестящий рисовальщик, что не часто встречаешь среди ксилографов, чему есть объективные причины. Живой человек с искрящимся чувством юмора. Щедрый до расточительности. При обмене оттисками я

А. Бакулевский. Встреча Лизы и Алексея. Иллюстрация к повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка», 1967, ксилография

всегда оставался у него в долгу. Безотказно позировал моему сыну, и потом подарил ему свои шедевры. В Вене была наша с ним выставка. Поехать на неё он не смог, но его гравюры так потрясли директора Альбертины, музея мировой графики, что он приобрёл всю выставку целиком. Таким образом, и я погрелся в лучах его славы.

— Любите ли вы музыку? Если да, то какую? А поэзию? Что вас вдохновляет больше — искусство или сама жизнь?

А.С.: В музыке я профан. Мой дед, священник, в детстве учился в церковно-приходской

А. Бакулевский. Владислав Ходасевич. Серия «Русские поэты», 1988, ксилография

школе (по другим данным и в гимназии) с Шаляпиным. Может быть, поэтому я рано начал собирать его пластинки и полюбил басов: Михайлов, Огневцев, Рейзен, Христов. И ещё сонаты Бетховена. Люблю глубокую музыку (Свиридов), люблю пение как бы для себя (Ободзинский), люблю прекрасные голоса (Синявская). Но опера последние годы меня не волнует. К рэпу абсолютно равнодушен. В современной эстраде коробят тексты. Не нравится, когда певец «презентует» не песню, а себя. Вот мой дилетантский автопортрет.

По заказам издательств мне приходилось иллюстрировать поэзию. В процессе работы стихи

запоминаются — это понятно. А вот как в моей пустой голове завелось огромное количество детских стихотворений, в отрывках и целиком? Почему иногда выплывает случайная строка, за ней другая, и вдруг я обнаруживаю, что знаю наизусть целую поэму, какого-нибудь «Сына артиллериста»? Или иду вчера по узкой тропинке в сугробе, навстречу человек. «Пусть мои отсохнут ноги, не уйду с твоей дороги... Сверху солнышко печёт, под мостом река течёт. В этой речке утром рано утонули два барана». Это я про себя, конечно, а сам отступаю в сугроб. А говорят, что искусство никого ещё не воспитало. Иллюстрировал поэзию, думал, как это надо делать, но так и не понял. Ведь «мысль изречённая есть ложь». К стыду моему, некоторые из общеизвестных авторов меня оставляют равнодушным. И. Бродский, например. Исключение — «Пилигримы» и отдельные строки: «К равнодушной отчизне прижимаясь щекой». Такая строка дорого стоит. Зато музыку я чувствую остро, может быть, слишком остро. Ненормально ведь, когда от каких-то звуков спазмы в горле. Но ничего с собой поделаться не могу. Вообще, я заметил, что произведение искусства, выдумка, в сущности, на меня действует сильнее, чем сама жизнь. Видимо, реальное событие в нашем сознании связано со множеством разнонаправленных обстоятельств, а творец произвёл отбор.

– Вы говорили, что поставили себе задачу делать такие работы, которые высоко оценил бы профессионал (с точки зрения того, как это сделано), и при этом понял бы любой зритель. Это как прикоснуться к сердцу каждого человека и раскрыть в нём новую глубину, новое знание? Можно ли что-то сказать об этой глубине, или это уже выход в невыразимое?

А.С.: Да, конечно, высокая оценка коллег важна для художника. Она обязывает «держаться планку», но... После сеанса набросков с обнажённой натуры в Доме творчества «Челюскинская» Миша Верхоланцев об одном моём рисунке сказал: вот она, магия рисунка. Миша — прекрасный художник, потрясающий гравёр, один из «Золотых штихелей» России. Видимо, он что-то своё увидел в наброске. Его мнение для меня бесценно, спасибо ему. Но набросок этот я уничтожил, как десятки и сотни других. Потому что в них не удалось передать главное для меня: внутреннее движение, а оно и есть жизнь. Мнение коллеги, даже самого авторитетного, всегда субъективно. Он в восторге от тех произведений, в которых видит решение проблем, над которыми он сам бьётся. А художник книги — ксилограф обязан быть понятным любому. Это непросто: ведь в природе нет чёрно-белых линий, как в гравюре. В XIX веке эта проблема решалась с

помощью богатейшего арсенала технических приёмов. В репродукционной гравюре до иллюзии передавались и мех, и ткани шёлковые и льняные, и металл. Но появилась совершенная полиграфия, исчезла необходимость в репродукционной гравюре. Чтобы она стала творческой, пришлось отказаться от иллюзорности и перейти на собственно гравюрную технику. Теперь нужно определённое усилие, чтобы увидеть реальность за чёрно-белыми линиями, за формальными приёмами. Желая быть понятным, я стремился не в глубину и новое знание, а к простоте. А простота — это высший пилотаж в искусстве. Это редко получается.

– Есть ли в вашем творчестве ощущение пути? К чему вы идёте внутри себя, куда направлен ваш поиск?

А.С.: Нет, кажется, ни одного вида графики, в котором я бы не поработал. А ведь мудрые люди после удачной дипломной работы советовали заниматься только Пушкиным: он тебя сделает человеком. Профессор М.А. Таранов, руководитель диплома, сразу сказал: это твоё. Главный редактор журнала «Юный художник» Л.А. Шитов советовал работать «узким лучом». Кем бы я был, послушайся мудрых советов? Беда, когда всю жизнь ищешь себя... Был ли неизменный интерес? Да, был. Натурный набросок. Впрочем, слово «набросок»

мне не нравится. «Вот я тут на досуге набросал...» — есть в этом некоторая небрежность. А быстрый рисунок — это труд, требующий большого напряжения. Это не моделирование поверхности формы, а передача лаконичными средствами сути. По-моему, вполне достойное направление поиска.

— Меняли ли вас, как личность, какая-либо из ваших больших работ либо внутренний диалог с автором, чьи произведения вы иллюстрировали?

А.С.: Безусловно. Работая над иллюстрациями, художник на протяжении длительного времени находится в диалоге с автором. Это не может не влиять на его формирование. Когда я первый раз в Йошкар-Оле выставил рисунок к «Живи и помни» В. Распутина, ко мне подошла женщина: «Вы знаете, я смотрю на ваши иллюстрации, и у меня слёзы. Но вы не поняли романа. Вы нарисовали Андрея носителем многих, в том числе положительных качеств. А ведь он — преступник. Он дезертир, он погубил и себя, и будущего ребёнка, и родителей». Может быть, она права. Но всё же я понял главное в романе: живи и помни (!!!) Всегда помни о своём долге. Теперь мне дико слушать: «Я никому ничего не должен». Конечно! Ты же родился на необитаемом острове из пены морской, ты сам построил своё жилище, сам сшил

одежду, сам добываешь пропитание — всё всегда ты делал сам. И так можно пройтись по всем книгам, над которыми работал.

— В любом творческом процессе есть периоды взлётов и кризисов. В литературном творчестве известен так называемый «минус-приём»: когда достигаешь определённого уровня мастерства, — чтобы идти дальше, нужно оставить всё, все прежние ходы, и начать с нуля. А как это бывает у художников? Были ли у вас серьёзные кризисы, и, если были, — как вы с этим справлялись?

А.С.: «Минус-приём» мне понятен. Японские художники, начиная с нуля, прежде всего меняют фамилию. Это уже отказ от себя, от всего, что наработано с годами. Это облегчает поиск нового стиля, манеры. А я, добываясь понятности своих гравюр, пытался гравировать так, чтобы технический приём был в минусе или совсем отсутствовал (если это возможно). Кризисов у меня не было, может быть, потому, что времени не было на них. Иногда подумывал: вот бы сотворить что-нибудь такое, чтобы посидеть в одиночке месяц-другой, вот бы отдохнул. А сейчас думаю, что именно те годы были самыми счастливыми. Так было вплоть до начала 90-х годов. Когда грянул кризис для всех, отводил душу в написании

статей. Но мне везло: временами коллекционеры вспоминали. А потом сибиряки, Фонд «Возрождение Тобольска», предложили поработать с ними. Это была увлекательная работа, неисчерпаемая тема. Я многое узнал о Сибири, её истории и её народах. Особенно мне импонировало полное доверие заказчика. Я ни разу не слышал от А.Г. Елфимова критики моих работ, хотя иногда и нужно было. Любая критика, если она адекватно воспринята, полезна. Фонд продолжает присылать мне материалы о Сибири, они интересны и, может быть, когда-нибудь пригодятся... Как я справляюсь с кризисами? Никак не справляюсь, я слабый человек. Только работа держит в этом мире. Понимаю, что это глупо: ведь самое ценное в этой жизни — это сама жизнь. Всё понимаю, но...

— Вы работали над иллюстрациями к книге «Югорно» А.Я. Спиридонова. Это большая эпическая поэма, основанная на мифах и сказаниях марийцев, по своей сути — марийский национальный эпос. А что для вас миф? В экстремальных ситуациях (например, на войне) через человека начинают работать силы, много большие, чем обычно доступны ему. Возможно, именно миф готовит сознание к их приходу? А в творчестве возможно испытывать такие высокие состояния? Что проникает в мир через сердце художника?

А. Бакулевский. Ахматова в садах Лицея. Серия «Русские поэты», 1988, ксилография

А.С.: СССР. Готовится выставка, посвящённая Великой Победе. Выставком ездит по стране, рассматривает заявки на заключение договоров на соответствующую тему. В Волгограде художник показывает картину. На холсте люди-скалы. Без страха и сомнений смотрят они вдаль, а на бруствере разложены связки гранат. Называется картина «Танки не пройдут». Вполне грамотный художник, рисунок, цвет — всё хорошо, но члены выставкома молчат. И тут Иван Бруни обращается к автору: «Слушай, Вася, ты же воевал, ты был на передовой. Ну вспомни, ведь не так, не так всё было. Когда я после школьной скамьи попал на фронт, и на нас

попёрли танки... я такое испытал, что сейчас стучит в висках. Смотрю по сторонам, а вокруг такие же мальчишки, как и я. И тогда я понял: это конец... Но ведь эти мальчишки остановили танки! Как, какими силами? — я не знаю». А. Толстой: «Кажется, прост человек, а придёт беда, и просыпается в нём сила необыкновенная — человеческая красота».

Подвиги, великие дела — потому и великие, что совершаются обычными людьми, слабыми, ранимыми, измученными житейскими и прочими проблемами. Это в жизни. А в мифах подвиги совершают сверхчеловеки. Защитники народа — великаны, обладающие нечеловеческой силой. Тут танки точно не пройдут. Мы ими спокойно восхищаемся. А в творчестве возможно

А. Бакулевский. Сергей Есенин в Константиново. Серия «Русские поэты», 1990, ксилография

пробуждение «силы необыкновенной»? Я думаю, иногда это случается. Однажды я был так увлечён очередной работой, что, просыпаясь, хватался за неё и только часа в 3—4 вспоминал, что не завтракал. Потом снова за работу, и только в 2 часа ночи вспоминал, что не обедал. Долго это продолжаться не могло. Но именно тогда я был счастлив.

— **Расскажите, пожалуйста, о ваших последних работах и новой выставке «Чёрная акварель войны». Проживать в творчестве такие трудные темы — блокада, война — что остаётся в сердце после этого?**

А.С.: Лет 20 назад я сделал для чеченца Исы Амалиева герб его рода, его портрет с натуры и иллюстрации к чеченским илли. Иса, бывший лёгчик-истребитель, остался верным воинской присяге: «Присяга даётся один раз в жизни». В прошлом году он попросил меня продолжить эту серию рисунками о чеченской войне. Но в процессе работы тема эта переросла в серию о войнах вообще. Все войны — бедствие, во всех страдают и гибнут люди. Хотелось показать это страшное лицо войны. В эскизах были разные сюжеты, в т.ч. и жуткие

(казнь, например). Но, если бы я их реализовал, я бы сбрендил и зрителей свёл бы с ума. Наверное, главное здесь не кошмары войны, а человек в условиях войны: военные, мирное население, матери, дети, старики... Акварель — прозрачная краска, идеальная для лёгких сюжетов, часто не слишком глубоких. Чёрная акварель — это только нейтральная информация о материале, использованном художником в конкретной работе. А «Чёрная акварель войны» приобретает драматический смысл. Такое название серии дала местная журналистка. Выставка экспонировалась в Грозном и в Йошкар-Оле. Если будет проявлен интерес к ней, возможно её продолжение, тема ведь необъемлемая.

— **Вы много лет сотрудничаете с Фондом «Возрождение Тобольска», это ваша Сибириада. Когда-то, будучи в Тобольске, ещё до знакомства с Фондом, я подумала, что Сибирь — это сила прощения. Это такое пространство внутри (страны и в сознании каждого причастного человека), куда всегда можно отступить, чтобы выстоять в трудные времена, в войну. Выстоять, победить и простить. А что для вас Сибирь? Как вы это ощущаете?**

А.С.: Наталья Васильевна, в вашем вопросе уже есть ответ. Лучше не скажешь. Но добавлю от себя. Службу в Армии

я проходил в Забайкалье, на станции Домна. Работал стрелком-радистом на Ил-28, а потом радистом на Ли-2. Много приходилось летать над Сибирью, но так и не смог я привыкнуть к ощущению бесконечности этой земли. А однажды, лёжа на льду Байкала, испытал необычное ощущение. Лёд был настолько толстым, что уходил в тёмную глубину. И таким прозрачным, что светился. И я понял Фета: «сияла ночь...» Глубина реально сияла. Висел я над этим сиянием и со страхом ждал: вот сейчас кончится эта волшебная невесомость, я рухну в неё... и конец. Теперь я знаю, что Сибирь бесконечна и вширь, и вглубь. И ещё это — бесконечная загадка, и сколько бы превосходных эпитетов мы ни приложили к ней, ничего мы не поймём. И даже не оценим в полной мере. Недаром Петр I буквально озверел, заподозрив Матвея Гагарина, губернатора Сибири, в сепаратизме. Мудрый царь за Сибирь любого бы пор-р-рвал (как сейчас модно говорить).

Теперь о себе, дорогом. На рубеже 80-х и 90-х я был загружен заказами издательств. Но всё рухнуло, моя работа стала никому не нужна. Случайные заказы на портрет, пейзаж — это не моё. Было очень тяжело: я не умею просто жить. И спасла меня... Кто же? Что за волшебница? Ну конечно же Сибирь! Мизерная частичка её, Фонд

«Возрождение Тобольска». Как там у Пушкина: «... царственную руку простёр и вызволил меня». Я этой руке безмерно благодарен. Есть у меня и другой благодетель — Союз художников России. Он поддерживает меня «за красивые глаза». Я это ценю, но я жадный, мне нужно, чтобы кто-то без моей работы просто жить не мог.

— Литература — это память, зеркало и проект будущего. А в изобразительном искусстве эта формула верна? На каком времени (настоящем, прошедшем, будущем) в наибольшей степени сосредоточено внимание художников сегодня?

А.С.: Вопрос для меня неожиданный. В литературе всё понятно. Мы все вышли из гоголевской шинели, поэт в России больше, чем поэт, научная и прочая фантастика. А верна ли Ваша формула в изобразительном искусстве? Есть же в них общее. Литература может быть изобразительной, а в живописи есть определённая доля литературы. Литература и изобразительное искусство стали соавторами в создании особого явления: искусства книги. Но между ними есть принципиальная разница. Литература — от мозга, а изображение — от глаза. Всю институтскую школу художник должен видеть в объекте изображения. Эти раздражения и являются побудительным толчком. И даже когда он

работает над исторической темой, всё равно он движим импульсами от современного ему реального объекта. (Впрочем, и писатель, видимо, мыслит на основе пережитой им реальности)... Похоже, что ответ будет такой: вчера, сегодня и всегда художник в большей степени сосредоточен на настоящем времени?

— Сейчас в мире искусства, в том числе изобразительного, существует такое явление, как «политика премиальных авторов». «Гении» назначаются и рекламируются, они у всех на слуху. Есть другие талантливые и очень талантливые художники, писатели, артисты, но вся система выстроена так, что о них никто не знает и, возможно, никогда не узнает. Диалога с обществом нет. Возможно ли развитие и достижение высокого художественного результата без такого диалога?

А.С.: Дорогая Наталья Васильевна! В своих вопросах вы глубоко копаете. А для ответа, видимо, придётся эту яму ещё углублять с риском мне, старику, не выбраться из неё. Рискнём? В современном изобразительном искусстве происходят многие процессы, чуждые нашему поколению и, кстати, чуждые школе изо. Мы, старичьё, никак не можем некоторые из них принять. Мы росли в убеждении, что художник несёт ответственность за последствия от своего

«творчества». Вот вчера у нас в Йошкар-Оле с большой помпой открылась выставка художника 1966 года рождения. Советское время он чуть-чуть застал, знает о нём больше из телевизора. Вот его типичное произведение. Взял определённый советский плакат, это может быть призыв честно трудиться. Изображение советского человека заменено фигурой Мерилин Монро в эффектной позе или другой дивой с обложки гламурного журнала. Таким образом, в произведении соединено несоединимое: идея та, а образы эти. Откровенная насмешка над собственной историей.

Мне грустно, но внутренний голос мне говорит: «А чего тебе грустно-то, что ты из мухи слона делаешь? Это частный случай». Но частный случай — это когда одно произведение, а если таких сто — это уже направление в искусстве, надо его приветствовать и восхищаться, иначе ты... Да, я ретроград и мракобес, я считаю это идеологической диверсией. «Система выстроена», как справедливо вы заметили. Мы — деидеологизированное государство. А раз нет идеологии, то нет и определённой позиции государства в области культуры. Ах, нет? Тогда мы идём к вам!.. И идут: и в политике, и в культуре — везде идут. Мы этого хотим? А теперь о «высоком художественном результате». Как-то Илья Глазунов на съезде или на Пленуме Союза художников

возмущался: как смеют выставкомы и худсоветы судить о произведениях?! Художник свободен, «...ты сам свой высший суд...» Вот сейчас нет у нас худсоветов, бал правит вкус заказчика. Лучше стали наши произведения? Отнюдь. А вот Союз художников России, организуя свои выставки, отбирает лучшее, а что-то отсеивает. И художественный уровень этих выставок на порядок выше. А, вообще, где и когда художник был абсолютно свободен? Любое действие реализуется при сопротивлении ему. Художник тогда «искрит». Нужны, нужны ему и внешние, и внутренние ограничители.

— На что опереться начинающему художнику, артисту, творцу — внутри себя или вовне, чтобы выстоять, не сломаться? Ради чего работать?

А.С.: На что опереться? «Нет, весь я не умру, душа в заветной лире мой прах переживёт...» «Я скоро весь умру, но, тень мою любя, храните рукопись, о, други, для себя...» «Без неприметного следа мне было бы грустно мир оставить...» «благосклонная рука потреплет лавры старика». Короче: жизнь коротка, искусство вечно. Вечно всё, что человек искусно делает. Всё остаётся людям. Очень хорошо, но молодые страсти куда девать? «...я, любя, был глуп и нем». На веру опереться? Не важно, во что верить: в Бога,

в науку, в будущее страны, в своё будущее, в добро и т.д.? Но всё может измениться и всё может изменить. Одно никогда не изменит: если художник любит свою работу, если сам творческий процесс доставляет ему удовольствие (заказная ли работа, для выставки, бесплатная, и даже невостребованная), тогда работа превращается в смысл жизни. Это ли не опора?

— Какой вопрос я вам не задала? О чём бы вы хотели, что бы вас спросили?

А.С.: Могли бы быть: «Государство и художник» и «Красота спасёт мир?»»

А. Бакулевский. Голова Берлиоза. Иллюстрация к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита», 2007, литографическая тушь, принтер

— Государство, не учи меня жить, помоги материально и отойди в сторону. Я сам свой высший суд! — А всегда ли свой суд достаточно высок? А если в спектакле со сцены льётся поток непотребщины... — Нет, нет, и в этом случае государство должно скромно стоять в стороне.

После института первый заказ у меня был — роспись в строящемся ресторане. Женщина кормит грудью ребёнка. Приходит чиновник, смотрит, возмущается:

— Замажь эту женщину и нарисуй что-нибудь другое.

— Я не могу, я рисую точно по утверждённому эскизу, вот подписи.

— Мы дадим указание, и они отзовут свои подписи. Мы не позволим в нашем районе такой похабщины. Я прикажу малярам, они закрасят.

— (Эге, однако, дело скверно).

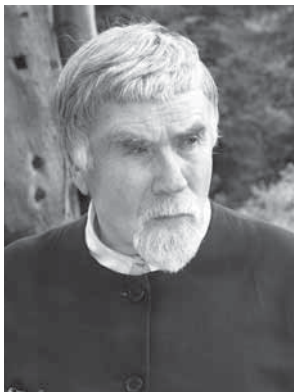
Фотографирую роспись, делаю слайд, иду в обком партии. Один звонок, и никто ничего не закрасил. Подобных случаев за долгую жизнь было много. Неоднократно я находил защиту в партийных органах и в Госкомиздате. Да, партия всё контролировала: участвовала в выставках, просматривала экспозиции будущих выставок. Мне, как председателю выставкома, приходилось каждый раз знакомить представителя обкома с экспозицией, объяснять. Были, конечно, «доброжелательные советы», но ни разу ни одна картина не была снята со стен. Вот

такой у меня опыт. А куда обратиться за поддержкой сейчас? Я считаю, что государство всеми средствами должно поддерживать такое искусство, которое утверждает нашу идеологию. Надо наконец определиться с ней, чётко сформулировать её и объявить. Только тогда у государства будет определённая позиция в культуре. Ведь, по большому счёту, даже и «свой высший суд» невозможен без идеологии. Вот известный нам Фонд «Возрождение Тобольска» имеет свою позицию в культуре и в каждой своей публикации — в изданиях, в выступлениях — без ложной скромности во всеуслышание заявляет о ней. А государство стыдливо прикрывается «свободой творчества», кокетничая с Западом. Это только общественный фонд, но долг государства всё сделать для процветания таких фондов, для их функционирования.

Красота спасёт мир? Какая красота? Внешняя, сосуд, в котором пустота? Набор стандартной формы мышц и жировых

прослоек? Да, это страшная сила, она бросается в глаза. Она эгоистична, вся сосредоточена на себе. Она тщеславна и агрессивна: вот сменю какие-то части своей красивой фигуры, стану ещё красивее, завоюю Москву, олигарха, утру нос Таньке и Катьке. Эта красота может многое, но не всё. Она легко может развязать войну. Но остановить войну она не в силах. Какое уж тут спасение мира... Или внутренняя красота — огонь, мерцающий в сосуде? Эта красота альтруистична, бескорыстна, самопожертвенна. Вот кто мог бы спасти мир, но её не видно. Ах, если бы вдруг все СМИ, все государственные и общественные структуры хлопнули себя по лбу: что мы делаем, куда мы идём, Господи! Души надо ваять, души! Огонь раздувать, мерцающий в каждом сосуде от рождения. От рож-де-ни-я! Вот и спасение: здоровая традиционная семья, в которой все друзья друг другу. Значит, не красота, а доброта?

— Александр Сергеевич,
большое спасибо за интервью!

Валентин КУРБАТОВ

«ПОД БРЕМЕНЕМ ПОЗНАНИЯ И СОМНЕНИЯ»

Валентин Яковлевич Курбатов родился в 1939 году в Салаване Ульяновской области. Работал столяром, служил во флоте. Окончил факультет киноведения ВГИКа. Известный советский и российский литературный критик, литературовед, прозаик. Академик российской словесности, член Президентского Совета по культуре, лауреат многочисленных литературных премий, в том числе Патриаршей (2010). Живёт в Пскове.

Было утро

Я читаю у Толстого 17 марта 1910 года такую простую запись, что не знаю, с кем ею и поделиться: «Дали человеку то, лучше чего он ничего не может себе представить. А он говорит: нехорошо, мало. Дали бабе холст — говорит: толст; дали потоне — говорит: дай боле. Да, если бы тебя, болван, не разбудили, ты бы всё спал и ничего бы не знал и не видал всё то, что теперь знаешь и видишь».

Дали нам жизнь, разбудили, а нам всё «холст толст». Всё нехорошо, всё мало — кому свободы мало, кому деспотии. Вот Лев Николаевич и не сдержался — болван, — говорит! Да так нам и надо.

И разом вспоминаю, как попала мне недавно книга умного, модного (как это нынче? — «брендового») писателя Ф. Бегбедера «Я верую — я тоже нет», и я завёлся уже самим именем книги.

Вот, думаю, — пижон, — какую ловушку читателю расставил. А уж когда разогнул прямо на случайной странице, как при гадании — что попадётся, — и вовсе разозлился (простите за детский глагол).

Вот послушайте: «Не будем говорить о глобализации, об отмене границ (понятия отечества, по сути, уже не существует), об унификации мира, о крахе коммунистической утопии... Всё это очень важно: крушение идеологий, религий, утопий. Но нет больше Бога, нет больше надежды на равенство между людьми, остаётся только потребление».

Когда бы это была обычная самонадеянность атеиста, и возражать бы не стоило. Но Бегбедер знает, что такое Церковь. Он мальчиком вырос в вере, и собеседник его в книге — не интеллектуальный коллега, не чужой сердцу человек, а его духовный отец (католический епископ Жан-Мишель ди Фалько.). И вот на тебе, не побледнев, — нет Бога, нет отечества, нет надежды на равенство...

Да вроде и действительно — какое равенство? Как написано в одной из нынешних книжечек соискателей премии «Ясная Поляна»: «грянула свобода, и умные люди быстренько стали ставить высокие заборы, крепкие ворота и кодовые замки — в общем, стали крепче запирают двери» — от этого самого «равенства» и загородились. Мы прикончили надежду на равенство с какой-то

мстительной изобретательностью, чтобы уж ни у кого и сомнений не оставалось. И автор не зря отчётливо связывает крах коммунистической утопии с крушением религий. Они подлинно были неотъемлемо связаны.

Мы хотели, хотели равенства! Только поставили его на место Бога и тем и приговорили. Без Него уж какое равенство — кто успел, тот и смел. И в результате остались с таким свободным Бегбедером: ни Бога, ни равенства — одно потребление. Только он-то ещё, кажется, смущается, и не хочет победы своего «открытия», и книгу пишет потому, что надеется на братское опровержение, на то, что кто-то вернёт ему детскую простоту и Бога: брось, старик, ты что серьёзно?

А мы всё «не наедемся» никак. Слишком нагуляли аппетит, пока за равенством бегали.

Так что оценивающий книгу Бегбедера в «Ex libris» Ян Шенкман, как это ни печально, про нас говорит, что мы «вынужденные христиане» (а Лев Николаевич и ещё лучше определял — «православные из приличия» — вот это уж сегодня подлинно про нас), как азербайджанцы и киргизы — вынужденные мусульмане, а буряты — вынужденные буддисты. Разве что не «вынужденные», а невольные. География и история сделали за нас выбор, во что верить, а душа и не пыталась спрашивать — приняла готовое. И мы уже и с верой обходимся вполне

потребительски, в профилактических целях: с непременно крещением (а вдруг? мало ли?), с картинным венчанием под кинокамеру, с освящением офисов и шестисотых «колесниц». От чего бы иногда от сытости и не побыть в «бедняках Христа»? Отец Сергей Булгаков вон ещё когда, и при более печальных обстоятельствах, уже увидел исток нынешнего недуга: «ищут нового барина, чтобы устроиться по-старому».

«Барин» у нас виден хорошо: руководители страны на Пасху в храме стоят — чего ещё? — давай, устраивайся по-старому. Но ведь Бегбедер не о видимости говорит. Он и сам, поди, по воскресеньям в храм ходит. Нет, тут задето нечто более болезненное, что в начале XX века беспокоило участников наших первых религиозно-философских обществ, мучило С.Н. Дурьлина, который, уходя в 20-е годы из священства, говорил о «подтаивании христианства». Что тревожило протоиерея Александра Шмемана в конце XX века и больно задевает искренние умы сегодня, так уж, коли не кривить душой, формула «Я верую — я тоже нет» известна в определённой степени в разный час каждому честному христианскому сердцу. И если что и злит (ещё раз простите за детский глагол!), то не сама формула, а таящаяся в ней и жадно принимаемая нами лукавая готовность красиво сдать, потакание себе, выговаривание себе «права»

не верить. Чего напрягаться-то, если нас, этих «тоже нет», так много?

Только мать-Церковь и не обещала даровых плодов. И с самого начала говорила, что «Царствие Божие силою нудится», и не страшилась слова «нудится», которое так плохо сочетается со светом «Царствия Божия». Но и это Бегбедер знает не хуже нас, потому что рос с Евангелием и под духовным доглядом.

Так чего же я хочу, к чему подступаюсь? А к тому, что я, может быть, ещё с месяц, да даже и неделю назад не стал бы брать за перо и опровергать горько правого писателя, а тянул да тянул бы свою ляжку, «нудил» Царствие Небесное в своём приходском храме, как многие из нас. Не обманывая себя, но и не теряя надежды, как делают искусственное дыхание недавно вытасченному утопающему (а нас всех недавно вытаскивали): вдруг при очередном усилии дыхания и схватится...

С неделю назад не стал бы писать. А вот теперь отваживаюсь, потому что нечаянно пережил чувство, которым как-то и грех не поделиться.

Гостил с друзьями у своего товарища под Изборском. Было воскресенье. И хоть встал до литургии и мог бы поспеть на службу к изборскому Николе, но неудобно было перед спящими — не предупредил. Встанут, а меня нет — и свяжу им день. И пошёл себе

потихоньку по росной сверкающей траве в солнечных утренних яхонтах, изумрудах и хризопразах за деревню на давно облюбованный холм за Городищенским озером, напротив крепости, откуда летом любят пускаться в полёт парашютисты.

Солнышко разыгралось вовсю, паутины сверкали, даже стрекозки нет-нет прочёркивали синеву. Из Малов, от Печорского скита уже звонили к «Достоиню» (там служат пораньше). А я потихоньку карабкался да карабкался вверх, измочив ботинки росой, и читал вслух утреннее правило, будто немного оправдываясь перед Богом, что не в храме, но вот, слышишь, Господи, молюсь. А назад, на Изборск нарочно не поворачивался, чтобы уж с вершины всё сразу увидеть. И как наверху чуть унял сердце и повернулся, так и вспомнил, как часто в минуты восторга перед красотой вырывалось из сердца прямо сразу с пением — так летела душа: «О-о-отче на-аш...» И так ликующе выговаривалось: «Да святится имя Твое», потому что в эти минуты красота и желанность этого Царствия были так очевидны.

А тут я как раз в утреннем правиле к «Верую» подошёл. И остановился — так оно само собой пошло говориться, словно и не читалось, а вот тут прямо и рождалось, называя видимое сейчас сердцем.

...Во единого Бога Отца Вседержителя. Творца небу и земли...

Творца вот этого синего высокого неба в весёлых воробьях и этой золотой осенней земли в дальних холмах, в седых от росы полях, в уже задеваемых желтизной лесах, которые ведь взялись же откуда-то «среди миров, в мерцании светил» в страшной своей красоте. Творца крепости, раскинувшейся отсюда так вольно, и игрушечной Корсунской часовни, и угадывающихся за озером Словенских ключей, потому что и они как будто сразу от века таинственно содержались в этом «Верую»...

Во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия... рождена, несотворенна, единосущна Отцу...

Подлинно Сына — такого же небесно всеобъемлющего, счастливо утреннего, подлинно предвечного и единосущного и тоже всегда и сейчас таинственно и явственно всегда содержащегося в этих небесах, полях, диких яблонях, в речке Сходнице, сияющей зеркальцем в тяжёлой оправе камышей.

Как же точны были Святые Отцы первого Вселенского собора там, в Никее, на берегу тишайшего из озёр, когда складывали слово по слову, день за днём полтора столетия этот «Символ», лепили его чутким слухом из своих вод и небес, из своей веры и молитвы, высокого эллинизма, горячих споров и прямых противостояний. Вот где слову возвращалось его небесное значение, его райское имя и Адамова глубина.

...И вочеловечшася...

Тянулась от Труворова креста по склону холма разноцветная цепочка ранних экскурсантов — будто бельё на верёвочке под лёгким ветром. Значит, и в них, вон там, и в меня здесь «вочеловечшася»? Из непостижимой высоты, из того, что до и вне истории, из неподвластной уму вечности и величия — в самую бедную малость для спасения этой малости. Из Создателя всего — в меня в мокрых ботинках и в то «бельё на верёвочке». Это было так близко, так горячо, страшно, радостно, тайно и совершенно ясно, что, казалось, и умереть сейчас было бы весело и просто.

...Распятого же за ны... и воскресшего в третий день...

Да, да, вот, наверное, почему я увидел это утро в увеличительное стекло, словно оно было первое. Это было утро Воскресения! Простого сегодняшнего календарного воскресенья и на минуту проступившего в нём того — единственного — «в третий день по Писанием». Как будто природа вскрикнула и засмеялась над смертью, и я нечаянно услышал этот радостный смех и за вседневной красотой осеннего утра увидел свет всеобщего Воскресения. И понял, что же это значит — «исповедую едино крещение во оставление грехов».

Ничто не загородит от безумия мира, от безнадежности и торжества потребления, кроме этого непостижимого оружия —

единого крещения в живой воде дрящегося Творения.

Устанешь, сто раз будешь отчаиваться и стоять на пороге неверия, тысячу раз уступишь соблазнам века и искушениям ставшего религией потребления, но если при этом не поддашься змеиному шёпоту хотя бы и всеобщего «я верую — я тоже нет», то непременно увидишь однажды это спасительное, укрепляющее, навек отменяющее сомнения детское утро Воскресения.

И я, почти торопясь, боясь расплескать сердце, заспешил к «аминно». Но я думаю, что, если бы и не договорил «Символа» до «жизни будущего века», да и вообще умолк после первого пробуждающего толчка утро простило бы меня. Потому что оно уже воскресло во мне и для меня и, может быть (Господи, прости!), и благодаря мне, этой моей и для меня самой неожиданной готовности принять и увидеть родной, привычный, насквозь известный мир в мгновенном свете будущего века

Прав, прав Лев Николаевич: «дали человеку то, лучше чего нельзя представить», разбудили... И какое уж «мало» — это бы вместить.

...Туристы тянулись от Городища за весело бегущей впереди собачкой, словно она вела их всех на этой цветной верёвочке, кружились над озером утки, ища места поукромнее, день разгорался. Уже из чьего-то окна хватил бодрый «Маяк». Век готовился

диктовать Бекбедеру новые скептические странички, но мне уже не хотелось соглашаться с ним даже и в очевидном.

Всё правда, да не всё Истина.

Верую, Господи, помоги моему неверию.

«Под бременем познания и сомнения»

Получил письмо от своего крестника и замечательного поэта М. Я посылал ему случайно попавшую мне на глаза в плюшкинской кладовой интернета фотографию, где он снят с товарищами у Союза писателей СССР (ну а раз СССР, значит, уже лет тридцать назад). Я знал с этой фотографии троих и числил их в параллельных вселенных, не ведая об их знакомстве, а может, и дружестве. Одного из них — Миши Поздняева — уже и нет на белом свете. «Мой» М. живёт в Белоруссии, другой товарищ с фотографии — на Дальнем Востоке — сведи-ка их на одной карточке и в одном сознании. Письмо было грустно:

«...все были эгоистами... Тренички себялюбивые, хотели пролезть вперед, но стали никем. ни одного гения или даже крепкого таланта, голоса поколения. Жаль. Никто никому ногтя не протянул. Такие добрые и одинокие люди пытались составить поколение и опору, да не очень вышло.

Как ни странно, всех вывели в люди горбачёвское время, а

после развала Союза все потерялись.

Были собачьи бега. Ну а мы те самые псы. Вот только ни одного настоящего лидера, и ничего вразумительного, как ГОЛОСА ЭПОХИ. Так себе. Отличались только степенью начитанности.

А сегодня из того поколения все просто выживают, печатают всякие компиляционные книжки.

Такое странное поколение ТАК И НЕ ВЫСКАЗАВШИХСЯ. Все — дружка от дружки подальше — из-за какого-то соперничества и неприязни.

Легко было сразу закивать. Я вон тоже в последние годы всё ждал прорыва на Пушкинском празднике поэзии в Михайловском. А оканчивался Праздник, и опять было видно — нет, не провались. Нарочно вот сейчас сниму с полки книжки, остающиеся у меня после Праздника, как после отлива — не надо специально в библиотеку идти — по одной-то полке всё виднее. Первым даже и до того, как к полке повернёшься, вспомнится покойный Гена Кононов из своих, псковских. Напишет в стихах свою обычную биографию, где всё как у всех: «Вот диплом мой и паспорт. Возьми, полистай не спеша. Всё живых я живее. И свет мой не сгинет во мраке. Я не бомж, господа. Говорят, у меня есть душа. Я плачу за жильё, состою в профсоюзе и браке», а закончит с острой горечью «Всё сложилось о'кей

на пути моём мягко-пологом, но — при таком счастье — боюсь, не смогу подтвердить своего бытия после смерти пред Господом Богом». И вот поколение-то! — словно через плечо ему из других лет заглянет и подхватит строку Борис Скотневский из Тольятти: «Всё о'кей. Успеху — выше крыши. Лишь душа опять на самом дне». А перейдёт Борис через улицу и услышит от своего товарища Виктора Стрельца «Времена иные на коне — конкурентно улыбаются оне». А их третий товарищ из того же Тольятти Владимир Мисюк объяснит и причину:

*Умер Тряпкин. И Решетов
умер.
Удавился пацан по фамилии
Рыжий.
Кушнер — star; Кублановский
в Париже.
Актуальной поэзии жижка
Наползает во всю ширину.*

Как зло и верно — «актуальной поэзии жижка». Если бы подхватить тем же Геной Кононовым, сказалось бы «сохраняясь в пределах освоенной роли без боли» и как приговор «Чёрной свечкой стораёт моё поколение, как вода утекают года».

Не вышло «поколения». «Не высказавшиеся». Одна «степень начитанности». Хоть в столбик выписывай:

*Когда бесправие царит
И зло угрюмо дышит в лица,
Боящийся не говорит,
А говорящий не боится.*

*Но есть и хуже времена —
Всеговорения как цели.
Такой свободе грош цена,
Как и словам на самом деле.*
(Виктор Кирюшин)

*О, сколько книг, о, сколько
книг,
Стоящих чередой безликой,
Не песнь, а безголосый крик
В сравненье с книгой той
великой.*
(Леонид Дранко-Мойсюк)

*За страницей страница,
За строкою строка.
Только букв вереница,
Только плоскость листа*
(Елена Тахо-Годи)

*Нас уже не найти. Мы спешим
раствориться в полночь,
Позабыв в темноте и себя,
и дорогу, и свет*
(Станислав Шпракко)

*А наша боль — фигия:
Игра смягчает краски.
Нам не прожить и дня
Без этой нашей маски...*
(Андрей Бессонов)

*Куда ни глянь — повсюду
словеса,
Они роятся в воздухе
и в дыме.
Они звенят, тревожа небеса
Неверными октавами своими.*

*...О, сколько их! — и скверных,
и святых
Я выводил подобно Моисею
Из тьмы черновиков, из
запятых —
В свободную, как рукопись,
Расею.*
(Александр Хабаров)

Из разных концов «Расеи» и разных лет и судьбы, а будто соседы по общежитию.

* * *

И тут я ловлю себя на «приёме». Вижу, что тороплюсь подтвердить правоту своего товарища, что да, изговорились, но не выговорились, что кто ни печальник, тот иронист, кто не иронист, тот притворщик. А голоса поколения нет. Умны, усталы, неприязненны к времени. Хоть повторяй за Лермонтовым:

*Печально я гляжу на наше
поколенье,
его грядущее иль пусто,
иль темно.
Под бременем познания и
сомнения
в бездействии состарится
оно.*

Вот и они — в бездействии, потому что неплодный ум, хотя бы и в послушной форме (а форма большинству легка) — всё только слова, слова, слова...

А потом оглядываюсь, о каком поколении писал Михаил Юрьевич, кто эти «наши», томящиеся «под бременем познания и сомнения» и ахаю: да ведь это Пушкин, Баратынский, Языков, Веневитинов, Батюшков... И, смутившись, бросаюсь перечитывать отложенные, было, книги. И, счастливый, с лёгким сердцем опровергаю себя. Выговорились! Выговорились! Да ещё как! Разве что не порознь. Это в целом времени целен и поэт, и

он — зеркало во всё небо. А когда вместо времени рассыпанный пазл, то и поэты вдребезги. Но, сложи эти осколки и увидишь, что и расколота жизнь — всё жизнь. И все отражения сложатся в неприглядную картину суетного дня, где эта внешняя «невыговоренность» и «отсутствие голоса поколения» и есть честное и вразумляющее свидетельство, что не поэты, а время съестся «под бременем познания и сомнения».

Вот тут бы и привести примеры, как складывается небо из осколков зеркал. Да тут та тонкость, что зло и поражение легко подтвердить эффектной цитатой, а добро и правду надо подтвердить всем стихотворением. Злу довольно фрагмента, добро ищет контекста. И иногда, грешный человек, думаю на том же Пушкинском празднике: да отчего они читают по стиху — по два: что тут успеешь разглядеть? Не вернее ли было бы позвать двух-трёх поэтов да научиться слушать (к сожалению, это золотое качество уходит сегодня в слушатели — некогда ему, всё подавай тотчас с первой строки!) и скоро мы бы с удивлением увидели, что мы не оставлены Богом и поэзией. Что Муза — всё терпеливая русская баба и не бросает своих бегающих за временем детей, а попереком договаривает свою правду до конца. Мы-то можем бегать и отговариваться нехваткой времени, а Муза — всё дочь русской вечности, а не утренних новостей.

*и заешь божьи свой зовок.
Потому что совок я по крови
своей,
и поймёт меня только совок.*

Да и те, кого я цитировал в комментарии к письму об «эгоистах» и «себялюбивых трепачах», если из контекста-то не выдёргивать, какой живой и подлинной стороной повернутся. Вон Борис Скотневский после «Всё о'кей. Успеху выше крыши, лишь душа опять на самом дне» как обнимет это же время, когда придёт в сумерках одинокий час прямого взгляда на жизнь:

*Пускай оно пройдёт, как
дым, —
Я счастлив временем своим...
Поскольку в нём родные люди,
Мой воздух и моя вода,
Мои хоть счастье, хоть
беда, —
А больше их нигде не будет,
Не будет больше никогда.
И всяким — грешным и святым
Я счастлив временем моим.*

Как просто, как «бедно», но ведь мы наедине-то с собой и не «поэты» и «себялюбивые трепачи», а живые незащитные люди, которые меряют жизнь не поэзией своей и других, а простым утром и днём, а они — день-то и утро и при Экклезиасте, и при Жириновском, при Сафо и Марине Кудимовой те же. И как вслушаешься открытым сердцем, так и забудешь о «соперничестве и неприязни» и сразу видишь пронзительную единичность каждого мгновения

и само собою тем же Скотневским и выговорится:

*Но время так отчаянно
сквозит,
Что жизнь непоправима
и прекрасна.*

Да и зачем непременно искать одежды «по времени» — придёт нужда, наденешь и то, что Катулл нашивал и чего Херасков не стыдился, потому что жизнь не так тороплива, как мы, грешные — иногда старое-то платье и милее, и роднее. Наденешь, и словно времени-то и нет, а стоит на дворе эта самая желанная вечность.

*Я ищу нового слога,
Как ищут новой любви.
Но старые рифмы сильны,
Как прежнего чувства оковы.
И старые ритмы звучат,
Как голос знакомый и нежный.
И трудно не бросить взгляд
На прошлое — пусть
безнадёжный.
(Е. Тахо-Годи)*

Не безнадёжный он, не безнадёжный, а, может, напротив, в иные времена самый надёжный и есть, потому что вернее беготни удерживает сердце — форма-то ведь не только одежда, она — сердце времени.

Нам не хватает сетчатого зрения стрекоз, чтобы увидеть сад поэзии «невыволившихся» лет. Это не поэты, это мы мечемся между тревогой утра и покоем вечера, между здоровой вечностью прежней истории и эгоистической однодневностью нынешней. А время без свидетелей

не остаётся. И пусть история не надеется, что она обманула нас информационным безумием, обиходом ежедневных убийств, всеобщим переселением народов — поэт, как пушкинский Пимен в одинокой келье «донос ужасный пишет» «И не уйдёшь ты от суда мирского, как не уйдёшь от Божьего суда».

Мы и Его, Создателя всяческих, пытаемся приручить и сделать бизнес-проектом, но сама же поэзия и не даёт, потому что она — Его дитя и «отроки благочестивые в печи» и «Даниил во рву львином» не устанут свидетельствовать об Истине и ставить будильник на «вечность».

Это, может быть, самая живая из ветвей нынешнего «древа познания», ставшего «древом жизни» — христианская поэзия. И не внешностью христианская, не прямо Божьим именем, а самим дыханием, тишиной преображённого слова, простого и глубокого, как троеперстие. Разогните Станислава Минакова:

*К осени человек понимает,
как быстротечен смех,
Как лаконично время, но
жаловаться — кому?*

*К осени человек понимает,
может быть, паче всех,
Что телегу тянуть с другими,
а умирать — одному.*

Или его же:

*Поставь на полочку, где
Осип и Никола,
Осенний томик мой: я там
стоять хочу.*

*Мне около двоих родны
словес оковы,
Где — колоколом течь,
приколоту к лучу.
Реченья их — речны, свечение
— угодно
Тому, Кто чин даёт
журчале-словарю,
Коль-ежли иордань жива,
хотя подлёдна,
Тогда и я, гордясь,
глаголю-говорю.*

Откройте его товарища Юрия Кабанкова:

*Что с нами случилось? Отчего
так споро,
Так легкодумно лишены
Твоей опоры
Не причащаемые хлебом
и вином?
Куда же мне теперь, скажи
на милость!
Как птаха зимняя, душа моя
кормилась,
Доверчивая, под твоим
окном.
Морозный день стоял, как
ангел, на пороге,
Хрипели грудью лесовозные
дороги,
А сердце бедное спало —
небесным сном...
Достойна Промысла высокая
забава!
И, в страхе цепenea, как
собака,
Уста молитвою не смею
утруждать,
Но стыдно как о, Всеневесный
Боже,
Сеи обреченности — когда
мороз по коже, —*

На плоть мою взгляни:
 сплошной наждак!
 Из бездны к небесам Твоим
 взываю:
 Да прекратится мысль моя
 живая!
 Сие безумием прилично
 упреждать.

И напоследок ещё из Светла-
 ны Кековой:

Кончается осень, как жизнь
 в разорённой стране,
 и к сердцу вплотную зимы
 подступает блокада,
 и виден загадочный всадник
 верхом на коне
 на фоне заката.

И всадника тень, и его боевого
 коня
 не Гоголь придумал, мечтая
 о юной невесте,
 но так возвращается в мир,
 убивая меня,
 закон воздаяния, страшное
 таинство мести.

И всякое слово, конечно,
 приносит плоды,
 собой заполняя пространство
 от храма до свалки...
 А Гоголь шивает стеклянное
 платье воды,
 поскольку жалеет погибшую
 душу русалки.

Как, начав «за упокой», не кончить «за здравие»? Как же мы богаты всеми оттенками жизни, какие узнали тонкости о человеке, как стали бережны к сердцу и Богу. Словно всё на площади жили, а очнулись в

простой тишине родного дома. Оказывается, можно и так выйти к читателю со своим сердцем и будто только со своей единичной печалью и любовью, а другое сердце метнётся навстречу. Значит, можно? Значит, я не одинок в своей такой «необщественной» простоте?

Ну, и чтобы уж окончательно смутить читателя последней открытостью — «проза в столбик», как зовёт свои стихи Светлана Василенко. Напечатаю её в строку (раз проза!) — столбиком она от этого быть не перестанет:

На еврейском кладбище У
 могилы мужа Стою одна. Все
 знают, кроме меня, Дуры,
 Что сегодня живому сюда
 нельзя: Суббота. Сиротская
 могила. На памятник нет де-
 нег. Денег нет ни на что: Ни
 на жизнь, ни на смерть. На
 сапоги тоже нет. Ты же зна-
 ешь, Марк, Нашу с тобой
 жизнь: Еле дотягивали до по-
 лучки. Разговариваю с тобой.
 Ворох новостей. Жалуюсь на
 сына. Он всё со своей Машей.
 Марк, я опять влюбилась На
 старости лет тут в одного.
 Ты привык. Ты рассеянно слу-
 шаешь меня, Лёжа, Словно на
 диване, Незряче глядя. На свой
 небесный футбол. Невпопад пе-
 респрашивая — как его зовут?
 Саша? Горячась: — За это надо
 давать красную карточку Или
 назначать пенальти! И я вдруг
 ясно понимаю, что Ты такой

же, Ничуть не изменился. И нам хорошо, Как раньше, Просто молчать Друг с другом Здесь, на еврейском кладбище, Когда живым сюда нельзя. Суббота.

Понимаю, что «подставляюсь» с таким, уж очень «нетребовательным» отношением к поэзии, где ни пушкинского «Пока свободою горим», ни мандельштамовского «Наши речи за десять шагов не слышны», ни кузнецовского «Времена прошли — словно не были. Мы пройдем насквозь — не задержимся.

Ничего от нас не останется. Что останется — будет лишнее». А всё-таки остаюсь при своём. Не всё на трибуне стоять, не всё Музе на баррикады со знаменем лететь, а иногда, пока времена «отдыхают», надо и дома побывать.

Слава Богу, что «не выговорились». Выговариваемся. Глядим, чего в душе накопилось в твёрдые времена. Простое всё, человеческое, но ведь наше же. Может, не «голос», а только шёпот, но не чужой, а нашего поколения. Значит, длимся. Живём.

Марина ГАХ

«Я НАУЧУ ВАС МЫСЛИТЬ...»*

*Стенограммы лекций Юрия
Кузнецова*

*Марина Владимировна Гых
родилась в Ялте, окончила
Ленинградский инженерно-
строительный институт по
специальности архитектор,
Литературный институт
им.А.М.Горького (семинар
Ю.Кузнецова), кандидат
филологических наук,
член Союза писателей
России. Публиковалась в
журналах «Наш современник»,
«Возрождение» и др.
Победитель конкурсов
«Золотое перо», «Патриот
России», им.Р.Рождественского,
им.К.Симонова и др.
Многодетная мама. Живёт
в Москве.*

Тема лекции: ДЕТСТВО

В XX веке мы впервые соприкоснулись с проблемой, пороком, болезнью — инфантильностью, которая распространена по всей планете, во всех обществах.

С детством, как поэтической темой, встречаемся в фольклоре всех народов. Человек имеет три возраста: утро, полдень, вечер. Среди древних богов есть дети. В мифологии греческой — загадочный образ-символ божок Амур; у римлян — Купидон, игривый шалун. Он рассылет стрелы и поражает насмерть и богов, и людей. У греков ещё один мальчик — Ганимед (происхождение неясное). Это не народный образ, создан в период

---

* Продолжение. Начало в журналах
«Гостиный Дворь» № 5,6

упадка Эллады. Любимец богов, по велению Зевса орёл вознёс его на Олимп, где он служил виночерпием. Разные люди писали о Ганимеде, встречается этот образ у Гёте, у Пастернака есть «Ганимед». В известной сказке «мальчик с пальчик» обладает богатырской силой.

В «Завете» Христос сказал: «Будьте как дети!» Эта истина очень распространена. «Устами младенца глаголет истина» — эту незамутнённую, естественность ребёнка сумел выразить Андерсен в сказке «О голом короле». В прозе много детей. Но самое лучшее о детстве написал Аксаков. «Детские годы Багрова-внука» — это мощь, крепость уклада народного. Писатель дал мир глазами ребёнка, не подстраиваясь под детское мышление. У Достоевского в произведениях много детей. Но он и детям влагал идеи, то же в «Братьях Карамазовых». Коля Красоткин — умный и злой.

Л. Толстой в статье о крестьянских детях «Кому у кого учиться писать» проповедует идеи Руссо, возврат к природе. Дети всё воспринимают непосредственно. Толстой задавал задание на пословицы, и дети писали рассказы.

Человек рождается чистым, вступая в мир, искажает свою душу и до старости освобождается, возвращается к детской чистоте. В сказках заложен генетический код народа. Детская

литература, литература для детей — вся облегчённая. Разница разительная. Например: Марк Твен «Том Сойер» — детская облегчённая литература, а «Приключения Гекльберри Финна» — настоящая литература, много идей. Льюис Кэрролл «Алиса в стране чудес» — компьютерная сказка, развивает инфантильность.

Есть младенческие народы. Такое представление бытует о дикарях. Но под старость тоже выпадают в детство. Неясно с австралийскими аборигенами, они, скорее всего, выродились, впали в детство. Прослеживается высшая цивилизация — чёткая реакция в пространстве. Бумеранг — это остаток чего-то мощного и в духовном, и в техническом отношении.

Туземцы на острове Суматра интересно охотятся на тигра. По принципу буриданова осла, когда две одинаковые охапки сена были положены с двух сторон от животного, он не знал, какую съесть, и умер от голода. Так и тут: с разных сторон поляны, под определённым углом, на одинаковом расстоянии к хищнику выходят двое людей. Делают шаги одновременно. Тигр не знает, на кого броситься. Подходят и убивают ножами.

Тема детей, воспитанных зверями. «Маугли» — чистая выдумка. Сколько ни пытались вернуть таких детей в нормальное состояние — не получалось. Если человек выпадает

из замкнутой системы общества, выпадает навсегда.

Дед — дитя, смысл смыкается, слова одного корня. Некрасов «Дед Мазай и зайцы».

Детство должно быть идеальным, дети — цветы жизни, значит, должны расти на лоне природы. «Дитя природы» в нашей литературе — Дерсу Узала, в городе жить не смог. Детство извращено, когда оно бездомное, как у Диккенса в «Оливере Твисте». У Шишкова образы детей в романах «Странники», «Угрюм-река». В неестественных условиях растут дети в произведениях Достоевского.

Колыбельные песни — это душа народа. Лермонтова «Кача чья колыбельная» — лучшая из литературных, социальная по тем временам песня. Много у других поэтов. Русская народная песня времён татарщины:

*Как за речкою да за Дарьею
Злы татарове дуван дуванили.*

*На дуваньце доставалася,
Доставалася тёща зятю.*

*Вот повёз тёщу зять во
дикую степь,
Во дикую степь к молодой жене:*

*«Ну и вот, жена, те
работница,
С Руси русская полоняночка.*

*Ты заставь её три дела
делать:*

Перво дело — куделю прясть,

*Второе дело — лебедей
стеречь,*

*А и третье дело — дитю
качать».*

(Узнаёт свою дочь, она была забрана маленькой татарками в плен и стала женой татарина, которому досталась полонянка).

*Не поеду я на Святую Русь,
Я с тобой, дитя,
не расстануся!*

(«Русские народные песни» — от всех времён).

У Пушкина детство не естественное, оранжерейное, но повезло с няней Ариной Родионовной.

Детство в поэзии — есть закономерная связь с природой. Гёльдерлин (1780—1843) — 30 лет был сумасшедшим. Последний всплеск Возрождения, поэт, полностью погружённый в жизнь Эллады, большая степень абстрагирования от реальной жизни.

*Понимал я молчанье эфира,
Не понимая людей никогда,
Любить я учился среди цветов,
Боги взрастили меня.*

Клеманс Брентана (1780—1843) — из романтиков. «Колыбельная»:

*Эту песню напевая,
Не колебли тишины, —
Так луна всплывает.
Пой, чтоб слышен был
Шорох, шелест, ропот.*

Уитмен (1782):

*Был ребёнок, и он рос
с каждым днём,
И каждый день видел новое,*

*И на что бы он ни взглянул,
Оно становилось частью его
На этот день (крупный слог)
Или на многие годы*

.....

*И рыбы, которые так
непонятно повисли под водой,
И сама вода — всё стало
частью его...*

Эгуан Хименес (Испания):
«Детство. Луч. Колокольня, Зелёные ветки. Я любил, соловьинок, безлюдье тумана, затихание. Стихотворение «Рассвет»:
«Младенец заплакал. Из всего мироздания: детские губы и холод ранний». Стихотворение «Бегущим детям»: «Завтра сильнее запахнет сирень, бегство, бегство к смертному дню, дети, что бегали весь день, завтра начнут беготню» (крупный слог) — чем взрослее, тем человек медленнее движется.

*И детства мир от мира
горизонтом отдалён*

...

*Вернулся и не узнал Магера.
(вырос)*

Антонио Мачада (1835 — 1939), взял эпитафией «Кружитесь, кружитесь, деревянные лошадки» Поля Уильяма.

*Пегасы мои — деревянные
лошадки.*

*Мечту влекло к тому, что
не приходило,*

И что навсегда ушло.

Детское воспоминание: мальчик закрыт один дома, вздох

поэта: «О, время и я!» Ощущение детства: «Эти дни голубые, это солнце далёкого детства».

Норвежец Г. Рейс Андерсен (1902 — 1964): «Два ребёнка»:

*Играли два ребёнка на берегу
морском*

Со временем — песком.

И белые мгновения меж

пальцами текли,

И вот уже мужчина с

женщиной ушли.

ИграТЬ не будем в звёзды,

как играли с песком.

Бунин (1906) «При свече»:

Голубое основание, золотое

остриё,

сердцем помню только

детство, —

всё другое не моё!

Из современных поэтов почти у каждого есть стихи о детстве, Например, у Тряпкина. Но не все возвышаются до высот. У Казанцева (прорыв):

*На протяжном пожизненном
марше,*

жизнь всё больше любя.

*И чем старше, тем старше
себя*

будто явственно так

вспоминаю,

то, что не дано вспоминать.

....

И далёкое, кажется, детство

дальше, дальше, всё дальше

в века...

Дети-цветы — это ёмкий образ, в детстве всё заложено, есть

и пустоцветы, есть цветы ядовитые, без запаха, полевые, домашние.

Всё это может отобразиться, как поэма о детстве.

Мицкевич «На заре туманной юности» — пролил слёзы о детстве.

Пришвин — отрок мудрый, с природой не дитя, а отрок.

Инфантильность — недоразвитость, незрелость мысли. Фолкнер о Селенджере: «Он пишет незрелые вещи для незрелых умов». Метафоризм тоже инфантильность, наиболее ярко выражена у Пастернака.

«Слабость побеждает крепость и твёрдость» — мудрость даосизма, трава пробивает асфальт. В ребёнке вся Вселенная, микромир.

В якутском фольклоре рождается воин во всем облачении. От тычков сотрясались горы. Культовые герои те, которые несут знание, как Прометей. В «Нартах» — осетины, абхазцы и другой Кавказ. В Камчатском эпосе ворон-птица — культовый герой. Весь эпос исчез, погиб. «Калевала».

Тема лекции:

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Аристотель и Блаженный Августин писали о времени: если остановится хоть на одно мгновение — мировая катастрофа.

Как философы, так и поэты разделяются на истинных и ложных. Поэты Божьей милостью — истинные, они различаются по степени таланта и по удивлению перед миром. Удивление — главное качество человека, философа, если человек не удивляется — это машина. Истинные поэты и философы удивляются живому миру, природе. А ложные удивляются слову, тексту, уже написанному — это книжные поэты, для них первоисточник не природа, а книга. Есть переходные типы.

Прикосновение или контакт определяют, истинное это явление или имитация (ложный выпад). Нежное, грубое, ласка, удар — всё это прикосновения.

Ахматова: «Муж хлестал меня узорчатым,/ Вдвое сложенным ремнём»; Блок: «Подойди, подползи — я ударю,/ И, как кошка, ощерись ты». Луговской: «Мне рубашку прожгут молодые горячие груди».

В природе есть трава-недотрога! Наступишь, тронешь — вянет, отойдёшь — распрямляется. Трепет — прикосновение живого. Тютчев «Летний вечер»:

*Река воздушная полней
Течёт меж небом и землёю,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобождённая от зною.*

*И сладкий трепет, как
струя,
По жилам пробежал
природы.*

*Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды.*

(Объём полный — воздушная река и подземные ключевые воды).

Прикосновение к мёртвому. В Ижевске нужен был мотор в войну, не могут вычислить ошибку, мало времени, нужно долго искать, делать разные расчёты. Пригласили мастера-умельца, который не оканчивал институт, был самоучкой, но чувствовал металл. Он поводит пальцами по поверхности металла и обнаружил внутри пузырек воздуха, определил неисправность прикосновением.

Фет — ощущение другого мира, другого человека:

*И не нужно речей, ни огней,
ни очей —
Мне дыхание скажет, где ты.*

(Это будет позже у Бунина, потом у Казанцева.) «Ещё акация одна с цветами ветви опускала» — через поэтическую деталь, через птичку поэт описывает свои чувства.

Рифма — эхо, соприкосновение, укрупняет стихотворение смысловая нагрузка рифм. На пример, у Пушкина:

*Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты.
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.*

Если выписать рифмы, получается сокровенный смысл

стихотворения: «Мгновенье ты. Виденье красоты».

Украинский поэт В. Сосюра (1938). Стихотворение «Воронёнок»: прикоснулся к птенцу — природа пришла в ужас, отпустил — угомонилась.

В. Казанцев: «Ветер, тучи, грозы-скороливы. Говорливы, жгуче торопливы... Не дотронусь» — весь такой, боится прикосновения, не только плотского, но и души. «Я слушал, как звенели льдины, когда мой голос трогал их». Ещё стихотворение, человек в лесу: «Тропинки старых не нашёл. Я глубже в дебри заглянул». Всё живое ушло, напугалось, и страх коснулся его, он тоже пришёл в ужас. Живой ужас, что в природе, что в человеке. Но не справился. Получилось литературное стихотворение. Отрицательный пример: «А если трудно сердцу твоему.../ Сначала соседу, потом другу, после — никому!» Надо — к Богу, нет выхода поэтического, но в этом он остаётся верен себе. Самое главное прикосновение — к Богу, через сияние, трепет.

Поэзия возникает от соприкосновения. С-частьё — с одной частью мира соприкосновение.

Прасолов: «И юное в щёки мне дышит холодным, смеющимся ртом».

Тема для стихотворения: де-вушке передать бы вступление в холодную воду — прикосновение.

Есть прикосновения, которые вгоняют в страх: галлюцинации,

привидения, то, чего нет. Грубое соприкосновение — удар. Состояние человека на войне: на него идёт танк: «Дымится бронь от взгляда» — книжное соприкосновение, люди приходят в ужас, их ведёт и поднимает нечто вышнее, что за пределами разума.

Чем больше соприкосновений, тем живее и плотнее ткань стиха. Классический пример соприкосновения у Пушкина: «Для берегов Отчизны дальней»: «И ты от тяжкого лобзанья уста свои оторвала... Но поцелуй я жду. Он за тобой».

Достоевский: «Преступление и наказание», образ Свидригайлова — здорового человека, который не чувствует потусторонних прикосновений, но когда его организм ослаб — ощутил.

Рубцов «Вечером в кустах лучше не встречаться».

Будда — лежит верёвка, человеку кажется, что змея, и он боится. Страх прикосновения — мерещится.

Есть ложные галлюцинации, когда осуществляется контроль радио, на этом построены метафоры, когда один предмет кажется другим, если возводить в принцип, получается отрицательный результат. Например: серп месяца, убирается месяц, остаётся серп. Это ложный принцип, на этом весь Пастернак. Можно разобрать, в чём ложь и пустота Пастернака. В поэме «1905год»: «Точно Лаокоон будет дым на трескучем морозе... оголяясь, как атлет». Ахматова «Поэт» —

восхваляла его через десять лет: «За то, что дым сравнил с Лаокооном, / Кладбищенский воспел чертополох... / Он награждён каким-то вечным детством». (Здесь детство инфантильное). В дыме нет страдания, это пустая метафора. Лаокоон — греческий жрец, возражал против троянского коня, чем рассердил Афины. Когда приносил жертву Посейдону, припылили две змеи, растерзали Лаокоона и его детей и уползли в храм Афины. После этого троянцы завезли коня. Пастернак устранил Лаокоона, оставил одних змей дыма — это инфантильность. Ахматова восхищалась пустотой. Так использовать метафору нельзя, здесь нет культуры. Метафора живёт не внешне, а в развитии. Пушкин «Как пахарь битва отдыхает» («Полтава»). Толстой: «Капитан, покуривая, отдаёт приказ» — это его работа, не поза, уловлены корни. У Пастернака — пустая напыщенность. Этим же наполнен Вознесенский, для которого Пастернак — вся академия разом.

Тема лекции:

ТОЧКА

Во всех славянских языках звучит одинаково, уходит в века, от слова «ткнуть». Есть выражения чужие: калька с французского «точка зрения». Точка сосредоточения, «мёртвая точка», «болевая точка», «огневая точка», «торговая точка». В Калмыкии —

поехали на точку (точка — пруд). В точке отсчёта, попал в точку. В начале века совет новобрачным: дай Бог стоять в одной точке, совет да любовь. В XIX веке в поэзии нет точек, появляется в конце века у Бунина — очень конкретный образ. 1888 г.:

*От выреза льняной сорочки
её плечо ещё круглей,
и под сорочкою две точки
стоячих, девичьих грудей.*

В 1900 году сама точка не названа, но дан образ:

*Орёл с дозорного кургана,
как над равниной океана
весь чётко виден в высоте.*

Тоже конкретно, вдали от символа, всё зримо, однозначно. Стихотворение «Донник»:

*Я встал от книг и в степь
пошёл...
Ну да, всё поле — золотое,
и отовсюду точки пчёл
плывут в сухом вечернем
зное.*

Бабатахир (период II века):
*Я море, что шумит, шлифуя
грань алмаза,
над буквой точка та, что
меняет смысл фраз.
Я тот, что родился в
тысячелетье раз.*

В современной поэзии точке не повезло. Маяковский, поэма «Флейта-позвоночник»: «Не поставить ли точку-пулю в своём конце» (объёмный образ). Неудачная форма: Ярослав Смеляков, «Ягнёнок» 1908 г.:

*Он вовсе не был одиночкой,
а представлял в своём лице
как бы поставленную точку
у пыльной повести в конце.*
(слабо)

Что-то хотел сказать, претендовал на символ. Кузнецов, «Точка»: «Долину печали надолго покину, я — точка над И, что горит вполювину» (вообразил, что угодно, а оказалось — точка).

Вывод: сейчас нельзя писать конкретно, однозначно. Стоим перед гибелью веков, надо видеть многозначность, символ. Одной зримости мало. Надо задействовать все пять чувств. В «Капитанской дочке» буран родился из маленького облачка, которое показалось над холмом.

«Взгляд в одну точку», «сжался в одну точку». Чтобы остановить пулю, надо такую же силу противоположную. Человек делает такое движение навстречу и ловит её. Стрелу перехватывали — нейтрализация движения.

Кант — меня поражают две вещи: звёздное небо над головой и нравственный закон внутри меня. (Ребёнок до года ощущает справедливость).

Для творчества необходимы МЕРА и ЯСНОСТЬ, но есть ещё третья — СВОБОДА. Свобода — это высшее, когда излагает свободно, ясно и в меру.

«Серебряный век» с Иннокентия Анненского, там Блок. Белый — с одной стороны, Сологуб, Михаил Кузьмин — с другой, туда и Гумилёв. Есенин

не входит, тянет на «Золотой». Недостатки поэта всегда связаны с его достоинствами, отделить нельзя. В. Смирнов — специалист по Серебряному веку согласился, что Есенин — «более благородный металл».

Мысли музыкальные, образные. Рациональная должна быть отлита в форме краткого афоризма: «И дым Отечества нам сладок и приятен» (Некрасов). «Мысль изречённая есть ложь» (Тютчев). «Чем продолжительней молчанье, тем удивительнее речь» — по аналогии с вином (чем древнее, тем лучше).

Вывод: стихи надо выстрадать. Блок «Незнакомку» выстрадал. Загратил душу, вложил её в стихотворение. Стихи творят. Когда пишете, надо представлять, что стоит перед глазами, образы должны быть зримыми. Писать для читателя не надо, но надо писать точно.

У Марка Твена человек вспоминает: был молодым человеком и считал отца дураком, не слушал, что он говорил. В 20 лет прислушался, а в 24 понял, что отец намного мудрее.

«Знаток» (китайская притча): Император искал самого лучшего коня. Пришёл к мудрецу, тот послал к другому, тот — к третьему. Третий сказал: в таком-то краю табун, там ещё жеребёнок,

но есть приметы (цвет, ноздри, бабки и т. д.). Когда привели, оказалось, что это кобыла. Разочаровался император — это не знаток. Послал к тому мудрецу, который посоветовал. Мудрец сказал: «О, это действительно знаток — не обращает внимание ни на масть, ни на пол, а только на качества».

У Пушкина разлука крупным планом «Для берегов Отчизны дальней». Для человека важно время циклическое, природное.

Механическое время — это не поэтическая категория. «Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю» — обжигает. У Державина «Скользим мы бездны на краю... в которую свалимся». Есенина вела интонация, она его выпрямляла.

Дурак — образ не придуман, взят из сказок, это генетический код народа. Надо усвоить, что этот дурак мудрый и весёлый. Это дурак, не кретин — наша генетическая тайна. Болван — не русское слово, кретин, идиот — всё однозначно. Дурак — богатое слово, многозначное. Слова ориентиры: дурак, мечта, плоть, душа. Надо брать, что тебе близко. Это русская восприимчивость. Например, Л. Толстому был близок Б. Паскаль — француз и Лао Дзы — китаец. Брал. Есть общечеловеческие ценности, настоящие.

(Продолжение следует)

Виталий МОЛЧАНОВ

ГОФМАНИАДА

Виталий Митрофанович Молчанов родился в 1967 году в Баку. Печатался в «Литературной газете», в журналах «Дети Ра», «День и Ночь», альманахах «Лёд и пламень», «Паровозъ», «Гостинный Двор» и др. Лауреат региональной литературной премии им. П. И. Рычкова (2014), им. С.Т.Аксакова (2014), «Оренбургская лира» (2014), Международного литературного конкурса им. А.И.Кутрина (2016), Всероссийской премии им. Д.Н.Мамина-Сибиряка (2016), Волошинской премии (2016), конкурса исторической поэзии фестиваля «Словенское поле — 2018», Международного литературного тургеневского фестиваля «Бежин луг» (2018). Председатель Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей, директор оренбургского областного Дома литераторов им. С.Т. Аксакова.

ГОФМАН

Фалды — до пола, с кукиш —
рукава.
Сюртук растёт — вцепилась
мурава
В сукно из Граца миллионом
пальцев
И вытянула сзади в длинный
шлейф.
Мой Фабиан, беги же прочь,
не дрейфь,
Ряды пополни нищих и
скитальцев.
Поможет табакерка — нужный
дар.
С Кандидой повенчался
Бальгазар,
Сгорело вместе с прядкой
наважденье,
Вернув талантам славу и почёт.
«Лишь Кракатук», — поведаль
Звездочёт, —
«Принцессе Пирлипат сулит
спасенье».

Слопав Циннобера, рты
 промокали батистом:
 «Муха всегда виновата среди
 пауков».

Как я его любила, как я его
 жалела,
 Сам поднимался — юн,
 образован и крут.
 Каждый вельможа тащит мелочь
 поближе к телу,
 Умных они не любят, самых
 отважных бьют.

Взяли ферзя на вилку — пешке
 пробиться легче.
 «Он плагиатор!» — с толку
 сбивает молва.
 «Доченька, хватит плакать,
 милая, время лечит», —
 Старый профессор льёт на
 брусчатку слова.

Зависть и ревность в обнимку
 кочуют по сказкам,
 В цахесы превращают, враками
 застят свет.
 Девушка с новым другом
 пылким предается ласкам,
 Фея помочь не в силах, фей в
 Кёнигсберге нет.

ЩЕЛКУНЧИК

Сказки сюжет оживает под
 скрипки в сочельник:
 Мчатся снежинки, как рой
 потревоженных пчёл,

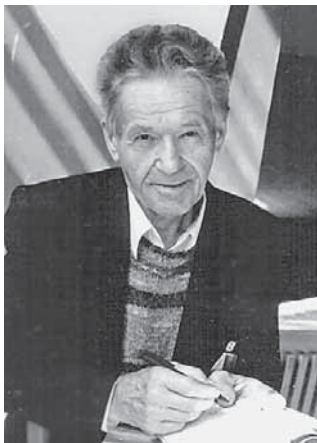
Кружатся в танце и, звёздами
 рухнув на ельник,
 Старый башмак пробуждают —
 летающий чёлн.

Двое, обнявшись, пряят над
 готическим храмом,
 Мимо домов в снежных шапках
 и длинных плащах —
 Чуду навстречу, где сладости
 детям задаром,
 Феи вальсируют, крыльев
 слюдой трепеща.

Льётся река лимонадная чинно
 в бокалы,
 Город конфет принимает
 желанных гостей
 Так по-немецки... Да разве
 когда-то бывало,
 Чтоб на Руси обходились без
 бури страстей?..

...Ноты-цветы разрывают листы
 партитуры
 В пляске мелодий бессмертных
 Петра Ильича.
 Выжил Мышиный король —
 свойство русской природы
 Недругов лютых прощать,
 рубанув сгоряча.

Вместо Мари поцелует
 Щелкунчика Маша,
 Встав на пуанты, как фея
 стройна и легка.
 Гофмана сказка, отныне ты
 близкая, наша...
 Старый башмак пробивает
 носком облака.

Сергей ФРОЛОВ

ОТ ЧАПАЕВСКОГО КОННИКА ДО ЕЛЬЦИНА

Из записок строителя

Сергей Васильевич Фролов родился в 1936 году в селе Несмеяновка Куйбышевской (ныне Самарской) области. Окончил строительный техникум, работал по комсомольской путёвке на стройках области. Прозаик, член Союза писателей России, автор двух книг прозы. Публиковался в альманахе «Каменный пояс», журналах «Урал», «Москва», областных сборниках прозы и поэзии. Лауреат областной премии им. С.Т. Аксакова (1991), региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (2010) и др. Живёт в Гае.

«От многия знания большия печали».

Библейское

*«Над седьм чернымбылом
пустых деревень...»*

Геннадий Красников

1

Однажды бедствие, а горше сказать — гибель одной крестьянской семьи отравила мне вкус к жизни и в мою тогда ещё юношескую пору обесцветила её яркие тона.

Жила-была себе в своё время эта незадачливая семья, как и множество семей, в обыденном людском мире, обременённой всем, что есть во вроде бы простой и в тоже время до непостижимости сложной жизни.

Уже много позже мне, в раздумьях о ней, чтобы чётче, зримей

в который уже раз представить её судьбу, порой приходилось как бы возносить себя в некое воображаемое мной поднебесье и оттуда увидеть, как её чада с муравьиной кропотливостью некогда копошились в своих бесталанных напрасных трудах на далёкой от меня, из воображаемой беспредельности, юдольной земле, такой же, как и они, вековой работнице.

И вот случилось роковое: вдруг в одночасье словно нещадный вихрь вырвал их из бытия, из повседневного уклада жизни, развеял в неведомости. С тех пор — одна немота над ними, будто глухие бездонные воды сомкнулись над их жизнями. Как и не было их на свете.

И не они вдыхали при пробуждении к своим обременительным трудам, как все земляне, отраду дня — раннюю утреннюю свежесть. Не оглашалась жизнь заботной их речью вперемешку с беспечным, по случаю, забывчивым смехом, не передумывались ночами их повседневные обиходные думы, перетекавшие затем в тревожные сновидения; не для них светило солнце всегдашнему миру, и не оставили они следа своего по земному праху. Словом — ничего, что было их душой, их плотью, словом, самой человеческой сутью.

Но для меня всё же простирается из их неведомости, из их ниоткуда призрачное видение их бывшего бытия, некое витание их неупокоенного духа.

И вообще (будто и моя в том бедствии вина) — память о той семье до сих пор идёт и идёт, прямо-таки волочится за мной. Она то затушёвывается нашей обыденной суетой, то, маяча и маяча издали, вдруг, как преследователь, достигнет вплотную, заставляя испытать как бы совсем недавнее, временами повторяющееся потрясение, подобно тому, когда я однажды попал под небывалую для меня, прямо-таки обвальную грозу, в совсем открытом месте, где ни дерева, ни кустарничка — хоть в землю зарывайся.

Дело было так.

Пришлось мне как-то идти по степи до крайности изнурительным, очень душным днём, по моему отдалённому предчувствию, ничего мне хорошего не предвещавшим. Главное, надо мной ни единого облачного волокнышка в вышине, совсем чисто, а предчувствие не покидало меня. Так и шёл с ним в своей одинокости таким простором — глазу зацепиться не за что.

И тут совсем неожиданно заметил позади себя в необозримой, блёклой от зноя синеве неба возникшую как бы из ничего неприметную на вид, одиноко затерявшуюся в безбрежье тучку с просвечивающимися реденькими краями, лишь с малым, но заметно набухающим исподом. Главное, всё стоит и стоит, вернее, виснет и виснет в изнуряющем всего тебя томительном безветрии. Через какое-то время

ещё раз оглянулся — а она всё ширится, угрожающе набухает и тяжелеет и будто сама по себе (в недвижимом-то воздухе), как живая, шевелит волокнистыми просвечивающимися краями.

И что, казалось бы, в ней — тучка и тучка, пусть знает своё место в народившем её просторе. Но почему затаилась, будто крадётся, как бы неотступно следит за тобой.

Ты идёшь, заставляешь себя не вспоминать о ней, не оглядываться на её крадущийся медлительный ход, но спина всё равно чувствует её за собой. И уже словно бы сама собой, помимо меня прибавилась предательская торопкость в ходьбе. Ты силишься наскрести, какие ни на есть, остатки бодрости в себе, всё избывающей волей нарочито медлительный шаг и всё ещё храбришься, стараясь убедить себя в напрасности нагоняемой тобой тревоги. Только сам, противу сдерживанию себя, невольно переходишь на трусливую рысцу.

Тут недавно знойный, давящий духотой воздух вдруг неземной прохладой шевельнул волосы на голове. Враз небесно, вселенски похолодало и наволочные сумерки накатом застлали землю. Глядь — уже черно вполнеба. Нависший мрак, сгущаясь, становится всё плотнее, всё непроницаемей и томит, всё томит вконец оробевшее существо твоё, и всё торопит и без того неудержимо ускоряемый твой бег. Робеющая же спина так и ёжится,

так и ёжится от щекотливых зябких по ней мурашек.

И тут так осиянно полыхнуло во чреве мрака — во всю его ширь и глубину, прямо-таки всесветно. Вот он — огонь небесный, карающий. Как перед крахом всего мироздания, в предвестии конца света, перед роковой неизбежностью судного дня. А следом так громыхнуло — будто обвалом самих небес.

Свят! Свят! Свят!.. Сохрани и помилуй!...

Сначала обрушившемуся на меня потоку я пытался сопротивляться спиной, прикрытой лёгонькой тенниской! Но сколько не сопротивлялся, всё было бесполезно. Его мощь и порывы ветра заставили меня пасть под ним, и сплошные, больно секущие струи неисчислимыми гвоздями стали вбивать моё тело в землю. Вот тогда, вплоть с ней, я впервые отведал, со скрежетом песка на зубах, её терпкий, от веку лежалый вкус, а истерзанной потоком плотью — её непостижимость, как Божьего творения.

2

Такое же однажды пережитое мной семейное несчастье, преследовавшее меня, подобно той невзрачной, но, по предчувствию, предгрозовой тучке, всё же настигло меня ещё раз.

Обстоятельства моей жизни сложились так, что в небезызвестные своим позором и нашим

общим стыдом девяностые ельцинско-гайдаровские годы пришлось мне в должности прораба передвижной мехколонны вести со своими спецами протяжённую на сотни километров линию электропередачи высокого напряжения.

Страна в то время была ввергнута в полнейший бедлам. Жизнь сёл и городов с их хозяйственной деятельностью была парализована и, как бы упёршись в несокрушимую преграду, отчаянно забуксовала, глубоко зарываясь, на месте. А людские законы бытия утратили свою сущную значимость, обесмыслились.

Наша мехколонна в своём существовании (в смысле: «быть или не быть») тоже в этом всеобщем бедствии повисла на волоске. Тогда-то моему начальству удалось подрядиться строить ЛЭП новоявленному «прихватизатору», которые тогда в немислимой массе вскакивали паразитическими гнойниками на теле нашего общества. И вот выпала мне недоля быть у одного из них наёмным работником.

3

Мне-то, со своим спецами, уже полтора десятка лет пришлось прокладывать множество всяческих трасс. Они стали как бы неотделимы от моей жизни. И в те былые, теперь утраченные времена труд наш казался мне,

возможно, чрезмерно оромантизированным, захватывающим до забвения самого себя. И с каждой ЛЭП высокого, среднего или малого напряжения в меня всё настойчивей вживался мотив знакомой многим песенки: «Через горы, реки и долины...» Может, он и не совсем кстати был этот напев, как бы не ко времени. Ведь песенка-то фронтовая, не по нашей мирной жизни. Но что поделаешь, если она, как алла-ла, следует за тобой в твоей работе. И как тут заглушишь этот внутренне звучащий в тебе настрой, если шли-то мы не только по захватывающим дух раздольным просторам, но и через болота, трудные крутолобые предгорья и даже через большие и малые водные преграды.

Первое звено моих спецов, первопроходцев, устанавливало в котлованах сборные фундаменты под опоры мачт, второе — уже монтировало их, натягивая через изоляторы на траверсах провода высокого напряжения, тех, что выпевают затем, когда по ним пустят ток, свою бесконечную, тянущую за душу жалобу — пустынным ли полям, перелётным ли стаям, да и всему, всему окрест.

Так вот мы и шли, отмеряя сотня за сотней, тысяча за тысячей вёрст наших трасс. Если все посчитать... Да и зачем?.. Ведь может и того... не только шапка, а что-либо посущественнее набекрень съехать.

Со стороны глядя, кто-то и посочувствует: бесприютная, колёсная жизнь...

Да, мы порядком дичали, кочуя своим подвижным городком от одной временной стоянки к другой. И всегда по пустынности, стороной от больших и малых городов или иной населённости.

Зато жизнь наша, по сути, всегда такова, что хоть захлебнись избытком никем не отмеренного воздуха, и всегда под небом. А оно так неохватно, что можно изнемогать, если в него долго смотреть, уж очень притягательна его непостижимость. Облака же в его просторе так медлительны и так плавны, что, кажется, и протекают лишь затем, чтобы заморозить тебя своим ходом. Сама степь и вблизи, и особенно в далёкости так выразительно молчит, будто зовёт тебя думать вместе. Ночами же в непроницаемой тьме не просто свет звёзд, а ярость их свечения.

И ещё: ночевали мы в своём городке на колёсах, состоящем из ряда бытовок для моих спещов, небольшой кухоньки-столовой, нескольких кладовок для проводов, инструмента и мелко-го обихода да моей прорабки, разделённой крохотной прихожей на кабинет с чертежами, исполнительной документацией, геодезическими приборами, и на вторую её половину — спаленку, место моих ночных бдений, в которую обычно добираюсь поздновато, пока не поработаю с

чертежами да не вычерчу схему пройденной за смену трассы. Затем только — на покой на жёстком с плоским ватным матрацем топчане.

Но долго ещё не засыпаю, прислушиваясь к себе, к истекающим, как вода, дневным заботам, одновременно почти физически ощущая, как успокоились в своих постелях мои спещы, замер, умолк наш городок и натрудившаяся техника на машинном дворе.

А в это время обступившая стены прорабки вкрадчивая тишина принимается близко-близко, прямо-таки на ухо, настойчиво, неотвязно, будто сыскала себе собеседника, нащёптывать своей немотой хранимые ею сокровенные таинства. А сквозь непроглядную темь ночи, всей своей величиной прямо к твоему лику, тоже телесно ощутимо, приникает само мирозданье и также вроде бы незамечая, но властно овладевает всем тобой. И тут в охватившем тебя самодовольном эгоизме невольно возомнишь, что происходит единение твоего существа со всем поднебесьем.

И так счастливо, так удовлетворённо, с некоей безгреховной гордецей засыпаешь.

Когда же я наезжаю в свою контору с месячным материальным отчётом, город, с его искусственной жизнью, с его кошмаром безликих громад, кажется мне бельмом на лице природы.

Я не выдерживал здесь и двух дней, сбегал к себе в поле,

где всегда звучит во мне жизненный настрой: «Через реки, горы и долины...»

4

Но этот когда-то ставший для меня лейтмотивом напев в наступившем катастрофическом времени умолк во мне.

Да, мы всё так же вели нынешнюю трассу, пробиваясь, случалось, через немыслимые преграды. Порой, по былой привычке, увлечёшься ни в чём неповинной работой, поневоле забудешься в горячке будней. Но вдруг совсем неожиданно тебя будто кто-то ошпарит. И тут разом образумишься: ведь ты не кто иной, как жалкий покупной прораб, наёмник. Тогда опускаются руки, как вода из худого сосуда, разом иссякнет из тебя желание работать и даже жить. Какое-то время ты ощущаешь себя неким механическим существом. Не самим собой. Сердце, хоть ещё и бьётся вживе, но впустую, напрасно снабжая кровью бесполезную холостую плоть. Так тягостна нужда отдавать себя в услужение некому ведомому тебе наживающемуся на народном горе «дяде».

Но недолго пребывать в своём должностном унижении судьбе показалась малой, и ею было послано мне ещё не одно испытание.

Нынешнюю трассу мы вели, как и всегда, по отчуждённой под её строительство, а в будущем и

под её эксплуатацию земле. Отчуждёнными, выведенными из оборота землями, у нас, строителей, назывались выкупленные у владельца посевные ли, сенокосные или пастбищные угодья. Но колхозы, собственники их, разорились, приказали долго жить. Получилась нелепая ситуация: пахарей-сеятелей давно нет, а земля за ними числится. Как по классике — за мёртвыми душами.

Поэтому выкупать её было не у кого. И нашему работодателю, так называемому «новому русскому», она практически досталась задарма. Это был ещё один разбой на сиротской бросовой земле. По ней-то мы и шли со своими опорами.

За многолетнюю полевую работу для меня и для моих спецов стало правилом не оставлять после себя лунного пейзажа, для чего, перед тем как выкопать очередной котлован, бульдозеристом, нашим виртуозом, аккуратно срезался слой перегноя, сдвигаемый неподалёку в отдельный ворох. В другое место складывался выбранный экскаватором неплодородный грунт — глина ли, песок или щебёночно-галечная смесь, всё, что попадалось в глубине земли, и чем потом засыпались смонтированные фундаменты. После трамбовки этой засыпки по ней тем же бульдозеристом тщательным образом, бережно ровнялся чернозём. Одновременно им сглаживались

проделанные КамАЗами, подвожившими железобетон, колеи и рытвины, всегда глубокие после дождя или в весенне-осеннюю распутицу. Получалось — что тебе надо! Хоть шаром покати! И тут невольно мысленно погладишь себя по темечку, что порядишь после себя оставили.

На этот раз подкупленные магнатом проектанты не заложили в смету расходы на восстановление чернозёма после земляных работ. (А зачем ему плодоносить!?). Зато при исключении затрат на рекультивацию почвы, да ещё на такой протяжённости трассы, наш «новоявленный русский» добавлял в свой и не без того пухлый кошелек солидный куш.

Для меня же было преступлением губить образовавшийся за века гумус, без которого всё живое на земле со временем вымерет, и мы его продолжали восстанавливать.

Но однажды к нам нагрянул мой начальник — человек битый, вышколенный в перипетиях многих строек, ловкий и изворотливый. Он вместе со мной на своём УАЗе осмотрел пройденную нами трассу. Меня насторожили в этой поездке его косые взгляды на тщательно выровненный чернозём, его насущенное лицо и до времени копящее гнев молчание, которое, по обыкновению, выплёскивается затем нелестной руганью своего подчинённого.

Он остановил УАЗ где-то посреди пройденной трассы, чтобы

мои спецы не могли слышать его разнос меня, вышел, резко хлопнув дверцей, и хотя я уже ознакомил его со всей стройкой, он ещё некоторое время оглядывал её, при этом, плохо сдерживая себя, перетаптывался на месте, явно подавляя в себе нетерпеливо предупредительным покашливанием рвущуюся из него невысказанность...

Наконец он обернулся ко мне, стоящему перед ним, правду сказать, заранее повинным.

К удивлению, начальник не вспылал, не разразился бранью. Он только крепко-крепко ухватил пуговицу на моей куртке, крутнул её, бедную, так, что чуть не вывернул из ткани и, почти вплотную приблизив, для устрашения, ко мне лицо, процедил (мне только виделись его стиснутые зубы):

— Научись считать деньги мехколонны, горе-прораб! Иначе не доберёшь их в своём кармане!

И тут же скрылся в кабине. УАЗ, взрычав двигателем, резко рванул с места, укатив моего разгневанного шефа восвояси.

На этот раз ночь на жёстком топчане в моей спаленке была бессонной. Уже не слышно было мне тогда таинственных нащёптываний всё также вплотную подступившей к прорабке тишины, так я был глух к ним в моём состоянии. И не ник ко мне своей вкрадчивостью, не касался моего лика космический беспредел, а остался там, в своей вселенской недостижимости. Всё отдалило,

затмило для меня неотступно маячившее перед глазами чуть не вплотную приближённое лицо шефа с выражением трудно удерживаемого, так до конца не излитого начальственного гнева.

Но я тоже не льком шит, чтобы не раскусить хитреца в его уловке. Классный, надо отдать ему должное, натасканный в нашем деле специалист, и предприимчивый, изворотливый хозяйственник, он не мог дать мне впрямую преступный приказ не восстанавливать гумус, основу человеческого бытия. Только намёком процедил сквозь зубы окольную угрозу.

В эту ночь мне припомнилось, как мой дед и я, тогда ещё двенадцатилетний подросток, в годы бесплатных трудовней в колхозе, в послевоенное трудное время копали своё пазымо под зиму, чтобы весной засеять его пшеницей. Нагрудившись до усталы, присели отдохнуть прямо в борозде. В какое-то время дед, потянувшись рукой, сорвал стебелёк полыни на не вскопанном ещё целике.

«Вот мы с тобой сидим, отдыхаем на обнаковенной, нашей с тобой, земле, ходим по ней, топчем почём зря, — заговорил дед, вертя в пальцах сорванную былинку. — И не думаем, в толк не берём, что только не родит она. И вот эту горькую ветку полыни, и колючий татарник... Иль духовитые яблоки и такие арбузы — захлебнуться можно их сладостью. А иных других

ягод?.. Или что пятое-десятое... В уме не укладывается. Тот же, без чего за стол не садимся, лба не перекрестиша — хлеб наш насущный, аржаной ли, пашенный... Да каких только трав бесщётных в лугах, в степи ли не прорастёт. Как она, матушка, может каждому корню дать только его сок?.. Никто не знает... И никому, будь ты хоть семи пядей во лбу, ввек не узнать... Нет, видно, что Богом дадено — останется божеским».

Деда, с его церковно-приходским образованием, сельчане звали грамотеем, и он был у них весьма почитаем. Зимними вечерами к нам в дом обычно сходились, как их называли по-нашему, шабры, и он им читал старинного издания, в коленкоровом, изрядно подержанном переплёте евангелие.

Его же тогдашние раздумья о земле запали в меня на все мои годы.

Наутро я увлёкся геодезическими делами, вынося теодолитом оси фундаментов очередного котлована; нивелиром определил высоты постоянных и ходовой визирок под отметку его основания. Оглянулся назад: мой усердный виртуоз-бульдозерист чутким, управляемым его мастерскими руками ножом ровняет чернозём вокруг только что смонтированных и засыпанных неплодородной породой фундаментов. Тут я был виноват, не предупредил своих спецов, что начальник запретил нам восстанавливать гумус

после наших работ. Подумал я, подумал, озадаченно почёсывая затылок, и в сердцах махнул рукой: «Будь что будет, не предаваться же временщикам!»

Вскоре, примерно неделю спустя, наведаясь к нам главный инженер нашей же мехколонны. Я не очень обеспокоился его приездом: ведь технического специалиста меньше всего должны интересовать финансовые дела на нашем участке. Но, к моему удивлению, он даже не поинтересовался ни качеством наших работ, ни соблюдением правил техники безопасности. Даже в прорабку не заглянул сверить чертежи с исполнительной документацией. А тоже только прошёлся со мной по трассе, озирая лишь тщательно спланированный, антрацитово сверкающий на солнце чернозём. «Дался же он им, как за грешную душу уцепились они за него», — рассуждал я сам с собой.

И если бы им, пока мы ходили с ним по стройке, был задан хоть один вопрос, касающийся наших с ним технических дел, я бы, пусть и горестно, но рассмеялся. Мне стало, как день, ясно, зачем он сюда послан. Прощаясь, он, видимо, из-за неловкости навязанной ему не его роли, как бы принуждённо оборонил:

— Смету хорошо, каждую строку изучи.

Вскоре кассирша привезла нам зарплату. Мои спецы, получив причитающийся им заработок, разошлись по своим местам.

После них кассирша, пряча взгляд, тоже явно стыдясь порученного ей не её дела, молча протянула мне приказ шефа об удержании с меня трети моего оклада за перерасход нормативов использования строительных механизмов и горюче-смазочного материала на моём прорабском участке.

...Вторым, преднамеренно незамедлительным, срочно пересланным сюда приказом, мне объявлялся строгий выговор за нарушение мной распорядка рабочего времени. И это была правда: мои спецы и я с ними, две недели работали весь световой день, чтобы дополнительно затраченные часы — всего их набиралось на двое суток — прибавить к выходным дням, субботе и воскресенью. Этого хватало на поездку в наш город, туда и обратно, на побывку к жёнам, а кому отца с матерью навестить в родном доме. Помыться, попариться в бане, бельё сменить.

По ознакомлению с последним приказом шефа можно было понять: в скором времени меня за малейшую должностную оплошность сразу же уволят по такой статье, с которой ни одно предприятие меня на порог не пустит.

Чтобы предупредить беду, я вынужден был подать заявление на увольнение. Шеф не без удовольствия, ни малости не медля, наложил на нём соответствующую резолюцию и пообещал в течение отработываемых мною двух недель найти мне замену.

5

Вернувшись на участок, я стал заранее готовиться к передаче всего нашего подвижного хозяйства заменявшему меня прорабу.

На второй день, вынеся оси и вычислив наперёд визирки сразу для нескольких котлованов, чтобы спецы могли без меня, без моего присмотра работать, я направился по трассе в глубь степи, ориентируясь на установленные нашим геодезистом разбивочные вешки на пикетах. Мне надо было определиться со встречаемыми на пути неудобствами и преградами, чтобы затем ознакомиться с ними своего приемника. Идти нужно было километров десять—пятнадцать до того пикета, которым ограничил геодезист разметку трассы.

Когда мной были преодолены несколько увалов, и совсем не стало слышно рокота нашей техники, впереди открылась привольная равнина с едва проглядывающейся вдаль грядой леса.

Я шёл, отмечая по схеме пикеты, и всё время меня не покидало подавленное состояние, следствие моего унижительного отстранения от должности.

Но постепенно я отвлекся иными мыслями. Идти-то, как раз, пришлось заброшенным полем, вспаханным, видимо, года три назад под посев, но по нынешнему повальному бедствию оставленным человеком на праздность.

Время от времени я оступался в затравенелых его бороздах. Густой, по колена, пырей, годами некошенный, спутывал мне ноги. «Пей — не хочу — молочко, — говорил я себе, — тёпленькое, парное от сведённых на убой бурёнок, которых так и не накормил этот сочный, напрасный ныне травостой...»

На раздумья наводили не только глухое одичалое поле, но ещё и настораживающая, чуткая тишина во всём неоглядном просторе, в недвижимом, по-степному изобильном воздухе.

...Тревога охватила внезапно. Будто отдалённым дуновением пахнуло. Тут же почувствовалось: кто-то следит за мной, недобро уставясь мне взглядом в затылок, а чьи-то бестелесные вкрадчивые персты шевельнули, вздыбили мне волосы на голове. Я даже оглянулся. Никого нет позади, кроме пустого простора. Один лишь коршун, поддерживаемый густым знойным испарением земли и сочного травостоя, парил надо мной, высматривая мой путь хищным зраком. Эта летающая, казалось, не сама по себе, не по своей лишь прихоти птица, её выглядывание меня в своём кружении чудилось мне тоже неким недобрый посылом.

К тому же в воздухе слуху моему стали мерещиться отдалённые, похожие на зов, как бы одушевлённые голоса. Тут поневоле обеспокоившись в этом безлюдье, в одичании и заброшенности

поля. Да ещё — чьими-то головами из ниоткуда. Но всё же я старался отвлечься от настигшей меня тревоги, от всех творящихся со мной причуд. «Голоса и голоса, что мне до них? Они же только кажутся, — успокаивал я себя, — Ну и пусть себе кажутся, сколько им надо...»

Вскоре я дошёл до видимой ещё с увала лесной гряды. Ею оказались обычные могуче разросшиеся вдоль мелководной речушки осокори. За ними, за их укрытием, тянулись прибрежные заросли краснотала.

Пробравшись сквозь них, я вышел к журчащему в своей одинокости, к омывающему камни перекату. Вверх по течению и ниже его игралась в затонах, образуя медленные круги, никем не пуганая здесь рыба. Я поплескал себе в лицо водой и присел на поваленный ствол осокоря. Какое-то время понаблюдал за прихотливой игрой воды в речушке. И не зря.

Звучный серебристый перекат перед моими глазами своей говорливостью и блеском отражённого солнечного света унёс и растворил в своём течении мои недавние наваждения. Теперь они представились мне проявлением моей чрезмерной мнительности, либо нервического срыва.

Я ещё посидел некоторое время, уже немного успокоенный, радуясь исчезновению настигшей меня в недавнем пути чертовщине.

6

Затем мне пришлось вскарабкаться по оплетённому ежевичными стеблями крутому противоположному берегу, чтобы и дальше пойти, может, тоже открытым ровным полем по нашим пикетам.

Но, к моему удивлению, передо мной в каких-нибудь двухстах метрах, чуть в стороне от нашей трассы, лежало как бы небывалым ураганом поверженное селенье. Отсюда, издали, виднелись одни лишь жалкие остовы былого жилья и иных строений. Только на отдельных избах уцелели просевшие или съехавшие набекрень крыши.

А вообще всё представляло гнетущий вид сгинувших человеческих чаяний, трудов, всей жизненности.

Ко всему прочему в самом селенье, в подступающей к нему местности мне почудилась некая похожесть на что-то отдалённо знакомое. Эта догадка то обнадёживающе промелькнёт в памяти, то, как всё сомнительное, ускользнёт из неё. Но так и не давалась поймать себя, цепко ухватить её.

Всё-таки, для убедительности, я подошёл к самой околице селца.

Вблизи оно произвело на меня ещё более удручающее зрелище, но, правду сказать, не заставило чему-то особенно удивиться. За полтора десятка лет моего прорабства мы проходили своими

трассами, минуя не только порушенные, но и совсем сровненные с землёй человеческие жилища. Их можно было определить лишь по густому, обильному чертополоху, разросшемуся на их месте да по провалам погребов и подполий былых изб, тех некогда печально поименованных «неперспективными» деревень. «Что это они зажились тут!.. — был решающий их судьбу высокий властный окрик с повелительно указующим перстом. — А ну-ка их, туды-растуды!..»

К тому же мне однажды случайно попали в память трагические строки одного стиха, тоже о канувшей в нетях череде незадачливых поколений.

Теперь всякий раз, стоя перед иными, совсем другими ставшими «ничем» жизнями, я всё твержу те памятные строки, созвучные открывавшемуся передо мной этому погибельному «ничему». Порой пытаешься избавиться от навязчивого мотива, но он всё равно звучит как бы сам по себе, словно бы в самом воздухе беды витает:

*...Вот он, меж красных
развалин самана
Пылью метёт, суховей.
Скольких российская доля
сломала
Этой земли сыновей!
Сколько их было, красивых
и милых,
Помнишь ли, Родина-мать?
Ветер шумит на полынных
могилах —
Некому вспоминать!*

*Некому... Некому... Если
смогли бы
Прадеды глянуть окрест —
Те, что жильё возводили
на глыбах
В даях непаханных мест!..
Если бы внук их, чапаевский
конник,
Предвидеть грядущее мог,
Где вместо дома качается
донник,
В небо глядит польнок!
.....
Кровью людскую политы
шиханы —
Не от того ли красны?..*

Но на этот раз у моих ног лежали не провалы на месте былых изб, а руины безымянного села. Я прошёл по его улицам, по заповолившей их густой амброзии, мимо выветренных, дождями размытых саманных стен с обнажённой, колочее торчащей соломистой щетиной. Какая уж тут узнаваемость чего-то памятного в этих жалких, неприглядных остовах, какая мне перед тем показалась. Скорее, наоборот — чуждость всего увиденного вблизи, расчеловеченного. А за останками изб, за приземлённо никлыми, перекошенными вразной заборам дворов, там, где были приусадебные огороды — чащоба лопухов, крапивы, осота. Всё без примет, без межей сравнялось пустырными травяными дебрями.

Но я всё-таки продолжал ходить по улочкам и закоулкам,

обходя порушенные, безжизненные кровы, некогда возведённые усердными, напрасными трудами. И всё твердились в голове строки: «...Если смогли бы прадеды глянуть...», «...Если смогли бы...» «...Если бы внук их, Чапаевский конник...»

В одной как-то на особицу стоящей избе с уцелевшей, но с форсисто сдвинутой наперёд крышей, имевшей обиженно насупленный вид, из тёмного провала её окна, из запустелого нутра мне пахнуло в лицо шибящей затхлостью и гнильё. Сквозь щели замусоренного покоробленного пола тщилясь к жизни болезненная хилая трава. Напротив безобразно облезлой русской печи, бывлой кормилицы семьи, стоял оплетённый вьюнком кухонный стол и самодельные, тоже заросшие табуретки подле него. На столе сквозь тенёта травяной листвы проглядывались кастрюля и в строгом порядке, по местам едоков, тарелки, так и не дождавшиеся к обеду хозяев — из их неведомости.

Не отходя от этой избы, я огляделся. За селом, на отшибе, располагался тоже в плачевном разоре животноводческий комплекс. На обратной стороне, по выгону, тянулись никчёмные, сырые в своей голости электро-столбы без единого провода по ним, с кое-где сохранившимися праздно белеющими издали изоляторами. Прошагав непонятно зачем свой путь, они оборвались,

упёршись в ничто, просто-напросто в пустырь, на котором, по моему предположению, был когда-то колхозный ток со всеми зерноочистительными агрегатами.

Прошёл я и к полуразрушенной школе, с провальным, опасно обвисшим потолком. В одном из бывших классов ровными, как и положено, рядами стояли низкие, видимо, для перwokлашек, парты, неприглядно покоробленные, все в грязных потёках от дождей и не однажды растаявших вёснами снегов. На косо висящей на одном гвозде школьной доске можно было едва различить выведенные крупной прописью неуместные в этом погроме, понапрасну обнадёживающие, некогда крылатые слова: «Мы наш, мы новый мир построим».

Пока я оглядывал этот бедственный класс, мне представилось, будто в нём при пустующих партах и косо висящей доске преподаётся небывалый урок окрестной погибельности, бросовым полям, зиянию равнодушному ко всему небу.

...Мне бы сейчас шагать и шагать по своим делам, отмечая пикеты на трассе, но какая-то непонятная подспудная сила этого безымянного села удерживала меня в нём, может, для того, чтобы ещё больше подвергнуть моё состояние воздействию её гнетущего вида. Да и ноги мои стали никому, кроме как самим себе, неподвластными. И как бы

самовольно, без управы хозяина ступили на ещё нехоженую мной прибрежную, тоже пустынную улицу. Я уже не удивлялся бросовому виду жилья на ней, и только неотступные строки «...Если смогли бы...», «...прадеды глянуть...», «Если б чапаевский конник...», «...чапаевский конник...» продолжали сверлить мне мозг так, что у меня разболелась голова. Я почувствовал, что даже занемог от их назойливого, прямо-таки преследующего звучания, и на краю села присел, чтобы отдохнуть, хоть немного успокоить расхолодившиеся нервы, на выступающую из земли замшелую каменную глыбу.

И тут, на этой глыбе, после всего увиденного сегодня, ещё раз задумался. О всяком... Но и сквозь забытьё раздумий настойчиво тюкающим в скорлупу птенцом твердилась совсем одолевшая меня назойливость: «...Если бы внук их...», «...Если бы внук...»

Я настолько ушёл в себя, что какое-то время сидел, недоумевая: где я, почему подо мной этот допотопный, от времени замшелый ноздреватый камень. И тут же, вскинувшись, почти у самых ног своих, метрах в трёх, увидел, ранее из-за углубленности, потерянности в себе незамеченный мной, сровненный с землёй и едва различимый, внушительных размеров четырёхугольник фундамента, из трещин, а скорее, из поверхностного крошева

которого проросла вымученно маленькая, но цепкая травка, продолжая доканывать своими корешками его остатную целостность.

За этой, можно сказать, видимостью фундамента простирался едва заметной покатоности склон, сбегавший к угадываемой, недавно перешедшей мной в другом месте, речушке. Он тоже был покрыт бледно-сизым полынком, но только всплошную, во всю свою дружность. Из этого полынка, безобразя его ровный, как под гребёнку, покров, торчали вразброс несколько корявых, гниlostных пеньков. Даже эта не очень уж значимая для жизни, но лишь засоряющая взгляд неприглядность, даже она удручала меня своим видом. И всё же мне представилась сирость некогда садовых плодоносных деревьев вместо этих пеньков, в постигшем и сокрушившем их времени, с пронёсшимися над ними, в их бросовости, несчётными стихиями. Ещё подумал о некоем заботливом, трудолюбивом чаде, чьи тщетно старательные руки выкопали напрасные ямки, чтобы посадить в них беспомощные деревковые прутики, присыпав затем зряшно благодатным чернозёмом — на никем не предугадываемую обречённость. «Зачем? К чему? Всё напрасно... Всё напрасно...»

В меня уже мало-помалу начала закрадываться досада на себя, что так близко принял судьбу этого горемычного сельца с его

праховыми строениями, наглухо заполонённого ядовитой, чужестранной амброзией. «Дались, что ли, тебе и его поруха, и эти трухлявые пеньки когдатощне-го сада, почти напрочь скрытый землёй саморазрушающийся фундамент у моих ног и склон с польнком, навсегда затравенившим давнюю незадачливую бытность!? — гнезвился во мне теперь, возможно, заслуженный упрёк. — Всего этого, безрас-судно напрочь брошенного, и никому-то не поднять... Не воз-родить...»

Так я мысленно корил себя, вроде бы уже привыкая к окру-жавшей меня жизненной несуг-разности, как к чему-то обыден-ному. Вроде бы всё стало мне — всё равно. Да и надоело...

Но сам, в противность уко-ру самому себе, всё сидел и не мог, как не владеющий собой, подняться, преодолеть свою безвольную, инертную недви-жность. И какие-то голоса всё пе-рекликались во мне: «Встань же! — А зачем? — Сделай начальный шаг! — От этого-то бедствия? — Ну не всё же оставаться в этом разоре...»

Но никакие разговоры с са-мим собой так и не вразумили меня. И я всё сидел и сидел, до-канывая себя неотвязными мыс-лями...

И тут в меня всего, на моём камне, будто бы отдалённо, но настойчиво толкнулась, как жи-вая, земля подо мной, словно бы подавая зов из своей забытости.

И враз отверзся мой оту-маненный раздираемыми меня мыслями взор, что-то яснее ясно-го блеснуло в памяти, воскресив давний чувственный мир поры моих юных лет. И, как след-ствие удивительных по неожиданности превращений со мной, открылось самое что ни на есть сокровенное, глубоко хранимое во мне: «Ведь под моими ногами давняя забытая земля, на кото-рой я некогда обретался, оставил свой незадачливый праховый след. На ней, что называется, мыслил и страдал, пережил свои судьбоносные душевные потря-сения...»

И тут не просто вообразилось, а как в некоем волшебстве вместо нынешних руин, меж которых я только что ходил, предстало взаправдашнее, одушевлённое явью звуков и всевозможными приметами человеческого быта жильё. Я тотчас узнал его. Это то затерянное в полуазиатской глухомани село, куда я собствен-ной прихотью, по заносчивости своей опрометчивой природы при-нуждён был сослать себя. На собственный, навсегда, урок. На науку неучу.

Теперь же это давнее былое селение воочию, явственно виде-лось мне по-прежнему сиротски затерянным в просторах, но, по-своему, обжитым, уютным при печально мерцающем свете керосиновых ламп из окон вече-реющих изб, с бляением и мы-чанием вернувшейся с пастьбы

живности на подворьях, с горьковатым острым кизячным дымком от готовящихся на таганках, на воле, кулеша ли, галушек. С околицы донёлся дробный стук колёс по просёлку и, как будто совсем-совсем рядом, чёткий, в разреженной прохладе воздуха, говор косцов на повозках, возвращающихся с жарких лугов к отдыху.

А прямо передо мной, на ранее незамеченном мной крошащемся фундаменте, уже зарастающем цепкой травкой, возник из ничего, словно бы из воздуха, основательной постройкой кирпичный дом с давней-предавней, местами напрочь обвалившейся штукатуркой.

Солидный и основательный, он всё же своей неухоженностью, бесхозяйственной запущенностью и как бы вековой заброшенностью гляделся изгоем рядом с опрятным сельцом, с такими в обыденности простенькими, бедными, крестьянскими избёнками.

Это я был в его годами небелёных стенах с зелёными плесневелыми следами от некогда складированных в нём проса ли, ячменя либо другого зерна, пока хозяин отбывал длительную

принудилровку, виноватый лишь в том, что незадачливо и не когда надо родился на свет. Это в его стенах, источённых грызунами сквозными норами, я дышал мышино-крысиной едкостью, пока по необходимости пребывал в нём вместе с хозяином, напогляд телесно вроде бы ещё человечески сушим, но из-за своей внутренней опустелости более схожим с поневоле волочащейся тенью, от вида которого тускнел свет рядом с ним. Это мне вместе с ним приходилось вечерять за одним столом. И я готов был вовсе, напрочь упрятать голову в плечи от его недвижно застылого, как бы омертвелога взгляда, который он с принудительной тягостностью поднимал на меня иногда.

И это я (хочешь — не хочешь) отворачивался от его вроде бы только с виду живого лица, от как бы отстранённых от нашей бытной сути глаз. Отворачивался и весь телесно сжимался потому, что боялся и сам омертветь от его без жизни, без человечески осмысленного выражения взгляда.

Эта его, моего незадачливого хозяина, недоля сыграла затем роковую участь в моей жизни.

Старуха впредь покладистой
 была,
 Когда старик, задетый за живое,
 Ей говорил: «А где твоя игла?»
 ...Молчу и я, обуздывая чувства,
 Когда слова язвительны и злы...
 Общение — тончайшее искусство
 Держать язык на кончике иглы.

ПРЕКРАСНАЯ ПОРА

Ведёт нас молодость — ура! —
 По жизни прямо к райским
 кушам.
 Ну что ж, — прекрасная пора,
 Нам рай сулящая в грядущем.
 Но тяжка времени печать,
 С годами путь не так уж светел,
 Чтоб начал путник замечать
 В нём то, что прежде не приметил.
 Уже с паденьями знаком
 И бед огромна вереница,
 И осень веет холодком,
 Как встречный ветер в наши лица.
 Нелёгко путь и боль остра,
 Но мягче взгляд, мудрее слово...
 Ну что ж — прекрасная пора
 Для искупления былого.

БРОДИЛ ГРИБНИК

Бродил грибник с лукошком
 легким бором,
 Однажды, по прошествии дождя.
 Он груздь сгубил, прельстившись
 мухомором,
 По внешности о качествах судя.
 Был мухомор помыт, отварен,
 съеден...
 У грибника теперь неважный вид.

Тот, кто полезен — часто
 незаметен.
 Кто на виду — нередко ядовит.

СОЗДАНИЕ КРАСОТЫ

Стоял прекрасный сад, вблизи
 журчал ручей.
 Был сад кудряв, ветвист, обилён
 и при этом
 Служил большим шатром от
 солнечных лучей,
 Спасая в жаркий день
 художника с поэтом.
 А те, передохнув, плодов земных
 вкусив
 И жажду утолив, пока заняться
 нечем,
 Решили: «Сад хорош, ухожен и
 красив,
 Сейчас мы красоту его
 увековечим».
 Но в красках благодать не
 оживала та,
 И образы в стихи легли мертвы
 и вязки.
 Художник вдруг вскричал:
 «Фальшива красота,
 Коль выразить её не могут даже
 краски!»
 И подхватил поэт:
 «Откуда ни взгляни —
 Всё жизни нет в стихах, как нет
 в душе блаженства».
 И, бросив создавать, на том
 сошлись они:
 «Должно быть, этот сад далёк от
 совершенства...»
 И с тем пошли, ворча, взглянув
 в последний раз
 Туда, где у ручья в саду
 виднелся домик.

И молча из окна, укрывшийся
от глаз,
Им долго-долго вслед глядел
старик-садовник.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА

Один философ говорил другому,
Об истине затеяв разговор:
«Режь правду даже другу

дорогому,
Глупцу скажи — глупец, а вору
— вор.

И пусть стезя неблагоприятна эта,
И ты без счёта недругов обрёл,
Неоценима истины монета,
Поскольку на верху её — орёл»...
Из чащи философского массива
Брёл проповедник истины вперёд,
Дурнушке говоря: «Ты некрасива»,
Больному — что, должно быть,
тот умрёт.

Не всяк священник, кто наденет
ризу,

Но всяк философ в дебрях
бытия...

Орлом переверните правду
книзу —

И наверху появится змея.

* * *

С каждым днём всё ближе наши
дали,
Мы за них шагнём когда-нибудь,
Мы всё чаще и смиренней стали
Провожать друзей в последний
путь.

Бьёт нас время, как добычу кречет,
Так, что жизнь порой не дорога,
Кто сказал о том, что время

лечит,
Тот не понял главного врага.

Наша жизнь — интрига вековая:
Всяк виновен, даже без вины.
Время лечит, вскоре убивая,
Тех, кто жизнелюбием полны.
Где судьба — гадалка в «чёт и
нечёт» —

Все равны: кто мил и кто не мил.
Кто сказал о том, что время
лечит,

Тот друзей давно не хоронил.

Так спеши же, радуйся и радуй,
Наша жизнь промчится, как
во сне.

За её чарующей оградой
Мы пройдем, как тени на стене.
И другие выйдут нам навстречу,
Осеня словом дорогим:
«Кто сказал о том, что время

лечит,
Тот желал спасения другим».

КАРТИНА

Среди картин открытого салона
Одна — и необычна, и свежа.
На ней сова на фоне небосклона
Летит, фонарь светящийся держа.

Остановившись на сюжете этом:
«Какая чушь!» — волнуется
толпа.

«Чудна сова, летящая со светом,
Ведь, если свет — сова почти
слепа...»

И ты, помедлив около картины
Всего лишь на секунду, на ходу,
Опять шагнёшь в движение
рутины,
В неудержимой жизни суету.

Совершайте скорее добро!
 Избавляйте людей от мигрени...»
 Даже бывший полковник УГРО
 Захмелел от весны и сирени.
 Он увидел себя молодым
 Начинаящим путь лейтенантом.
 И мерцает сиреневый дым
 Над зари перламутровым бантом.
 «Доверяйтесь весне до конца!»
 И берёзы смеются, как дети...
 Кто весне отворяет сердца —
 За грядущее лето в ответе.

ДЕКАБРЬ

Декабрь, подняв метельный ворот,
 Подул протяжно на дома,
 И в оцетинившийся город
 Вошла хозяйкою зима.
 И, испытав мороза жала,
 Стремглав к соседу на крыльцо
 Его любимая взбежала,
 К лицу его своё прижала
 С мороза алое лицо.
 И вот они — скорей под крышу! —
 Спешат, смеясь и говоря...
 И я прозрею. Я увижу
 Вечерний образ декабря
 В снегах, в заброшенной беседке,
 В окне, чей свет похож на медь;
 В листке, трепещущем на ветке,
 Сей миг готовым улететь
 Иль доказать упрямой хваткой
 Не просто с веткою родство,
 Но и с планетой этой шаткой,
 Со всею жизнью этой краткой,

Сквозя какую-то разгадкой
 Существованья моего.

ГРАЧИ

*«Такое удушье стояло в ночи,
 недаром весь вечер кричали грачи,
 кричали, кричали, кричали
 истощно,
 и было от грая уснуть
 невозможно.»*

О. Чухонцев

Вот и лето прошло.
 Сквозь заката лучи
 Ты пройдёшь за село,
 Где горланят грачи.
 Ты пройдёшь, не спеша,
 На грачиный привет,
 И печалью душа
 Отзовётся в ответ.
 И грачиная даль
 Так застанет тогда,
 Словно эта печаль
 Навсегда, навсегда.
 И, тревожно дыша,
 Вздогнешь, веки закрыв.
 И ответит душа
 Нараспев, на разрыв.
 И вернёшься опять,
 Чтобы вновь до темна
 О былом вспоминать
 Без покоя и сна.
 Чтобы слышать в ночи
 Сквозь бессонницы чад,
 Будто где-то грачи
 Всё кричат и кричат...

АНТОН ГОРЫНИН

С ЛЮБОВЬЮ

Мини-пьеса

Антон Валерьевич Горынин родился в 1986 году в городе Оренбурге. Окончил филологический факультет Оренбургского государственного педагогического университета. Автор прозаических и драматургических произведений, киносценариев. Театральные пьесы неоднократно становились финалистами международных драматургических конкурсов. Лирическая комедия «Серая пьеса» вошла в очередной номер электронного «Дайджеста лучших пьес России». Победитель регионального литературного конкурса «Оренбургский край. XXI век - 2015» в номинации «Новые имена». Лучший прозаик по итогам Межрегионального семинара-совещания молодых писателей «Мы выросли в России» 2016 года. Автор двух книг, член Союза российских писателей.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мила — сотрудница «TameEat»

Женя — сотрудница «TameEat»

Яков — посетитель «TameEat»

Давид — менеджер «TameEat»

Подросток-мальчик

Подросток-девочка

Женщина

1-й охранник

2-й охранник

Сцена первая и последняя

Маленький быстрый ресторан-бургерная «TameEat». Звучит простая и ритмичная музыка. На больших фирменных часах, висящих на стене, фирменно нарисовано: «13:01».

Возле прилавка очередью стоят женщина, подросток-мальчик и подросток-девочка (они держатся за руки, при этом у мальчика в ушах наушники, а девочка погружена в свой смартфон) и

улыбчивый Яков. Находящаяся по ту сторону прилавка, Мила быстро и не особо аккуратно засовывает в фирменный пакет бургер; пакет и закрытый стакан с колой она протягивает женщине, в руках у которой один фирменный бумажный пакет уже есть. Всё это время за Милой пристально наблюдает Яков.

Мила: Пожалуйста, диетическая кола, «Веган-Бургер», картошка фри.

Женщина берёт пакет и стакан, уходит (выходит из бургерной). Подросток-мальчик встаёт на место женщины.

Вам?

Подросток-мальчик (вытащив из уха один наушник): Лавбургер с ветчиной и горчицей побольше...

Мила бьёт пальцами по планшету, закреплённому на стойке.

...колу — ноль пять, кофе, ну попкорн с собой давайте. (Девочке-подростку.) Тебе чё?

Подросток-девочка (не отрываясь от смартфона): То же самое.

Подросток-мальчик достаёт из кармана штанов несколько купюр, пересчитывает их.

Подросток-мальчик: Всего по два, кофе не надо.

Подросток-девочка: Я буду.

Подросток-мальчик: Кофе. Американо. Одно. Колу одну не надо тогда.

Мила: Два лавбургера, попкорн на вынос, одна кола ноль пять, одно кофе американо. Всё?

Подросток-мальчик: Всё-всё.

Мила: Триста сорок рублей.

Подросток-мальчик пересчитывает деньги. Мила берёт бургеры и кладёт их на поднос, отворачивается к аппарату с колой и кофемашине. Отворачиваясь, Мила замечает пристальный взгляд Якова и быстро отводит глаза, не выказав внешне никакой реакции.

Пока Мила наливает колу и кофе, Яков с умилением смотрит на пару подростков. Подросток-мальчик замечает пристальный взгляд Якова.

Подросток-мальчик (Якову): Нравимся, что ль?

Яков кивает, улыбается.

Подросток-девочка отрывает взгляд от смартфона, смотрит сначала на Якова, затем на подростка-мальчика.

Подросток-девочка: Чё?

Подросток-мальчик: Ничё, просто.

Девочка-подросток опускает глаза в смартфон.

Мила поворачивается к клиентам лицом с колой и кофе в руках, ставит стаканы на поднос, достаёт из-под прилавка пакет с попкорном, кладёт его на поднос. Из кухни показывается Женя и протягивает два лавбургера. Мила берёт лавбургеры и кладёт их на поднос. Подросток-мальчик протягивает Миле деньги. Мила берёт купюры, пересчитывает, кладёт их в кассу, нажимает кнопку на клавиатуре,

из кассового аппарата начинает вылезать чек. Ожидая появления чека, Мила бросает взгляд на Якова, тот смотрит на неё и улыбается. Мила выдёргивает чек из аппарата, кладёт его на поднос и пододвигает поднос подростку-мальчику.

Подросток-мальчик берёт поднос и направляется к одному из столиков. Подросток-девочка остаётся на месте.

Подросток-мальчик (подростку-девочке): Слышь?

Подросток-девочка: Ммм?

Подросток-мальчик: Пошли.

Подросток-девочка: Угу. (Не поднимая взгляда от смартфона, идёт вслед за подростком-мальчиком.)

Подростки садятся за столик.

Мила (Якову): Вас слушаю, здравствуйте.

Яков смотрит на Милу, молчит и улыбается.

Слушаю, что вам?

Яков смотрит на Милу, улыбается.

Помочь выбрать? Вы немой, извините?

Яков: Нет, говорящий. Просто мне ничего не нужно.

Мила: В смысле? (Смотрит на камеру видеонаблюдения, висящую над прилавком, поправляет осанку, делает более приветливое выражение лица.) Если ещё не определились, не отвлекайте. Пожалуйста.

Яков (оглядывается по сторонам): От чего?

Мила: От работы. Может, мне рабочее место нужно протереть или кассу посчитать.

Яков (вглядывается в бейджик, висящий на груди Милы): Милая... Мила, я понимаю, что у вас и без прямого обслуживания клиентов много работы. Но ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос. Вы выполняете свои обязанности с любовью?

Мила оглядывает Якова с ног до головы.

Мила: Ого. Вы, что ли, тайный покупатель какой-нибудь? Или из чебуречной напротив? И так у нас уже всех переманили...

Яков: Да нет, я как раз явный, но не покупатель в данном случае. Меня зовут Яков. Как покупатель я заходил вчера, взял у вас бургер, стал его есть. Здесь, там, где вот ребята сидят. (Показывает в сторону столика, за которым сидят подростки, подросток-мальчик жуёт и хмуро смотрит на Якова.) Но я не смог его долго есть...

Мила: Если вам не понравился бургер, могу дать книгу отзывов. Или в интернете напишите... (Украдкой смотрит на камеру.)

Яков: Нет, с бургером как раз всё нормально.

Мила: А с чем не нормально?

Яков: Вот я и хочу задать вам вопрос. Вы, Мила, делали этот бургер, ну, который вчера я брал, с любовью?

Мила: В смысле?

Яков: В самом прямом метафизическом смысле. С любовью вы делали бургер или нет?

Мила: Как с любовью? Просто сделала...

Яков: Просто у меня стойкое ощущение, что вы сделали мне бургер без любви.

Мила: А у вас есть чек вообще? Почему я должна отвечать вам что-то по поводу вчерашнего бургера?

Яков: В том-то и дело, что мой вопрос не про бургер. А про любовь.

Мила: Молодой человек, во-первых, у нас тут камера всё пишет, во-вторых, у меня парень... есть, так что не надо подкатывать...

Яков: Да какой я молодой, я вам почти в отцы гожусь.

Мила: Тем более.

Из кухни выглядывает Женя.

Женя: Чё, есть заказ, нет? Отойти хотела.

Мила: Нет, иди. Нет, подожди.

Женя: А?

Мила: Ты там бургеры сегодня с любовью делаешь?

Женя: Ну, как... готовить люблю вообще. Да тут что готовить, полуфабрикаты... (Смотрит на камеру, замолкает.)

Яков (Жене): А людей, людей вы любите? Кого-нибудь одного хотя бы.

Женя: В смысле, готовить?

(Смеётся, смотрит на реакцию Милы и Якова.) Готовить людей, что ли? (Смотрит на Милу и Якова — их лица вполне серьёзны, перестаёт смеяться.) Вы с какой целью интересуетесь-то?

Яков: Я вчера ел бургер, который купил у вас тут, только вы наоборот были — Мила на кухне или как у вас это называется, а Женя здесь. Так вот, как только я откусил от бургера первый кусочек и стал жевать, я почувствовал, что он, бургер, скорее всего, сделан без любви.

Женя: Это претензия?

Мила: Я вот тоже не пойму...

Яков: Нет, нет, что вы, это не претензия, я же не отравился. Хотя вполне мог бы отравиться едой, которую без любви приготовили.

Женя: Так, мужчина, что вы голову нам морочите, у нас и так работа тяжёлая, ни присесть, ни отойти нельзя... (Смотрит на камеру.) Работу свою мы любим.

Мила (тихо, себе под нос): Особенно в день зарплаты.

Женя: И клиентов своих любим. Всех. В основном. Если у вас есть претензии, вон там в углу книга жалоб и предложений.

Мила: Я ему уже говорила.

Женя: Или в интернете... нет, в интернете не пишите, мы лучше сейчас менеджера позовём и во всём разберёмся. Колу в подарок хотите? Ноль шесть?

Из кухни выходит Давид, он строго смотрит на Женю и Милу, затем переводит взгляд на Якова и расплывается в улыбке.

Давид: Добрый день, я менеджер, меня зовут Давид. Возникли какие-то проблемы?

Яков: Проблемы... Нет, не проблемы. Возникла беда.

Давид (окидывает строгим взглядом Женю и Милу): Даже так? Я вас внимательно слушаю.

Яков: И я боюсь, что это беда не только вашего замечательного заведения. Это беда, она как бы общая...

Давид: Вас что-то не устраивает в индустрии быстрого питания? Хотите об этом поговорить? Мы здесь каждый второй четверг месяца устраиваем вечерние бургерные посиделки, клиенты заказывают специальные сапэр-бургеры со скидкой, сидят, кушают, общаются, на плазму камин выводим...

Яков: Нет, нет, нет. Боюсь, что разговорами тут делу не поможешь. Я говорю о такой глобальной проблеме, как потеря людей способности любить, в самом прямом абстрактном смысле, понимаете? Люди, по-моему, стремительно теряют способность жить с любовью, делать что-то с любовью. (Показывает взглядом на подростков, смотрящих каждый в свой смартфон.) Даже если любят. Понимаете?

Молчание. Давид по несколько

секунд смотрит на Якова, затем на Женю, затем на Милу и снова на Якова.

Давид: Кажется, понимаю. (Миле.) У тебя брелок? Нажми-май.

Мила убирает одну руку под стол.

Женя: Может, сами выведем?

Давид: Нет, плату опять повысили, пусть отработывают. (Якову): Молодой человек, что вы именно от нас хотите всё-таки? У вас несколько минут на ответ.

Яков: Именно от вас я хочу, чтобы вы разобрались уже со своими чувствами. Ну нельзя же готовить лавбургеры без любви.

Женя и Мила недобро переглядываются.

Давид: При чём здесь наши чувства?

Яков: Да при всём! Чувства, это же самое главное, они всегда при чём! А я всё чувствую по бургерам...

Мила: Да он издевается! Что вы можете чувствовать по бургерам, кроме их вкуса!?

Яков: Чувствую! Чувствую, что они сделаны без любви!

Подростки отрываются от смартфонов, наблюдают за тем, что происходит возле прилавка.

Яков (подросткам): Нет, правда ведь, ребят, чувствуете? Вот всего хватает, кроме любви.

Подросток-мальчик рассеянно

смотрит то на салфетку от бургера, то на Якова. Подросток-девочка начинает снимать происходящее на смартфон. Давид, Женя и Мила съёмку не замечают.

Давид (смотрит на часы, Миле): Ты охрану вызвала, я не понял?

Мила: Не знаю, нажала.

Давид (Якову): Слушай, мужик, сейчас охрана придет, если ты ещё не понял, но, может, ты сам отсюда свалишь по-хорошему?

Яков: Только если вы пообещаете разобраться друг с другом.

Давид: Это всё тебя не касается, понятно?.. В смысле друг с другом?

Яков: Касается! Ещё как касается! Я больше не позволю вам травить людей бургерами, сделанными без любви!

Женя: Я его поняла, насквозь видит! Только если мы даже разберёмся, кто-то ни с кем так и останется, будет страдать. (Смотрит на Милу.)

Мила (Жене): А чё ты на меня-то смотришь? Между прочим, я его раньше заметила, напоминаю.

Давид рассеянно смотрит то на Милу, то на Женю.

Женя: Главное, не кто первый заметил, а кто первый признается.

Мила: Что?

Женя (Давиду): Короче, Давид,

устала намекать, ты мне нравишься, короче.

Мила: Ах ты тварь, мы же договаривались, что я первая попробую!

Давид: Так, барышни, тихо-тихо, что происходит вообще?

Яков: Вот чудак-человек, до сих пор непонятно?

Женя: Да сколько ждать-то можно?

Мила (Жене): Вот я так и знала, что ты овца!

Женя: Чё сказала?

Мила: Овца ты кудрявая, говорю, хоть вытягивай патлы свои, хоть нет!

Женя: Ну всё...

Женя и Мила сцепляются в драке, Давид пытается их разнять. На помощь Давиду через прилавок перелезает Яков. В помещенье врываются два охранника-ЧОПовца, они растерянно смотрят на потасовку Женя-Мила-Давид-Яков. Охранники оглядываются по сторонам, смотрят на подростков вопросительным взглядом.

Подросток-мальчик: У них тут любовный треугольник, по ходу, чё-то такое. А мы пошли. (Встаёт, берёт подростка-девочку за руку и тянет её за собой к выходу.)

Подросток-девочка: Сначала, короче, девки сцепились. Видос я сняла.

Подросток-мальчик: Пошли-

пошли, видос, мне родаки запрещают сюда ходить.

Подростки выходят из «TameEat». Потасовка превращается в погром.

Охранники перелезают через прилавок, пытаются разнять дерущихся, но это оказывается нелегко из-за того, что девушки царапаются налево и направо, кидаются всем, что попадает под руки. Рабочая зона «TameEat» быстро превращается в руины.

Яков: Да стойте вы, стойте, решить можно любой треугольник! Как гуманитарий вам говорю!

Мила со всей силы ударяет Якова подносом по голове, Яков хватается за голову и опускается на пол, скрываясь за прилавком. Драка прекращается, разгорячённая Женя оказывается в объятьях 1-го охранника.

Мила: Ой, блин.

Голос Якова: Ничего-ничего. Всего лишь пластик.

Давид с ужасом смотрит на руины рабочей зоны.

Давид: Твою мать, а.

Женя (под стол Якову). Ну, и как нам всё решить?

Голос Якова: Мила...

Женя: Что Мила? (Давиду.) Это потому что она на год младше меня?

Давид: Кто младше?

Голос Якова: Мила, слышите, запомните то, как вы меня

сейчас ударили. Этот удар был сделан с любовью, по-настоящему.

Мила (рассеяно): Да?

Голос Якова: Давид, слышите, я видел, это она на вас заманивалась. Вот всё и решилось, понимаете? Что и требовалось доказать.

Давид, осматривая руины, сталкивается взглядом с Милой. Они пристально смотрят друг на друга. Женя пытается вырваться из рук 1-го охранника, сталкивается с ним взглядом. Из-за прилавка, держась за голову, поднимается Яков и сталкивается взглядом со 2-м охранником. Немая сцена.

Яков и 2-й охранник, словно опомнившись, отворачиваются друг от друга. Яков отряхивается и с умилением смотрит на Милу и Давида и на Женю и 2-го охранника.

Яков: Ну, я, пожалуй, пойду. (Давиду): Думаю, вам стоит закрыться на время. (Направляется к выходу.) Не благодарите, надеюсь, в ближайшее время съем здесь свой заслуженный бургер, сделанный с любовью. (Останавливается, оборачивается.) Просто у меня есть своя теория. Человек всегда влюблён, в самом прямом, абстрактном смысле, понимаете? Человек не может быть не влюблён так же, как он не может не дышать. Только если он влюблён по-плохому, то он свою любовь никому не отдаёт, отдаёт отрицательную

только энергию. А вот когда человек влюблён по-хорошему, то он всё делает с любовью, отдавая миру ту самую энергию, в самом прямом метафизическом смысле. И это чувствуется. Всегда. Понимаете? (Направляется в сторону выхода.)

Мила и Давид, 1-й охранник и Женя снова смотрят друг на друга. 2-й охранник провожает взглядом Якова. Яков выходит из бургерной.

Мила (глядя в глаза Давиду): Мне кажется, его стоило остановить.

Давид: Зачем?

Мила: Не знаю. Кто будет тут всё восстанавливать?

Женя (глядя 1-му охраннику в глаза): Да. Если бы он не нарисовался тут со своими претензиями, мы бы не подрались. И вы бы не приехали...

Давид отводит глаза от Милы, обращает внимание на Женю и 1-го охранника.

Давид: А вот охрана и будет всё восстанавливать.

2-й охранник: Мы-то чё?

Давид: Если бы вы приехали раньше и выкинули его отсюда, погрома бы не случилось.

1-й охранник: Да кого выкидывать, это ж больной, чудик с нашего двора, знаю я его, Яшка-Любовник погоняло, полонумный. Он за девкой одной ухаживал, потом от гопника её получил по башке, с тех пор на учёте в психдиспансере...

Давид: Чудик, не чудик, а вы нанесение материального ущерба не предотвратили. Наш шеф свяжется с вашим шефом в ближайшее время.

Мила (гладит Давида по руке): Тише-тише, разберёмся.

Давид: Да я спокоен. Просто свою работу нужно делать с любовью.

Охранники (почти что хором): К кому?

Мила: Ни к кому, а вообще с любовью.

2-й охранник: Это претензия?

Мила: Нет, это вопрос, вы любите то, что вы делаете?

1-й охранник (2-му охраннику): Понятно. Пошли, короче, сами разберутся, а мы на дежурстве.

Охранники перелезают через прилавок, направляются к выходу.

Женя: Заезжайте к нам, как проголодаетесь.

1-й охранник: Обязательно.

2-охранник пытается открыть входную дверь — безуспешно. 1-й охранник пытается открыть дверь — безуспешно.

1-й охранник: Да он вас тут закрыл, по ходу.

2-й охранник: Да он и нас тут вместе с ними закрыл.

К выходу подходят Давид, Мила и Женя и вместе с охранниками (то вместе, то по очереди) пытаются открыть дверь — тщетно.

Давид: Да без толку. Палку какую-нибудь засунул.

Голос Якова: Верно, засунул.

Давид: Ты там, что ли? Ну-ка открывай, не смешно.

В дверях появляется силуэт Якова.

Яков: Я не могу открыть дверь.

1-й охранник: Это почему? Открывай давай, а то ребят наших сейчас ещё вызовем! И психушку тебе.

Яков: То есть я могу открыть, но только при условии.

Давид: Какие ещё условия?

Яков: Вы, Давид, говорите сейчас о своих чувствах Миле. Охранник, который Женю обнимал, возьмёт у Жени телефон. Другой охранник захочет после дежурства сразу домой пойти, ко всё ещё любимой жене. Выполните условия, открою.

Мила и Женя выжидательно смотрят на мужчин. 2-й охранник бросает взгляд на свою руку

с обручальным кольцом на безымянном пальце.

Давид (тихо всем присутствующим): Точно debil, думает, у нас служебного выхода нет.

1-й охранник: Я ж сразу сказал. Показывай, где выход ещё.

Давид: Через кухню пошлите.

Давид и охранники идут на кухню, Мила и Женя рассеянно смотрят им вслед. Давид и охранники скрываются в кухне.

Яков: Ну, и что там?

Женя пожимает плечами.

Мила: Ничего.

Голос Давида: Э! Стой там, сейчас полиция приедет, будем протокол составлять.

Силуэт Якова исчезает из дверей.

Голос 1-го охранника: Стой, сосед! Стрелять не буду!

Мимо двери проскальзывают силуэты Давида и охранников, слышны быстрые удаляющиеся шаги. Мила и Женя подходят к прилавку, начинают убираться.

Занавес

ЛЮБОВЬ СУХАРЕВА

«Я СЕРЬЁЗНО»

Любовь Викторовна Сухарева родилась в Оренбурге. Окончила Оренбургский областной колледж культуры и искусства (красный диплом). Печаталась в альманахе «Гостинный Двор», в сборнике «Истории вдохновений». С 2015 года – резидент поэтического сообщества «Другая среда». Признана лучшим молодым поэтом на Межрегиональном семинаре-совещании «Мы выросли в России» (2017). Живёт в Оренбурге.

РОМАШКИ

Всё, что тебе нужно знать о
преданности,
Уместится в небольшом
нагрудном кармашке,
Всё, что о предательстве –
В мешке.
И ещё:
Не смотри на цветы, когда
дарят очередные ромашки,
Смотри – что в другой руке.
Каждое слово – сигнал для
мозга,
Ловкий подкожный sos,
И вот вы пьяные в стельку,
Свои в доску
Истерично ржёте до слёз.

А назавтра ты обнаружишь,
Что кто-то в тебе пророс.

Серьёзно
Дал ростки, пустил тонкие корни,

А жизнь пошлей,
Бездарней,
Чем кино.

И я гляжу её сквозь линзы
мутных глаз,
Вдыхая дней угарных едкий
газ.

НЕ ПОКЕР

Знаешь,
я ведь по тебе уже откричалась,
отметалась
так,
что и остальным досталось.
у меня теперь напрочь
отсутствует жалость
и совести
самая малость.
ты стоишь,
глазами ешь,
сладенький,
как топалов из smash
(меня всегда от него тошнило),
я даже не пытаюсь казаться
милой.

слева огромная брешь,
глубокая,
как могила,
с убогой табличкой
«любила»,
а в рукаве рояль-флеш,
который я так и не вскрыла.

ЖЕЛЕЗЯКИ

чѐ-то у меня не получается «как
у всех нормальных»,
не получается «чтобы хорошо»

то ли трудный возраст до сих
пор не прошѐл,
затянулся прямо уж нереально
и не то, чтобы мне звѐзды
нужны какие-то с неба
«золото-брильянты» — не про
меня тоже,
я просто хочу слышать чьи-то
шаги в прихожей,
и в сотый раз просить сбегать
за хлебом,
разогревая обед /ужин/
аппетит в целом,
открывая вино (заодно душу),
говорить взахлѐб и взахлѐб
слушать,
и чтоб белое было по-настоящему
белым
чтобы сердце не страшно было
наружу
но это, видимо, диагноз в
истории прогрессирующей
болезни —
не/успокоенность, не/
зависимость и ещё куча всяких
мерзких не
железяками ноют в усталой
спине

не/сгибаемой,
хоть ты тресни

я и не заметила, как дорога
стала петлять серпантином,
не замедляла шаг, не сбавляла
ритма.
у меня в голове то ли мантра,
то ли молитва,
те кто был рядом, теперь
смотрят в спину,

а я всё жду, когда железяки
вынут.

ОКНА

Я не знаю, сколько ещё тепла
Утечёт сквозь пальцы, сквозь
дыры глаз.

Девочка-пожар, девочка-зола,
Холодно и страшно тебе сейчас.

Мелкой дрожью пальцев
танцует боль,
Ветер тушит спички — осталось
две.

Ты стоишь по пояс в сухой
листве,
И не в силах пошевелить собой.

Знаешь, время лечит совсем
плохих —
Ты перегоришь и напишешь
стих,
И оставишь где-то внутри окно
Навсегда открытым. Без всяких
«но».

Оттого и холодно —
Сквозняки.
Иногда достаточно лишь руки,
Чтобы заслонить и зажечь
опять...

Это ты про спички?
Как знать,
Как знать.

ALTER_EGO

Ты трапишь время не на тех
И спишь не там.
Твой нарочито громкий смех
Бьёт по ушам.
Я от тебя иду к себе
За шагом шаг

Тропую вырванных побед,
Мой кровный враг,
Бесстыже смотришь мне в глаза
И бьёшь под дых.
Мне поздно пятиться назад
За нас двоих
Держу удар, держу ответ,
Держусь едва.
Мне много зим и мало лет,
Но я жива.

ОНИ

Они снова приходят —
Слышишь,
Их тяжёлые топоры
Рассекают воздух
И мой живот.
Я кричу —
Ребята, я вне игры!
Но они приходят
Из года в год.
Но они приходят из раза в раз,
Смотрят немигающей бездной
глаз.

Я кричу —
Пожалуйста! Не сейчас!
И пытаюсь спрятаться под
матрас.

А они хохочут — беззубы рты,
Лица их безносы и лбы круты.
Я дрожу под саваном темноты,
А они всё ищут —
Ну, где же ты?
Топчутся вслепую,
За взмахом взмах,
Сгустки алой крови на топорах.
Губы чёрной стёжкой
Сшивает страх,
Застывает ужасом на часах.

Как я не пыталась менять
маршрут,

Дикое безумие,
Мерзкий спрут,
Изнутри мне шепчет:
— Они придут.
И на этот раз
Наконец
Найдут.

ПОКА НЕ ПОЗДНО

Космос, космос,
пусть он не приходит больше,
у меня от него синяки
на сердце.
Просто конец,
это страшнее смерти,
когда он целует, и я
зависаю под потолком
гелиевым шаром,
а потом
падаю на пол ничком.

Космос, знаешь,
какие у него губы
чудовищно мягкие,
отвратительно нежные,
я смотрю на них, стиснув зубы,
пытаясь предотвратить
неизбежное,
машинально снимая одежду.

Пусть не приходит,
слышишь,
я не могу так себя тратить,
мир сужается до его объятий,
вся вселенная — до кровати.
Хватит!

Забери его на другой уровень,
ближе к звёздам,
пока не поздно.

Я серьёзно.

СВЕТЛЯКИ

Отпустить бы волосы, ходить
босиком —
Шлёпать по тёплым лужам
босой душой.
Времени мало, а мир — он
такой большой —
Мне бы его за пазуху целиком.

Жили в моей ладони три
светляка,
Только однажды сжалась в
кулак рука,
Небо захлопнув крышкою
потолка.

Жжётся в ладошке —
Значит, жива пока.

Елена ЛЕВЧЕНКО

«ХОЧУ ВЕСНУ»

Елена Владимировна Левченко родилась в Оренбурге, учится в 11-м классе. Победительница Оренбургского поэтического турнира «Стихоборье», участница литературных вечеров проекта «Декадент». Публиковалась на интернет-ресурсах Оренбургского областного литературного объединения «Алый цвет». Живёт в Оренбурге.

* * *

Маме

О чём говорит она?
О том, что погода — прелесть,
Что рано пришла весна...
И в этом же духе ересь.
Я знаю её другой —
Такой, что никто не знает:
С глубокой, как ночь, душой,
И что она в ней скрывает.
Как грусть её глаз нежна,
Как мысли смешны по-детски.
Зим сколько она прошла,
Слов ранищих, грубых, резких...
Оружием бьёт каким,
Каким поражает светом?
Так трудно понять другим.
За ней проживаю следом,
И так же глаза глядят,
И боль в них одна, и сила.
Облечь бы в стихи тот взгляд —
Во лжи уличить Шекспира.

* * *

Как причёска, судьба
взьерошена —
Перепуталась, раскурчавилась.
Ты меня не зови хорошою,
Раз плохую тебе понравилась.
Ночь. Хрущёвка почти
беззубая.
За окном тихо звёзды гаснут.
Я не гордая и не грубая,
просто сердце не жгут напрасно.

* * *

Играла ночь, трещал фонарь,
Каштан во сне сопел.
Мне щёки жёг седой январь,
Стихами ветер пел:
«Какая ночь! Я не могу...»
Довольно мыльных фраз.
Довольно слов — хочу весну.
Хочу весну и нас.

* * *

Февраль — не самый
гостеприимный из месяцев.
В его доме нет батарей, нет
ложек
И ни одной
Старой, хромой собаки.
Нет даже кошек.
Только заляпанный взглядами
ковш и
Огрызок замёрзшего яблока.
Ночь. Тишина. Паника!
Рвётся из окон на улицу
Свет раскалённой лампы;
Окон касается, хмурится,
Ёжится и сворачивает обратно.

Ветер бледный от злости бесится.
Ну и смысл от такого месяца...
Суровой февральской

снежности?
Может быть, дело в нежности?

Иней на волосах, снежинки
ловлю колючие
Такой же колючей варежкой
В шарф закутанная, да в
носках,
Связанных в зиму бабушкой.

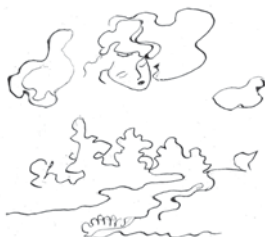
Я уверена наверняка,
И не будет звучать окоlesiцей,
Что холодного февраля
Вы теплее не сыщете месяца.

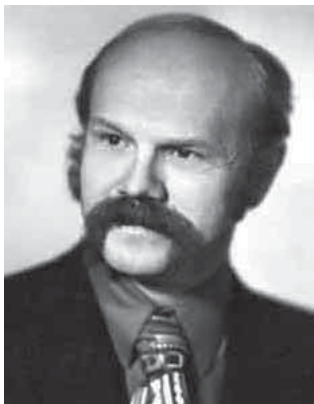
* * *

Я жить хочу —
ты и не знаешь как.
Смеяться до боли в груди
хочу.
Ещё хочу ночью февральской
выбежать
и в мягкий сугроб «бах»...
Глазами луну облизывать
и звёздам кричать стихи.
Небо,
болезненно прекрасное,
глаголов не признающее,
спокойными, ясными,
от сквозняков и холода
простуженными
стеклянными глазками
хлопает изредка прямо
в души нам.
Небо
созвездия смяло
в кружево.

* * *

Ты не греешь чужие дома,
Душу-камеру топишь
по-чёрному.
В застеклённых два карих окна
Жизнь стучится к тебе,
заключённому.
Я бы рада помочь — говорят,
По несчастью с тобой мы
товарищи,
Но любовь, как спасенье
щенят, —
Дело жизни самих утопающих.

Анатолий САНЖАРОВСКИЙ

ЧЕГО ДЕВУШКА НЕ ЗНАЕТ, ТО ЕЁ И КРАСИТ

Повесть

Анатолий Никифорович Санжаровский родился в 1938 году в селе Ковда Мурманской области. Окончил факультет журналистики Ростовского университета. Писатель, журналист, переводчик. Член Московской Ассоциации жертв незаконных репрессий. Член Союза писателей Москвы. Автор многочисленных романов, повестей, рассказов. Живёт в Москве.

*Чёрное к белому не пристанет.
Русская пословица*

Название повести может сбить с толку иного читателя. — Как!? — воскликнет он. — Ещё одно «Похвальное слово Глупости»? Мало Эразма Роттердамского?

Роттердамский воздал должное «царице Глупости». Я же в своей повести попытался воздать должное «царице Чистоте», которая живёт в каждом человеке, куда он не умеет лгать, ловчить, предавать, подличать, выдавать желаемое за действительное — то есть куда он не знает, что такое человеческие пороки и, естественно, не использует их в корыстных целях. Такое незнание красит любого человека, за такое незнание не грех и ратовать.

Свою «незнайку» я не выдумал. Она дочь реальных оренбургских первоцелинников.

*Посвящается
Геннадью Донковцеву —
Отцу Оренбургской Книги.*

1

*Эта беда не беда, только б
больше не была*

— Ну что, дружочек-уголёчек? Вижу, не хватило строчки для твоей фамилии в списке принятых?

— Не хва... ти... ло... тётя...

Повалилась я к тётё на грудь.

Не знаю, долго ли, коротко ли ревели, только слышу, мокрое у меня одно плечо.

Подымаю голову — тётя моя в три ручья течёт.

Я так и обомлела.

— Тё-ётя! Вы-то что?

— А-а...

Краем полотенца, перекинутого через плечо, промокнула тётя себе лицо. Подала мне другой конец.

— Вы что ж, шли открывать с полотенцем? Уже знали?

— А кто, дружочек, не знает... Один умный человек сказал: мы все стремимся к лучшему, да должны быть готовы к худшему. Я и приготовься...

Соседский пудель белой горкой сидел на порожке.

Удивлённо тарачился на нас.

— Вот где кулёмы! — всплеснула тётя руками. — И не видим, что дверь-то у нас наразмашку!

Захлопнула она в сердцах дверь. Тихонько подтолкнула меня в локоть:

— Ну, давай на кухню. Давай, давай! Торт по тебе соскучился.

— За что мне торт? Я ж проклятого полбалла недобрала!

— Какие твои годы... В следующем августе доскребёшь.

— А до августа что делать?

Подумала я, с какими это глазами возвращаться к себе в Светлый... Снова повело на слёзы.

— Как... домой-то ехать?..

— Дружочек-уголёчек! А разве тебя кто гонит? Ну пошевели понималкой... Да забудь ты про всё! Всё в шоколаде! Ты сдала как могла. Выше себя не прыгнешь... У всех разно... Вон днями читала в газете... Одна чудилка в Южной Корее целых пять лет бегала в полицию сдавать экзамен на водителя. За девятьсот пятьдесят забегов сдала половинку экзамена. Правила дорожного движения. А впереди вторая часть экзамена. Практическое вождение. Эта упёртая бабушка — ей семьдесят, возраст, когда права надо не давать, а уже отбирать! — за десять попыток свалила-таки и практику. Теперь она точно всё знает и на дорогу может не смотреть! Я в шоке... Научите меня водить самолёт, буду ездить по московским пробкам... Представляю, сколько теперь работы пало на страховые компании и автосервисы... Думаю, с первого же дня вождения бизнес этой тётя-моти шатнётся в убыток... Конечно, баба бабе рознь! Так что ещё вопрос, кто виноват в присутствии на наших дорогах идиотов на каблуках, с мобильником в одной руке и с помадой в другой, меняющих крылышки или колготки на МКАДе в час пик.

— Столько раз сдавать... Наверно, когда отвечала, со стыда глазки опускала?.. Да что-то я не видела, чтоб овечка глазки опускала. Похоже, мозговая активность этой хвени ущербна. Но это лечится... А я читала, в Германии после третьей неудачной попытки сдать — обязательный «идиотен тест»! Не обижайся, но раз уж ты блондинка, то согласишься, некоторым красавицам «идиотен тест» полезен до поступления в автошколу.

— Ну... Блондинка — украшение жилища, а не мыслящее существо или средство управления автомобилем. А сдают и брюнеты кисло. Знаю самцов, которых заворачивали раз по десять, пока бабла не кинули. Вон сосед у меня. Тупец отпетый. Сдавал десять раз на эти права... Так вот... Эта Чха Са Сунн торгует продуктами. И товаришко свой возила на ручной тележке. Тяжеловато... И нарешила Чха купить грузовичок и получить права. И за девятьсот шестьдесят попыток еле вырвала эти чёртовы права!.. Зато пятеро братьев Шабуниных из липецкого села Ксизово один за другим поступили на физический факультет МГУ. Кончили... Один уже работает в Англии... У всех, милуша, разно... Приняла ты с этими экзаменами сто мук. Наконец экзаменационная эпипия твоя кончилась. Давай зальём это историческое горе чайком с тортом. А там... — голос её улыбнулся. — Покуда ты недобирала на допросах свои полбалла, родная

тётя думала о тебе и кое-что, кажется, придумала.

— Что же?

— Но об этом потом. На прогулке.

2

Бедя глупости сосед. Дурак с дураком сходились, друг на друга дивились

Во всякий вечер мы гуляли только по набережной.

— Ты никогда, — грустно заговорила тётя, — наверное, из деликатности и не спросишь, а почему именно сюда я прихожу с тобой. Пожалуй, я б тебе этого не сказала, не подставь тебе сегодня эти полбалла ножку.

Она подошла к перильцам набережной, одетой в звонкий бетон. Сразу за перильцами отвесно падал высокий берег. Где-то там, внизу, тяжело и дремотно ворочалась медведем река. Чёрно-лиловая мгла прятала её.

— Давным-давно, ещё перед войной, — продолжала тётя, — оказалась я в твоём переплётё. Была твоих годов. Поступала в твою же Тимирязевку. Добросовестно и основательно завалила первый же экзамен. Преподаватель рисовал мне двойку и нехорошо так усмехнулся. Мол, и гусика многовато.

Уж и не знаю как, только очутилась я именно на этом вот месте. Стою на откосе... Закрою глаза, качнусь вперёд — откачнусь назад... Боязко.

Тут откуда ни возьмись подходит парень.

Через силу потёрто, побито улыбаётся.

— Девушка, вы случайно не желаете утопиться?

— А вам-то какая печаль?

— Единоличников за версту вижу... А может, всёжки подержите компанию? А?.. Соглашайтесь...

Как уж там повернулось не помню, только выложил он мне свою беду. Приключится же такое... Приехал с невестой в загс. Невестушка в самом загсе и вертани от него... Вот только из загса. Ещё горяченький... И такая жаль меня взяла... За разговором остыл, успокоился парень. Расправил плечи. Со смешком подпускает туману насчёт того, что лучше б пожениться, чем топиться. Я промолчала. Высмелел он, шутя манит в загс. Я шутя соглашаюсь. В тот же день шутя расписались и жили дай Бог всем так жить... Ах, кабы не война, чёрная разлучница... Я к чему всё это тебе выпела? Поют, узнать человека — пуд соли съесть. Слова то всё! Чему быть, того не обскачешь. Вон мужнино имя я только в загсе услышала. До загса какой час и поговорили... Я б тебе не советовала слишком увлекаться едением соли. Бывает, по десять вон лет гуляют да разбегаются... Такой вот мой план. Ты не едешь в Светлый на родительский позор. Остаёшься у меня. На хлеб и к хлебу всегда тебе будет. Пойдёшь на подготовительные.

И грызи себе спокойнушко черыжку науки... Подготовительные ещё нескоро. Пока отдохни. На москвичей посмотри. Себя не забудь показать. Натурально. Да ты у меня в месяц выскочишь замуж! Правда, для замужества, как минимум, нужен он. Он у тебя быстренько проявится. Была б ты клумба какая... Так собой ты видная. Вся из себя конфетка. Всякому глазу праздник!..

Меня всю коробило.

— Тетя! Вы до сих пор всё шутите? — не без яда выразила я предположение. — Шуточки у вас какие-то... негенеральские...

— Будешь, — ломила своё тётя, — каждый день ходить на пляж как на службу и убивать разом двух зайцев: загорать и нравиться...

— Я? Бить подолом? Ага! Ну к чему гнать этот мороз?¹ Что я, гульная тёлка какая?..

Тётя обиделась, что я не приняла её план. Настроила тишину.² Молча мы так и побрели к дому. И лишь на кухне, за чаем, я снова услышала грустный тётин голос.

— Не упрямясь, как этот дедушка комар, — показала она на раздавленного комара на кухонной двери.

— А то что будет?

— А это ты у него спроси, — ткнула она в комара. — Только он тебе уже не ответит. Распрекрасно знал же этот звурёнщик, что

¹ Гнать мороз — говорить вздор

² Настроить тишину — замолчать

прибьют. Так нет! Всё равно надо ему переться ко мне на девятый этаж и петь мне в ухо своё романсьё. Допелся! Газетной трубочкой вмазала в дверь...

— Однако жестоко, тётя.

— Не лез бы со своими глупостями и посе́йчас порхал бы. Так что не спеши возражать. Сначала выслушай... Братъ мужика... Братъ их брата в плен дело плёвое, особо с твоими царскими плюсами. Да ты только растелешись до купальника, только предъяви товарец лицом... Мужик глупарь. Эта общеизвестная истина подписана самим Богом и никем не опровергнута. Покажи формы — содержание мужик сам себе чёрт-те какое нафантазирует! Действуй! Да построже с ними! Нечего поважать козлят брыкаться. Завтра же с утра — за дело, дружоля!

3

Голова у ног ума не просит

На следующий день вернулась я уже под потёмочками.

— Ну, каковы наши пляжные уловы? — набросилась тётя.

— Разные, — стараясь быть серьёзной, с ответственностью в голосе отвечала я. — Навяливался... Шнурился один зелёнький с гитаркой.

— За полный световой день всего-то лишь один? И тот незрелый? — Тётя в изумлении выставила указательный палец.

— Всего-то, пельмень худой,

один и тот незрелый, — подтвердила я. — Да ещё пупканутый³.

— Не-е!.. Мокрогубиков этих с бандурами ты гони. Как горячо они ни барнауль⁴ — напроочь от себя гони! Не вздумай с ними хороводиться! Тебе... Да при личности твоих внешних данных, тебе не грех накинуть сети на какого-нибудь аллигатора...⁵ Можно и попроще кого... Одно слово, надо брать под жаберки карасика надёжного. В годах. Чтобушки была своя кооперативная жижинка-картинка... Цветной ящичек там метр на полтора... Чтобушки ковровые стены. Чтобушки на ходу была своя тачанка. «Волга»... Ну, на худой случай «Жигуль». Особо за маркой не стой. Какая тебе разница? Лишь бы бричка бегала!

— Так где ж они эти ваши надёжные с тачанками? — не удержалась я от смешка.

— Твой верх, — сокрушённо согласилась тётя. — Август... Сейчас все надёженькие разлетелись по югам. Остались одни пивные ветродуи да мелкота, всякая белобрыса шелупонь. У мокрогубика тоже, может быть, дома если не «Волга», так целый красный самосвал. Да тебе они, игрушечные, ни к чему. Вот схлынет тепло. Воротятся южаки. Ты и сделаешь деловой смотр наличного состава столичанских женихов.

---

³ Пупканутый — с серёжкой в области пупка.

⁴ Барнауль — назойливо приставать.

⁵ Аллигатор — олигарх.

Больше не хватило меня на разыгрыш. Прыснула я в кулак.

– Увы, тётя, комедия, не начинаясь, кончилась. Как умно подметил один, «вкус – это когда надо вовремя остано...» Я вовремя и остановилась. Ни на каком пляже я не была, – и кладу ей на стол билет. – Завтра на первом свету отбываю.

– Ку... куд... куда?

– А недалече отсюда. В часе езды. С тимиразевскими отметками берут. Без экзаменов! Забираю сегодня в приёмной свои бумажки, мне и говорят: да с вашими оценками вы спокойно проскочите в Хотькове в морковкину академию⁶. Та же моя специальность – бухгалтерский учёт.

– А как же Тимиразевка? Зачем же отступать?

– А кто отступает? Мы, оренбургские, ловкие... Не знаю, как там оно крутнётся... Кончу сначала морковкину академию, поработаю, поднакоплю грамотёшки и с разбегу р-р-раз в саму в Тимиразевку! Так и промигну!

– Да, да, – шепчет тётя, а у самой глаза мокреют. – Тигруля отходит назад, хочет прыгнуть дальше...

– Вот именно. Лучше потихоньку идти, а не ждать, чем-то кончится новый конкурс. Попробовалось ли я ему или как ещё сказать... Не терять же год! Поеду. Правда, хотьковская академия не ровня тимиразевской...

Этажиком ниже. Да уж лучше сразу учиться. Сразу быть при деле при главном.

– Оно, конечно, так способней. Надёжней. Ты уж, если что не так, прости старую. Старый человек – пирожок ни с чем. Пустой. Но я всё ж хотела как лучше. По-родственному. Обязательно приезжай на выходные. Пиши. Звони и домой, и на работу. Добавочный у меня там...

– ... две нулихи семь. Вы ж не раз уже говорили.

– Вишь, забываю, – огорчённо пожаловалась тётя. – Ну да что... Забывчивостью не губы мазать... Рассчитывай, дружок, на стипендию от меня. Туго-бедно, а и из своей неминистерской пенсии двадцаточку в каждый месяц уж вырежу. Я буду, – доверительно зашептала, – держать тебя в виду и по другой линии. Встренься кто толковый из мужеского сословия – сознакомлю.

– О Господи! Да поберегите, пожалуйста, его себе. Разве бездетной вдове запрещено выходить замуж?

– Запрещено, дружок... Запрещает память. Запрещает кроводавление. Запрещают седые волосы. Запрещает диабет...

– Извините, бякость сморозила. Чепушная какая-то стала... Не беспокойтесь уж так за меня. Не крапивница⁷ я какая-нибудь бездольная. Спасибо за хлеб-соль, тётя-мама.

⁶ Морковкина академия – сельскохозяйственный техникум.

⁷ Крапивница (уральское) – внебрачный ребёнок

4

Каждый крючок ловит свой кусок

С морковкиной академией я разделалась как повар с картошкой. Красный поднесли диплом. С отличием. Распределили лучше некуда. Хозяйство хорошее. Ухоженное. Прикопалось к окраинке старинного тихого городка Вереи. Час прямым автобусом до Тишинского рынка в Москве. От силы полтора. И Визирев, директор, — душка, одна приятность.

Во весь наш первый разговор, простой, обстоятельный и несколько, однако, подзатынутый, Визирев как-то виновато взглядывал на меня и краснел.

Оказывается, как я потом узнала, он и не ведал, как подступиться к разговору о моём жильё.

— А где жить будете? — спросил он меня наконец.

— А где поселите.

— Мда-а... Резонно.

Локти стоят на столе.

Подбородок возложил на сцепленные пальцы.

— Тут понимаете... какая музыка... Мы вас пропишем в отличнейшей однокомнатной квартире... Трамвайчиком мы её зовём. Она такая узкая, продолговатая... Молодой специалист, квартира вам полагается... Тётя в Москве...

— Не тревожьтесь. Не сбегу. Я буду жить по месту прописки.

— В том-то и... Нехорошо, ах, нехорошо начинать с чёрной строки... В том-то и соль... Поверьте, это не прихоть моего царства...

— Охотно верю. Только скажите прямо.

— Прямо? Вот вам прямо. Сбежал от вас ваш трамвайчик!

— То есть?

— То и есть, что есть... Э-э... То есть нету! Нету трамвайчика. Уехал! Уплыл! Улетел! Целую вечность пустовал. Ждал вас. А на той неделе заняла всадница... Медсестра. Золотой специалист, золотой человек. Таких терять грех. А у медсестры мать-старушка. Болеет часто. Отбери квартиру — потеряет хозяйство перво-сортного специалиста. Голубчик, через полгода сдаём новый дом. Туда и въедете! Вокняжитесь в свои хоромы! Не подумайте, просили злыдни на три дни, да оставили без своего угла навек. Не-ет! Обязательно въедете! Под честное слово обещаю! А до той поры не поживёте ль с нашей Аннушкой? У Аннушки, правда, семья, ребёнок...

— Право слово, я и не знаю как... Но раз надо... Отчего же...

— Спасибо, вседобрая вы наша скоропослушница, — ещё круче краснеет Визирев и прикрывает локтем на столе диковинную книжечку «Выделение гликофинголипидов головного мозга свиньи и изучение их свойств». Как до меня после доплескалось стороной, он заочно учился на зоотехника.

5

Бал — чёрт с печки утал

Аннушка, как и я, бухгалтер. Конторская если не крыска, то уж мышка. Точно.

Меленькая, худенькая. Ни дать ни взять пацанка-пятыкхлаха. Аннушка — великая фантазёрка. Она всерьёз считает, что никогда не заболит. Что её всегда спасут поцелуи.

У неё над койкой на стене висит на кнопке вот этот занятный газетный трактат.

Полезные свойства поцелуя

Польскими учёными подсчитано, что во время обычного поцелуя работает 12 мышц губ и 17 мышц языка. Во время поцелуя ускоряется работа сердца, сжигается немало калорий и, как правило, передаётся ещё больше, по сравнению с калориями, бактерий и вирусов. Целуясь не меньше 2-3 минут, пары избавляют собственный организм от стресса и разнообразнейших его последствий.

В Германии предложен оригинальный способ снимать боль ласками и поцелуями, причём ласки должны быть нежными, а поцелуи страстными.

Американские врачи считают поцелуй едва ли не панацеей от всех болезней: он увеличивает частоту сокращений сердечной мышцы и ритм дыхания, что активизирует нормальный кровоток и улучшает доставку во все органы кислорода, благотворно сказывается на лёгких, желудке, кишечнике.

Некоторые люди боятся вирусов и бактерий, которые неизбежно передаются при поцелуе. А зря. Как утверждают

австрийские специалисты, поцелуй можно считать особой вакциной, которую любящие передают друг другу со слюной.

Горой стоят за страстные поцелуи и врачи-стоматологи, так как слюнные железы целующихся активно вырабатывают секрет, богатый солями и микроэлементами, из них можно выделить кальций и фосфор. А вот, например, для нашей зубной эмали это лучший бальзам. Те, кто любит целоваться и делает это часто, менее восприимчивы к кариесу.

Как видите, поцелуй любви может заменить собой многие лекарства. Поэтому дарите своим близким и самым любимым универсальное народное средство от болезней — страстный и нежный поцелуй. К тому же медики утверждают, что часто целующиеся люди в среднем живут на 5—7 лет дольше, а самое главное — намного реже обращаются к врачам.

Конечно, поцелуй поцелую рознь. Известно, что через поцелуй переходят такие заболевания, как, например, герпес, гепатит и коварный сифилис. Так что в этом смысле надо любить не с кем попало, а с проверенными людьми! И всё же во все времена люди целовались, целуются и будут целоваться. Ибо такова сила природы и естественная притягательность поцелуя.

У Аннушки растёт приданое. Восьмимесячный Серёжка.

Временами к Серёжику набегет папка, стеснительный сержантик с удивлёнными бровями.

Сержантик ещё служит. Осталось где-то пять месяцев с копейками. Часть его за три кварталушка от нас.

Уж и не знаю, какими правдами он если не через вечер, так каждый вечер у Аннушки. Придёт, стеснительно возьмёт на руки синюю свою стеколочку, как звал сына за синие глаза, и на пальчиках распахивает по тесному коридоришку меж нашими с Аннушкой койками, стеснительно подмурлыкивает с приплюсом:

Свинки в лодке танцевали,

Все копыта поломали.

Инчик-брынчик-пок,

Вышел маленький дружок.

Аннушка знай по кухне мечется, словно скипидаром смазанная. Надо успеть приготовить что-нибудь мужу — он весело всё гудит себе под нос:

Сидели два медведя

На тоненьком суку.

Один читал газету,

Другой мешал муку.

Раз ку-ку, два ку-ку,

Оба шлёпнулись в муку.

Аннушка хлопочет в его фуражке. Фуражка круто съехала набок. Закрывает половину лица.

Ни на неё, ни на него без невольной улыбки не взглянешь в полные глаза. Дети, они и есть дети.

Я ловлю себя на том, что вижу, как он стеснительно-трагически поднял кверху брови, радостно-простецки молит взором:

шла бы ты к Богу в рай гонять чайковского!

И я шла.

Над нами, этажом выше, не бог — богиня наша с Аннушкой жила. Лидия Сергеевна Лопачёва, главбухша наша и по совместительству старая дева.

Короткая, круглая, будто кадушка, она почему-то во всякую дверь, в узкую, в широкую ли, входила всегда боком. Крупное землистое лицо и без того некрасивое основательно портил огромный тяжёлый нос трубой. По коридорным авторитетным слухам, этот нос Бог семерым нёс. А Лопачёва весь хватанула себе. Пожадничала.

Лидия Сергеевна (в глаза и за глаза я называла её кратко: Ли Се) предлагала мне жить на два конца. У неё и у Аннушки. Когда где удобней. Вляпалась в растрату непредвиденную, купила диван-кресло для меня.

Да я всё не соглашалась.

Боялась оставаться с нею в ночь без света: я страшилась её носа. С нею происходило что-то мне не понятное. Не единожды я заставала её дома в слезах.

Она скоро вытирала слёзы, усаживала меня за жидкий чай, в таком чаю всю родно видать, и во весь вечер, даже под телевизор, ругала кошку и мужчин. Кошку за то, что та лежала у неё в ногах, мало согревала постоянно зяблые ноги. А мужчин только за то, что они мужчины.

Казалось, каждое утро она лишь на то и просыпалась, чтоб

продолжать перемывать мужские косточки.

Но от её промываний, увы, порода мужчин не улучшалась. И так весь вечер она ворчала.

Я не поддакивала. Я не умею поддакивать. Я просто молчала. Ждала, покуда снизу не застучат вилкой по батарее. Беги! Наши отбыли на срочную службу!

6

Несподручно бабе с медведем бороться, того и гляди, юбка раздерётся

Однеж вызывает меня Визрев.

— Ну что, голубчик, кидаем вас на прорыв. Такая будет наша виза. Как самую молодую, как самую энергичную, как наконец самую красивую во всей конторе!

Я удивлённо привстала со стула.

— Да, да! Ка-ак самую красивую! Красота... О, это очень важный рычаг, если хотите, для выполнения поставленной задачи. И прощу не удивляться. Будете вести оперативный учёт солдатской картошки.

— Не п-понимаю...

— Поймёте... По порядку... У нас в хозяйстве десантники будут убирать и отправлять картошку. Командование взяло волю солдат и просило прикомандировать к ним молодую и именно красивую учётищу. Иначе никакого стимула. А без стимула что-нибудь идёт в толк? Да-а... Это не на рюмку сватать... Ну... В работе

вы боевая, надёжная, умелая, как говорят уралыцы, к рукам куделя. Вот я и вышел на вас. Входите в согласие. Что вам... Будете учить да попутно стимулировать. Ну надо!.. Вы хоть прониклись, поймали тему?.. Иначе ж уборка картошки может сорваться!

Я не знаю, как въехать в отказ. Да ну раз надо... Значит, надо! И я не смею отказать. Смущённо бормочу:

— Ладно, что ли... Попробую...

7

Вовремя цвет цветёт

Дали мне фуфайку, сапоги резиновые сорок последнего размера, брезентовые брюки.

Учитывала. Может, и стимулировала. Вот дети!..

Пошла машина. Не грузят! Живчиком подлетаю от другой машины.

— Чего гоняем вальта? Почему простаиваем?

— А вы не стойте с тетрадой только там. Постоите и у нас. Посмотрите, как мы работаем!

— На что смотреть-то?

— Пожалуйста!.. Фазаны⁸, кончай косить изюм!

И бегом от машины к мешкам. С мешками — к машине. Друг перед дружкой горят выстараться. Отошла гружёная машина. Обсыпали кружком. Допытываются, за кого б я пошла.

— За меня, замануха, пошла б? — спрашивает один.

⁸ Фазаны — солдаты весеннего призыва

— Конечно! — Парень руку к груди. Кланяется.

— А за меня? У меня дом на семи жердях с подъездом.

— И за тебя, пельмень худой.

— А за меня? Будешь королевствовать!

— И за тебя.

— А вот за меня, забавница? — вжался плечом в кружок Валера. Из всех парней я и знала-то по имени и в лицо одного Валеру. Ему поручено было заезжать за мной утрами и подвозить по вечерам с поля, что Валера аккуратно и делал.

— И за тебя, раздушенька. Успокойся!.. И за тебя!.. И за тебя!.. — с усмешечкой тычу пальцем во всякого в кружке по порядку. Подурачились с минутой, свернули базар и к делу.

8

Не сурово кади, святых не опали

Наутро сажусь я к Валерке в кабинку ехать на поле. Чин чинном расселась, как чирей на именинах. Валерка и засылает на разведку мне вопросец:

— Ну, ты не забыла вчерашнее?

Его дерзко острый взгляд срезал меня. И я растерянно выдавила:

— А что... было вчера?

— Как что?

— Да, что? Ну... Вчера было вчера... Что ещё? Что из вчерашнего я должна помнить?

— Вышак!.. Забудчивая... Ну

хотя бы то, что принародно обещала, дорогаша. Пойти за меня!

Раскрыла я рот шире кабинного окна.

— А ты, Валерк, извини, конечно... Или ты дурак, или рождён ты так?.. В кружке было человек с двадцать! Так что ж, пельмень худой, за всех идти? Шас! Только вот валенки зашнурую!

Выбелели у него губы. В лице ни кровинки.

— Не обо всех речь. А обо мне, — упрямо давит своё. — Так пойдёшь?

— Поеду! — озлénно вкричала ему в самое в ухо, так что он дёрнулся головой от меня. — Ты что, разумник, не понимаешь?! Это ж просто так. Игра. Ухватил? И-гра-а! Самая разная игра!..

— Вот именно. Настоящая игра играется по правилам. А ты? Наобещала и бесследно — ни пены, ни пузырьёв — мимо?

«Божечко м-мой! Да этот блинохват не отвяжется по нахалке... Неделю целую возил — золотой был. Молчал, как рыба в пироге. А тут заговорил мой немой!» В самом деле. Неделю подвозил меня по утрам в поле, по вечерам с поля. Подкинул к дому, прыг я с подножки, сделала ручкой — досвидос, целоваться некогда! — и побежала. Он себе поехал в часть. За всю-то неделю и не слышала я его голоса, не знала цвета его глаз. Я просто не видела человека. И теперь, будто нагоняла упущенное, с любопытством посмотрела на него снизу вверх.

Я впервые видела Валеру. Наши глаза встретились. Валера мрачно глядел в упор. Повторил:

— Так пойдёшь?

В голосе железо, решимость, каких я ни от кого и не слыживала. Не знаю почему, но мне показалось, что говорить ему сейчас хоть да, хоть нет одинаково опасно. А между тем мы уже подлетали к полю. Надвигалась на нас, росла гора картошки в сетчатых мешках. Нас увидали. Замотали лопатами. Слава богу, люди совсем рядом.

— А знаешь, — насмелилась я, — кажется, я... пойдю... В его лице ничего не изменилось, если не считать, что на щеках дрогнули камни желваков, и тяжёлые руки на кольце руля пошли одна под другую. Шоком⁹ развернулся на краю размоленного, пустого, уже без картошки в земле, поля, на полном газу резанул Валера назад.

— Ты к...ку...да...а?! — испугалась я.

— Лично я к капитану Рябкобылко, — не убирая яростных глаз с дороги перед машиной, тихо ответил он. — Пускай послушает.

— Я, дурилка картонная, что-то не то лягнула? — совсем потерялась я.

— Именно то. И повтори то же самое капитану. Возрадуй нашу сваху в мундире.

— Зачем всё это капитану?

— А это дело у нас проходит только по ведомству капитана. Без его согласия ни-ни... Нашальник! Капитан у нас вроде попа. Исповедуйся ему. Нас же считают ещё малятками. Боятся, как бы чего такого-этакого не навтертели. Врубинштейн?

9

Базар цену скажет

Подлетели мы к воротам части. Важно выступает из проходной на крыльцо сам капитан. Там худющий — одна арматура! И вышины непояснимой. С хорошей кочки отовсюдушку такого видать. Валера обежал перед машины. Подал мне руку.

— Товарищ капитан... Мы... У нас... Вот... Извините...

Вывалил Валера последние уцелелые слова. Со вздохом повинно сронил голову на грудь. Я хочу вывинтить руку из его горячей цепкой, льнучей руки — не пускает. Напротив! Дёргает книзу, сжимает больней. Не смей кочениться! Только тут я замечаю, в каком же это непотребном виде наявилась я к капитану. В брезентухе, в «кухвайке», в грязных сапожищах сорок растоптанного размера. Стою непричёсанная, космачом. Прямо иноприлетянка какая. Сигнал капитан на лбу морщины в гармошку. Обжигает глазами сверху донизу.

— Едри-копалки! Это что ещё за фокусики в дорогушее рабочее время?! А видок!..

И мягче, уступчивей:

⁹ Шоком - быстро

— Заходите, гулёки, ко мне, — махнул рукой с пальцами веером. — Поговорим всё же... Это надо обкашлять...

Расспросил, кто я да что я, откуда. Про родителей спросил.

Я всё как есть.

В пятьдесят четвёртом родители мои, тогда ещё вовсе не знакомые друг с другом, прискакали по путёвкам осваивать оренбургскую целину. Целина их сознакомила, поженила. Живут в целинном посёлке. Это под боком у городка Светлого. В семье четверо детей. Я последка.

— Вижу, создались у вас принципиальные отношения... А знакомы вы давно?

Я и не знаю, что отвечать.

Пошёл Валера выкручиваться. Буркнул:

— Давно...

— Как давно?

— Ну да очень давно, товарищ капитан!

— Дату! Дату назовите, когда познакомились.

— По части даты... дело... совсем... плохо, — просительно покосился Валера на капитана.

— Было это, товарищ капитан, та-ак давно, что даже сообща не упомянем...

— Куда в таком состоянии поминуть, — махнул капитан рукой.

Взял с новой, строгой ноты:

— Это надо провентилировать... Любовь не объект для лёгкой игры. Тем более семья. Вы хорошо продумали? У вас всё это серьёзно отрегулировано?

— Так точно, товарищ капитан!

— А что девушка скажет?

Я почему-то кивнула. Боязко.

И старалась больше не смотреть капитану в глаза.

Но после, когда уже ехали от капитана, стало ещё страшней. Накатил, навалился на меня такой страх — словом не назвать. Захлонуло всё во мне. Заледенело.

— Что же я, дураха кислая, натворила? — заплакала я. — Делать-то что?

— А что все. Ты ж уралка!.. Уральская косточка... Шибко не боись. Уральцы — народ ратный. Ёль-палы! Запишемся да будем жить, землячка!

От такой бессовестной его наглости я даже перестала плакать.

— Ты — земляк?! Что это ты ещё в земляки трёшься?

— А-а! Ты ещё не в курсах!

Валера сбил фуражку на затылок.

— Так слушай. Форменный я тебе земляк. Целинного образца. Как и ты. Той же Оренбургской области. Под боком у Орска. На берегу Урал-реки... Золотые места. Деревня Ключи. Валера Просветов. Будем знакомы. Он протянул мне коряговатую руку. Я оттолкнула её и пересела поплотней к дверке.

10

Конфуз — съели арбуз

На поле на нас склеили обиду. Озлились. — Блин блинский! Да вы где прохладаетесь?!

— Дело всё стоит... А они сверкнули на горизонте и стёрлись,

накрылись зонтиком... Не знаем, куда и бежать листовки клеить...¹⁰ Да вас на молекулы мало разнести!

— Грузить надо или не надо?!

— Может, им не до картошки...

— Как уже осторожно заметил провидец Витёка Невзгода, «их отношения зашли так далеко, что стали близкими»...

— Поглянь, ребя, как они сияют!

— Похоже, заточены под счастье!

— А может, они и в самом деле на Асповеди у капитана токовали?

— Может быть... — надвое так ответил Валера.

Что тут поднялось! Одни поздравляли нас. Другие открыто вскозырились и ну метать красную икру баночками. Негодовали со всей той горячей пылкостью, на какую способно лишь отважистое молодое сердце.

— Быстро же вы саукались! — Ну-у и Валерио!

— Ну-у и гу-усь!

— Ну и титька в каске!

— Ну и уха-ач на ура!

— Тихий-тихий... А из-под носа у всего взвода какую княжну духом спioniерил! При нём царевна! А мы остались на эфесе ножки свеса! Вот ухохотайка!

— Если б ещё по чесноку...¹¹ Воспользовался, что у него машина... Самоходом первый с визитом любви, мира и прогресса к капитану!

— Это прямое злоупотребление служебным положением!

— И потом, Галя, Галинка, милая картинка!.. Ты ж, милавица, всем нам обещала. А к капитану ушуршала с Валеркой!

— Суцая тебе Анка-пулемётчица! Целый же взвод отстреляла и не охнула. Оставила в живых себе на радость только Валерку-холерку. Что особенного-то в нём чёрт свил? Непонятки...

Чудики... Если б хоть что-нибудь я сама понимала во всей этой коловерти...

11

Какие сами, такие под вами сани

Прочитал Визирев моё заявление на трёхдневный отпуск, жертвенно сложил руки на груди.

— Хоть ложись и примирай. Ну эти военные помощнички! Ни в дышло ни в оглоблю! Какую дивчину ни пошли — этот эректотат раз и в загс! Раз и в загс!.. Р-раз и в загс!.. Это ж форменное разбазаривание моих дорогих кадров. Моего золотого фонда. Из года в год безбожно оголяют боевые бухгалтерские тылы!

— Посылали б тогда доблестных передовиков. Ту же Ли Се. Или, может, пост главного не позволяет её посылать?

— Э-эх, святая простота! Да не вдруг же она вломилась в главные. Десять картофельных сезонов кряду сама набивалась. Ездила! Эффект ну-ле-вой! Ой!.. Впечатлизмы от неё могильные.

¹⁰ Куда бежать листовки клеить? — что делать?

¹¹ По чесноку — по-честному

Ну кому нужен этот звероящер?!

Визирев до шёпота стихил голос:

— Есть горячее предложение — нетоньки даже холодного сбыта. Оттого и зла, как чёрная мамба¹².

Теперь я немного догадываюсь, почему она с таким рвением перетирает во всякий вечер мужские косточки.

— Комплиментов от неё наш брат не жди. Пригласи её на свадьбу. Пускай хоть чужому счастьем улыбнётся.

— Не только её и вас зову. К слову, свадьбу мы решили не закатывать... Обойдёмся домашним ужином. Без ресторана, без оркестра, без ансамбля. А как... Дадите вашу «Волгу» в загс?

— Само собой, огневуша! Распожарюсь, украсят кольцами, лентами. Из своих фондов выщелкну на обручальные кольца и к кольцам. Начинайте по-божески. Хочу, чтоб всё у вас было на большой. Такая будет моя виза.

12

Всяко бывает: и мужик жечитя

Елена Степановна, Валеркина мама, доярка, получила приглашение на Выставку. В Москву за так не зовут — за дела за знатные. Потолкалась Елена Степановна денёк по Выставке, а на второй — совсем нетерпёж поджгёт! — с утра пораньше наладилась прове-

дать сыновца. Благо, это ж рукой достать! Приехала в часть. Ей и объясняют, нету Валеры на месте.

— Куда ж он делся? Или беда какая к нему привязалась?

— Этого покуда ни одна душа точно знать не может. — Наверно, молоденький дежурный по-своему решил, что брак штука сомнительная (не зря же говорят, что доброе дело браком не назовут), и не отважился сказать о Валере, который, похоже, ничего не сообщил матери, раз в день регистрации она спрашивает его.

— Не-е, — в тревоге подстукает Елена Степановна к дежурщице, — я так не отступлюсь. Допустите меня к начальству. Пускай начальство мне и пояснит, где мой сын, что с ним. Я человек прямого глаза. Что вижу... Живую правду леплю в глаза. Пускай и мне так напрямки рубнут!

Всё кончилось тем...

Только мы выходим из подъезда к «Волжанке» в лентах да в кольцах — навстречу синеглазка. В окошке напряжённое лицо Валериной мамы. Увидал её Валера — в шаге от «Волжанки» окаменел. Стал и стоит, слова не свяжет. Сгрудились за нами все наши, не поймут, что к чему.

— Мать моя! — наконец вшепнул мне в самое в ухо Валера. — Опупей!.. Что же делать? Я ей не писал. Откуда всё разведала? Что скажем? Может, вернуться нам, покуда она не вышла из машины?

¹² Чёрная мамба — самая ядовитая змея в Африке

¹³ Синеглазка — машина с крутящейся на крыше мигалкой

«Что, люди ратные, назад пятками побежали? Вперёд-ёд... Что да ни будь скажем!» — читаю на лице Валеры.

Мама вышла из машины. Смотрит то на Валеру в чёрном прокатном костюме, то на меня под фатой — Валера держал меня за локоть — и не может понять, что же такое делается с её сыном, почему это он при всём при параде едет с незнакомицей куда-то?

Поставила мама свою круглую сумку с гостинцами на землю, не кинулась в обнимашки. Похоже, постеснялась народу, заперемилась с ноги на ногу.

— Эко дивьё... дивица... — прошептала в растерянности и виновато заоправдывалась: — На Выставку нежданко позвали... Пиши не пиши, всё едино после меня приползло б. Я и покати, сынок, не написавши. Ехала вроде как под большим секретом... С сюрпризом...

— По части сюрпризов, ма, мы тоже не отстали... Вот, — глазами Валера на меня, — кажется, жёнось...

— Ну, жениться не помирать, — назидательно проговорила она, первая пошла ко мне. Поцеловала...

Все вместе ехали мы в загс и совестно было мне и перед Валериной мамой, и перед своими. Я, правда, как-то обмолвилась им в письме одной фразой «Я больше не ваша дурочка», но поняли ли они её так, как было уже на самом деле, не знаю.

Почему мы скрывали? Не верили в себя? Не верили друг другу?

Может, ждали втайне друг от друга скорого распада и не спешили писать своим? Тогда же проще будет забыть всю эту нечаянную игру да и лучше. Хоть своих в позор не втопчем.

Откуда мне всё это знать?

13

— *Та ну на! Пей!*

— *Я сине-зелёное пить не буду! Вдруг посинеешь или позеленеешь?*

Римма Негрей

В кружку не без душку

Когда все пятеро собирались мы в своей семиметровке, мы ощутимо чувствовали локоть друг друга. Но долго нам не хотелось чувствовать чужие локти и мы, не ропща на судьбу, всем весёлым гамузом выкатывались на волю.

Всё бы ничего. Да наши прогулки кончались как-то не по-людски. В какую сторону ни иди, мы обязательно въезжали в винную лавку, прозванную мавзолеем.

Стеснительный брякотливый сержантишко виновато трогал Валеру за рукав:

— Я не какой там карманной слободы тяглец¹⁴. С капитальцем туговато... Ищи копеечку, как хлеб насущный ищешь. Нос чтой-

¹⁴ Карманной слободы тяглец — вор-карманник

то свербит... Надо срочно офлакониться. Обязательно надоти разгерметизировать шкалик... Сегодня ж день взятия Бастилии! Как не отметить?.. Не то раздумают брать... Так что расчехлись на монетку.

— Ну ты ж водку врагом солдата называешь! — пытается Валера отбойриться.

— Да, эта пияниновка — чистейший и злейший враг солдата! И своего врага я в упор не желаю видеть!! Я на портвешок...

Валера не смел скрысятничать¹⁵ и с видимой неохотой выворачивал карманы. Я не пью, а только с добрыми людьми знаюсь, говорил при этом его расшибленный вид. С сором наскребалась мелочь. Сержантик вскидывал с нею кулачок, как знамя, влетал в мавзолей и не забывал с порожка простецки-радостно поклониться тесно уставленным на полках бутылкам. Над стойкой осторожно разжимал кулачок. Горкой насыпалась потная медь. Где-нигде проблёскивали белые монетины.

— За всё — одну яблочную слезиночку! Поскорей! А то печень рассыпалась у меня на мелкие атомы!

Теснился в коляске Серёжка. Рядом почтенно укладывался чёрный снаряд бутылки. Мальчик в испуге таращил на неё глазёнки.

— Вот откупили мы в магазине Серёжику сестричку, — сюсюкал сержантик. — Сестричку...

Серёжику... Ты, мать, — оттирал Аннушку от коляски, — следуй обочь. Знай отдыхай! До дна дыши кислородом вот... Заработала. Сюда ты катила, назад — с двойней! — покачу я... Дома... Нам абы день убить, а ночь не увидим...

За такими речами свернули мы в свой проулочек, к дому. Мы с Аннушкой и с Серёжиком в коляске поплелись в подъезд, а парни качнулись к лужку за огородными тылами на погоду посмотреть.

Как потом рассказывал мне Валера, молча они идут и издали видят: на лужку щиплет травку соседская коза, привязанная к кусту, и незнакомый мужик, воровато озираясь по сторонам, отвязывает верёвку. Это крайне подивило сержантика. Он-то прекрасно знал, что у козы была хозяйкой одинокая бабка. Через день он бегал к ней и по поллитровке покупал у неё молоко для сына.

— Он хочет её умыкнуть! — оторопело прошептал сержантик Валерке. — Как невесту на Кавказе! Мы с тобой привезли себе моньки. Сейчас пойдём разговеемся. А этот ханурик хочет навсегда оставить моего слабенького Серёжика без дорогой моньки! Да я за родного сынушку... За моньку для родного сынушки!.. Я этого шаршика счас побегу придушу!

— Молчи. Посмотрим, что будет дальше.

Пристыли они за плетнём. Наблюдают. А незнакомец тем

---

¹⁵ Скрысятничать — отказать

временем отвязал верёвку от куста и, степенно оглядевшись, не спеша повёл козу в поля, начинались сразу за огородами.

Сержантик командует:

— План такой. Пока смотрим. Может, дядя шутит с козочкой? Погуляет минуту-другую, отдаёт душу и вернёт козочку на её лужок. Если запахнет тем, что не вернёт, я шнурую за ним. Ты топаешь за мной метрах в ста...

— А ну удрапает?

— Куда? Месяц на рогу¹⁶, светло. Кругом ровное поле...

Сержантик медленно направляется к полю. Похоже, это заметил незнакомец и набавил шагу. Сержантик не вытерпел и крикнул в рупор сложенных у рта ладоней:

— Товарищ гражданин! Прогулка при луне с молоденькой козочкой... Это романтично!.. Но козочка-то чужая!

Незнакомец, пригнувшись, бросился наутёк. Но козу не отпустил. Игра окончена. Сержантик махнул Валере фуражкой — давай сюда! — и рванул следом за беглецом.

Парни заломили ему руки за спину и вместе с козой примчали в верейский трибунал¹⁷. Вора милиционты оставили себе для выяснений, а козу с миром отпустили. С нею сержантик и Валера нагрянули к бабке.

Оказывается, бабка прихворнула сегодня и не смогла засветло

забрать козу с лужка. А когда спохватилась, коза-шалопутка уже гуляла с незнакомышлем в полях.

Сержантик был на седьмом небе и хвастался по пути домой:

— Валер! Вот так мы! Ай да мы! Не дали козушку скомсомолить... Какой подвиг сегодня положили... Вот моя ворчит, что я легонько под моментарий иногда штудирую градус. Ну и что? Это ж так, чистое баловство по случаю случайно случившегося случая. И всё равно я как доложу? Ты пить пей, да дело разумей! А разве я не разумею? На подвиг вон сегодня даже выскочил!

Ну... Возвращаемся мы с прогулки при бутылочке раз, два.

Только уж под третью не кинулась я сегодня жарить картошку.

Сколько можно барбарисить то за знакомство, то за дружбу? А теперь вот ещё и за здоровье спасённой козы?

Вывалил сержантик бутылку на стол. Сам полез в стол искать отпечатку, как звал он штопор, я и сунь, пельмень худой, ту чёрную динозаврину в помойное ведро.

Сунула, а сама загадала. Хватится Валера из помоев спасать фугас — к чертям к собачьим! Разводище! Раз наш брак действительно оказался с браком, так на кой же за такой брак держаться?

— Э-эй!.. Кто да ни будь!.. Кыр-раул! Гра-а-абют! — с колен завопил сержантик, в панике шаря глазами под столом. — На этом на самом месте, — садит

¹⁶ Месяц на рогу — рожками кверху

¹⁷ Трибунал — отделение милиции

штопором по столешнице, — ставил. Скургузили! Ну и бейсбол! Ну и ёбщество!.. А ты говоришь — купаться!.. Скоммуниздили!!! Утартали!!!

— Не паникуй. Недалече утартали.

И с этими словами киваю ему на ведро.

Сержантик так и сел на пол.

— Мама родная! Огнетушитель мой... лобчика моего куда спровадили! Да кто ж в ополосках вину охлаждение даёт?!

Вбежали на кухню Аннушка, Валерка.

— Вот! — сержантик горестно показал Валерке на фунфырик в ведре. — Кимоно-то херовато... Полюбуйся! Вот так ёперный театр! Узнаёшь марку своей милой картинки?

— Ты что за моду выводишь? — громыхнул мой на меня. — За неё ж деньгура плачена. Я платил не один. Человек вот тоже платил, — тычет глазами на сержантика на полу.

— Да! Платил! — взвизгнул сержантик. — И своей родненькой копеюшке я не дам в помоях утопнуть, магнит тебе в сумку!

Сержантик схватился с полу, спешливо выдернул бутылку из ведра. С бутылки грязно стекало. Сержантик держал её над ведром, тихонько завстряховал. Силился смахнуть с пробки зелёную тяжёлую соплю, что плотно покрывала весь верх бутылки. Сопля не съезжала, приваренно сидела.

— До чего ж и благородное ёбщество... Это ж какая кадра со

всей дури такими кидается!? — гнусил сержантик и спихивал соплю книзу спичечным коробком. — Серёжик, что ль?

— Да не позорься, тормозок... Бросил бы? А? — робко проговорила Аннушка. — В опойцы¹⁸ рвёшься? Набежал на радость — пить за здоровье козы!

— А чем тебе коза не угодила? Тем, что спасает своим молоком твоего же сынка?

— А! — в печали отмахнулась Аннушка. — Пьёшь, пьёшь за чужое здоровье — своё потеряешь! Бро-ось...

— Пробросаешься! И скоро! Закрой, тараканья титька, свой борщехлёб и не греми крышкой! Сразу видать, нету в тебе моей закваски... Я не пьянчуган... Но за что платил — помру, а употреблю! За что плочено, то и проглочено! И потом... У нас же с Валерой сегодня праздник! Подвиг какой положили! Спасли соседке козу, чьё молочко попивает наш же Серёжик. Спасли! Как такое событие не обмыть? Украдут снова... Я спасать и за миллион не побегу!.. Козушку спасли... Воруго в ментовню под расписку сдали... Подвиг! За подвиг не разгерметизировать бутылочку... Это не преступление?

Я не понимала, ну как это можно так обмирать по вину. Сержантик ополоснул бутылку чистой водой. Вытер. Прижал к груди. Погладил:

---

¹⁸ Опоец - человек, умерший от перепоя

— Беденькая... Нету у тебя тут защитничков. Одни чёрные изменщики!

Посмотрел литровичну на свет.

— Хорошо, что хорошие пробки делают. Сколь на заводе влили, ни граммочки ни убавилось, ни прибавилось... Пробки у нас хорошие. А вот народец, — повернулся он ко мне, — антисознательной... Конечно, кое-кто... кое-где... Вот приведи сюда народный контролио... По головке не поглядит за таковский выбрьк. Кидаться целыми фугасками! Вот кто за этой чёрненькой-зелёненькой стоит? На-род! И на-род хоро-ший! На-род растил яблоки... Собирал... Вёз... Мыл... Гнал... Разливал... Вёз... Продавал... Поку... покупал, — ткнул в себя пальцем, в Валерку. — И возради чего? Чтоб в помойном ведре утопить славный путь? Не-е... Я, конечно, извиняюсь, господа милые, но раз я платил свои ноль пять, я свою долю и употребляю...

Пупком, с верхом, набухал два гранёных стакана.

— Здравствуй, стаканчик, — он поднял стакан над собой, посмотрел его содержимое на свет, — прощай, винцо!

В два глотка выпил на лоб. До капли. Страшно удивился:

— Валерк! А ты чего не берёшь? Чего не приступаешь к процессу? Кончай этот придурёж! Что, в отстающие, пардонно, в хорошие метишь? Меть не меть, а знак качества на лобешник не пристукнут. Бу спок!

Валера не потянулся к стакану. Не полез в объяснения.

Смолчал, будто и не слышал.

Радость за Валеру полоснула меня по сердцу.

— Я за Валеру! — Схватила полный стакан и шварк всё в ведро. — Косорыловке мы не кланяемся!

— Хо-хо... Негоже, фигура ты из-под Кунгура, так обскорблять винишко. Не кланяешься, ну и не кланяйся... Но обскорблять... Швырять вместе со стаканом в ведро... Это приравнивается к оскорблению присутствующих дорогих мужчин... Таковую горечь, Валера, только горьким и запить. Прими, дружа, посошок и адью...

— Я — мимо, — отказался Валера.

— Ну и глупо. Какой же ты лидер в семье, раз не можешь своей дать душе выхода? Всё поглядываешь, как жен-на...

— На то и женился — поглядывать...

— Ладушки... Боишься... Как это про вашего брата десантника поют?... Десантник, как дорогой сервиз, может упасть и разбиться! Во!..

— А чего бы мне бояться?... И вообще, стройбата, ты на нашего брата не пуржи. А то навсегда останешься загадкой для хирурга.

— Чем угрожать, лучше б выпил...

— А насчёт выпивона и тебе не мешало б посбить аппетитец... Не можешь сам, поможем... Знаешь же... Прыжок — дело добровольное. Хочешь — прыгай. Не хочешь — выголкунт.

— Мда-а... «С парашютом шутки плохи, у него нет чувства юмора». — Сержантик слабо вскинул руки: — Кошматерный переплётёц... Без боя сдаюсь... А всё равно... Неудачник ты, бедун... Потому как жизнюка будет у тебя как у седьмой жены в гареме... Жа-а-аль... Жаль мне тебя. Вот ты при хорошей при своей половине сидишь облизываешься... Манит же употребить... Не может не тянуть... По себе знаю. А ты — ша! Великий пост, товаришок стакановец! Ну, неучтивец, сиди говей да взглядывай. А я при плохой при своей стаканами витамины, — сержантик запоздало приподнял стакан с вином, — витамины жизни принимал и буду... При-ни-мал и бу-ду... При своей плохой...

— Что ты, горелый кольшек, керкаешь? — завозражала Аннушка. — Кончай гнать пургу! Плохая да плохая... А я вот, пианис, посмотрю-посмотрю да и себе подамся в хорошие. Ну кому в охотку бегать в плохих?

14

Тихо поедешь — беда догонит, шибко поедешь — беду догонишь

Наведывал меня Валера нечасто. Служба, она и есть служба. Как вырвет когда часок, вымолит у капитана, так и ко мне.

Приходит раз, я и говорю:

— По твоим подсчётам, месяц тебе до дембеля. В чём будешь форсить на гражданке? Не в форме же... А давай сделаю я

тебя модником. Давай купим тебе джинсы. Это тебе и сувенир будет. Как-никак шьёт их наша Верёя.

— Шьёт? Что ж там шить? Рвань рваниной! На коленях, на задку вытерто до последнего. Зато цена кусается. Двести рэ! Да не лучше купить пятеро шерстяных? До второго пришествия хватит!

— Да-а... Не сделать тебя современным. Не сделать...

— И не гадай.

Дня три отсложилось после этого разговора.

Заявляется Валера весь счастливый, сияет начищенной пуговкой. Картинно подбоченился мой запевуха:

Ехала машина

Тёмным лесом

За каким-то интересом.

Манит пальчиком хитро так.

Инти... инти... Интерес,

Выходи на букву эс.

— Я-то вышла, — напугалась я. — Да ты вот что, пельмень худой? Сбежал и употребил где?

— Никаких употреблений! Я выпал из меридиана!¹⁹ Дембель я через неделю! Ополченец!²⁰ Прибыл вот вас, Галина Ивановна, проинформировать.

— Да тебе ж ещё месяц!

— Это мы с тобой, веселуха, так считали. А начальство по-своему сочло, женатиков наперёд

¹⁹ Выпасть из меридиана — демобилизоваться

²⁰ Ополченец — отставной казак

пустило... Примерное прилежание, то плюс сё... Так что скоро в родную сторонку попылим.

Я и вовсе пала духом. Потерялась. То я думала про себя: не сегодня, не сегодня, а там, гляди, может, само собой перемелется. И дотянула до крайнего дня.

— Ну чего ты вся кислая?

— Ты прокислил.

— Че-ем?! Едем же с тобой домой! Аля-улю на Губерлю! Кончилась моя срочная служба!

— Да моя только началась... После распределения отлилось лишь четыре месяца... А я три года как из пушки отдай!

— Трагедия! В Белых отдашь.

— Да не-ет... Я так подразведала... Отдавать надо там, куда послали...

— Ты рассуждаешь, как полутурок...²¹ Не хочешь ли ты сказать, что все эти три года я должен скакать при тебе, как казачок?...²² А Ключи?... На неделе тамошний директорию напомнил про наш с ним уговор. Я обещался вернуться. А он к моему возвращению выставляет мне новый трактор. Зовёт. Приезжай, пишет. «Уезжал ты со старого, а вчера вот получили три новых. Один записан за тобой. Стоит, ждёт...» Понимаешь, стоит, ждёт меня! Доехало?

— Всё это прекрасно. Класман! Но ты в некотором роде женат. Ты подумал про меня?

И что, разве здесь не найдётся тебе какой завалищий тракторишко?

— Чики-пики! Да на что мне завалищий? Новенький ждёт! Но-вень-кий! Там я буду каждый день выходить на четвертной, а ты — завалищий... Кто от добра отпрыгивает? И потом, старики дома одни, здоровье подтопанное. Хорош же я буду сынуля, если прикисну на чужой стороне. Не-е, — смотрит на часы у себя на руке. — Мне пора. А ты иди, копи в бегунок автографы. Чтоб как штык была готова в дорогу. Да, чуть не забыл в суматохе... Бей телеграмму своим. Пускай потихоньку готовятся... Накроем поляну! В Ключах сыграем по-людски широкую свадьбу! Или мы нелюди?

15

Чужая беда не палка в поле

Я к Визиреву. Визирев вроде того и не против.

Грозной силы я не представляла, конечно, и особой нужды в бухгалтерях Верей не испытывала. Чувствую, Визирев хоть сейчас махнёт свою закорючку мне в бегунок.

— Только вот, — скребёт верхом ручки себе затылок, — что скажет-то наша глубокоуважаемая Мидия Сергеевна? — За глаза он на свой лад величал Лопачёву. — Она у меня правая финансовая рука. За ней тут последнее слово.

И под строгим секретом выпел такое... Оказывается, когда

²¹ Полутурок — политрук

²² Казачок (здесь) — полевая блоха

я сошлась с Валерой, Лопачёва прибежала к Визиреву, закатила такой концерт! Не пуцу и не пуцу!.. Пену разбросала по стенам, по столам и гордо, с чувством свято исполненного долга удалилась.

— Вся беда в том, — продолжал смущённый Визирев, — Лопачёва — я её за язык не тянул, — как-то выронила, что влюблена в вас, как дурочка, в первый раз.

Меня всю так и переклинило от этой новости:

— Я что-то этой любви не заметила... Каюсь...

— Влюблена всерьёз и надолго, — подтвердил Визирев. — Влюблена с первой минуты...

Припоминаются бесконечные лопачёвские уговаривания жить у неё, попреки, что вот-де на кресло-диван потратилась напрасно, купила особо для меня...

В самом деле, почему я таки не перешла к ней жить? Не хотелось превращаться в куклу, в домработницу? Бывало, только сунешь к ней ногу за порожек — протри пол, выбей половики, слетай в магазин... Ноги, видите, у меня молодые, пробежистые... Очень мне нужен этот шараш-монтаж.

— Ей нравится, — продолжал Визирев, — ваша исполнительность, дисциплинированность, аккуратность во всём. Дело своё знаете. Не только на счётах хорошо ходите...²³ Капризы свои не

выставляете, хоть порой нагружают вас работой не по профилю... А баланс, баланс, позвольте, какой? Получается, ваша беда — вы слишком хороший работник и просто как человек ей нравиться.

— Но я могу и разонравиться, если дело за этим станет. Не выйду на работу раз, не выйду два, вы и проститесь со мной по статье.

— О нет, голубчик, прощания не будет долгих три года! Видите, штука какая... Не имеете права выгнать вас. Что ни выкамаривайте, а мы будем вас лишь довоспитывать. Терпеливо, настойчиво. Вы же молодой кадр, в течение целых трёх лет никакой не могли грубости относительно вас!

— Ну, допустим недопустимое. Осталась я с мужем. Где прикажете жить? Впятером на семи метрах? Это что? Тоже так положено молодому специалисту?

— Голубчик! По части жилья мы ж договорились. Потерпите ещё месяцик-другой — у вас двухкомнатная в кармане!

— Велика ж двухкомнатная — в кармане вмещается... Жить-то как в кармане?

— Я про ключ, разумеется, от двухкомнатной. Ну что гонять из пустого в порожнее?.. Я хоть сегодня подмахну бегунчик, увидь на нём лопачёвскую царапину. Вот так, голубчик, да...

С тяжёлым сердцем уходила я от Визирева. «Ласковый, культурный ты, Визирев, — думала я. — Не зря в прошлом учитель,

---

²³ Ходить на счётах — считать на счётах

пускай и черчения. Черчить... Свиные извилины тебе покоя не дают... Вы говоришь. Вежливую показуху разводишь. А осадить, окоротить лопачёвщину, стать своей неповалимой властью поперёк безобразию — на это тебя уже недостаёт. Замерсикался, голубчик! Такая вот тебе наша виза...»

16

Два друга — буран да выюга

Лопачёва была в кабинете одна. Смеркалось. Тускло вокруг пустели столы.

Вся бухгалтерская рать уже разбежалась. Дело к вечеру, к пяти, клонилось. Все ушли. У всех семьи. И минуты не просидят сверх.

Вечерами Лопачёва всегда задерживалась в конторе. Здесь вроде и люди ходят дольше, и голоса чьи-то перекликаются, и сторож в углу молча чадит своей табачной соской. Оно хоть и неприятно, но дымоеда Лопачёва не гнала из своего кабинета. Мужиком живым воняет, всё живым. Не то что дома голые стены, какие-то изобильные, в массивных пронафталиненных коврах, чистых и мёртвых.

Горкой сидела Лопачёва в своём неохватном кресле (прежде Лопачёва сидела на двух стульях сразу — вот слониха! — и стулья вечно и бесславно гибли под нею; потом по спецзаказу для её ста двадцати кило жира и лени соорудили это дубовое кресло), тупым

бугорком возвышалась едва над зелёным простором огромного стола. Было в её фигуре что-то зловещее, роковое. Она еле-еле входила, трудно впахивалась в своё раздольное кресло — пока такую обойдёшь, пряник съесть можно, — и кресло это было ей по самой поре, даже несколько тесновато: сидела она в нём плотно, в самый притык, так что бока развисли—разлились по подлокотникам, отчего казалось, что она вросла в это кресло, в эту дубовую крепь, или кресло выросло из неё, выросло потом из неё ножки стола и весь стол. Она так шла к этим руководящим атрибутам, что мне примерещилось, будто и кресло, и стол, и сама Лопачёва составляют некое единое тело, единый организм, громоздкий и неживой.

Подошла я к Лопачёвой и в нерешительности запереминалась с ноги на ногу.

В сумерках слышен лишь робкий постук моих каблучков.

— Кончай звенеть копытами! — озлилась Ли Се. — Садись!

Я примостилась с краю на табуретке у лопачёвского стола, как воробей на колёшечке.

— Подписать, что ли? — чело-век-кресло-стол Лопачёва лениво посмотрела на мой бегунок. — Кидай сюда.

Протянула медуза руку в мою сторону. Не выдержала веса своей тяжёлой руки-полена, через мгновение уронила на стол, но не сняла печально-безучастных глаз с круглого зеркала,

прилаженного перед на нею на столе у перекидного календаря.

Я вложила её в руку обходной лист.

Всё так же не отрываясь от зеркала, Лопачёва начетверо сложила лист, лениво разорвала и тоскливо сронила клочки в пепельницу (Лопачёва курила). Подожгла.

— Что вы делаете? Это ж документ! — вскрикнула я.

Лопачёва молчала, как колышек в плетне.

Только потянула согреть зябкие руки у нечаянного костерка. Видимо, тепла он ей никакого не давал, и она утянула холодные руки за стол, безучастно смотрела, как чёрно корчился бумажный огорок в пепельнице. Дождалась, когда всё прогорело, смахнула пепел в сорное ведро.

— И чтоб больше никакой говорильни на эту тему в ближайшие три года. А теперь, подружка, слейся с моих глаз. Сокрыться.

Глухая злоба колыхнулась во мне.

— Да не-ет. Никуда я, пельмень худой, не пойду, Лидия дорогая вы Сергеевна. У меня муж. Я еду к мужу!

— Пожалуйста, «дилетантка очень высокой квалификации». Через три года. И закон, кажется, то же самое гласит? — повысила она голос.

— А что вы подымаете на меня свой вокал? — отхлестнула я. — Не знаю, что там голосит ваш закон, а наш ясно говорит:

не разлей мужа с женой! Тоскливые у вас свычайи-обычайи... Я четыре у вас месяца. А хотько день занималась прямой своей работой? То подменяла учётчицу на ферме. То на картошку на всю осень спровадили... Ударная девочка на побегушках... И часу ж не крутилась в своём деле!

— Ба-ба-ба! Что за крамбамбули ты несёшь? Заверни свой краник и смалкивай вежливо. Так оно лучше. Надоела мне твоя достаёвщина! Многим хочется очень многое... Да если каждый будет требовать должностя, то что будет? А куда посылают, туда и лети!

— И что, все три года буду на побегушках?

— А ты думала, с первого дня дадут тебе главного?

Лопачёва сдула с указательного пальца прилипшую чернилку с моего сгоревшего обходного листа.

Ломливо погладила стол:

— К глубокому сожалению, это место, увы, уже занято. Сочувствую. Но помочь ничем не могу.

Я поняла, криком дела не сваришь.

— Ну чем я вас подпекла? — тихо спрашиваю. — Ну на что я вам? Других, слышала, вы отпустили сразу. Без звучика. Загсо-вы чернила ещё не высохли. А вы уже подмахиваете бегунок.

— Так то другие молодые дарования... Не знали дела. Не слушались. Не подчинялись...

— А разве я так не смогу? — Сомневаюсь.

— Ну, давайте миром порассудим. В бухгалтерии у вас людей, как мошки набито. Прекрасно обходитесь без меня.

— Ну и что из того?

— Без нужды держать человека... Я думаю...

Лопачёва перебила меня:

— Это что-то из новой ёперы. Она, видите, думает! Не-ет, милоха. Уж будь добра, не утруждай себя думами. Оставь эту печаль начальству, — большим пальцем Лопачёва указала на себя. — В конце концов начальству за это платят. Начальству по штату думать положено. Оно за тебя давно подумало и говорит тебе: есть штатная единица — сиди заполняй. Хоть во всю неделю и палец о палец не ударишь. Сидеть, единичка! И втиши!

— Но это же расточительство!

— Там, — Лопачёва дёрнулась головой кверху, — как-нибудь да разберутся, где расточительство, а где рачительство. Раз направили, сиди не высывайся. Эх, пионерочка, жалко на тебя смотреть... Ох и помнёт тебя жизнёнка... Помнёт-от... Постешет углы, обкатает, как гальку... Навоешься... А не лучше ль, кукуй в моём затишке и не высывайся?

— Уж этого-то, Лидия вы Сергеевна, я вам не обещаю!

— И напрасно, — лениво возразила Лопачёва. — Картошку, капусту, свёклу добили. С завтрава гарантирую райское тебе житьишко. Работы по существу

никакой. Лишь требуется аккуратное, железное присутствие в бухгалтерии с восьми до пяти. Как-никак, дисциплину труда почитать надо.

— Неужели вы всерьёз считаете, что вовремя упасть на конторский стул и без дела просидеть день — это и есть дисциплина в труде? Я такую дисциплину не понимаю и не признаю. Дисциплина нужна не только на работе. А разве в отношениях между людьми не должно быть дисциплины? Вот я здесь не нужна. Что же молчит дисциплина вашего здравого рассудка? Что же она не прикажет вам отпустить меня туда, где я нужней?

— Есть ставка — спокойненько получай и не разводи сырую демагогию. Сопи в две дырочки да смалкивай.

— Будь я нужна у вас позарез, я бы и мужа оставила здесь. Никуда б отсюда и сама не только в ближние три года. А так... Я ж вам нужна как собаке боковой карман... Без толку протирать стулья, ни за что получать — душа не подымается. Не могу и не хочу!

17

Товар лицом кажут

На нашей свадьбе в Ключах к нам с Валерой подсел тамошний директор. Сполоснул уже зубы. Весёлый.

Тронул Валеру за плечо.

— Ты что такой — одни мослы? Наставившим уши соседям

по застолью певуче, с поклоном велел:

— Кушайте, кушайте, гостюшки дорогие... А ты, — тряхнул Валеру за локоть, — а ты, солдат, ешь! Набивай для молодой жизни мускулы. Брюхо лопнет — наплевать. Под рубахой не видать!

Застолье грохнуло.

Отвеялся директор от смущённого Валеры, клонится верхом ко мне. Ну, думаю, пошёл на собак сено косить.

— Невестушка, — закидывает крюк, — это правду брешут, что ты бухгалтер при дипломе?

— Правду.

— Кого судьба заслала! Всю жизнь горел иметь хоть одного грамотного бухгалтера. И вот он предо мной! У меня ж в бухгалтерии один излом да вывих. Форменный инвалидный батальон! Главный, Петрович... Этого война опустила без ноги... Грамотёшка кой-какая наличествовала. Вилы в руки не сунешь, пристегнул в бухгалтеры. И прочие-иные... Дефект какой, изъян какой при человеке — в поле, на ферме человек этот не работник. А коли может этот человек без грубой ошибки сомножить два на два — в бухгалтеры-учётчики его! Петровичу недалеко до пенсии. Дохлопывает последний годок. Постажируешься пока у Петровича в замах. А там ты и есть сама главная. Считай, подписано. С послезавтра, с понедельника, ты у меня в штате!

— На беду, в понедельник мне отчаливать одной назад в Верею.

— От живого мужа? Ёжки-мошки! Да какие это барышни тебя, поскакушка, туда манят?!

— А такие барышни, что целых три года выщелкнуло нам с Валерой жить подврозь. Он здесь, я там... Будем по праздникам друг к дружке наезжать.

— Это какой же закон такое узаконил, чтоб жена видала мужа только на праздники? Зараз мы...

Зарыскал директор глазами меж гостей, приискивал кого-то. Выхватил нужное лицо, кликнул мою московскую тётушку, сидела чуть наискосок по ту сторону стола.

«Подь, подь-ка на момент!» — позвал пальцем.

Тётушка чинно возложила на краешек тарелки вилку с надкушенной кружалкой огурца, поправила на бёдрах платье и переломилась над столом, готовно надела ухом.

— Гостюшка, как донесла наша колодезная разведка, вы жэковский прокурор...

— Всего лишь председатель товарищеского суда, — поправила тётушка.

— Товарищеского... дружеского... Главное, при правосудии кувыркаетесь. Так вот, товарищ судья, до точности надо знать... развяжите такой узелок. Наша невестушка, — кивнул на меня директор, — принуждена послезавтра спокинуть мужа на три года. Разве это порядок? В этом году она кончила техникум и обязана, как я слышал, на три года

отбыть туда, куда попала после учёбы по распределёвке...

— Мда-а, — строго сказала тётушка.

— Что, — в нетерпении подготавливает директор, — тут и зацепиться не за что? Судьбе и зацепиться не за что! — и удивился, и ласково возмутился директор. — Надо подумствовать... Думайте, — зашептал наставительно, — как его повернуть всё так, чтоб Валерий Батькович и на день не терял жену, а я золотого работника. Вы слышали присказку про закон и дышло?

— Может быть...

— Вот и поворачивайте, поворачивайте... Такая моя скромная хотелка... Выводите наши Ключи из беды.

С разгоравшейся гордостью на лице тётушка важно задумалась и, кажется, надолго.

Директор в горячем спехе вскинул руку.

Весело-торжественно объявил:

— Считаю до трёх. Раз! — коротко и резко, будто рубнул, опустил руку. — Два-а... Два с половинкой... Два с четвертью... Два с верёвочкой... Два со шпагатом... Два с ниточкой... Два с паутиночкой...

Тётушка покосилась на детски-всполошённого директора. Спросила меня: — Ты много там уже наработала?

— Четыре месяца.

Тётушка жалеюще всплеснула руками.

— Нашли об чём убиваться!

Да такой стаж не грех и подарить! По-свойски, дружочек, советуую... Чтоб туда не кататься... А можешь и поехать... Внагляк кинь им там на светлую память или на растерзание, это уж как угодно, свою трудовую книжку. А в Ключах оформят по-новой.

— Хоть сей секунд! — подтвердил директор. Был он страшно доволен. Аж шуба заворачивается! — Правильные слова говоришь. Только броневика под тобой не хватает!

Наверное, кто-то из свадебщиков вышел и не закрыл плотно дверь. Холод ударил мне в лицо. Я зябко поёжилась.

— Не дрейфь, светунец-дружочек, — успокаивает директор, — я под статью не подпихну. Причина у тебя уважительная. По графе молодо-зелено всё спишется.

Одобрили тётушкин вариант домашние.

Решено: в последний раз еду я в Верею. Выпишусь в милиции и обратки.

Но почему мне нерадостно?

Не знаю...

Конечно, то, что я больше не буду разлучаться с Валерой, скачет в плюс.

Но сколько у этого плюса минусов? Бросить трудовую книжку, сбежать, начать жизнь, как бы сказал Визирев, с грязной строки?

Не знаю... Как всё это ни назови... Побег же!

Хотя с другой стороны, если спокойно рассудить, правда моя.

Ну в самом деле, где я нужней?

Там бухгалтеров как собак нерезанных. Всё с дипломами! Воон за сколько времени и на день не воткнули в работу по специальности. Всё дырки затыкали мной. Сбегай туда, слетай сюда... Мол, присматривайся к делу с расстояния. А когда будешь у самого у дела? Неизвестно. А в Ключах нет и одного дипломированного бухгалтера.

Тут и дурик скажет, где я нужней.

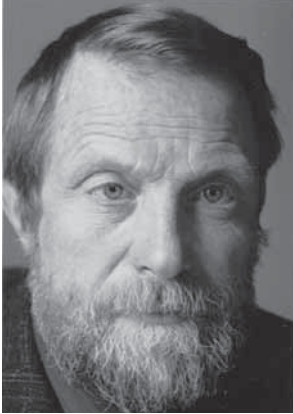
Всё повернулось лучше не придумать.

Визирев мне сказал:

— Твои адвокаты в Ключах ни шиша не знают законов. Вышла замуж — вольная птаха. Летишь к мужу в любой момент. Твоё право! Правда есть, её не съесть. Так что спокойно оформляй расчётёишко. Одному началу, конечно, не два конца. Напрасны были твои опасения!

В Ключи я возвращалась с чистым сердцем.

*В сентябре этого года исполняется
80 лет автору известного романа
«Оренбургский платок»
Анатолию Санжаровскому.
Редакция журнала «Гостиный Дворъ»
поздравляет Анатолия Никифоровича с
юбилеем и желает ему хорошего здоровья
и новых творческих удач!*

Михаил ЧВАНОВ

СОВЕСТЬ РОССИИ

Памяти В.Г. Распутина

Михаил Андреевич Чванов родился в 1944 году в д. Старо-Михайловка Салаватского района (БАССР). Окончил филологический факультет Башкирского государственного университета. Работал в молодёжной газете, разнорабочим на стройке, спелеологом. Писатель, секретарь правления Союза писателей России. Автор более 20 книг прозы и публицистики, лауреат многочисленных международных и Всероссийских премий, в том числе Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» (2018). Учредитель Аксаковского фонда, мемориального дома-музея С.Т. Аксакова в Уфе, организатор ежегодного Международного Аксаковского праздника. Живёт в Уфе.

Всю глубину этой потери, как и в случае с Вячеславом Михайловичем Клыковым, мы ещё долго будем осознавать. Центральные СМИ, ещё в полную меру не освободившиеся от леволлиберальной болезни и в течение десятилетий не пускавшие его на экран и на полосы газет, отозвались на его смерть в весьма сдержанных тонах: умер известный русский писатель, яркий представитель деревенской прозы, словно в определении «деревенский» есть что-то уничижительное.

На столе передо мной программка Иркутского театра юного зрителя. Спектакль «Прощание с Матёрой». На ней рукой Валентина Григорьевича Распутина: «Приезжай, Миша, в Иркутск ещё, а я приеду в Уфу. 7 октября 2003 года». Приехав в Уфу на церемонию вручения ему Аксаковской премии, он подарит мне свою книгу «Сибирь, Сибирь...»

в соавторстве с фотохудожником Борисом Дмитриевым с надписью «Мише Чванову дружески, в надежде на сибирские встречи».

Так мы поочередно ездили друг к другу. Впрочем, в Уфу он приезжал не ко мне, а к Сергею Тимофеевичу Аксакову. Валентина Григорьевича Распутина отличала великая скромность. Однажды на каком-то большом общественном форуме, кажется, на одном из съездов Всемирного Русского Народного Собора в своём выступлении я назвал его великим русским писателем, в перерыве он резко отчитал меня за это, наверное, никогда я не видел его таким возмущённым: «Не нам с тобой судить...». Несмотря на многолетнюю дружбу, я долго не мог перейти на «ты», что его раздражало. Не скрою, с большим трудом, как и в своё время Василия Ивановича Белова, ставшего первым лауреатом Всероссийской Аксаковской литературной премии, мне удалось уговорить Валентина Григорьевича приехать на Международный Аксаковский праздник, даже они поддались лжи, усердно выливаемой в 90-е годы на Башкирию, как на рассадник сепаратизма и антирусских настроений. Приехав, он, как и Василий Иванович Белов, полюбил Башкирию и, несмотря на чрезвычайную занятость, болезни и на то и дело сваливавшиеся на него беды, он приезжал ещё несколько раз. Он полюбил Уфу, завидовал её ново-

стройкам, в противовес Иркутску, где строительные краны тогда были большой редкостью, любил после торжественного Аксаковского вечера в Аксаковском народном доме в одиночку, наедине со своими мыслями, в сумерках, под шорох листопада обойти дом, в котором Сергей Тимофеевич Аксаков провёл своё раннее детство.

Два человека, которые «сломали» мою жизнь, выбили её вроде бы из сложившегося в мои тридцать с немногим лет течения жизни. Это — великий печальник славянства, президент Международного фонда славянской письменности и культуры, духовного восприемника созданного И. С. Аксаковым Московского славянского комитета, сыгравшего огромную роль в освобождении Болгарии, Сербии и Черногории от 500-летнего османского ига, выдающийся скульптор Вячеслав Михайлович Клыкков, положивший свою жизнь, как и И. С. Аксаков, на попытку духовного объединения разорванного славянства перед нынешними и грядущими общими бедами. Другое дело, нужно ли это было славянству, которое ещё в древности почему-то разбежалось сначала на южных, западных и восточных славян, потом каждая ветвь снова разделилась, и по сей день славянство всё делится и делится, порой в кровавых «братских» междоусобных разборках, а некоторые братья-славяне вообще пытаются отказаться от славянства, как от

заразной болезни, придумывают себе на уровне шизофрении мифических предков, вроде укров. Будучи неисправимым идеалистом, Вячеслав Михайлович Клыкков сгорел на славянской идее. Глотая горечь братского славянского раздора и постепенно освобождаясь от сидящего внутри меня славянофила, я проеду и пройду с Клыкковым и уж без него по славянским странам, стану свидетелем, как спасённые Россией по зову И. С. Аксакова брагушки-болгары будут бегать по Русскому проспекту в Софии с транспарантами «Лучше турки, чем русские», и 500-летнего турецкого ига, оказывается, не было, освобождая от которого Россия положила на чужих полях сражений почти 300 тысяч своих солдат и добровольцев, в школьных болгарских учебниках уже будут писать, что было не что иное, как «благотворное турецкое присутствие». При мне на памятнике Алёше-освободителю в Пловдиве будут малевать чёрной краской: «оккупант», а супердемократическая газетёнка с так знакомым нам ленинским названием «Искра» выйдет со статьёй «Кирилл и Мефодий — греческие агенты, внедрённые в болгарское самосознание». Я окажусь в пекле страшной межславянской войны в Югославии, где, защищая одних славян от других, снова сложат головы русские добровольцы, а под занавес её брагушки-болгары радостно предоставят свои аэродромы под

самолёты НАТО для удобства бомбёжек сербских городов... Кстати, умер И. С. Аксаков — не выдержало, разорвалось большое сердце — от вестей, что только что освобождённые Россией от турок болгары и сербы начали войну между собой. О сегодняшнем славянском братстве умолчу.

Второй человек, кто «поломал» мою судьбу, изменил её вектор — Валентин Григорьевич Распутин, не менее великий печальник Земли Русской. Наверное, у него не менее, чем у Клыкова, болела душа по братьям-славянам, и друзей среди братьев-славян было у него не меньше. Но он полностью был согласен с выводом И. С. Аксакова, который тот сделал и выразил в письме к родным из Черногории во время путешествия по славянским землям, вывод, который, как никогда злободневен сегодня: «Я вообще убедился, что только одно есть действительное средство поднять славянский дух в прочих угнетённых племенах, — это чтобы сама Россия стала Русью: этот один факт, без всякого вмешательства политического, без всякой войны, оживит и направит на путь дух прочих онемеченных, обитальяненных, офранцузенных, отуреченных племён славянских...» Обжёгшись на идее славянского единения, Валентин Григорьевич напишет горькую статью. «Что дальше, братья-славяне?», он скептически относился к моей «славянофильской» болезни: «Зря убиваешь

время. Достоевский всё сказал по этому поводу. Надо восстанавливать Россию!» И, руководствуясь этим постулатом, В. Г. Распутин свою жизнь положил на то, чтобы Россия стала Русью. Тогда стрелка духовного компаса братьев-славян сама собой твёрдо развернётся на Россию, а не будет метаться растерянно из стороны в сторону, а то и вертеться по кругу, как это бывает с компасом на Северном полюсе.

Не помню уже, когда и где, но, точно, на одном из первых праздников славянской письменности и культуры в 80-е прошлого века, который мы: Международный фонд славянской письменности и культуры и Союз писателей России (зачинателем праздника в России в своё время был опять-таки И. С. Аксаков) тогда возрождали, и инициаторами и знамёнами его были Клыков и Распутин, власть только потом присоединилась к нему, сделав его официально номенклатурным, я, выбрав момент, подступил к Валентину Григорьевичу:

— Приближается 200-летие со дня рождения Сергея Тимофеевича Аксакова, которого до сих пор мы стесняемся назвать великим писателем. Ну, может, отметят юбилейным вечером в ЦДЛ или Доме союзов, а дальше — до следующего столетия? А его сыновья: Иван, Константин, на которых повешен ярлык: «славянофилы», это у нас ныне вроде ярлыка «враг народа». Нужно создать какой-то общественный

комитет, который поставил бы во главу угла своей деятельностью — возвращение России этих славных имён, что они не только прошлое, но и настоящее, и тем более будущее России... Может быть, Вы возглавите такой комитет или общество?

— А почему всё должен возглавлять я? — неожиданно резко спросил Валентин Григорьевич.

— Ваш авторитет...

— Аксаковы — сами по себе авторитет, — прервал он меня. — Создай!.. И возглавь...

Уже позже, остыв, он подошёл ко мне:

— Ты прости, что я так резко. Но все ко мне с одним и тем же: возглавь, создай, реши, помоги.... Если возглавлять, значит, надо, засучив рукава, работать, а роль свадебного генерала я не приемлю, и я не семижильный, один только Байкал почти все силы у меня отбирает. Приходить обивать пороги. И не очень-то ко мне прислушиваются... Аксаковы — дело святое, начни. А Иван Аксаков нами ещё не прочитан, в некоторых вещах он глубже Достоевского. Это — глыба. Какая потребуется от меня помощь, обращайся...

С тех пор прошло почти тридцать лет. И ордена у меня есть: и государственные, и церковные, и престижные премии, но главной наградой для меня было и, наверное, останется, когда Валентин Григорьевич, приехав на очередной, уже Международный Аксаковский праздник, совпавший

с 10-летием созданного мной со своими единомышленниками Аксаковского фонда, в книге отзывов и пожеланий напишет: «Из всех фондов, которые я знаю, Ваш весь на виду — делается так много и открыто. С такой любовью и радением, что берёт добрая зависть: можем, умеем, делаем не для себя и своего круга, а для России, для её будущего...» (К тому времени уже стал первым лауреатом Всероссийской литературной премии им С. Т. Аксакова, учреждённой по инициативе Аксаковского фонда, Василий Иванович Белов, был создан Аксаковский историко-культурный центр «Надеждино», в который вошли восстановленный из руин Дмитриевский храм, возрождённый на пепелище усадебный дом, в котором был открыт музей семьи Аксаковых, рядом встала школа народных промыслов, в Уфе была учреждена Аксаковская гимназия, Уфимским горсоветом были учреждены пять Аксаковских студенческих премий, Аксаковские дни прошли в Москве, в Белоруссии...) А на подаренном мне двухтомнике он напишет: «Михаилу Чванову от автора — с радостью, что есть на Руси такой человек, показавший, что и воин не один, и поле не одно...»

У всякого человека есть совесть, только у одних она спит или убита, у других — она объёмнее человека, в котором зародилась или которого для особой цели выбрал Бог, или наказал его,

потому что нелегко с ней жить, потому что она становится совестью и тех, в которых она чуть теплится. Валентин Григорьевич Распутин был совестью не только умирающего Союза писателей России, сообщества людей, претендующих на совесть России, но у многих из которых у самих проблемы с совестью, но есть, часто не соответствующий таланту и мирским делам, избыток гордыни. Валентин Григорьевич был совестью всей России. И славянского мира тоже, в трудные, роковые для себя годы славяне вспоминали о нём, тоже просили: помоги, возглавь, спаси... В страшные 90-е годы Новой Русской Смуты дух русского, российского народа поддерживали два светоча: писатель Валентин Григорьевич Распутин и иерарх Русской Православной Церкви митрополит Петербургский и Ладожский Иоанн, страстные книги-проповеди которого, похожие на статьи Распутина, по сей день под негласным запретом официальной Церкви, она как бы извиняется за резкость и публицистичность их, призывающих не только на молитву, но и на борьбу с захватившим страну злом. Валентин Григорьевич Распутин никогда не перекрашивался. В советское время, когда, уничтожая русское, утверждалась некая советская общая национальность, он был принципиально русским, за что его, мягко говоря, недолюбливали власть и так называемая советская интеллигенция,

состоящая преимущественно из представителей «малого народа», назначившего себя, как мечтал Ленин, мозгом и совестью большого русского и всего российского народа. В постсоветское время, будучи по-прежнему русским, Распутин принципиально не отказался от принадлежности к реликтовому советскому народу, который, перемолов навязанное зло, остался русским и был далеко не худшей частью человечества. Леволиберальная антирусская, антироссийская интеллигенция втихую ненавидела Распутина, не успели опустить в могилу гроб, как уже появились пакостные статейки о нём. Другие, вроде бы свои, по глупости подпевали им. К примеру, один региональный информационно-аналитический еженедельник, выходящий под девизом «Сейте разумное, доброе, вечное!», в коротком сообщении о смерти В. Г. Распутина то ли по глупости, то ли по изощрённости пакости возвещал: «Распутин был приласкан властью во все времена, он был удостоен практически всех возможных в стране наград и премий». Что касается первого утверждения, то это, мягко говоря, не совсем правда, что касается второго, действительно ещё в советское время был он удостоен многих правительственных наград и литературных премий. Да, советская власть вынуждена была с ним считаться, цензура была бессильна против него, она по большому счёту не могла ни к

чему прицепиться, грубо говоря, не могла ему, в отличие от прямолинейного Клыкова, пришить ни какую лагерную статью, своими глубоко художественными образами и средствами он сказал больше, горше о судьбе русского народа, чем, если бы выступал с трибун с политическими речами, хотя он не гнушался и трибун. Постсоветская ельцинская власть, хотя ельцинской она не была, Ельцин был лишь жалкой марионеткой у дорвавшихся до власти внуков и правнуков пламенных революционеров, его ненавидела, его отлучили от телеэкрана, от радио, она измывалась над ним со всей изощрённостью. Я не думаю, что это инициировалось из Кремля, скорее, было инициативой лево-демократических хунвейбинов. После того, как его однажды в Иркутске жестоко избili, потом переложив вину на сопливых хулиганов, но почему-то во всём квартале именно в это время оказались отключёнными телефоны, мобильных тогда ещё не было, и долго не могли позвонить ни в милицию, ни в скорую, леволиберальная пресса с сочувствием, сквозь которое явно просвечивалось злорадство, писала, что после перенесённой тяжёлой травмы головы у него не всё в порядке с рассудком и он уже ничего не сможет написать. Доходило до бытовых гнусностей. Однажды, приехав в Москву, я позвонил ему. «Да, я дома, жду, только по пути зайди где-нибудь в туалет, справь

большую и малую нужду». Я растерянно молчал, одесский юмор был не присущ Валентину Григорьевичу. «Да тут местные хунвейбины отключили у меня, как у красно-коричневого, свет, воду. Уже несколько дней не умываюсь, соседей без крайней нужды стараюсь не беспокоить, хожу по нужде в метро, в Союз писателей...»

Кто-то в прощальной речи над гробом назвал его истинным губернатором Иркутска, имея в виду его непререкаемый авторитет в городе и в области. Отчасти, может, это так, но только отчасти. Есть города, которые тащат за собой зловещий и зловонный след, не могут освободиться от ветхозаветной революционной заразы. Свердловском, несмотря на переименование, остался Екатеринбург, недавно там пышно отметили расширение Центра Ельцина, прямого последователя незабвенного для России Свердлова. В какой-то степени таким остался Иркутск, ссылаемые сюда в разное время враги России, включая декабристов, тоже не зря проводили здесь время.

Однажды, прилетев на организуемый В. Г. Распутиным праздник «Сияние России», я попытался отказаться от запланированной моей встречи со студентами и преподавателями тамошнего университета: военные вертолётчики предложили мне пролетать по маршруту страшного Ледяного похода Белой Армии под руководством легендарного

генерала Каппеля в Гражданскую войну, в войсках которого было много наших земляков, в том числе башкир, татар... Валентин Григорьевич, обычно мягкий, строго отказал: «Я пригласил тебя специально в расчёте на университет, в последнее время меня туда не пускают, определив черносотенцем. Туда никого другого я послать не могу, там нужен такой боец, как ты». Напрочь отвергнутый ельцинской властью, глубоко переживая за судьбу России, он мечтал не в Кремле, а где-нибудь наедине, лучше всего, на Байкале, поговорить о судьбе России с В. В. Путиным, который был для него тогда, как и для многих, тайной: то ли, набрав силы, до поры до времени тот вынужден был скрывать свои истинные представления о будущей России, то ли... Наконец это удалось. И именно на Байкале. При случае, также на Байкале, когда мы остались втроем на погибшей родине тогда ещё здравствующего замечательного русского писателя Л. И. Бородина, у которого за спиной были лагеря и тюрьмы за его русские убеждения, на бывшем полустанке Кругобайкальской железной дороги (я нашёл доску от некогда стоявших тут станционных строений, положил её на рельсы и попросил мимо проходившего мужика сфотографировать нас), я спросил Валентина Григорьевича, о чём они говорили с Путиным. «О России», — односложно ответил он. Потом добавил: «Больше я

пока не могу ничего сказать. Дал слово. Могу только сказать, что я несколько успокоился, хотя уже сколько раз обманывался, у меня появилась надежда, что впереди у нас свет, хотя будет очень тяжело, и не все его поймут».

Не только леволиберальной властью и её добровольными приспешниками Распутин был «приласкан» и «обласкан». Со стороны казалось, что он обласкан самой судьбой. Всю жизнь, можно сказать, словно в масле катался. Всегда на виду, на слуху, то и дело в разных президиумах, огромными тиражами на зависть братьям по перу издавались книги, ну и вышеупомянутые премии, конечно, опять-таки кое-кому на зависть, на него «сыпались». Но это только со стороны. Судьба настоящего писателя в России — всегда Голгофа, но в то же время — нет судьбы, нет писателя, ибо настоящие книги пишутся истерзанной душой. А талант, не более, как только средство.

Хотел ли он такой судьбы? Твёрдо могу сказать: нет! Всю жизнь он мечтал пожить тихо, спокойно, в ладу с близкими, с природой, наконец — с властью. Но Господь накануне новой русской смуты, о приближении которой тогда мало кто догадывался, почему-то избрал именно его, одарив сплошной чередой горьких потерь и обострённым чувством справедливости, стать одним из бесстрашных духовных защитников России. Уже в

раннем детстве Господь стал испытывать его. Хотя начиналось детство хорошо, более того, можно сказать, счастливое по тем временам было детство. В отличие от других детей, отец вернулся с войны, заведовал почтовым отделением, мать работала в сберкассе, словом, сельская интеллигенция, имеющая уважение и определённый семейный достаток. Но всё разом порушилось: у подвыпившего отца, возвращавшегося из райцентра, на пароме отрезали сумку с казёнными деньгами, денег было кот наплакал, но по тем жестоким послевоенным временам хватило, чтобы с огромным сроком загреметь на Кольму-матушку. Матери пришлось уйти из сберкасс. Тяжёлая работа в колхозе, трудодни-палочки, по которым ничего не получишь, трое детей. Как позже рассказывал Валентин Григорьевич, спасала тайга и река: рыба, грибы, ягоды, ловил бурундуков, их принимали в заготконторе, из них шили воротники, выдавая за беличьи. О голодной послевоенной детской безотцовщине Распутина мы знаем по пронзительному автобиографическому рассказу «Уроки французского». Более поздняя его биография осталась за кадром, она прямо не проявилась в его творчестве. Несмотря на широкую известность, он не стал публичным человеком, не только постороннего человека он не впускал в свою личную жизнь, его выстраданная биография глубоко запрятана в его книгах.

Что касается сына Сергея и дочери Маши, они не пошли по стопам отца, стали «нормальными» людьми. Нет печальнее распространённой картины, за редким исключением, когда у писателя дети, внуки — обязательно писатели, у кинорежиссёра — кинорежиссёры. Сын, Сергей, стал школьным учителем, дочь, Мария, музыкантом-органистом.

Одна из самых горьких потерь — под ликование фанфар ушла под воду рукотворного моря его родная деревня Аталанка. В громадные планы по строительству счастливого будущего страны она никак не вписывалась. Что касается её тихих жителей: лес рубят, щепки летят, и полетели щепки от топора в разные стороны. В судьбе родной затерянной в сибирской тайге деревни, в гибели сотен тысяч других русских деревень, не обязательно затопленных водой рукотворных морей, а исчезающих в результате так называемого укрупнения перспективных деревень, Распутин зримо увидел будущую вселенскую трагедию России, которую по дури или сознательно отрывают от корней, словно кто-то целеустремлённо и упорно осуществляет в одних случаях под звон фанфар, в других втихую план уничтожения сельской коренной России.

Подсчитано: десятки тысяч деревень погибло в послевоенное время в результате лево-троцкистских реформ, направленных на уничтожение русского народа.

Но цифры, как ни страшны они сами по себе, не отображают или не выражают всей сути и по сей день действующего сатанинского проекта. Пришёл ко мне однажды земляк, башкир, — а для меня все русские, кто болеет за Россию, — молодой учитель истории, с идеей поставить памятные или, скорее, поминальные кресты на территории нашего района на месте умерших, погибших, или, точнее, сознательно убитых русских сёл, деревень и хуторов. Почему-то болела у него, башкира, душа по ним — видимо, глубинным нутром понимал он, что вслед за русскими придёт конец и его, башкирским деревням.

— А есть погибшие башкирские, татарские деревни? — спросил я.

— Пока не погибло ни одной, за исключением нескольких случаев, когда переселяли из-за наводнений, строительства водохранилища, но это гибелью нельзя считать, при переселении ставили новые дома, у деревень сохраняли старые названия, — чуть ли не виновато пояснил он, словно извиняясь за гибель русских деревень, хотя оба мы понимали, что не его, башкира, в этом вина, и торопливо добавил, как бы успокоил меня, словно мне будет легче, что гибель ждёт не только нас, русских:

— И ныне власть: говорит одно, а делает другое, как при Хрущёве: убирают и из башкирских малых деревень школы, больницы. А ушла школа,

считай, деревня погибла. Народ спивается и по причине неясного будущего.

Пометили мы на карте района места погибших русских деревень, как назло, попавшими под руку декоративными булавами-крестиками. И они покрыли собой буквально всю территорию района, заслонив собой кружки и точки, обозначающие ещё живые деревни, независимо от их национальной принадлежности. Жутковатая получилась картина, наверное, с полчаса мы, потрясённые, представив на месте булавок могильные кресты, молча стояли перед картой родного района. И я представил: если вдруг отметить все погибшие деревни на карте России, картина откроется ещё более жуткая. И, если в соответствии с этой картой, на местах погибших сёл и деревень поставить памятные или, скорее, поминальные кресты, потому что только редкие, может, из этих деревень возродятся, то Россия будет представлять собой огромное от границ до границ кладбище, на котором то там, то тут будут вышатысь даже не города, малые и средние города тоже вымирают, у них даже звание «город» уже отобрали, они унизительно называются теперь городскими поселениями, а жутковатые космополитические мегаполисы, центры по обслуживанию газопроводов и нефтепроводов за границу, которые уже не Россия. А если ещё добавить нынешнюю «оптимизацию» образования, медицины,

вступление в ВТО, то скоро можно будет ставить на карте российских деревень последние кресты.

Мы, русские, практически уже почти все — сироты в собственной стране, потому что теперь почти ни у кого из нас, даже из старшего поколения, нет отеческих и тем более уж дедовских гнёзд: сёл, деревень и даже кладбищ. Россия представляет собой огромный расхристанный детдом от границ до границ на огромном расхристанном кладбище.

Из этой безысходной боли родилась горькая повесть-притча, повесть-реквием «Прощание с Матёрой».

Сколько сил отобрала борьба против сатанинского поворота северных рек! Борьба за Байкал! Будучи мудрым, он, перешагнув через себя, как и другой большой русский писатель, Василий Иванович Белов, наивно пошёл в «народные» депутаты, надеясь там каким-то образом помочь родному народу, чтобы убедиться в бесполезности этого дела и вызвать на себя огонь и ненависть всякой нечисти. Наивно хватаясь за каждую соломинку, которая могла бы спасти Россию, на первых порах Распутин поверил в артиста разговорного жанра, «лучшего немца» Михаила Горбачёва.

— Верил, что смогу сделать что-то для людей, но только надорвал душу, — позже признавался Валентин Григорьевич. — Со стыдом вспоминаю, что на первых порах поверил этому ничтожеству.

Потом в поминальных статьях напишут: «С годами подступали болезни. Проблемы с памятью...» Да, проблемы памяти можно списать на возраст. Но врачи другого мнения: аукнулось и то беспричинное с виду жестокое избиение в иркутском дворе. В XIX веке ненавистники России своих идейных врагов под каким-нибудь искусственно созданным предлогом вызывали на дуэль: Пушкин, Лермонтов... Ныне иначе. Сами по трусости, по знанию юридических законов руки не марают, нанимают даже не киллеров, а обыкновенных урок с заданием не убивать, слишком много шума, да и могут докопаться до заказчика, а избить и бить непременно по голове, чтобы отбить память, и можно будет свалить на уличных хулиганов. Примерно в то же время жестоко избьют другого русского писателя, Александра Проханова, у которого перед этим закроют резко оппозиционную антиельцинскую газету «День», редакцию разгромят, и, как и в случае с Распутиным, будут бить по голове, по голове, чтобы лишить памяти.

Об этой печальной поре в жизни Валентина Григорьевича Распутина мало кто, кроме самых близких друзей, знал.

— Потерял бы ногу, руку, но потерять память! — с отчаянием говорил он мне. — Порой, пойду куда по делам и забуду, куда и зачем шёл, возвращаюсь домой, потом вспоминаю. А иногда и вообще не вспоминаю. Пишу

только иногда, больше предисловия к книгам, кому-нибудь из подающих надежду молодых, да и что-то вроде некрологов, друзья уходят. Писать что-то серьёзное уже не могу и по другой причине: что творится вокруг! Хочется куда-то спрятаться от всего этого. Ничего не видеть, не слышать. Замолчать на годы. Тогда, может, что-то вернётся.

Но вернуться было уже не суждено. Может, Господь решил, что он уже написал свои главные книги, сделал всё, что мог, для России, для родного народа. Можно бы отдохнуть. Тем более, что в стране стало что-то налаживаться. Но Господь или кто другой продолжал испытывать его.

В 2006 году в 35 лет погибла дочь, Мария. Распутины гордились дочерью. С отличием окончила Московскую консерваторию по классу теории музыки и органу. Прошла стажировку в Германии. Защитила диссертацию. Преподавала в родной консерватории. Концертировала. С особым волнением готовилась к концертам в Иркутске.

Теперь уж не помню, по какому случаю, но 8 июля 2006 года перед поездкой в санаторий «Карагай» на северо-востоке Башкирии мне непременно нужно было поговорить с Валентином Григорьевичем. Я несколько раз позвонил в Иркутск, я знал, что Распутины там — телефон молчал, тогда я позвонил в Москву. Ответила Маша. Честно скажу, я немного

стеснялся её: молчаливая, если не сказать замкнутая, не щедрая на улыбку. По телефону обыкновенно отвечала односложно, без эмоций. А тут вдруг, чувствую: обрадовалась мне:

— Да, папа в Иркутске, но он за городом на даче. Они с Сергеем наконец дом достроили, вот лечу на новоселье. Хорошо, что позвонили. Хочу посоветоваться, какой подарок купить. Вчера присмотрела на рынке петуха на конёк дома. Как вы смотрите?

— Очень хороший подарок.

— Правда? Тогда куплю. Послезавтра лечу.

На другой день по приезду в Карагай выяснилось, что я не взял ни зубной щётки, ни тапочек. Поехал в районный центр — село Больше-Устьикинское. Заодно посмотреть новый храм, который только что там поставили.

В магазине работал телевизор. Мельком услышал: в Иркутске разбился самолёт, рейс из Москвы. Попросил прибавить звук. В день пять московских рейсов, ну жели летела этим?

Оказалось, этим.

Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна оказались свидетелями её гибели. Они приехали в аэропорт её встречать, самолёт уже приземлился. Уже катил по взлётно-посадочной полосе, гася скорость. Уже многие отзвонились, что прилетели. В том числе Маша. Как вдруг самолёт снова стал набирать скорость, пилот, всю жизнь летавший на отечественных самолётах, на «боинге»

нажал не ту педаль, в авиации творилось то же, что во всей стране, было уничтожено отечественное авиастроение, покупали полусписанные самолёты, летали лётчики с купленными в подземных переходах дипломами...

Затем следующий удар. Заболела раком Светлана Ивановна. Неизвестны причины рака, но известно, что рак вызывает, в том числе, и стресс, потеря иммунитета. Я знаю несколько случаев, когда люди заболели раком, пережив большое горе. Светлана Ивановна мужественно боролась с болезнью. Но в 2012 году ушла из жизни. Я очень дорожил фотографией: мы с Валентином Григорьевичем во главе застолья в Мемориальном доме-музее С. Т. Аксакова в Уфе во время одного из аксаковских праздников, между нами Светлана Ивановна, тихие улыбки на их лицах. Увидев эту фотографию, её выпросила у меня, можно сказать, забрала силой через несколько лет посетившая музей великая русская певица Елена Васильевна Образцова: «Я никогда не видела его таким умиротворённым, словно свершились все его мечты...». Теперь и её нет...

Болезни наваливались на него одна за другой. Самое страшное: всё хуже и хуже становилось с памятью. К нему по-прежнему обращались с просьбами, обижались, когда он отказывал. Однажды, встретив его в Союзе писателей, я попросил у него новый номер мобильного телефона: не могу дозвониться.

— Ты думаешь, я его помню, — виновато улыбнулся он. — Да и постоянно забываю мобильник дома, вот и сейчас. Мало кто знает о моей трагедии. Приходится делать вид, что ничего не случилось. Врачи ничем не могут помочь.

Потом начались проблемы с почками. Потом обнаружили рак простаты. При удалении аденомы простаты заразили гепатитом С. Теперь он кочует из больницы в больницу, не миновал и Российского онкологического центра. Стараются больше находиться в иркутских больницах, в смысле лечения, может, помогает и меньше, но люди добрее, отзывчивее и родной прибайкальский воздух.

Всё это будет известно потом, после его смерти, он тщательно скрывал свои беды не только от посторонних, может, стараясь раньше времени не лишать миллионов людей духовной опоры, которой он для них был. Знающие о его бедах боялись его тревожить. А он, по себе знаю, радовался каждому звонку. Несмотря на любовь родных и миллионов читателей, он был очень одиноким по жизни человеком. Я всё думаю: за что и кем ему были даны все эти испытания?

Последняя его книга, которая вышла при жизни: «Эти двадцать убийственных лет». Убийственных для российского народа, соевостью которого он был.

Он был истинно русским писателем, но у него были свои, порой горькие вопросы к великому русскому народу, которые задавал

ещё Константин Сергеевич Аксаков. Почему мы не любим идти во власть, объясняя это своей совестливостью, а потом стонем, когда нам на шею сядет с плёткой какой-нибудь варяг. Впервые привожу один наш разговор.

— Миша, прости меня за такой вопрос: ты чисто русский? — неожиданно спросил он меня однажды на берегу Байкала, когда мы остались вдвоём.

— Вроде бы... — удивился я вопросу. — И по отцу, и по матери из приписных крестьян уральских заводов. Но ведь беда наша, что дальше деда, в лучшем случае, прадеда мы не знаем своих предков. Я, к примеру, только уже при седой бороде стал копаться в родословной, дошёл до начала XVIII века, когда они оказались на уральских заводах. А откуда были переселены, у какого помещика были куплены? Вон татары, к примеру, до XIV века, а то и раньше знают своих предков.

— А у меня много кого намешано. В роду и ссыльный поляк, и цыганин, кажется.

— А почему ты это спросил?

— Понимаешь, чисто русский ныне какой-то инертный, на исходе, на излёте исторической судьбы, что ли. Без воли, потеряв в себе веру. Поплакать по погибающей Руси, разорвать в пьяном угаре рубаху. А ты такой деятельный.

Валентин Григорьевич никогда не демонстрировал своей веры в Бога, как многие из нас ныне,

остающиеся в душе неверующими, хотя был поистине верующим и в этой вере был строг к самому себе. В одном из писем, которые я теперь перечитываю только с лупой, таким мелким был его почерк, он писал мне: «Миша, боюсь, что ты прав, что мы, скорее, хотим верить, чем веруем на самом деле». Это его мучило до последнего дня. Он был истинным христианином, он простил В. П. Астафьева, в отличие от не простивших его учеников, за его постыдный для большого русского писателя флирт с ельцинской властью, в надежде получить Нобелевскую премию, за что та издала его собрание сочинений в 17-и томах, но, не включив его знаменитые «антисемитские» письма к травившему его многие годы литературоведу Н. Эйдельману. Простил за оскорбительные выпады против себя и такого же, как В. П. Астафьев, фронтовика, большого русского писателя Юрия Васильевича Бондарева и даже поехал искать примирения на могилу Астафьева. Он простил возомнившего себя чуть ли не вторым Иисусом Христом Александра Солженицына, сначала, вслед за лютым врагом России премьер-министром Англии Уинстоном Черчиллем, призывавшего Америку подвергнуть атомной бомбардировке Советский Союз, ненавистный коммунистический режим, видимо, и ему было не жалко, что вместе с ненавистным режимом и даже раньше его (режим может отсидеться в

подземных бункерах) в горниле атомной войны сгорит горячо любимый им русский и прочий многострадальный российский народ. Из изгнания проще всего было прилететь самолётом в Москву, но нет, по правилам пошлой пиар-компани, телевизионного шоу, Александр Исаевич апостолом ступит на российскую землю во Владивостоке и, пророчествуя по пути, поедет поездом через всю Россию. Это потом, когда его, как отработанный материал, дорвавшиеся до власти вьуки пламенных революционеров небрежно отодвинут в сторону, он заговорит о сбережении русского народа. Валентин Григорьевич даже принял Солженицевскую премию, потом будут говорить, что он якобы дорожил ею больше других премий. Зная, что, мягко говоря, я без восторга принял факт принятия им этой премии, хотя никогда не говорил ему об этом, он однажды опять-таки на Байкале, как бы оправдываясь, сам начал этот разговор: «Надо как-то соединять разорванные русские ветви, в последние годы Солженицын многое понял». Я отмолчался. Как истинный христианин, Валентин Григорьевич пытался соединить в русском народе, может быть, не соединимое, как Вячеслав Михайлович Клыков пытался соединить не соединимое в славянстве.

Валентин Григорьевич не любил неискренность и болтунов, прежде всего, в писательской среде, искал и воспитывал людей,

которые что-то реально пытались делать, кроме того, что писали. Слово ещё неизвестно когда и в ком отзовется, а спасать Россию нужно реальными делами сегодня. К нему лезли, как сначала и я, просили что-то возглавить, за кого-то заступиться, трудно было выдерживать всё это, иногда выводило из себя. Он мечтал об уединении, покое, это редко удавалось, он не мог изменить русла жизни, однажды выбрав его. Он не мог изменить своей совести, которая была шире его. Он, конечно, понимал, что не принадлежит только себе и семье, он понимал, что он — орган народного организма, название которому совесть. Своего рода компас, и для многих тысяч людей он был и совестью и компасом одновременно. И крест этот нёс, страдая, но, не страдая гордыней, что было, может, ещё труднее.

В лихие 90-е, да и позже, в так называемые нулевые, стрелка народного компаса металась из стороны в сторону, искала, прежде всего, духовной опоры. Нарождался или возрождался класс предпринимателей, который должен был вывести страну из тупика. Он был разным. Одни, выбросив совесть на помойку, торопливо расхватывали то, что осталось от неуспевших до конца растащить, приватизировать, представителей шустрого «малого народа», другие пытались встать на ноги честным трудом, их одинаково гнобили и государство, и бандиты, первое — непомерными налогами и чиновничьими

поборами, вторые — ракетом, который мало отличался от чиновничьих поборов, непокорных убивали. Но ради справедливости нужно сказать, что порой братки и члены всевозможных ОПГ были больше патриотами России и державниками, чем тогдашняя кремлёвская власть. Не все были ангелами, и кто на первых порах помогал Аксаковскому фонду: Сашу Иванову убили в собственном кабинете, другого предпринимателя судили 6 раз, каждый раз суд признавал его невиновным, а его арестовывали снова и снова, пока не повесили в СИЗО, третьего, собравшегося мне помогать, моего бывшего дипломника в бытность моей работы в газете, но бросившего журналистику, как он говорил, по причине принадлежности её к первой древней профессии, окончившего военно-морское училище и закончившего службу в чине контр-адмирала, решившего на пенсии заняться нефтяным бизнесом, расстреляли из автомата Калашникова в Москве в подъезде собственного дома. Через много лет станет известно: бывшего военного моряка застрелил бывший военный моряк-подводник Пуманэ, ставший знаменитым киллером. Из далёкого Калининграда на двух машинах катила банда киллеров, мечтаая встретиться со мной, потому как в интернете они выудили, что учредителем фирмы задолжавшего им крупную сумму предпринимателя (у него такие же бандиты увели железно-дорожную цистерну с бензином),

был Аксаковский фонд. Уже на самом подходе к Уфе, в Мемориальном доме-музее С. Т. Аксакова в это время шёл детский праздник, их перехватили ребята из службы позже застрелившегося легендарного генерала КГБ Леонида Шебаршина.

Во время одного из Аксаковских праздников, на чаепитие в Мемориальном доме-музее С. Т. Аксакова в Уфе, узнав, что на нём будет присутствовать Валентин Григорьевич Распутин, напросился один из крутых предпринимателей первой волны.

— Можно я подведу, — обычно недоступный и неприступный, неожиданно позвонил он мне. — Можете меня не представлять, я просто посижу в уголке и послушаю, на телеэкране теперь его не увидишь, по радио не услышишь. И газеты его больше не печатают.

Валентин Григорьевич под впечатлением поездки в Аксаковский историко-культурный центр «Надеждино», после службы в Димитриевском храме с горечью рассказал, как пытаются построить на своей родине, в районном центре, куда пришлось переехать после гибели Аталанки, церковь, но дальше фундамента дело не пошло, в селе народ обнищал, ходить по богатым с протянутой рукой не в его правилах. Тем не менее, к одному сунулся, ко второму — отказали. Когда вечер закончился, предприниматель спросил его:

— Когда вы уезжаете?

— Сегодня, часа через два.

— Сегодня поздно, банки уже закрыты, передам через Чванова.

Валентин Григорьевич, не поняв сказанного, недоумённо пожал плечами.

Через день я позвонил ему:

— Поезд «Москва — Владивосток», вагон 7, проводник Сергей. В Иркутск приходит ночью. Возьми паспорт, в темноте он может тебя не узнать. Один не встречай. Возьми сына Сергея и ещё какого-нибудь крепкого парня. Там будет посылка.

— А что за посылка?

Я не мог по телефону сказать, что там будет крупная пачка долларов, потому сказал первое, что пришло в голову:

— Мои книги.

— А что, ты не мог отдать мне их в Уфе? — В голосе Валентина Григорьевича было некоторое раздражение. — И что, они такие тяжёлые, что надо несколько мужиков?

Когда Валентин Григорьевич через несколько дней растерянно позвонил, что получил посылку, я ему объяснил:

— Это тебе на храм. Ты, наверное, думаешь, что этот человек завалил Аксаковский фонд деньгами. Он не дал в фонд ни копейки, он пришёл в музей, чтобы увидеть и услышать тебя. Он дал деньги именно тебе, Распутину! Ему не надо никаких отчётов. У него единственная просьба, чтобы ты нашёл надёжного мужика-строителя, который не пустил бы их по ветру или по карманам.

Позже Валентин Григорьевич рассказал мне, что на каком-то

приёме у губернатора тот спросил, как обстоят дела с церковью? Он ответил. «Плохо. В селе народ нищий, а ходить по богатым с шапкой... А вот поехал в Башкирию на Аксаковский праздник, никого не просил, вдруг мне дали, что хватило сруб поставить да кое-что из стройматериала приобрести». Губернатор пригласил предпринимателей, пристыдил, так удалось достроить храм. А потом я позвонил в Каменск-Уральский члену Попечительского совета Аксаковского фонда Николаю Геннадьевичу Пяткову, колокола которого по всей России и в православных храмах по всему земному шару, который отливал колокола для Свято-Никольского храма в самом древнем русском селе на территории нынешней Башкирии в селе Николо-Берёзовка на Каме и для Димитриевского храма в аксаковском Надеждине: «Отлей, пожалуйста, без очереди...» «И с большой скидкой», — за меня добавил Николай Геннадьевич. Так на родине Валентина Григорьевича заговорили колокола, родственные аксаковским.

В один из моих приездов в Иркутск, — мы тогда с В. М. Клыковым искали в городе место для памятника расстрелянному там А. В. Колчаку, против памятника в общей ненависти объединились коммунисты и либералы, и городская дума проголосовала: не давать под него землю под памятник, к нам в гостиницу неожиданно пришёл предприниматель,

у которого была выкупленная земля на Ушаковском рынке недалеко от места, где Колчака расстреляли, и предложил там поставить памятник, раз другого места в городе не оказалось. В конце концов памятник встал около Знаменского монастыря, в котором Валентин Григорьевич будет похоронен. Валентин Григорьевич повёз меня в его Усть-Уду, которая в какой-то степени заменила ему затопленную Аталанку, как оказалось, для инспекторской проверки, как были израсходованы деньги. Он пытался мне вручить нечто вроде финансового отчёта, разные там счета и накладные, я решительно отказался и предложил в качестве отчёта сфотографироваться на память на фоне свежего сруба.

Последнее время я редко бываю в Москве. Минувшей осенью, будучи в Москве пролётом в Пятигорск на Международный литературный форум «Золотой витязь», я планировал навестить Валентина Григорьевича, в его телефонных звонках было всё больше и больше печали. Но в Союзе писателей мне сказали, что он где-то в подмосковном санатории, и я не стал звонить ему на домашний телефон, хотя было чувство, что нужно было позвонить. Вернулся в Уфу, не заезжая в Москву: лишь переезд из аэропорта в аэропорт. И вдруг его звонок: «Я узнал, что ты на днях был в Москве. Я знаю, тебе сказали, что меня не было в городе. А я как раз на день приезжал. Жалко, встретимся ли ещё...»

Я пытался его успокоить: в следующий раз обязательно заеду. По зиме специально приеду.

Следующего раза не получилось...

А в Аксаковском историко-культурном центре с символическим названием Надеждино, на родине великого печальника славянства и Земли Русской, Ивана Сергеевича Аксакова, около стены храма во имя Дмитрия Солунского, покровителя всех славян и русского воинства, в котором в Дмитриевскую поминальную субботу служба по всем убиенным за Родину, «за други своя», рядом два дерева, посаженных Вячеславом Михайловичем Клыковым и Валентином Григорьевичем Распутиным.

Письма В. Г. Распутина

19.08.2002. Иркутск

Дорогой Миша!

Решаюсь я всё-таки поднять свои жилы и приехать в Уфу. Что делать! — дав слово, держись! Но это может произойти лишь в том случае, если вы оплатите мне дорогу из Иркутска и обратно, просить у нашей администрации я уже не могу, потому что поездка в Москву в начале сентября всё равно состоится и устраивает её она, администрация. В Москве я буду даже в конце августа, числа 29-го, а числа 10-го сентября возвращаюсь в Иркутск. Выходит, что ненадолго.

Хорошо, если бы ты мне позвонил в Москву (244-02-36) в

последние августовские или первые сентябрьские дни (затем могу улететь в Тобольск) и разъяснил следующее:

а) когда выезд из Москвы в Уфу и поездом или самолётом? 26-го или днём раньше?

б) на сколько? Вполне может быть, что я буду возвращаться несколько раньше. Но это в зависимости от того, как долго останется основная группа.

в) будут ли поездки внутри вашей республики?

г) будет ли Савиных (член попечительского совета Аксаковского фонда дважды Герой Советского Союза лётчик-космонавт В.П. Савиных — **М. Ч.**)? Конечно, мне очень хотелось бы заарканить его затем в Иркутск. Я, не удержавшись, уже обещал его у нас. Как и тебя. Как и В. Ильяшевича, который, кажется, тоже мобилизован тобой. Эх, узок круг наш, узок!

Остальные вопросы, которые непременно появятся, я задам уже при разговоре, но предварительный разговор обязательно нужен.

Извини, что огорчил тебя предварительным отказом, но лучше проверить надёжность крючка заранее, чем срываться с него в последний момент.

Обнимаю тебя.

В. Распутин

04.01.04. Москва

Дорогой Миша!

Хоть и с опозданием — с Рождеством Христовым тебя и с

Новым годом! И пусть ангел-хранитель не оставляет тебя, как он не оставлял до сих пор!

До Николая Пяткова я дозволился, и о заказе мы с ним договорились, теперь буду добывать деньги. Но пока отправляюсь завтра в больницу по накатанной дорожке в Обнинск, где лечились Валерий Николаевич и Игорь Ляпин. А теперь и мне приспело: здесь болит, там болит, то ли «пугают», то ли берутся всерьёз. На чужих ветрах сибиряки слабнут, я это давно замечаю.

Больше недели, прихватив и новогоднюю ночь, промаялся в гриппе; хоть завтра и еду, а не знаю, возьмут ли с моими «признаками».

25 декабря должна была состояться в «НС» (журнал «Наш современник» — **М. Ч.**) редколлегия, но не состоялась. И узнать, что с твоей рукописью не удалось. За десять дней до новогодья никого в редакциях, и спустя две недели — никого. Глушь, безлюдье, тишь и гладь. В союзе жизнь начнётся в феврале: кажется, 2-го пленум, а затем два дня ВРНС (Всемирный Русский Народный Собор — **М. Ч.**), тогда, надеюсь, и увидимся.

Президент ваш (президент Республики Башкортостан М. Г. Рахимов — **М. Ч.**) остался — хорошо. В Думе перемены тоже неплохие. А надежды не прибывает. А годочков уже под 70. Одно утешение: как всякая перелётная птичка, начинаю я уже принохиваться к восточному ветру, когда потянет весной.

Спасибо, что добыл ты мне координаты М. Пяткова. Перед Сибирью, может быть, удастся съездить к нему. Дал бы Господь здоровышка, а так-то чего...

Обнимаю тебя.

В. Распутин

22.08.06. Иркутск

Дорогой Миша!

С большим опозданием поздравляю тебя с Большой литературной премией. Премия «Большая», но и соискателей становится всё больше. Я рад за тебя, правда, при вручении я не обнаружил тебя на фотографии (или уж вижу до того плохо, что своих не узнаю), и всё-таки не было — или уезжал куда, или болел.

О нашем несчастье ты знаешь. Вот и сорок дней прошло, а боль и пуста несколько не меньше. Вот теперь я определённо взял направление на «выход». Едва ли смогу писать; понадобилось сделать одно небольшое предисловие — сидел-сидел и не смог. Подвёл Володю Толстого: пообещал статью, но из камня выдавливались только слёзы. От всякого общения бегу; чтобы не быть на «Сиянии России», согласился с театром (везут «Матёру») поехать в Монголию. Ко мне, видимо, и подступаться тяжело: один рядом с не перестающей плакать женой. Желание одно: исчезнуть, так сказать, на собственных ногах, забиться в такой угол, чтобы нельзя было выковырнуть.

Я всматривался в тебя после кончины жены: мужественная

жизнь смолоду наделила тебя мужеством на всю жизнь. И ты не выронил пера из рук. А я вот этого — выронить — боюсь больше всего.

Ну да ладно, будем как-нибудь жить. В сентябре нам со Светочкой придётся, вероятно, на неделю приехать в Москву, чтобы выполнить кое-какие необходимые формальности, а затем опять в Иркутск до ноября — декабря, не обойди, пожалуйста, Миша, когда будешь в Москве.

До чего тяжёлый год: С. Климов, С. Видулов, И. Стрелкова! И многие, многие другие. Накануне Серёжа Лыкошин...

Ещё раз поздравляю, Миша, с премией. Это вовремя. Едва ли ошибаюсь: писат. нашему союзу осталось жить лет десять. А вот твоё аксаковское дело, верю, надолго.

Обнимаю тебя.

В. Распутин.

13.01.07

Дорогой Миша!

Пишу в канун старого нового года, поэтому ещё не поздно поздравлять тебя с русским новолетием и пожелать тебе сил и терпения.

Я ведь тоже теперь живу по инерции, надо — и поднимаешься, садишься за стол или идёшь куда-то, а по дороге и понять не можешь, куда и зачем идёшь. Всё писательство (помнится, в сентябрьском письме ты говорил о том же) — некрологи, воспоминания об ушедших (С. Лыкошин,

Ю. Адрианов и др), предисловия к чужим книгам, но и это всё с трудом. Началось это ещё до гибели Марии, а после уже усугубилось. Прошло полгода, и мало кто верит, что за это время нельзя восстановить силы, приступают бесцеремонно: ты должен!... Должен не должен, а не могу, и вернётся ли это чувство долга, не знаю.

Удивился я и ещё одному совпадению с твоим то ли настроением, то ли ощущением: мы больше хотим верить, чем веруем на самом деле. Во мне это точно есть. Пытаешься погрузиться — и не получается, чувствуешь себя рядом с батюшками и верующими серьёзно обманщиком. Я с владыкой нашим говорил об этом, он успокаивает: «Да вы верующий больше, чем верующие по всем буквам веры», но я-то знаю, что это не так и что своей откровенностью я ставлю добрейшего нашего владыку в неловкое положение.

В Москве мы с 1 декабря, и по сию пору я старался в свет не выходить. Теперь уже придётся: через три дня 80-летие Е. И. Ташкова, режиссёра, снимавшего «Уроки французского», через неделю не то 70, не то 75 Михаилу Ножкину. А там колесо по московской брусчатке загремит всё учащённей и быстрее. О своём юбилее стараюсь не думать, но в большой зал всё равно не пойду и события из этого делать не стану. Ничего по доброй своей воле — разве что как Стеньку Разина в

путах и кандалах повезут на лобное место.

Надеюсь на скорую встречу, Миша. Хоть чаю попью, если уж для водки не годимся.

А на «шевроле», подаренном президентом, мы ещё прокатимся по вашим просторам. Если летом, как расплата за несостоявшуюся зиму, не выпадут снега.

Обнимаю братски.

В. Распутин

24.10.07 Иркутск

Дорогой Миша!

Спасибо за письмо — и так обидно, что не пришлось тебе побывать у нас. А хуже всего, что и последние деньги вытряс на бандитскую авиацию. (Я должен был лететь через Москву, прямых рейсов из Уфы давно нет, в Иркутск на праздник «Сияние России», но из-за срыва рейса авиакомпанией полубандитской «ВИМ-авиа» у меня сгорел весь ряд авиабилетов — **М. Ч.**) Остался ли билет из Уфы? — ведь его можно возместить. Если остался, вышли ты его мне, пожалуйста, без комплексов, и пока я здесь, мы хоть его выведем на суд праведный.

Летал нынче в начале сентября в Москву. На трап пришлось подниматься, потому что потребовалось (сроки выходили) подтверждение, что льготы свои «геройские» я по-прежнему готов получать в рублях. Почему каждый год надо подтверждать и половину этих льгот выбрасывать на прибытие к месту

подтверждения? Вся процедура заняла вместе с метро полтора часа, а прогулка по воздуху туда — сюда 15 тысяч. Летали к тому же вместе со Светланой, но это уж был её каприз, с которым я не стал спорить. В себя она ещё не пришла, приходится считаться и с этим.

За жизнь свою я летал много, даже очень много. Не боюсь летать и теперь.

Но стало противно, до того противно, что готов был стонать от какого-то неприятного сжатия внутри. И народ, показалось мне, летает теперь притаённый, невесёлый, но это, возможно, признаки времени, существующие и на земле тоже.

В Москву отправимся, вероятнее всего, в середине ноября. И до начала апреля там, не проходи мимо.

«Сияние», на которое ты не попал, прошло у нас неплохо, всюю гарцевал Савва (С. В. Ямщиков — известный искусствовед и реставратор — **М. Ч.**), но чувствуется: выдыхается наше «Сияние» (в 19-й раз), нет уже ни задора, ни уверенности, что наработал он в этот раз столько-то и столько-то. Старее, видимо, всё, что набирает годы. Устаёт. 20-е «Сияние» мы, конечно, проведём и постараемся собрать лучший народ, а уж там... как Господь позволит. Я уже два года выполняю всего лишь подсобную роль, а за тем и это не смогу.

Вот уже два года работать не могу совершенно. Миша, пробовал

предисловия, сижу по две недели над двумя-тремя страничками и результат дохлый. Настаиваю, всё верится, что вернётся хоть половина слова — нет, или пусто или через пень-колоду. Придётся доживать в молчании, я с этим уже смирился. А что ещё оставалось?

Аброщенко кланяюсь (В. В. Аброщенко — уфимский предприниматель и общественный деятель, член попечительского совета Аксаковского фонда — **М. Ч.**). Есть люди и в наше время. Это и поддерживает дух. Вот они-то и выведут нас. Верю, что выведут. Ведь каждый такой Аброщенко за тысячу (больше!) стоит — и выстоят. Только, вероятно, уже без нас. Нет, ты-то застанешь и будешь свидетелем и как-нибудь и мне об этом сообщишь.

У нас первая зима. Сижу на даче, как в норе, а вокруг белым-бело и тихо. И верится, что всё в свете и человеке выстоит всё-таки на своих собственных основаниях, и нам, глядишь, поможет.

Обнимаю тебя.

В. Распутин.

30.06.08 Москва.

Дорогой Миша!

Давно мы не переключались с тобой, давно ты, по-видимому, не был в Москве, и никакие слухи о тебе не доносятся. Правда, и я на Комсомольском бываю редко, по летнему времени там никого и не застанешь. А я нынче застрял в Москве, и когда

вырвусь — неведано. Заболела Светлана, сделали операцию, и теперь на всё лето с небольшими перерывами химиотерапия. Дай Бог, чтобы в августе хотя бы дней на десять вырваться.

Не работаю и, наверное, уже не смогу. Дежурные фитюльки приходится делать, но и в них уже не моя рука. Говорю об этом, не жалуясь, да и воспринимаю своё новое положение спокойно. Богатыри — не мы, «не я» — надо говорить, а богатырские подвижники у нас есть.

Хотел бы послать В. В. Аброщенко свою «Сибирь» (привезли из Иркутска десяток экземпляров, а до того не было), но опасуюсь, что по летнему ненадёжному времени вдруг некому будет получить, и завернут обратно. Вспоминаю его часто. Вообще Уфу вспоминаю часто. Она до сих пор щедро ко мне. На днях в Госуд. (Ленинской) библиотеке Савва Ямщиков устраивал презентацию своей книги. Я был среди зрителей. И вдруг подсаживается ко мне женщина и протягивает баночку башкирского мёда. Я: да не надо, да что вы! — а она пристыдила меня, вручила и отошла, я потом и не нашёл её. Пришлось и самому себя пристыдить, но мёд был таким душистым — запашистым, что и стыд мой в нём растворился.

В августе Валерию Николаевичу 75, а до конца года (может быть, с заездом в новый год) надо будет проводить съезд. 75 — это, конечно, много, но и замены,

кажется, нет. Худо-бедно, но он сохранил союз, а что дальше может быть — Бог весть.

Доброго тебе лета, Миша, доброго настроения, работы и, конечно, отдыха.

Обнимаю.

В. Распутин

26.07.08.Москва.

Дорогой Миша!

Спасибо за скорый отзыв. Ты, слава Богу, продолжаешь жить полнокровной приключенческой жизнью, как в молодости, если на тебя бросают взгляды не только женщины, но и профессиональные воры (история в Болгарии). А я закис по всем статьям. Остаться на лето в Москве, хватать воздух, как рыба, выброшенная на песок, — я подозревал, конечно, что это испытание, но не такое же, в котором оказался... Надеюсь хоть на недельку в начале августа слетать в Иркутск и набрать там во все жабры родного дыхания, но ещё нет полной уверенности, что получится.

На Аксаковский праздник едва ли приеду. Химиотерапия у Светланы займёт ещё и август, и сентябрь. Но это не единственная причина, показывать меня народу уже нельзя, в этом качестве сдох окончательно. Более полугода пытался хоть немножко вернуть свою память под руководством академика из Сеченовской мед.академии, выбросил лекарства уйму денег, но лучше не стало, стало ещё хуже. Собираюсь бросить: живут же глухие,

немые, а чем я хуже? В России сейчас только глухим и немым да жить... По этой же причине и писать не могу. Сижу днями над одностраничным текстом — и без толку.

Кандидатура Стаса Куняева на Аксаковскую нынешнюю премию мне кажется очень достойной. Несмотря на ваши разногласия с журналом. Не торопись ты, Миша, выходить и из редколлегии. Приедет Стас, поговорите, и тогда будет ясно, что делать.

А твою работу о Нансене, конечно, надо печатать. Не со всем я в ней согласился, но статья нужна, очень нужна. Слова Казинцева: ну, был хороший человек, ну и что? — всерьёз принимать нельзя. Ни хороший человек, ни плохой по справедливости не должны быть забыты. А уж о такой могучей фигуре, как Нансен, и говорить нечего. И пусть не в каждом городе ему надо ставить памятники, как ты, разгорячась, предлагаешь, но и единственный московский памятник, о котором даже я не слышал, это пшик, не более того.

В чём мои претензии, очень осторожные, на которых я не могу настаивать. Прежде всего, в твоей горячности, о Нансене надо говорить спокойно, тогда и убедительно будет. А сцена, к примеру, с Калининым, который при встрече с Нансеном пил пустой чай, а когда тот ушёл, отправился откусывать в спецбуфет и т.д. И на абзац с правителями-недоумками... я говорю не о том, что

это несправедливо, а о не подходящем к этой статье тоне, иногда у тебя прорывающемся. Нансен, конечно, тоже многим в России возмущался, но сдерживал себя в интересах дела. Бери и ты пример со своего великого героя. Прости за нравоучения, не удержался.

Повторю: статья эта очень и очень нужна. Ради справедливости, как российской, так и мировой. Если же не «НС» — есть ведь ещё и ганичевский «Роман-журнал», есть областные журналы, в том числе «Сибирь».

В. Н. Ганичеву 3 августа 75, ты очень и очень прав, говоря о его значении в наше время. Я согласился, несмотря на свою инвалидность, написать о нём статью в газету («Сов. Россия»). И, кажется, запорол... дал посмотреть В. Н., а он, бедный, не знает, как отозваться.

О-хо-хо! Старость — не радость, все грехи наружу. Но я научился относиться к этому спокойно. Однако же обидно, что не понимают, считают, что я сознательно, в каких-то своих расчётах, ухожу с поля боя. Ну, ничего, и это пройдёт и былбём зарастёт.

Обнимаю тебя, Миша. И прости, если ненароком обидел.

В. Аброщенко книгу собираюсь отправить.

К сему

В. Распутин

23.11.08.

Дорогой Миша!

На последнее, да и давнее уже письмо твоё я ответил, да ведь не до конца, а потом и пропал. Я хочу подсказать, чтобы статью свою о Нансене, если она ещё не устроена, ты отправил в Иркутск Васе Козлову. Никакой памяти у меня не стало. И это уже не оговорка. Рак у жены, операция и до сих пор химиотерапия. Я дважды терял сознание и вместе с тем терял память. Сейчас вот уже месяц в больнице, пытаются вернуть или, вернее, закрепить остатки, но получается плохо. Писать теперь уже окончательно не смогу. Да и говорю кое-как. В сторону отступить дело нехитрое, так я и делаю, лишь бы не повторялись удары.

Говорю об этом не для того, чтобы пожалели: но вот странность: именно в эту-то пору, когда в голове стало просторно и пусто, я и вспомнил о Нансене, о том, что работа-то твоя, должно быть, до сих пор отдыхает. Со слаться можно на меня, когда будешь писать Козлову.

Адрес журнала: 664025, Иркутск, ул. Степана Разина, УО журнала «Сибирь», Козлову Василию Васильевичу.

Впереди вроде писательские сборы — может быть, и встретимся. Дошла ли до Аброщенко «Сибирь»?

Обнимаю тебя. В. Распутин

Владимир СЕМЁНОВ

ПОДВИГИ КАЗАКОВ- ПАДУРОВЦЕВ (1914—1917)

Владимир Геннадьевич Семёнов родился в 1960 году в селе Старая Тёпловка Бузулукского района Оренбургской области. Окончил Оренбургский государственный педагогический институт, в настоящее время доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук. Область научных интересов — военная история Оренбургского края, история Оренбургского казачьего войска.

В челябинском издательстве «Цицера» готовится к выходу книга В.Г. Семёнова и Ю.Я. Козлова «Оренбургские казаки на фронтах Первой мировой войны: историческая хроника с именованным списком потерь 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска». Мы представляем фрагмент из этой книги.

9-й Оренбургский казачий атамана Падурова полк сформирован в 1914 году из казаков 2-й очереди (возраст 25—30 лет) 2-го Верхнеуральского отдела Оренбургского казачьего войска. В 1914—1917 годах входил в состав первой бригады Оренбургской казачьей дивизии, которая в 1917 году стала 1-й Оренбургской казачьей дивизией. До 12 сентября 1914 года полком командовал полковник П. С. Головин, а после него до конца войны полковник В. П. Пустаханов.

1 августа 1914 года казаки 9-го полка выступили из города Верхнеуральска Оренбургской губернии и до станции Миасс следовали походным порядком. В составе полка находились 21 офицер, 880 строевых казаков и 82 нестроевых. При посадке на станции Миасс полк получил маршрут следовать до ст. Красное село, где и поступил в состав 6-й армии. Здесь полк стоял до 31 октября и нёс разведывательную и охранную службу вдоль побережья Финского залива. 1 ноября полк получил назначение войти в распоряжение 28-го армейского корпуса, базировавшегося в местечке Хыров. 1 декабря полк был придан к 69-й пехотной дивизии, и стал вести разъезды на фронте в районе Лисно, Болигороди, Лутовисно. 3 декабря по распоряжению Главнокомандующего Юго-Западным фронтом полк был придан к 29-му армейскому корпусу. Казакам была поставлена задача — освещать разъездами линию фронта Мышковицы, Телесницы, Сана и Подострем.

У деревни Хочев разведчики 2-й и 3-й сотни получили боевое крещение. Разведчики 6-й сотни были высланы в окрестности Мржиглода, откуда вели разведку в районе Римону и Новотынец. 7 декабря полк прибыл в Санок в распоряжение начальника 69-й пехотной дивизии. Казаки 2-й и 3-й сотни тут же были назначены в разъезды на Новотаниц — Буковско. Другие казачьи сотни выполняли приказ командования.

9 декабря полк продвинулся через Заршин — Бесподо до Рыманува. По прибытии в Рыманув казаки 5-й сотни полка были оставлены на месте, а другие поступили в распоряжение генерал-майора И. Ю. Липовац-Поповича. По его приказу казаки 9-го ОКП вместе с 10-м Оренбургским казачьим и 9-м гусарским полками под командой полковника А. Н. Третилова двинулись в местечко Щавино, чтобы поступить в конный отряд князя К. С. Бегильдеева.

Далее отряд полковника Третилова выступил из Рыманува по направлению на Новотанец, но, дойдя до деревни Синява, был задержан боевыми действиями.

По приказанию генерала Липовац-Поповича, казаки полка в течение двух дней принимали участие в бою в окрестностях Рыманува, оказав значительную поддержку пехотным частям 60-й и 69-й дивизий. После того как противник был выбит с занимаемых им позиций, 9-й Оренбургский казачий полк в составе конного отряда полковника Третилова преследовал отступавшего в горы противника.

12, 13 и 14 декабря полк продолжал движение к отряду князя Бегильдеева на селение Яворин через деревни Орджехов, Топария, Вислок Вельки, выдвинув в авангард несколько эскадронов 9-го гусарского полка и сотни Оренбургского казачьего полка. 14 декабря подьесаул Е. И. Черепанов, находясь в составе авангарда, получил задачу с полусотней

казаков атаковать противника у ст. Каманча.

Не дойдя до леса, полусотня была встречена сильным ружейным огнём противника. Подъесаул Черепанов скомандовал «сотня, вперёд», врезался в окоп противника, и сотня лихо начала рубить и колоть. Часть австрийцев бросилась бежать в гору, а около 245 человек были взяты в плен. Подъесаул Черепанов лично застрелил 6 австрийцев и несколько зарубил шашкой. Во время этой атаки подъесаул Черепанов был ранен в грудь навывлет и в правую руку.

За лихую атаку подъесаул Черепанов был представлен к ордену Св. Георгия 4-й степени. Представление было направлено начальнику отряда полковнику Третилову (через штаб 9-го гусарского Киевского полка) 2 января 1915 года за № 23, но по неизвестной причине награда не дошла до героя. За этот бой Георгиевским оружием был награждён есаул Тихон Харитонович Афанасьев, который «личным примером увлек за собой свою полусотню, первым ворвался в деревню, занятую пехотой и, доведя атаку до удара холодным оружием, выбил и преследовал противника и тем облегчил выполнение задачи конного отряда, в составе коего действовал».

15 декабря, по расформированию конного отряда, 9-й ОКП вошёл в состав отряда генерала Липовац-Поповича, наступавшего на Болигород. По пути отряд

вёл непрерывные разведки перед боем и во время боя.

После окончания наступления вступил в Болигород. 20 декабря полк был направлен в м. Хыров для присоединения к оренбургской дивизии и в резерв войск, осаждавших крепость Перемышль. Здесь полк стоял до конца декабря 1914 года.

С 1 по 11 января 1915 года 9-й ОКП находился в резерве крепости Перемышль. 12 января, ввиду перехода 8-й армии в общую контратаку с целью утвердиться на линии Збро — Свидник — Мезалаторч — Розтоки, три оренбургские сотни устанавливали линию летучей почты. Линия проходила между позициями и частями генерал-майора Липовац-Поповича и частями армейского резерва генерал-майора М. Г. Михеева. Три другие сотни были назначены для установки связи между штабами. Эту службу они несли до 9 февраля.

Свободные сотни полка охраняли позиции у Хырова, поддерживая связь с войсками, осаждавшими крепость Перемышль. Также они обслуживали центральные телеграфные и телефонные станции штаба 11-й армии и сопровождали пленных. В марте полк служил связующим звеном между войсками, действующими на Карпатских перевалах, и войсками, осаждавшими крепость. Целыми сутками казаки 9-го ОКП находились в полной боевой готовности, имея засёдланных коней и запряжённые обозы. После взятия крепости

Перемышль казаки до 12 марта несли гарнизонную службу, способствуя эвакуации пленных.

10 апреля Оренбургская казачья дивизия в составе 9—12-го полков вместе с частями 3-го Кавказского корпуса удостоилась высочайшего смотра в м. Хыров. Казаки 10-го полка в тот же день почётным караулом встречали Его Императорское Величество в г. Перемышль (1-й согней командовал есаул В. Г. Попов). Николай II в своём дневнике о посещении м. Хырова написал: «Обошёл все части пешком и затем объехал их в моторе и благодарил за боевую службу. Вид полков великолепный».

27 апреля в составе Оренбургской дивизии полк был сосредоточен в районе Устржички Дол, где вёл разведку на линии Мржиглод—Залуж, прикрывая правый фланг 8-й армии в районе Тырава — Волоска, Бирча. Потом полк вёл арьергардные бои, отступая под натиском противника. С 4 мая по 3 июня в составе оренбургской дивизии полк обеспечивал левый фланг 8-й армии, охраняя участок р. Днестра от Подольцеда Моностыржиски, не давая противнику переправиться через реку. В течение этого месяца полк почти всё время был в окопах, производя усиленные разведки к стороне противника.

Ввиду предстоящего наступления противника полк получил приказ уничтожить все имеющиеся переправы через р. Днестр и отойти на реку Верещаницу, где продолжать разведку до подхода

11-й армии. С приходом частей 11-й армии полк был переброшен к м. Машрув, через Жолнев, где он вновь присоединился к оренбургской казачьей дивизии. Полк вёл разведку на правом фланге позиции 11-го и 12-го полков и охранял этот фланг лавой. 12 и 13 июня полк держал связь с левым флангом 12-го корпуса от с. Любелладодо с. Деревня, ведя разведку на линиях фронта Байдухи, Било, Рика-Кулаева, Деревня, Турьчна. До 16 июня, находясь в распоряжении генерала Мамонтова, полк выполнял задачи по охране отряда и разведки отступающих частей.

С 16 по 25 июня полк был в распоряжении 17-го корпуса и оборонял участок между селениями Тирки — Спас. 26 июня полк выступил на соединение с дивизией, куда прибыл 28 июня. На следующий день вместе с 11-м полком оренбургские казаки обороняли позицию по р. Бугу от с. Джарки до с. Зверинец.

6 июля противник прорвал фронт 16-й кавалерийской дивизии у с. Джарки и появился на фланге и в тылу полка, переправляясь через Буг. До конца июля с ним велась артиллерийская и ружейная перестрелка. Наступавших на с. Витольдовку австрийцев взвод атаковал и изрубил их.

1 августа, находясь в резерве корпуса генерал-лейтенанта Ф. С. Рерберга, полк получил приказ занять позицию на участке Житеш — Рылица.

2 августа с наступлением темноты полк занял участок Житеш

— Рылица, который и удерживал до 8 августа. 8 августа 11-й Оренбургский казачий полк сменил 9-й полк, и 10 августа собирався двинуться в д. Березно. Не успел полк собраться, как противник густыми цепями начал наступление.

Отойдя в д. Литву, полк занял позицию у колонии Богумилов, войдя в связь с 10-м и 11-м оренбургскими казачьими полками. 16 августа разведка выяснила, что противник занял южную опушку леса к северу от д. Кульчи и д. Кленачев. 17 августа противник пошёл в наступление густыми цепями, заставив отойти 3-ю сотню полка. 20 августа дивизия начала двигаться через Ровно на присоединение к корпусу генерал-лейтенанта Л. Н. Вельяшева, соединение произошло 21 августа в дер. Берестовец.

22 августа дивизия обеспечивала правый фланг армии. После отхода 11-й кавалерийской дивизии и частей генерала Рерберга на восток полк занял позицию у дер. Перельсянка и удерживался там до особого приказа.

21 августа полк двинулся в с. Лишно. 27 августа 2, 4 и 6-я сотни вели разведку на участках фронта Красноволя, Чарторыйск и Полица. На следующий день полк вёл разведку отдельными разведками на посёлок Комарово и далее за реку Стырь у Цлины, Медвежье, Лисово, Оконск, Будки, Пупли, Яблонка. Населённые пункты Чарторыйск, Новосёлки и Куликовичи, по сведениям разведчиков, были заняты противником.

30 августа полк поступил в распоряжение полковника П. Л. Колесникова, который приказал сменить 12-й Оренбургский казачий полк, заняв позицию от высоты у д. Тельчи и до окопов против д. Красноволя включительно. Попытки полка выбить противника у д. Красноволя не увенчались успехом, потому что противник имел громадный перевес в силах. 4 сентября 1915 года подбесаул Чертыковцев с двумя сотнями (3-я и 4-я) получил приказ отрезать путь наступления противнику на м. Колки. Заняв д. Рудня, двинулся к колонии Голодница, занятой ротой пехоты (около 200 человек) с артиллерией и пулемётами.

Под сильным ружейным, пулемётным и артиллерийским огнём противника подбесаул И. Н. Чертыковцев с 80 казаками в общем составе повёл наступление в спешном строю. Наступление было настолько стремительным, что пехота противника не выдержала, и, оставив окопы, бежала. У противника был отбит один действующий пулемёт, 2 пулемётных щита и 4 ящика с патронными лентами. Во время атаки сотня подбесаула Чертыковцева изрубила около двух десятков австрийцев, 23 человека были взяты в плен. За подвиг подбесаул Чертыковцев был представлен к ордену Св. Георгия 4-й степени, но награды, как и Черепанов, по неизвестной причине так и не получил.

7 декабря около 15 часов полк был сменён частями 11-й кавалерийской дивизии, после чего

отошёл в корпусной резерв в кол. Камовка и Мимски, где и пробыл до 14 декабря включительно. 15 декабря полк занял позицию по правому берегу р. Стырь, на участке от устья р. Окояна до моста у м. Чарторыйск. Задачей полка было выяснить сведения о силах противника и найти слабое место в расположении противника для предстоящего наступления. 20 декабря полк получил приказ вести наступление с пехотой и занять м. Чарторыйск.

К рассвету через р. Стырь был наведён пешеходный мост, который затапливался на четверть прибывшей в реке водой. Командир полка полковник Пустаханов выслал в разведку м. Чарторыйск 1/2 сотни под командованием сотника Пивоварова, чтобы войти в связь с пехотными частями и одновременно перейти в наступление. Однако противник заметил движение и открыл сосредоточенный артиллерийский огонь по переправе и площади вокруг переправы на 1/2 версты. Разведчики были вынуждены отойти от переправы и скрыться в лесу.

С началом артиллерийской подготовки разведчики двинулись на левый берег Стыри и вошли в связь с пехотными частями. Полковник Пустаханов приказал переправиться двум сотням под командой войскового старшины Доможирова, сам же руководил

Полковник Пустаханов В.П., командир 9-го ОКП

переправой, поддерживаемой артиллерийским огнём. Неся потери от артиллерийского огня, противник оставил м. Чарторыйск и отступил на опушку леса, оставив пленных. 26 декабря противник открыл ураганный артиллерийский огонь по нашим окопам в м. Чарторыйск, но 5-я Оренбургская казачья батарея отбила атаку.

Около 11 часов была отбита очередная атака, причём около 30 австрийцев было взято в плен. Артиллерия противника в течение всего дня сильно обстреливала м. Чарторыйск и мост через р. Стырь. Во время отхода на правый берег р. Стырь, разрывом неприятельской шрапнели у моста через реку был убит казак 4-й сотни Вабердин. 27 декабря артиллерия противника непрерывно обстреливала местечко, сосредоточивая огонь по вновь возводимой переправе через р. Стырь.

28 декабря сотник А. П. Прокопьев с 7 разведчиками, выйдя на западную окраину Чарторыйска, наткнулся на сильную неприятельскую заставу. Сотник не растерялся, бросился на заставу с криком «ура». Это произвело на австрийцев такое сильное впечатление, что они побросали винтовки и сдались в плен. Были взяты: 1 офицер и 27 нижних чинов (с 27 винтовками). Чередуясь с 10-м полком, 9-й ОКП занимал окопы в м. Чарторыйск до 1 января 1916 года.

1 января 1916 года полк перешёл в район д. Мельники — Майдан — Липинский, где оставался по 19 января. 20 января полк занял позицию по правому берегу р. Стырь. 19 марта в м. Степам состоялся смотр, который проводил походный атаман великий князь Борис Владимирович. На р. Стырь полк находился до 19 апреля.

Георгиевский кавалер Кравцов Иван Иванович, 9-й ОКП

Во время Брусиловского прорыва 28 мая полк был в авангарде 11-й кавалерийской дивизии. Село было взято в тяжёлом бою, был убит 1 казак. В плен были взяты: 1 офицер, 129 солдат, захвачено 135 винтовок. Из 9-го ОКП в бою участвовали 10 офицеров и 250 казаков.

26 мая 2-я сотня в составе 40 человек под командой подъесаула Прокопьева атаковала противника у села Суск, изрубив 30 человек. В плен было взято 50 человек, остальные обратились в бегство. Трофеями казаков стали 2 орудия, 8 зарядных ящиков с 800 снарядами и 125 винтовками. 30 мая у деревни Неволье в бою были взяты в плен 1 офицер и 25 солдат. Во время преследования отступающего противника был ранен командир 3-й сотни подъесаул П. М. Алеманов, 2 казака были убиты, 3 ранены. 22 июня разъезд подхорунжего Н. А. Медведева у с. Подлинки Кукли взял в плен 5 германских и 17 австрийских солдат, трофеи — 17 винтовок и 5 лошадей.

23 июня полк в составе дивизии переправился на левый берег р. Стырь в распоряжение полковника 16-й кавалерийской дивизии Николаева. Во время наступления был

убит один казак, 6 были ранены, в плен взято 40 солдат противника. Во время преследования противника от Ивановки было захвачено 66 пленных, 2 казака были убиты, 2 ранены. Всего в районе Ивановки было взято в плен 4 офицера и 99 солдат.

13 октября полк был переведён из 8-й в 9-ю армию. 18 ноября в бою за высоту 1557 было захвачено 4 австрийских солдата, 20 ноября там же было захвачено 50 австрийских солдат. При штурме высоты потери полка составили 2 убитых казака и 2 офицера; 21 казак был ранен, 4 офицера и 3 казака контужены. В плен удалось захватить 11 неприятельских солдат.

Убыль полка была восполнена 1 офицером, 231 строевым и 72 нестроевыми казаками. 3 офицера и 16 казаков после ранения вернулись в свой полк.

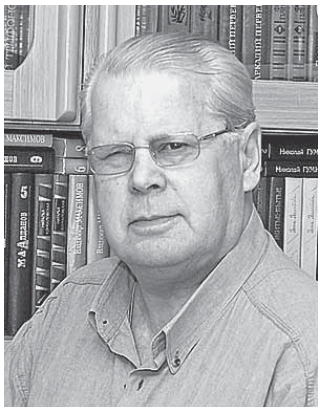
По состоянию на 1 января 1917 года полк потерял убитыми 2 офицера и 63 казака; ранено было 9 офицеров и 194 казака, контужено 4 офицера и 15 казаков, без вести пропало 7 казаков. В боевых действиях полком было взято в плен 5 офицеров и 1259 солдат, захвачено 4 орудия, в том числе 2 горных, 3 пулемёта, 8 зарядных ящиков, 4 пулемётных выюка, 1060 винтовок, 806 снарядов, 6350 патронов.

За боевые отличия казакам полка были вручены 541 Георгиевский крест, 401 Георгиевская медаль, 112 медалей «За усердие». Георгиевским оружием был награждён подбесаул Т. Афанасьев.

Полными георгиевскими кавалерами стали более 10 казаков. Среди них: подхорунжий П. Н. Баев из станицы Обручевской, старший урядник С. З. Захаров из Полоцкой, старший урядник В. А. Карягин из Великопетровской, старший урядник М. Т. Сусанин из Карагайской, подхорунжий И. М. Суходолов из Кваркенской, подхорунжий С.А. Чилигин из Великопетровской, подхорунжий И.В. Пономарёв из Наследнической, старший урядник Н. Я. Мирошниченко из Таналыкской.

ИСТОЧНИКИ:

1. Козлов, Ю. Я., Семёнов В.Г. Оренбургские казаки на фронтах Первой мировой войны: историческая хроника с именованным списком потерь 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска / Ю. Я. Козлов, В. Г. Семёнов. — Челябинск: Цицера, 2018.
2. Бешенцев, В. Г. и др. Именной справочник казаков Оренбургского казачьего войска, награждённых государственными наградами Российской империи / 2-е изд., испр. и доп. — Челябинск, 2015.
3. Завершинский, В. И. и др. Именной справочник казаков Оренбургского казачьего войска, награждённых государственными наградами Российской империи. Второй военный отдел / — Челябинск, 2012.
4. Семёнов, В. Г. Девятый Оренбургский казачий полк / В. Г. Семёнов // Челябинская область: энциклопедия. — Т. 2. — Челябинск, 2008.
5. Семёнов, В. Г., В. П. Семёнова Оренбургский казачий альбом / — Оренбург, 2012.

Александр МИТАРЕВСКИЙ

ШАНХАЙ — БУРЛЫК

Глава из книги*

Александр Владимирович Митаревский родился в 1947 году в Шанхае. Окончил Оренбургский государственный политехнический институт. Инженер-строитель. Последнее время работал главным инженером треста «Оренбурггазпромремонт». Меценат, коллекционер, издатель ряда художественных альбомов оренбургских художников. Имеет одну из лучших в городе коллекций живописных работ.

Эти два географических названия — китайский мегаполис и совхоз в оренбургской степи — связаны для меня первыми годами существования на свете, периодом, когда любой ребёнок только начинает ощущать мир вокруг себя и, чаще бессознательно, впитывать и понимать окружающие его звуки, запахи, слова и события — начинается жизнь.

Первые годы жизни. Что осталось в памяти о них по прошествии более шестидесяти лет. Когда моя любимая сестра Лёля предложила написать что-нибудь на своё усмотрение в книгу, почему-то сразу решил: это будет о самом раннем детстве. Вечерами за столом перед пустыми листками бумаги мучительно и радостно, с удивлением и замиранием сердца ждал и дожидался, когда из памяти всплывут воспоминания и

---

* Бородина Е.В., Митаревский А.В. Далёкие и близкие. — Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2013

чувства тех давних, самых счастливых лет.

Я поздний ребёнок. Поздний, долгожданный, родившийся на месяц раньше срока и этими фактами обречённый на заботу, внимание и любовь всех родных и близких. Выражения верноподданнических чувств, от простого «сю-сю, му-сю» до вечернего омытия, я воспринимал спокойно и с достоинством, уверенный, что по-другому быть не может. От питания маминым молоком пришлось отказаться, когда уже ходил и имел несколько красивых зубов и только после многократных папиных обращений: «Ай-яй-яй, Сашенька, ты ведь уже большой». Большой-то большой, но лишаться роскоши прикосновения к родному, тёплому, дающему полную защиту, когда закрываются глаза и засыпаешь в неге и покое, очень не хотелось.

Моя кровать стояла в спальне под балдахином из москитной сетки. Кроме неё в спальне были огромная родительская кровать, комод, стол, мамино красивое трюмо, ближе к выходу на обширную лоджию находилась дверь в ванную. В саду за окном зеленел газон, росли какие-то кусты. На пальмах, расположенных поодаль, громко стрекотали цикады. Китайцы длинными бамбуковыми шестами с комком клейстера на конце ловко собирали цикад и складывали в деревянные ящички. Смотрю на это надоевшее зрелище со скукой. Тропики, жара.

Перед сном Ама (няня по-русски, а звали её Тин Вун) меня купала, заворачивала в полотенце, укладывала на кровать, вытирала и припудривала все нужные места специальным тальком. Я добросовестно задираю руки и ноги, понимая важность момента. При этом Амочка всегда напевала свои китайские колыбельные, гладила меня, ласково улыбаясь. Ама по-русски знала только два слова — таракан и баклажан, но это абсолютно не мешало нашему общению. Мы с ней прекрасно и подолгу разговаривали на какой-то жуткой смеси китайских и английских слов, звучащей для окружающих полной тарабарщиной. Прислуга китаянка была и у жившей в соседней квартире бабушки Софьи Львовны. Не помню её имени, но мы с двоюродным братом Николаем любили пощекотать веточкой её голые пятки, которые она выставляла через ограждения лестницы, ведущей на второй этаж, сидя на сквозной, по всему этажу открытой веранде, куда выходили двери квартир, и улетая палочками свою китайскую еду, распространяющую запахи, не всегда совпадающие с нашими вкусами. На наши действия она громко реагировала тирадами на китайском языке. Это развлечение сопровождалось и нашими радостными воплями — «чихынган, чихынган», что в переводе означает «пятка». В нашем доме, расположенном в хорошем районе Шанхая на улице Хвай-хай

Лу и насчитывающем около 30 квартир, для прислуги был отведён весь первый этаж. Разбитый на небольшие отдельные боксы, каждый со своим входом. Я часто ходил к Амочке. Коридорчик, санузел и маленькая комната, где всегда была стерильная чистота. Кровать, стол, три табуретки, на стене портрет Мао Цзэдуна, на столике фотографии мужа и сына, живущих в деревне. Наша Амочка работала в городе ради заработка. Она была для нас членом семьи, вырастила и выкормила и Лёлю, и меня. Умела делать всё. Помню, как-то мне в глаз попала соринка и сильно резала. Я орал, тёр глаз, мама

Мама и папа. 1949 г.

прикладывала к глазу рюмочку с водой, чтобы я проморгался, всё бесполезно. В доме паника, собирались везти меня к врачу. Но Ама присела рядом, взяла мою голову в руки и одним неуловимым движением языка удалила соринку из-под века. Когда болел и приходилось лежать в кровати, сквозь мутную пелену из белой ваты, стоящую перед глазами, видел её лицо и слышал успокаивающий голос: «Синкуде, нинкуне». Она протирала меня влажной тёплой тряпочкой, давала попить сладкой воды или какие-то микстуры. Единственное, против чего я возражал и с чем боролся бескомпромиссно, это приём рыбьего жира.

Кормление моё было ритуальным и неукоснительным действием, как восход солнца. Три раза в день в гостиной накрывался стол на одну персону с правильно разложенными вилками и ложками. По утрам могло быть подано яйцо всмятку на специальной подставочке, тосты с маслом и молоко или чай с молоком. Молоко было американское, из красивых жестяных банок с сухим порошком. Банки стояли на кухне, куда мне удавалось иногда проникнуть и успеть запустить пару ложек порошка в рот.

В обед чаще всего ел суп, котлеты и кисель, и это меню стало впоследствии крылатой фразой при вопросе: «Что ты, Саша, кушал?» Ужин состоял из второго блюда и чаще всего манной каши, которую я уплетал с маслом и

посыпая сахаром. Ещё присутствовало много разных гарниров (от пюре до финтезы с соей), фруктов, свежевыжатых соков и других удовольствий, о которых ребёнок может только мечтать. В целом в еде я был неприхотлив, но строг. Всякие там помидоры, огурцы, капуста с их тошнотворным вкусом и запахом организм не принимал категорически и не принимает до сих пор.

На углу квартала, где мы жили, был маленький магазинчик, в котором продавался вкусный дутый рис. Он был расфасован в длинные разноцветные пакетики. Гуляя с родителями, уговаривал зайти за покупкой. Но главным достоинством продукта было то, что в пакетик вкладывались серебряные игрушечки-сюрпризы, выдавленные из картона. Это были самолёты, пушки, танки, солдатики, которыми мы с удовольствием играли дома. Ещё продавались там вырезанные из дерева разные фигурки. Целые многофигурные композиции, собранные на одной подставке. Например, рикша везёт в коляске даму под зонтиком или два носильщика несут на шестах «кибитку», из которой выглядывает какой-то мандарин. Всё это вместе, размером пять—семь сантиметров, стоило копейки, но тонкость работы удивляла и восхищала. У меня сохранились три таких вещицы, и уже в зрелом возрасте попробовал вырезать из дерева самую простую фигурку, стоящего китайца, — бесполезно.

Ещё к нам во двор, который мне казался огромным, часто заходил китаец и организовывал торгово-развлекательное, как сейчас говорят, шоу. Появлялся он ближе к вечеру, катя впереди себя тележку с печкой, оснащённую всеми необходимыми прибабасами. Останавливался в центре двора под пальмой и разжигал на углях свою чудо-печь. Параллельно с этим начинал орать: «Да-пин, ю-дзе, да-пин, ю-дзе», по многу раз, пронзительно приглашая почтеннейшую публику кушать и отведать его деликатесы. Деликатесов было два. Тонкие дырчатые рисовые лепёшки на пальмовом масле, которые в считанные секунды соскакивали с его раскалённой сковородки, и пышки, сплетённые из жгутов теста. Тесто это он раскатывал у всех на виду довольно своеобразно, подбрасывая в воздух, постепенно утончая и вытягивая двумя руками, превращая в витые толстые верёвки, которыми смачно хлопал себя по спине и животу. Всё проделывалось со смехом, легко и непринуждённо. Покупатели были в восторге. Нечто подобное я видел много лет спустя в Америке, в итальянских пиццериях, где, стоя в один ряд, несколько мальчишек в униформах подбрасывали высоко в воздух раскрученное на кулаках тесто, затем ловко шлёпали его на сковородки.

Все передвижения по городу совершались на велорикшах. Спереди за велосипедным рулём

восседал водитель, на задних колёсах крепилось сиденье для двух — трёх человек. Комфорт при движении обеспечивали откидной верх из толстой прорезиненной чёрной ткани и плед, которым рикша закрывал пассажирам ноги, чтобы не продуло. Поездка начиналась с того, что, подойдя к краю тротуара, мы махали руками. Всегда стоявшая невдалеке стайка рикш срывалась с места и неслась к нам наперегонки. Начинаясь торговля. Папа говорил: «Сиезе-лу, Лате-лу, ичи кве». В ответ раздавалось: «Сиезе-лу, Лате-лу, ичи-кве??? Сиезе-лу, Лате-лу, иче-у!!!» Сходились на том, что Сиезе-лу, Лате-лу будет иче-ы. Мы усаживались на этот трёхколёсный велосипед и отправлялись в путь. Хотя мой маршрут был в основном в детский сад и обратно, рикши у дома стояли одни и те же и знали нас годами, торговаться надо было всегда как в первый раз. В однообразных поездках смотреть было особенно не на что. По улице двигались сотни похожих друг на друга рикш, сотни велосипедистов с редкими вкраплениями грузовиков и легковых авто. По тротуарам шли тысячи китайцев, неотличимых один от другого ещё и потому, что все были одеты одинаково. Синий верх в форме кителя, синий низ, синие кепки и только редких людей, одетых по-европейски, а это и были европейцы, взгляд выхватывал из этого синего моря.

Были, конечно, и другие поездки. На базар меня брали редко, но помню, как, проезжая всё так же на рикше вдоль длиннейших рядов с овощами и фруктами, лежащими на прилавках и на земле, и останавливаясь, подзывали к себе с нужным продуктом продавца, расплачивались и двигались дальше. Разнообразие поражало. Только бананов больше десятка сортов — от маленьких с розовой кожей до больших жёлто-коричневых. А про ряды с морепродуктами и вспоминать не буду, и тем более про восточную экзотику — тараканы, лягушки, змеи и т. п.

Иногда мама брала меня с собой на примерки. Любимой портнихой была Шена Полонская. У неё был модный дамский салон, и шила она виртуозно, не снимая размеров, только заколов ткань на заказчице в нескольких местах булавками. Примерка проходила неторопливо, с разговорами и просмотром журналов мод. Я тогда женскими платьями не интересовался, смотрел в окно. На ярко-зелёном газоне какие-то дети играли в крикет. Слышался смех и отдельные фразы на английском. Красивая размеренная жизнь.

Китайские портные приходили на квартиру, показывали образцы тканей, сшитые в толстые прямоугольные альбомы. Я любил их рассматривать, получая удовольствие от тонких изысканных расцветок и узоров. Обмеряли, щебетали с булавками во рту

и через день, максимум два приносили прекрасно сшитое платье или костюм.

Иногда друзья родителей, чета Смольниковых, устраивали что-то вроде светских раутов для детей. Отправлялись к ним всей семьёй. Меня наряжали в праздничные одежды типа комбинезона с вышитым на груди Микки-Маусом, рубашечка, ботиночки — всё должно было соответствовать. Настроение портилось уже в процессе одевания. Наряды всегда где-то давили, где-то начинало чесаться. В гости усаживались за великолепно сервированный стол, подавались разные вкусные вещи, прислуга бесшумно раскладывала и меняла блюда, подливала напитки. За столом я хоть знал, что делать, — я ел. Хуже становилось, когда переходили в гостиную и надо

было вести светские беседы. Сопел, краснел и расстраивался. В те годы у меня с дикцией было не очень — что называется, «каша во рту». Потом, годам только к двадцати, я распелся, к сорока разговорился, а к шестидесяти, как видите, расписался.

А любил я ходить к бабушке и дедушке на маджан. Об этих удивительных вечерах Лёленька уже писала в книге «Семейные хроники» (Москва, 2000), повторяться нет смысла. Скажу только, что пончиков вкусней, чем подавала Чихынган к чаю, я в своей жизни не встречал. Сама игра в маджан меня завораживала, с замиранием наблюдал, сидя рядом с бабушкой, за действиями игроков, пытаясь запомнить и понять манёвры на столе и на досках. Только уже в Оренбурге, годам к десяти был допущен к столу,

Детский приём у семьи Смольниковых. Лёля Митаревская — вверху первая справа, я — в среднем ряду второй справа. Шанхай, 1951 г.

С сестрой в детском саду. 1952 г.

самостоятельно и быстро навсегда освоил все тонкости и нюансы игры, включая счёт. Бабушка Соня мной гордилась и называла лучшим её учеником.

Ещё у бабушки жил скворец Кокоша. Невзрачная, небольшая чёрная птичка. Скворец, естественно, был китайский, но что он научился говорить по-русски, это просто фантастика:

— Здравствуй, птичка, здравствуй. Как живёшь, хорошо? Молодец!

— Все птички пошли спать, Кокошенька пойдёт спать.

— Спать пора, спать пора.

— Боже, боже, что это такое, а?

— Пошёл вон, дурак.

Последнее выражение предназначалось для воробьёв, которые нагло клевали зёрна из клетки,

когда она стояла на лоджии. Но Кокошенька самостоятельно расширил диапазон применения фразы.

Это только часть, мною запомненная, лексикон Кокоши был намного шире. Притом его не надо было уговаривать что-нибудь сказать. По характеру общительный и разговорчивый, он болтал, когда надо и не надо. Звуки он произносил внятно, громко и решительно напирал на «р-р-р-р», да так, что многие гости подпрыгивали от неожиданности, услышав человеческий голос ниоткуда. Бабушка и дед Иннокентий Иванович несказанно радовались успехам своего любимца.

Годы летели. Надо было отправляться в детский сад. Я понимал неотвратимость этого события, был ему не рад, капризничал и потребовал, чтобы Лёленька меня сопровождала. И вот сестра, святой человек, старше меня на шесть лет, в свои летние каникулы стала ездить со мной. Это длилось целый месяц, пока я, преодолев свою врождённую скромность, адаптировался, отлип от неё и пустился в самостоятельное существование.

Детский сад располагался на территории Советского клуба. Клуб — это целый комплекс зданий и сооружений на большом благоустроенном участке с пешеходными дорожками, клумбами, вазонами, газонами и

со всевозможными тропическими деревьями и кустарниками.

Было предусмотрено всё, что надо для приятного и культурного времяпрепровождения. Здание администрации в три этажа с книжным киоском, которым много лет заведовал на общественных началах наш папа, ресторан, детский сад, летняя киноэстрада, тир, площадки для волейбола, большого тенниса, городков, гимнастические снаряды и т. д. и т. п. Жизнь кипела. Взрослые приезжали вечерами, отдыхали в ресторане, общались по интересам. Из советского консульства в книжный киоск поступали классика и все литературные новинки Советского Союза.

Меня интересовали книжечки из серии «Советская песня». На обложке был изображён пляшущий солдат в пилотке с широкой улыбкой и растянутой, тоже широко, гармонью. Мама была членом женсовета. Организовывала разные мероприятия. Постоянно проводились концерты, встречи с приезжими знаменитостями, отмечались праздники, ставились спектакли.

Я тоже со временем стал известным артистом. Отплясывал в красной косоворотке гопака в детском ансамбле.

Но звёздный час пробил, когда меня пригласили на главную роль — Деда в спектакле «Сказка про репку». Грим был сложный — усы, борода, ещё русский народный костюм с каким-то маляем на голове. Но основная

фишка — это лапти. Сплести настоящие лапти в Шанхае для шестилетнего ребёнка — задачка серьёзная, однако нашёлся среди русских умелец, и к премьере лапти у меня появились. Успех у спектакля был ошеломляющий. Публика неистовствовала от восторга.

Из детского сада к вечеру меня забирали родители, но оставались в клубе, и мне было чем заняться. Во-первых, взрослые ребята и мой двоюродный брат Николай регулярно играли в войну и брали меня. В клубе действовал кружок военного дела, где учились маршировать, обращаться с оружием, бросать гранаты и прочим премудростям. Для этих занятий в кружке имелись винтовки, практически как настоящие, и ими разрешалось пользоваться в наших играх. Помню, как почувствовал угрожающую тяжесть оружия, впервые взяв винтовку в руки, и ощутил себя грозным, сильным защитником родины. Мы носились по клубу, орали, ползали по-пластунски по клумбам с цветами (за что нас нещадно карали). Делали выстрелы наповал, прятались за пальмами и совершали отчаянные перебежки, уклоняясь от разрывов гранат и свистевших вокруг пуль, скакали верхом на ружьях как на конях. Потом дело доходило до рукопашной, но здесь мне не очень везло, и я с рёвом отправлялся искать маму с папой. В результате понял, что победу

завоёвывают не лихие кавалеристы, а упорные пехотинцы.

Среди старших мальчишек считалось особым шиком проникнуть в кино на эстраду без билета. Взрослые делали вид, что беспощадно борются с этими проникновениями, но периодически перекрывали отработанные маршруты. В одну из таких дерзких акций я увязался за Николаем и ещё двумя дыльдами старше меня лет на восемь — десять. Надо было точно рассчитать, чтобы успеть, пока показывали журнал, просочиться под эстраду и через дырку, ведущую в зал, до того как включат свет между журналом и фильмом, пулей пролететь на свободные места.

Это легко написать, а вот сделать это куда как сложнее и опаснее. Сначала мы перелезли через заборчик. Николай со своими длинными ногами сделал это легко, я же только с третьей попытки, испачкавшись и занозив руки. Потом долго пробирались в узком, загромождённом разными предметами проходе между забором и эстрадой, подлезая и перескакивая. Колька-то перескакивал, а я плюхался на что-то пузом и сползал вниз головой на землю. Наконец, попав под эстраду, а точнее, под эстрадную сцену, мы в полной темноте стали продвигаться к заветной дырке, стучаясь лбами о какие-то столбы и цепляясь за проволоку и провода. Вот заветная дырка. Николай вытолкнул меня в неё и сам быстро нырнул в зал. Два других парня

тоже исчезли. Я остался один. В отсветах падающих на экран лучей с трудом разглядел только сидящих в первом ряду людей. Рост не позволял видеть дальше и искать места в зале. Обречённо плюхнулся на приступочку в проходе между рядами, в надежде быть незамеченным. Сидел, разрываемый противоречивыми чувствами. С одной стороны, я был горд и ликовал, что, преодолев страх и опасности, сделал это. С другой стороны, понимал, что поступок этот какой-то неправильный. Потный, с шишкой на лбу, занозами в ладошках и сбитыми коленками, слушал, как колотится сердце, не видя и не понимая происходящего. Меня заметили, и какая-то женщина, взяв нежно за руку, молча повела к выходу. За несколько секунд дефиле по проходу я вспотел насквозь, и не оттого, что имел непрезентабельный вид, а оттого, что стыдно. Так закончилась моя попытка на халяву посмотреть фильм «Аршин мал алан». В дальнейшей, взрослой жизни это испытанное в детстве чувство служило мне хорошим индикатором для принятия самых разных решений: будет стыдно — значит не то решение. А фильм через несколько дней я посмотрел вместе с родителями, важно прошёл с билетом в зал и с удовольствием слушал тенорок Рашида Бейбутова, исполняющего весёлые песни с экрана.

Возили нас и в другие места. На коровью ферму, например,

наверное, с целью показать детям мир животных. Ехали долго, и я, прекрасно осведомлённый, кто такие коровы, по картинкам в детских книжках, представлял, как подойду к корове, почешу ей чубчик или за ушком, она улыбнётся и благодарно скажет: «Му-у-у». Приехали, я радостный впереди всех вошёл в помещение фермы и сразу почувствовал специфический неслабый запах. Двинулся дальше, наступил на что-то жидкое и липкое, запах усилился. В книжках об этом не говорилось. Продолжал идти уже с меньшим энтузиазмом и вдруг увидел нечто огромное, идущее из полумрака мне навстречу. Это нечто смотрело на меня мутными злыми глазами, угрожающе мотало головой, изо рта свисали длинные слюни. И оно издавало истошные звуки, совсем не «му-у». Сообразив мгновенно, что мы не туда попали, принял единственно правильное решение — взобрался на папу. Меня долго успокаивали, говорили, что это маленький телёночек решил подойти и сказать: «Здравствуй, Сашенька». Но я видел и слышал всё сам и понял, что жизнь надо изучать не по книжкам.

Помню ещё, отправились как-то на машине в «свиминг пул»

в первый раз. Бассейн педагогического университета в Шанхае располагался за городом. День был воскресный. Едем по Шанхаю — красота и чистота. Под колёсами асфальт, вокруг многоэтажные ухоженные дома, витрины магазинов сверкают. Проехали район порта. Корабли, яхты, катера рассекают воды реки Вампу. Едем дальше, я в приятном ожидании насладиться красотами пригородов Шанхая. Но что я вижу: вместо красот природы — вокруг тысячи жалких лачуг, сделанных из чего попало, прилепленных одна к другой с узкими проходами, кругом мусор, грязь и китайцы бедные, если не нищие, смотрящие на проезжающую машину пустыми отрешёнными глазами.

Потом был бассейн. Меня учили плавать, люди вокруг веселились, ныряли с бортиков, но

Русская пляска в исполнении Саши Митаревского

Шанхай. 1950-е гг.

мне было грустно. На обратном пути, чтобы не видеть эти трущобы, закрыл глаза, прикинувшись заснувшим. Пожалуй, это было впервые осознанное понимание, что далеко не всем в этом мире живётся легко и счастливо.

Развитие организма не остановить. И вот уже подошло время молочным зубам уступить своё место постоянным.

Эта процедура требовала визита к страшному зубному врачу. Меня начали готовить заранее, объясняя, что это надо сделать обязательно, чтобы новые зубы росли ровненько, требуется удалять молочные. Вот они у тебя уже шатаются и сами вылазят, но врач им поможет. К этим уговорам я относился с абсолютным

недоверием, тем более что в нашем кругу ходили разговоры о муках и боли, которую испытали мои товарищи по детскому саду, посещая зубного врача. Поэтому я отбрыкивался до последнего как мог. Только папин аргумент: «Ты ведь не трус» — заставил меня наконец согласиться. И вот с группой поддержки в лице мамы и бабушки мы двинулись на эту процедуру. Ноги не шли, руки не слушались. Не помню, как забрался в кресло и влип в него всем телом. Доктор, улыбающийся симпатичный человек, попросил открыть рот, запустил в него руку с блестящей железякой и через миг что-то звякнуло в стоящей рядом чашке. Ещё не поняв, что операция прошла успешно, я услышал 'от доктора, что ватку можно выплюнуть через десять минут, и главное — внимание — можно скушать мороженое. Домой возвращался, ликуя и жуя мороженое, решил, что вполне заслуженно могу сказать папе: «Я не трус».

Март 1953 года. Умер великий вождь и учитель всех времён и народов Иосиф Виссарионович Сталин. Настоящее горе обрушилось и на Китайскую Народную Республику. Ушёл из жизни лучший друг всего китайского народа и Мао Цзэдуна, тоже великого кормчего. Все взрослые искренне переживали. Траурными лентами обвязаны портреты вождя. Все разговоры только о нём. Мы, дети, тонко чувствуя настроение взрослых, тоже приуныли. На

траурном собрании в клубе выступал советский консул в Шанхае. Говорил тяжело, дрожащим голосом. У многих людей слёзы в глазах, женщины рыдали. Выйдя с собрания, мама спросила меня, что я понял. Отвечаю: «Мама, дядя шестнадцать раз сказал «ну». Уже тогда, в семилетнем возрасте, косноязычие меня растроивало.

Наступил следующий, 1954 год. По всему Шанхаю прокатилась волна новостей — можно ехать в Советский Союз. Уезжать было надо, это понятно. Хотя отношения между СССР и Китаем ещё не начали стремительно портиться. Папа и дедушка Иннокентий Иванович в то время преподавали русский язык в шанхайском педагогическом университете и в школе советско-китайской дружбы. У меня сохранилась подаренная дедушке книжка с трогательными записями пожеланий его китайских студентов.

Но не все взрослые в нашей семье думали одинаково. Мудрая бабушка Софья Львовна предлагала ехать в Америку. Ещё раньше папина сестра Ирина с

мужем уехали в Австралию, многие знакомые уезжали в Европу. В конце концов бабушке пришлось смириться с мнением большинства. Решено было возвращаться в Советский Союз, чтобы дать детям Родину, которую мы никогда не видели.

Начались приготовления к отъезду. Бесконечные обсуждения, что брать, что оставить. Длинные списки писались и переписывались. Заказывались предметы мебели: скамейки, складной стол, складные стулья. Шились тёплые платья и костюмы. Мне сшили красивый тулупчик из меха козы и шапку-ушанку из кенгуру. Покупались зимние вещи — свитера, рукавицы, носки и гольфы. Всего не перечесать. Ещё папа заказал несколько чемоданов, деревянных сундуков и ящиков. Постоянно что-то выносилось,

Дедушка с китайскими студентами. 1954 г.

а что-то вносилось в квартиру. Добросовестные аккуратные китайцы укладывали в ящики фарфор и посуду, обмотав каждую вещь рисовой соломкой. Набивались мягкими вещами большие американские кофры. Наконец на каждом упакованном месте писались номера и наносились по трафарету данные владельца. Составлялся окончательный список мест. Помимо всего этого надо было оформить как у китайских, так и советских властей массу документов: уволиться, рассчитаться со всеми кредиторами, сдать квартиру, взять характеристики с места работы или учёбы. От нас, детсадовских товарищей, также требовалась для предъявления на Родине характеристика.

Перед самым отъездом посетили фотосалон. Фотографировались по отдельности и всей семьёй вместе. Такими мы были тогда.

Не помню, какого числа, но где-то в конце июля мы все оказались на вокзале. То, что там происходило, отложилось в голове навсегда. Гремела браурная музыка, трудно было говорить. Вдоль всего состава из чистых зелёных вагонов стояла непроходимая толпа. Прощания, обнимания, рукопожатия. Кто-то навсегда терял свою любовь, кто-то родных и самых близких. Китайцы плачут, русские режут. Музыка громко надрывается. Надо делать счастливое лицо: Родина, коммунизм, домой, дружба навек — ура-а-а! Я как щенок

Перед отъездом на Родину всей семьёй. Июнь 1954 г.

болтаюсь между взрослыми. У меня точно горе, первое. Расстаюсь с любимой Амочкой. Она на вокзале потерянная и несчастная, в толпе среди массы китайских студентов. Поезд тронулся, все бегут, машут руками. Кричу из тамбура: «Амочка, я тебя выпишу, мы скоро увидимся». Она же одна дольше всех бежала за поездом, плача и что-то говоря. Не выписал. Не увиделись. Что стало с ней после нашего отъезда? Была ли судьба к ней добра или наоборот? Одному Богу известно. Добрая ей память, маленькой китайской женщине, искренне любившей нашу семью и, конечно, любимой ответно. Судьба забросила меня в Китай тридцать семь лет спустя, и я с грустью и нежностью вспоминал её, бродя по улицам и прислушиваясь к звукам с детства знакомой речи.

В вагонах быстро разместились и ехали с удобствами. Китайцы-проводники разносят чай, вагон-ресторан. Незаметно доехали до последней китайской станции Маньчжурия. Нас пересаживали в поданные с советской стороны теплушки, и в них мы пересекли границу. Станция Отпор. Вот она Родина, здравствуй! Вдоль вагонов стоят советские пограничники с автоматами и собаками. Лай, крики — выйти из вагонов. Стали выходить со списками своих вещей. Китайский паровоз ушёл. Наш поезд состоял из полутора десятков теплушек, а точнее, из вагонов-скотовозок, с большими раздвижными

проемами посередине. В правом углу деревянные нары в три яруса. Размещали вместе по несколько семей. В нашем вагоне было, кажется, 15 человек. Долго устанавливали ящики и сундуки, сооружая из них подобие перегородок для кухни и туалета. После перекличек и проверок папа получил подъёмные деньги, документ с местом назначения и поехали. Свершилось! Едем по родной земле, где «дышится легко и каждый человек хозяин необъятной Родины своей».

Лично для меня этот переезд, а длился он около двух недель, был интересным приключением. Я имел персональный горшок, меня кормили, укутывали и укладывали спать. Поезд часто останавливался на разных станциях. Взрослые мужчины неслись на станцию за водой, покупали у местных продукты. Почему-то наш поезд всегда ставили на самые дальние пути. И бежать к станции за кипятком и холодной водой надо было перескакивая через рельсы, а иногда подлезать под вагоны. Мужчины бегали, держа в руках кто чайник, кто вёдра, кто термосы.

Женщины выходили размяться вдоль вагонов, разговаривали, курили. Мы, мелюзга, тоже время зря не теряли. Забирались в какие-то лужи, рассматривали множество спящих в них головастиков, рвали лопухи, ходили по рельсам, но по свистку паровоза все бежали к своим теплушкам, запрыгивали в них, иногда

на ходу. Главным развлечением при движении было сидеть в проёме, свесив ноги вниз, и глядеть по сторонам. Считалось, что сидеть так рискованно, можно вывалиться, но никто не вывалился, а меня всегда кто-нибудь придерживал.

Доехали до озера Байкал, дорога проходила совсем близко от берега, и поезд специально остановился. Все бросились к Байкалу, кто-то уже плескался, другие заходили помыть ноги и освежиться. Вода, несмотря на жару, была холодная. Я бросал в озеро гальки-блинчики. Несколько камешков взяли с собой как память и долго хранили.

И вот мы уже где-то в бескрайней оренбургской степи. Выгружаемся из вагонов, и нас на машинах везут. Привозят в совхоз «Бурлыкский» Буртинского района Чкаловской области. Мы становимся участниками всенародного движения по освоению целинных и залежных земель в зоне рискованного земледелия. Партия решила, что без нас это дело не осилить.

Где-то надо жить. Рабочие уже сколотили из готовых щитов два финских домика на четыре семьи. Наша задача — утеплить, обить снаружи дранкой, заштукатурить и обустроиться внутри. Готовить в доме жарко, туалет метров за двести. Какие туалеты, удивляются местные, вон вокруг степь необъятная. Печки на улице, это да, надо. Откуда-то привезли чугунные

плиты с двумя отверстиями и куски жестяных труб. Все начали выкладывать глиняные печки. Три ряда сырого кирпича буквой «П», сверху укладывалась чугунная плита, сзади приспособилась труба для тяги, спереди — дырка для дров. Все стенки обмазывали жидкой глиной, и печь готова. Топили кизяком. Кстати, кизяк, кто не знает, — это смесь коровьего навоза с нарубленной соломой в форме кирпича, их мы тоже научились делать. Жившие рядом люди имели собственные дома, сделанные из самана, обмазанные глиной, полы земляные, крыши под соломой, редко под толем. Заборы и загородки для скота и птицы тоже из плетней. Так что наши финские домики можно считать хоромами. Мы выглядели для местного населения инопланетянами. Женщины выходили из дому в шёлковых китайских халатах, курили. Мужчины носили галстуки и шорты. Относились к нам неплохо, помогали чем могли. Бабушка Соня, хотя ей было за семьдесят, очень быстро наладила деловые контакты, бегала по деревне в поисках и меняла привезённые вещи на продукты — молоко, яйца, картошку, мясо. Местных этот товарообмен очень даже устраивал. Бабушка с ними нещадно торговалась, и они её зауважали. Мама хлопотала с утра до вечера по хозяйству, надо было всех накормить, обстирать в далеко не шанхайских условиях.

Дед начал работать в правлении счетоводом.

Для нас важно было обустроиться к зиме. Дранки не дали, цемента для штукатурки тоже. Дали только много гвоздей. Гвозди были тонкие, длинные, с загибом наверху, вместо шляпки. Было решено нарубить ивовых прутьев, растущих в избытке вдоль Урала, и ими вместо дранки обить дома. Началась работа, одни ездили рубили прутья, другие их очищали от листьев и коры, третьи колотили эти прутья крест-накрест к стенам. Я работал в третьей группе. Ивовые прутья длиной по два-три метра очень упругие и всегда в форме дуги. Такое прибить к стене не просто. Забьёшь три гвоздя, бьёшь четвёртый, первые два вылазят. А тонкие гвозди, как червяки, сгибались в разные стороны и забиваться не хотели. Опыта такой работы у меня, естественно, не было, но отбив несколько раз пальцы и изуродовав сотню гвоздей, приспособился, и дело пошло. Для обмазки стен решено было использовать глину с соломой. Всё смешивали, ходя по глине босиком и подливая воду. Затем это руками шлёпали на прибитые к стене прутья и размазывали, но я к этому процессу не допускался. Ещё надо было постоянно обеспечивать печки топливом. Топливо было двух видов. Кизяк и дрова из леса. Лепёшек коровьих для кизяка вокруг в полях было полно, но они быстро горели. За дровами надо было ездить в лес.

Нам дали длинную телегу, запряжённую двумя волами, и мы уехали на целый день. Скорость волов очень, я бы сказал, низкая, пешком раза в три быстрее, но они тащили телегу. Разрешалось в лесу рубить только курушатник, его другое название — волчья ягода. Это довольно высокие сорные кусты с красными несъедобными ягодами. Ещё можно было собирать сушняк. Вооружённые топорами, мы рубили этот чёртов курушатник, таскали к телеге, грузили, притоптывая, чтобы больше поместилось. На обратном пути волы упрямылись, наверное, от голода и тяжести. Колёса цеплялись за разные выбоины и впадины (в лесу всегда разбитые дороги). Волы остановились. Мы стали им помогать и толкать телегу сзади — стоят. Приехавший с нами из Шанхая Борис Браун, рыжий худой дядька, зашёл вперёд на несколько метров и, показывая руками направление, скомандовал на чистом английском языке: «Коман, коман» — вперёд, значит. Волы эту команду молча проигнорировали. Тогда папа пошёл на крайнюю меру и огрел обоих по задницам тяжёлым поленом. Им как раз этого и не хватало, волы с лёгкостью пошли. Ещё одно поучительное событие отложилось в моём сознании.

Надо сказать, что эту новую жизнь с её новыми реалиями я воспринял весьма адекватно. Работал вместе со взрослыми, стараясь не отставать. Наверное, с

рождения у меня руки, как говорится, были правильно пришиты и включились, когда это потребовалось. Начал быстро и уверенно тюкать молотком и довольно ловко орудовал в лесу топориком. Папа меня не хвалил, но иногда я замечал, как с одобрением он за мной наблюдает, и старался ещё больше.

Папа, чтобы получить трудодни, стал по нарядам копать погребца для овощей. У него уже начала сильно болеть язва желудка, но он с упорством продолжал работать. Помню, раз мама послала меня отнести ему в судочке обед. Приближаясь, я видел его копающим уже по пояс в яме. Он копал с остервенением, в глазах были боль и отчаяние. Я понял, что он, скорее, упадёт в этой яме, но выкопает её, и ещё я понял: это ради нас, своей семьи и детей, он так надрывается. Подошёл и в порыве пронзившей меня нежности обнял его. В следующее мгновение папа уже улыбался мне, говоря какие-то ласковые слова. А было ему тогда сорок восемь лет. Позже в Оренбурге ему сделали операцию, удалив часть желудка, и всё обошлось.

Познакомился с местными мальчишками. Вместе играли. Вместе воровали арбузы. Дело было так. На окраине отделения совхоза, где мы жили, стоял большой сарай, доверху заваленный арбузами. Внутри не пускали. Сторож, мужик с одной

деревянной ногой, вооружённый ружьишкой, заряженным солью, нас гонял, делая страшные рожи, произнося при этом незнакомые мне тогда слова. Мы нашли выход, устраивающий обе стороны. Когда очередная машина медленно выезжала из ворот склада, кто-нибудь быстро с заднего борта забирался в кузов, сбрасывал другим мальчишкам в руки два-три арбуза и кубарем, пока машина не набрала скорость, скатывался вниз. Сторож на это не обращал внимания, так как зона его ответственности за воротами склада заканчивалась. Мы, довольные, улепётывали в ближайший овражек и объедались сладкой мякотью так, что трудно было идти.

Ходили на Урал на рыбалку. Рано утром я, Николай и папа выдвигались из дома с нехитрыми рыбацкими пожитками. На берегу из ивовых прутьев делали удилица. Папа привязывал леску с поплавком из пробки, грузило, крючок. Расходились вдоль берега, насаживали червяков или комочек хлеба, иногда кузнечиков, и начиналась рыбалка. Рыба в реке была. За утро каждый успевал наловить полный кукан. Кукан — это опять же ивовый тонкий прутик не больше метра, на который через жабры и рот продевалась пойманная рыбёшка. Когда утренний клёв спадал, я начинал бегать за лягушками, бросать камни в воду. Папа отгонял

меня подальше, но к обеду мы довольные возвращались домой. Улов наш чистился, жарился и подавался на стол. Я рассказывал, какие были поклёвки и какие огромные рыбины сходили у меня с крючка. Все вежливо кивали.

Наступил сентябрь, пошёл в первый класс. Взрослые понимали, что надо уезжать в город. Школа — семилетка, Лёле надо учиться дальше, Коля уже вынужден был жить и учиться в райцентре Беляевка в школе-интернате. Папа с дедушкой ездили в Оренбург, подыскивали работу и жильё. В декабре, видимо, всё сложилось, погрузили вещи и нас в машину и в лютый мороз поехали за сто пятьдесят километров перед самым Новым, 1955 годом

жить в Оренбург. Я и сейчас в нём живу. А фотографий нашей жизни в Бурлыке нет. Не было там фотосалонов, да и всем нам было не до фотографий.

Эти воспоминания я написал ради светлой памяти родителей. Добрые, чистые, глубоко порядочные люди делали всё, что могли, ради своих детей. За всю жизнь ни разу не повысившие на меня голоса. Только спокойные разговоры, только любовь, забота и внимание, даже когда делал ошибки и спотыкался, тревогой рая их сердца. И как мало они получали в ответ. Если б я мог... Папы и мамы давно нет, и сейчас могу только сказать: спасибо, спасибо вам, мои дорогие, любимые, спасибо и простите.

Алевтина АРНАУТОВА

Я ЖИЛА КОМСОМОЛОМ...

К 100-летию ВЛКСМ

*Алевтина Андреевна
Арнаутова родилась
в деревне Борисихе
В-Тоемского района
Архангельской области.
Окончила Сольвычегодское
педагогическое училище,
факультет журналистики
Высшей партшколы
г. Ленинграда, философский
факультет МГУ. Работала
учителем русского
языка и литературы,
секретарём райкома
ВЛКСМ, доцентом кафедры
философии Оренбургского
государственного
педагогического института.
Живёт в Оренбурге.*

Детство

Родилась я 16 мая 1932 года восьмым ребёнком в семье. Всего у мамы было 9 детей. Четверо поумирали, кто в младенчестве, кто не дожив до 14 лет. Как все деревенские дети, росла в постоянном труде. Я и нянька (сестра Галя моложе меня на 3 года), я и по дому помогала: привезти с речки Узнарас 2-3 бочки воды, нарвать травы для телёнка, помыть полы, посуду, сбегать в лес за ягодами и грибами, да мало ли других дел в крестьянском хозяйстве. Была маленького росточка, худенькая, но физически очень закалённая.

В 1940 году пошла в 1-й класс Вершинской начальной школы в деревне Чёрный Ручей. Каждое утро по бездорожью, в дождь, в пургу, в морозы за 2 км добиралась до школы. Электричества и радио тогда ещё не было, уроки делала при лампе семилитровой.

Учебников на всех не хватало, успеешь в перемену что-то прочесть, так и отвечаешь. Позднее уменьье схватывать главные мысли впопыхах очень пригодилось в дальнейшей учёбе (в вузе и аспирантуре).

Мой отец Андрей Афанасьевич, 1887 года рождения, воевал на Первой мировой войне, потом до 1937 года ходил в Сибирь пилить лес на тёс. С 1937 года до пенсии работал сторожем в ОРСе (отдел рабочего снабжения). Мама, Мария Яковлевна Попова, 1896 года рождения, окончила трёхмесячные курсы ликбеза. С 1937 по 1948 годы работала председателем колхоза им. Молотова. Так что у нас в избе с 6 утра стоял шум, крик, а то и мат. Это мама выслушивала отчёты бригадиров колхоза Гурьевой А.Н., Лентяковой А.Н., Струнина В.А. и давала распоряжения на день.

Правила мама колхозом жёстко, требовательно, но, говорили, справедливо: никого не сдала сталинскому режиму, в войну, как умела, спасала колхозников от голодной смерти, никому не дала умереть от голода. Её колхоз всегда был в передовиках, но какой ценой? Призыв «Всё для фронта — всё для Победы!» был главным стимулом в работе колхозников. Фронту помогали все от мала до велика: сушили для бойцов картошку, вязали из шерсти носки и рукавицы, подписывались на государственные займы. Помимо колхозных обязательств по сдаче зерна, мяса, шерсти государству,

колхоз обязан был ежегодно заготавливать не менее 3 000 куб.м леса. С ноября до посевной трудились в лесу подростки, одинокие женщины, старики. Жили они в бараках, спали на нарах, работали с 6 утра до 6 вечера.

Стахановцев колхоз награждал манофактурой, часами, патефонами, швейными машинками, велосипедами, валенками, сапогами и т.п. За 4 года войны мама получила три премии и медаль «За трудовую доблесть».

В 1942 году к 8 Марта маме дали радиоприёмник с батарееми-кирпичами.

Вечерами наша изба наполнялась людом. Все хотели послушать это чудо, а главное, узнать, как идут бои на фронте, скоро ли наши победят проклятого Гитлера. В колхозе уже появились вдовы. В нашей деревне первой похоронку получила Зверева Серафима Алексеевна. Все с ужасом ждали, кто следующий. Из 17 мужиков, ушедших из деревни на войну, вернулись двое: один с искалеченной рукой, другой с простреленной ногой. Через полгода наше чудо-радио заглохло.

В 1943 году маму наградили патефоном с двумя пластинками: на первой — песня «Смуглянка» и романс «Калитка». На второй пластинке стихи: «Девушка и смерть» М. Горького и «Во весь голос» В. Маяковского, читал Качалов. Сбежалась вся деревня. Вскоре старый и малый пели «Смуглянку», многие знали наизусть и стихи, не понимая

многих слов, например, ассенизатор, диалектика, Гегель и другие.

Видимо, свои первые навыки вожака я и получила от мамы, от окружающих условий. Уже второклассницей я читала сказки детям и желающим в деревне. Только у нас горела лампа, остальные жители сидели с лучиной. Много читала книг вечерами, так как мама приходила домой поздно: то собрание, то правление колхоза, а то и вовсе в райцентре, а папа с 6 вечера до 6 утра работал сторожем, мы с сестрёнкой Галей всегда были одни. Вся ответственность за дом и хозяйство была на мне.

Приём в пионеры

В день Красной армии в 1944 году меня приняли в пионеры. Я понимала, что как бы недостойна быть пионером. Училась на тройки, слыла хулиганкой, но почему-то надеялась. В пионеры принимали в сельсовете. Галстуки нам сшили из красной бумажной скатерти со стола председателя колхоза Поповой М.Я. Она же произнесла торжественную речь и каждому на наши руки положила по галстуку. Мы целовали галстук, как знамя, и повязывали на шею. Потом Попова сказала громко: «К борьбе за дело Ленина-Сталина будьте готовы!» «Всегда готовы!» — ответили мы дружно. Нас было человек 16-18. Я как бы сразу повзрослела, старалась быть прилежной, серьёзной. Дома мне мама

прочитала свою мораль, что я теперь пионерка, что должна быть для всех примером и в учёбе, и в труде, не позорить нашу фамилию, чтоб маме было не стыдно за меня.

Школьная пионерская дружина была большой, человек 100. Старшей пионервожатой была учительница немецкого языка Чертополохова Валентина Петровна. И начались сборы, линейки, выборы звеньевых, обязательства по сбору золы для колхозных полей, по тимуровской работе, по учёбе.

Меня избрали звеньевой. Я отвечала за пионеров деревни Борисихи (12 человек). В 6-м классе меня избрали председателем совета отряда, состояла и в совете дружины. Сколько же полезных дел в войну и после было выполнено полуголодными, нищенски одетыми пионерами нашей школы: зимой — вывозка на поля навоза, сбор золы, весной — боронование, уборка пожень (лугов) после разлива, летом — прополка полей, подгребание сена, сбор колосков, помощь на молотье, осенью — уборка льна, картофеля, овощей. Все дети умели работать с лошадьми. Домашняя работа тоже держалась на детских плечах, так как матери работали в страду по 10—12 часов. Таким образом, характер вожака ковался у меня в труде с детства. Честь, достоинство, гордость, воля были присущи мне, я бы сказала, от мамы, это уже потом я осознанно дорожила этими качествами.

Учёба в педучилище

В 1947 году, после окончания семилетней школы, я поступила в Сольвычегодское педучилище. Справку о праве выезда за пределы колхоза дала мама. Но были у меня проблемы с поступлением, т. к. математику я сдала на двойку. Шли послевоенные годы, в приёмной комиссии, видимо, знали, в каких условиях учились крестьянские дети и как трудно получить справку от колхоза, а может быть, не хватало абитуриентов. Меня приняли условно. Я понимала, что надо оправдать доверие, старалась.

Однажды я впервые получила пятёрку и то благодаря Вале Пьянковой. Жили с ней в одной комнате, вижу, как она прижимает к груди анатомию и что-то шепчет. Я решила, что она читает про себя молитву. Спросила, что она там бормочет. «Это я проверю, все ли косточки запомнила», — ответила она. Я сделала то же самое. На завтра получила первую пятёрку в жизни. В школе у меня даже по поведению была четвёрка. Нас как-то не учили, как готовить уроки, да не до этого было, и учебников на всех не хватало. Как я обрадовалась пятёрке, поняла, что я тоже могу хорошо учиться. Появилась какая-то жажда знаний. До сих пор нет предела моей любознательности. Окончила педучилище с одной тройкой. С первого курса учёбы я была активисткой. Занималась гимнастикой, участвовала

в спортивных соревнованиях по лыжам, получила второй разряд по шашкам, выступала на комсомольских собраниях.

Жили мы в общежитии на Песках, 13 человек в комнате. 1947 год, время голодное, хлеб давали по карточкам 500 г в день, стипендия 14 руб. Всё время хотелось есть. Одевались убого, некрасиво. У меня был жакет из чёртовой кожи (чёрный сатин), два ситцевых платишка, коричневая шаль с белой каймой, шёлковая шалюшка (платок), одна пара чулок, сапоги из самодельной кожи и сандалии. Мама продала поросёнка Ваську и купила мне все эти наряды.

Жизнь в коллективе научила меня не конфликтовать, не ссориться, не выпендриваться, не завидовать, избавляться от грубых шуточек, дружить без предательства. Я была натурой необузданной, манерам не обученной. Говорила правду наотмашь, как в деревне, не щадя человека. Долго я была правдоискателем, пока не осталась в одиночестве.

А уж шуточки у меня были грубые, обидные, без царя в голове. Жила в нашей комнате Маша Кузнецова, тихая, воспитанная, хорошо одетая, одна у папы с мамой. В еде она могла многое себе позволить. Однажды она купила молока, налила его в железную миску, чтоб после занятий поест. Мы с девчонками пришли с занятий раньше Маши. Увидав миску с молоком, я предложила: «Давайте подшутим над Машей,

говорят, если положить лягушку в молоко, оно не скиснет». Сбежала на улицу, поймала лягушонка и опустила в молоко. Ждём. Приходит Маша, села обедать, мы в ожидании, что будет. Лягушонок вспыл, Маша от испуга подняла визг, миску скидывает на пол, а мы хохочем. Маша сразу догадалась, кто зачинщик проделки. Подбегает ко мне, хватает за волосы, я её тоже, и началась драка. Нас разняли, потом до меня дошло, что я поступила нечестно. Но тогда слова «прости, извини» как-то у меня были не в ходу. Говорю: «Я виновата, Маша, хотела пошутить, больше не буду».

В школе у нас тоже шутили. Четвероклассник Пашка проказник был, никакой управы не признавал. Однажды довёл своим кривлянием Римму Николаевну до того, что она не вытерпела и выгнала его с урока. Тогда он забрался в раздевалку и отрезал все пуговицы от наших пальтишек и выбросил их в уборную. На улице мороз за 20 градусов. Мы все в рёв, как дойти до дома, что скажет мама, где теперь возьмёшь пуговицы, идёт война. И что? Пашку поругали, а мне папа выстрогал из черёмухи палочки, прожёт в них дырочки и получились застёжки.

Цену дружбы, сочувствия, взаимопомощи я поняла и оценила, когда потеряла хлебную карточку. Голодала, пока мама не прислала посылку с мукой, с сухарями, с варёными яйцами, с комком масла. Целую неделю

девочки из нашей комнаты отрезали по кусочку от своей пайки и клали на мою койку в моё отсутствие. 12 кусочков — это целая «гора» хлеба. Как я была благодарна им, как мне было стыдно, что я была груба с некоторыми из них! Это был хороший урок человечности. Я помню о нём всю свою жизнь, хотя характер правдолюбца в руководящей работе заставлял меня быть жёсткой, забывая, что человек имеет право и на свою личную жизнь.

В декабре 1947 года меня приняли в ряды ВЛКСМ. Гордости не было предела. Душа рвалась к каким-то подвигам. Моими кумирами были Рахметов, Овод, Островский, Маресьев. А пока у меня одна цель: учиться без троек. Знаний нет, начитанность почти нулевая, эстетически не образована. Эту науку я так и не освоила в педучилище, вернее, как такового эстетического образования нам не давали. Мы изучали основы рисования, методику его преподавания в начальных классах, ходили в музеи, но я никогда ни от кого не слышала об иконописи, об эстетической ценности икон. Мы были атеистами. Позднее, будучи учительницей физкультуры, я позволяла ученикам кататься с горы на иконах.

Город Сольвычегодск — провинциальный городок, но в нём 11 Строгановских соборов, много музеев, один музей Сталина славил город на всю страну. Всё это я увидела своими глазами, но переварить ценность этого богатства к тому времени я не

умела: ну Строгановы, кто они такие? Буржуи, наживались на рабском труде, да ещё и рабским трудом строили никому не нужные соборы, а талантливых мастеров бросали в каменные мешки. А вот Сталин — это наш вождь, он боролся за бедняков и рабочих, за справедливость, а его за это в ссылку. Я три раза побывала в музее Сталина, жалела его, не смогла того понять тогда, что жил он в этой ссылке в сто раз лучше и сытнее, чем мы, студенты педагогического училища. А когда умер Сталин, я плакала навзрыд, думала, что теперь конец нашему счастью. Господи, какие же мы были беспомощные слепцы, когда же мы созреем до истины?

Я благодарна моему дорогому Сольвычегодскому педагогическому училищу, его директору Моданову М.П., который поверил нам, двоечникам, и принял нас на учёбу, пусть условно, через полгода мы все оправдали его доверие. Именно педучилище дало мне путёвку в жизнь, именно здесь я познала, насколько широк мир, оказалось, что Локк, Песталоцци, Ушинский уже тогда на века открыли истины, как «очеловечить человека». Я старалась познать как можно больше, уж очень хотелось быть настоящей учительницей.

Я учительница

1951 год, на руках диплом учительницы начальных классов и направление в В-Тоемское

роно. Заведующий Панов И.И. направляет меня в мою родную Вершинскую семилетнюю школу учителем русского языка и литературы и физкультуры в пятых и шестых классах. Я отказываюсь, боюсь, что не справлюсь, что не знаю программы старших классов. Он убеждает меня, что учителей в школах не хватает, а у меня отличные оценки по русскому и литературе, что не боги горшки обжигают. Характер у вас бойцовский, с учениками справитесь, да и директор школы опытный, талантливый педагог, чаще обращайтесь к ней за советом, поможет. Уговорил.

15 августа пришла в родную школу, предъявила директору Дроздовой М.О. направление. «Ну что, явилась, — с улыбкой говорит она, — вот уж не думала, что из тебя, непоседы взбалмошной, учительница получится».

Мария Осиповна была добрым, внимательным, чутким наставником мне и моим детям. Позднее она дала и рекомендацию мне для вступления в партию (1954 год). Называли мы, выпускники, её «Мать Вершинская», но ушла она в мир иной так и неопределённой добрым словом некоторыми выпускниками и их родителями. Знали же вершинцы, что школу, построенную усилиями Дроздовой, продают на дрова, но равнодушные взяло верх. Когда стали разрушать здание, то в фундаменте нашли бутылку с посланием от Дроздовой: когда построена

школа, кем и какими усилиями. Да уж поистине правильно сказано: что имеем, не храним, потерявши плачем.

Итак, мне 19 лет, на руках диплом учительницы, начитана, знаю наизусть все стихи программного материала по литературе, готова горы свернуть в работе. Этого требовала и от учеников. А деревни ещё не очухались от войны. Дети нищенски одеты, полуголодные, иным до школы идти 10 км. Интернатов не было, школьников в школах тогда не кормили, им не до стихов, одно желание: что-нибудь съесть. Да и учебники — один на троих, тетрадка на вес золота. Старалась хотя бы во время урока научить грамотному русскому языку. Позднее мой ученик Юра Зверев, будучи уже пенсионером, признавался, что он, имеющий десятки патентов на изобретения, так и не научился оформлять документы без ошибок. Да, русский Юре никак не давался, что ни диктант, то двойка, а стихи прекрасно помнил и читал.

Физкультуру я вела в 5-х и 6-х классах. А в школе ни спортзала, ни спортивного инвентаря. Как и где вести занятия? Но голь на выдумки хитра. Вспомнила, как проводил занятия с нами физрук Фефилятьев Н.М. Учились мы в белой каменной церкви, а рядом стояла деревянная Георгиевская XVII века летняя церковь, в ней-то мы и занимались физкультурой в холодные дни. К сожалению, история наших

церквей печальна. В 1930 году кучка ярких коммунистов сорвала с них кресты. Иконы, которые не успели спрятать верующие, с иконостаса были сорваны и снесены в церковный подвал. Из подвала иконы стали растаскивать: некоторые иконы пошли на столешницы, из других делали заборки и оклеивали газетами. А в 1951 году мои ученики отыскали ещё две доски, лика на них не было видно от копоти, вот они и приспособили их для катания с горы.

Сейчас эта церковь находится в Малых Корелах города Архангельска. В 1971 году на вертолётах её перевезли, и наша шатровая церковь заняла достойное место в музее деревянного зодчества. В каменной церкви сначала была семилетняя школа, затем клуб, а потом и пекарня. Запах хлеба настолько был силён, что зимой в церковь забрался медведь-шатун. На крыше церкви росли берёзы. В 2012 году бывший ученик Вершинской восьмилетней школы Татарский Александр Александрович на свои средства, силами некоторых верующих и мастеров из Тоймы, вставили окна, вывезли мусор, починили крышу, установили крест.

Как-то в конце ноября стояла холодная ветряная погода, а у меня в 6 «Б» физкультура. Решили заниматься в церкви. Сделали разминку, и Геня Муравицкий (ещё тот выдумщик на проделки) говорит: «А вот слабо вам, Алина Андреевна, доползти до купола. Мы с ребятами уже не раз там

побывали». Мне бы только образумиться и подумать: а надо ли это делать учительнице и как я буду выглядеть в глазах детей? Но моё самолюбие уже было задето, шлея попала под хвост, как говаривала часто мама. Я нисколько не сомневалась, что запросто могу долезть сначала по стене, держась за обивку, до стропил, затем на животе по бревну проползти 6 м до узла, перешагнуть на второе бревно, опять долезть до узла, а там и последнее бревно и вот он, купол. Решила, что со мной полезут ребята, которые уже добирались до купола. Они уже знают, как это делать. Шесть мальчишек с радостью побежали наперегонки. Геня, как всегда, первый. Я за ними. Ползём, кто на каком бревне. Я уже добралась до стропил. Слышу голос директора: «Ай да ребятки, ай да молодцы! Я к вам по делу пришла. Слезайте, не торопясь, только крепче держитесь, не упадите». Слезли. Все в страхе. Директора боялись даже отъявленные хулиганы. Я тоже боялась, будучи ученицей, а сейчас, став учительницей, стала бояться уже каким-то другим страхом.

Мария Осиповна берёт меня за локоть и говорит детям: «Вы смелые ребята, ловкие, сильные, надеюсь, что из вас вырастут настоящие солдаты. А теперь побудьте здесь, мне надо посеCRETничать с Алиной Андреевной». Вывела меня из церкви, развернулась и вlepила мне пощёчину. Сама вся в ярости, сдавленным

голосом тихо зашипела: «Гадина, ты хоть думаешь, что творишь! А если б кто-то разбился? Это же верная тюрьма нам обеим. Когда же ты научишься управлять собой, отвечать за свои поступки? Тебе же детей доверили, а я подумаю, доверять ли тебе их дальше. А пока иди к ребятам».

Я сгорала со стыда за своё ребячество. Но Мария Осиповна поверила в меня. Никогда, ни одним словом не обмолвилась нигде о моём ребячестве. Зато до самой своей смерти она 44 года была моим наставником, верным другом: писала мне письма, во время моей учёбы помогала денежкой, встречала и провожала меня, когда я приезжала в отпуск на родину.

Комсомольский вожак

Встала на комсомольский учёт в Вершинскую территориальную организацию. Через месяц меня избрали секретарём. Вся комсомольская, культурная, агитаторская работа проходила в избе-читальне при керосиновой лампе. Заведующей избой-читальней была Гусельникова Галя. Все праздничные, предвыборные концерты мы готовили своими силами, как умели. Сейчас даже не верится, но мы тогда рискнули поставить «Женитьбу» Гоголя. Руководила постановкой Чертополохова В.П., учительница немецкого языка. Костюмы шили сами из каких-то кусков старой материи, глядя на открытки.

Получилось примитивно, костюмы смешны, речь «артистов» невнятна. А люди с удовольствием ходили на наши постановки, дома обсуждали нашу игру, пересказывали на работе, кто как из нас играл.

Новые песни разучивали по радио. В те годы по радио часто читали стихи, передавали художественные постановки, ту же «Женитьбу» или «Фронт», драмы Островского, а новые песни разучивали со слушателями так: сначала прозвучит песня, затем диктор продиктует текст песни, затем песню споют по куплетам, а потом и всю песню. К сожалению, радио было только в избечитальне, там мы собирались, записывали песню и пели, пока не выучим. Вечерами мы учились танцевать вальс, танго, краковяк под патефон и получалось не хуже, чем у городских. Грустно, что сейчас наши дети и внуки на свадьбах своих вальсируют неумело, коряво.

Раз в неделю комсомольцы-агитаторы шли в колхозные бригады и читали колхозникам газеты, выпускали стенгазеты, оформляли листок соревнования доярок, телятниц и др. Мы были зачинщиками всех воскресников в помощь колхозам, в летние отпуска многие из нас работали наравне с колхозниками на сенокосе, на уборке урожая. Работа работой, комсомол комсомолом, а душа любви просит, но кого любить? В нашей комсомольской

организации был один мужчина, да и тот женат, зато гармонист.

В зимнее время по вечерам мы смотрели кино, если приезжала кинопередвижка, готовились к концерту, читали журналы «Крестьянка», «Крокодил», «Огонёк», газеты «Правда», «Правда Севера», «Новый север». Часто играли в настольную игру «Цветы». Суть её такова: на стол выкладывали почтовые карточки, на обороте которых столбиком написаны названия цветов, например, ромашка, роза, лютик, тюльпан, георгин, орхидея, сирень, василёк, одуванчик, репейник, гвоздика и др. 20 карточек, на каждой 10 цветков, напротив каждого цветка вопрос или ответ на вопрос. Все сидим за столом, парень, чаще подросток, подаёт мне открытку и произносит: «резида». Читаю: я хочу тебя поцеловать. Отвечаю: мак, а там написано: к сожалению, я не готова к этому. Эта игра помогала тем, кто не умел или стеснялся выразить свои чувства. Появилась игра в Вершине примерно через 2 года после войны. Мы даже не слышали, не то что видали, названия некоторых цветков. Хотелось увидеть, как они выглядят. Теперь бы сказали, что это просто психологическая игра.

В Вершину стали приезжать отпускники, студенты на каникулы. Вот тут я и попала под стрелу амура, полюбила морячка из соседней деревни. Помогла игра в «Цветы». Дружба-любовь

была трогательно красивой, думали — навсегда. Год переписывались. Потом молчание, догадки и конец моей любви. Женился мой парень. А я закаменела на целых 6 лет. Не терпела никаких ухаживаний, даже намёков на какие-то чувства со стороны мужчин. Только работа и ничего больше. Свято выполняла девиз: прежде думай о Родине, а потом о себе.

Летом 1952 года поступила на заочное отделение географического факультета Архангельского пединститута.

Секретарь райкома

1953 год. Меня избирают 2-м секретарём РК ВЛКСМ. Мне 21 год. Такая ответственность, справлюсь ли с работой, хватит ли знаний, сил, мужества? В своём самоедстве дошла до смешного: решила, как Рахметов, испытать себя. В гладильную доску набила гвоздей. Ложусь. Очень больно. А что, если лечь вначале в халате? Терпимо. Лежу. И тут прозрела: что я этим хочу доказать? Не лучше ли почитать книгу?

С комсомольским активом райцентра решили начать оживление комсомольской работы с малых конкретных дел. Путём воскресников задумали озеленить райцентр. Ранней весной посадили вдоль улицы Ломоносова молодые берёзки. Довольны. Будет красиво. Ждём первые листочки. Вскоре все наши деревья были

обглоданы козами. Это какое-то бедствие В-Тоемские козы! Но мы пока не сдались и на второй год снова сделали посадку берёзок уже на нескольких улицах. Но козы оказались сильнее нас. Никто их не пас, и они свободно разгуливали по райцентру.

Зачинщиком всех новшеств выступала комсомолка райцентра во главе с Ниной Городничкиной. Время голодное, в магазинах пусто. Одевались в то, что могли купить. Я, например, сшила себе платье из бордового сукна, теперь бы сказали по блату. Райкому было выписано со склада 3 м тонкого бордового сукна на стол первому секретарю райкома. Я упростила кладовщика продать и мне полтора метра. Два года одевала это платье на торжественные праздники, пленумы райкома комсомола, ездила в этом платье и в ОК ВЛКСМ.

Зато, в очередь, можно было купить ситец. Тогда мы и придумали проводить в клубах ситцевые балы. В Доме культуры в Тойме вывешивали афишу, что такого-то числа в клубе ситцевый бал, вход только в ситцевом платье. И стали мои комсомолки выдумывать фасоны, учились шить или заказывали в швейной мастерской. Моё платье шила Таисия Николаевна в мастерской деревни Томаша. Какие мы были нарядные, красивые в новых платьях! Самые лучшие фасоны награждали отрезами ситца.

Молодёжь охотно ходила в клубы и избы-читальни на диспуты,

вечера вопросов и ответов, на лекции, тем более, что мы пытались обсуждать проблемы, которые интересовали её, например: «В чём смысл жизни?», «Если не я, то кто?», «Береги честь смолоду», «Любовь, брак и семья», «О дружбе и товариществе».

У меня была своя тематика лекций и докладов. Лучше всего мне удавались лекции и беседы на тему любви и дружбы, а также о культуре поведения. Два мира — два детства, молодёжь мира и её проблемы. Позднее стала замечать, что я как бы прозреваю, умнею, мудрею, что ли, с каждой прочтённой лекцией. Например, говоря о любви, я вывела триединый закон любви: «надо хотеть любить, уметь любить и сместь любить».

Обком комсомола часто присылал «болванки» лекций. Я решила прочитать для молодёжи лекцию на тему «Есть ли Бог?» Правда, в то время я и в глаза не видела Библии, не говорила о Боге с верующими людьми, да и о «Братьях Карамазовых» Ф. Достоевского не слыхивала. Зато есть «болванка» лекции, понятный план, который я упростила под своё понимание темы: 1. Что такое религия? 2. Религии не было раньше и не будет. 3. Религия — рабская идеология. 4. Религия — опиум для народа. Задача комсомольцев: постоянно, кропотливо разъяснять людям, что Бог выдуман, Бога нет! Вот так легко, просто, бесцеремонно, не

ведая, что творю, я проповедовала атеизм. Теперь-то я понимаю, что я занималась богохульством. Прости меня, Господи! Просто не было среди слушателей моей беседы грамотного, начитанного человека, который одним вопросом, например, есть ли наука о религии? доказал бы мою неграмотность в вопросах богословия.

Да, мы были ярые атеисты. Как-то в колхозе «Сталинский призыв» Вася Ягушкин за бутылку водки по просьбе старушек, на росстанях поставил обетный крест. Так мы срочно собрали комсомольское собрание с повесткой дня: персональное дело комсомольца Ягушкина. После резкой критики вынесли решение: за безыдейное поведение Ягушкину дать строгий выговор и в течение суток убрать крест с дороги.

«Дунька» едет на курорт

Мне положен отпуск. ОК ВЛКСМ даёт путёвку к Чёрному морю, в Сочи. Ну а далее по сценарию: «Дунька» едет на курорт. Кроме г. Котласа и г. Архангельска, я ещё нигде не бывала. Доехала поездом Воркута — Москва до Москвы, в метро, конечно, с подсказками добрых людей, добралась до Курского вокзала, жду поезд. Ждать долго. Сижку, есть хочется. Вижу из вокзального ресторана выходят люди. Решила, чем я хуже? Правда, в ресторанах я ещё не бывала, ну, думаю, была-не была. Зашла, нашла свободный столик. Народу

в ресторане мало. Ко мне вскоре подошёл мужчина в чёрном костюме, с бабочкой. Сам обходительный, подаёт мне папку, на ней золотом написано: «меню». Читаю, чего только не написано: одних супов названий десять и всё не знакомые. Например, суп с фрикадельками или суп харчо. Я даже не слыхивала о таких супах. Вскоре увидела знакомое слово: щи. Обрадовалась, решила, что их и закажу. Читаю дальше: гуляш, бефстроганов, цыплята в табаке, удивилась, как же их люди едят. Это потом уже поняла, что я неправильно прочитала название. Наконец нашла знакомую, родимую треску. Тоже решила заказать. Ну и как всегда — чай. Стол накрыт белой скатертью. Салфетки стоят шалашиками. Официант приносит щи зачем-то в двух тарелках. Глубокую поставил на мелкую. Рядом положил ложку, два ножа — один в виде пилки, две вилки: одна нормальная, а вторая двухрожковая. Начинаю хлебать щи. За спиной появился официант и шепчет: «Можно я дам вам совет?» И начинает, что хлеб надо жевать с закрытым ртом, а суп есть так, чтоб зал не слышал. Я молча проглотила его замечание. Потом суп отставила в сторону. Он приносит жареную треску. Вот тут я и решила показать, что мы тоже не лыком шиты. Решила, что раз принёс двухрожковую вилку, значит, она для рыбы, и нож с пилкой тоже, наверное, для рыбы. Воткнула вилку в кусок трески и

стала её пилить ножом. Не успела проглотить кусок рыбки, как он опять бежит ко мне, опять шепчет, что рыба без костей, резать её не надо. Ну тут я разошлась: по-деревенски говорю ему: «Вы дадите мне нормально поесть?» Кидаю на стол пятёрку и хожу из ресторана. Он мне вслед: «Девушка, вы не сердитесь. Научитесь этикету за столом!»

В санатории «Светлана» я стала хитрить. Приходила в столовую с опозданием, чтоб понаблюдать, как едят отдыхающие. И что я увидела: некоторые так же жуют, так же хлебают суп. Успокоилась. Но решила почитать о правилах поведения за столом. Соседка по комнате из Пензы работает проформгом в совхозе. Тоже не знает, что такое этика. Это я, пока ехала в поезде, слово этикет забыла, почему-то оно превратилось в моей голове в этику. В Большой советской энциклопедии прочла и про этику, и про этикет. Библиотекарь дала почитать «Юности честное зерцало», книжечки по этикету. Побывала с друзьями в сочинских ресторанах. Стала как-то разбираться в правилах поведения в обществе. Но светского лоска я так и не приобрела: моей вольной душе некоторые формы этикета казались вычурными, не пригодными в наших лесных условиях. Позднее, в работе с молодёжью, я часто проводила беседы о культуре поведения за столом, в кино, на танцах, в музее, в театре и т.п.

Депутат райсовета

Прошёл год. Я побывала в десятках комсомольских организаций. Познакомилась с директорами леспромхозов, начальниками лесопунктов, председателями колхозов, с парторганами. Одни воспринимали меня, как пугалицу, другие отмахивались, как от очередного «толкача», а некоторые просто жалели, как девочку, взявшую ношу не по плечу. Я тоже неоднозначно относилась к ним. Одних уважала, как, например, директора В-Тоемского леспромхоза Жигалова А.А. Он никогда не отказывал в помощи, если я просила за какого-либо комсомольца, или просила материально помочь в организации концерта, вечера отдыха молодёжи или в приобретении спортивного инвентаря в какой-либо комсомольской организации лесопункта. Он всегда здоровался за руку, усаживал за стол и разговаривал на равных.

Но не любила чванливых начальников лесобаз и лесопунктов и председателей колхозов. Разговаривали такие чинуши высокомерно, делали вид, что им некогда, что ты не человек, а приехавшая обуза. Как правило, им были безразличны дела комсомольцев. Я уже тогда понимала, что значит «глаголом жечь сердца людей». Но где найти такой глагол, чтоб за тобой пошла молодёжь? Я понимала, что не должность красит человека. Авторитет завоевывается делами. А мне так

не хватало опыта, знаний, умения убеждать, вести диалог, не конфликтовать. Не учили меня этому искусству. Да и вид мой был не солидный. Приходилось прятать своё самолюбие и делами доказывать, что комсомол многое может.

Прежде, чем проводить комсомольское собрание, ходила к секретарём организации в общежития рабочих, на квартиры семейных комсомольцев, на собраниях обсуждали уже конкретные проблемы, приглашали на собрания парторгов, критиковали их за равнодушие к комсомолу. Не помогала критика на собраниях, писали в районную газету «Новый север». Например, уж очень равнодушен был к делам комсомольцев секретарь парторганизации Шошельского лесопункта, не реагировал на нашу критику. Тогда мы пишем статью «Не забывать о руководстве комсомолом». Пришлось т. Шабанову отреагировать на критику и дать хотя бы формальный ответ через газету: «Статья обсуждена на бюро парторганизации. Факты, указанные в заметке, подтвердились. Приняты меры. Разработан и утверждён план чтения лекций и докладов. Чаще проводятся громкие читки газет и беседы. Улучшена наглядная агитация». И это всё?

Была я депутатом районного Совета. В своих выступлениях на сессии я поднимала проблемы быта молодёжи района, её досуга.

Требовала ускорить строительство клубов, новых общежитий, бань, радиофицировать и электрофицировать хотя бы крупные, передовые колхозы и лесопункты. Правда, каждый мой выход на трибуну вызывал взрыв смеха в зале. Меня это обижало, но приходилось терпеть ради дела. Смеялась вместе со всеми, но и критиковала, не глядя на лица и должности.

Дело в том, что при выборе меня депутатом райсовета я должна была, как кандидат в депутаты, встретиться с избирателями Кодовской лесобазы и заручиться их согласием. Находилась лесобазы в 160 км от райцентра и добиралась я туда в течение трёх суток: 100 км в кузове грузовика, а потом ещё на трёх подводах. Ночевала на постоянных дворах на соломе, на полу, вповалку с другими попутчиками. Последние 12 км до лесобазы подвёз меня начальник Русаков А.П. Я и спросила у него, есть ли баня и когда можно помыться? Он вначале замялся, а потом объяснил, что баня есть, что сейчас зима и топят её каждый день, но бывают случаи, когда женщины и мужчины моются сразу. Не ждут, когда помоются те или другие. Дни короткие, электричества нет, баня быстро выстуживается. Да в пару они и не видят друг друга. Но ты, Попова, иди, не беспокойся, я мужиков предупрежу.

Моюсь спокойно, в пару, действительно, ничего не видно при фонаре. Поднимаю лохань, чтоб

облиться и вижу на полке мужчину. Почему-то с визгом выбегаю в сенцы, а там у входа стоят мужики и ждут, когда вымоется Попова. Встала, как вкопанная, но быстро сообразила, что в бане всего один мужчина, а тут куча. Я обратно в баню, залезла между стенкой и каменкой и кричу, чтоб подали одежду. «Вот дура приехала, — говорит какая-то женщина, — мужика испугалась, чего его бояться. Это мой мужик, он без ноги с войны пришёл, одному неловко мыться, вот я и хожу с ним. Меня предупреждали, что какая-то Попова придёт мыться. Подумаешь, цаца! Я что, из-за тебя и мужика немывтым оставлю? Ну, вот что теперь: вся выпачкалась, мужикам показалась...»

Вечером встреча с избирателями. В красном уголке битком народу. Уже все знают, как Попова мылась в бане. На сцене стол под красной накидкой. Сидим за ним: я, секретарь парткома и начальник лесобазы. Парторг держит речь: «Товарищи, к нам на встречу приехала товарищ Попова, второй секретарь райкома комсомола, она будет отстаивать наши интересы в районе. Какие будут вопросы, предложения, просьбы к товарищу Поповой?» И тут из зала закричали: «Мы за Попову, знаем её, видели, голенькую видели. Хорошенькая, не тощая, громко визжит, быстро бегаёт, будет из девки толк!» В зале долго стоял хохот. Потом парторг предложил проголосовать за

кандидата в депутаты райсовета Попову Алину Андреевну. «Единогласно», — подытожил Русаков А.П. и пожал мне руку.

Даёшь целину!

1954 год. Комсомол взбудоражен целиной. Во всех средствах информации читаем: «молодёжь — на целину!» Из ОК ВЛКСМ приходит разнарядка: направить из числа молодёжи района 30 человек на целину. Нашлись и желающие, это в основном «летуны», ребята, приехавшие по оргнабору в наши леспромхозы. Они всего 3–6 месяцев назад получили подъёмные, поработали на лесозаготовке, не понравилось, а договор заключён на три года. Решили «энтузиасты» воспользоваться призывом и стали рваться на целину. Возник конфликт между РК ВЛКСМ и начальниками лесопунктов. Человек шесть удалось отстоять, выписали им комсомольские путёвки на целину. Побывали на целине и наши молодые колхозники. Всего из района было выписано 17 путёвок, хотя желающих было много. Мы тогда жили по принципу: «в жизни всегда есть место подвигу», вот некоторые из наших комсомольцев и искали это место и уезжали из района — лишь бы уехать из дома. Их я поняла много позднее, когда прошёл XX съезд КПСС, на котором осудили культ личности Сталина.

До этого колхозную резерва-цию, когда колхозник и его дети

без разрешения председателя колхоза не могли получить паспорт и выехать за пределы колхоза, мы как бы не замечали, считали её нормой. Более того, выпускников школ мы усиленно призывали не учиться дальше, а идти работать на колхозные фермы и на лесозаготовки. В пример ставили Горковскую среднюю школу, где выпускницы 7-го класса Валя Малухина, Нина Романова, Галя Харитоновна и Зитта Русанова пошли работать в колхоз «Родина», а им не было и 17 лет. Райком комсомола настойчиво убеждал выпускников 10-х классов идти в животноводство, не считаясь с их интересами и планами. У комсомола закон: если тебе комсомолец имя — имя крепи делами своими. Господи, теперь с высоты 86-ти лет, анализируя свой жизненный путь, думаю: сколько талантов я загубила, насилуя своим комсомольским фанатизмом, убеждая выпускниц остаться работать в своём колхозе. Не ведали, что творили. Простите меня, кого я по неопытности не поняла, обидела.

Кукуруза — царица полей!

1955 год. В стране надо было решить окончательно проблему с хлебом и кормом для скота. Хрущёв Н.С. хочет перенять опыт по выращиванию кукурузы у Америки. Приглашает в страну американского фермера г. Гарста, у которого самые высокие урожаи кукурузы. Хрущёв решил, что и

в нашей стране тоже можно получить её высокие урожаи. Газета «Правда» публикует статью: «Кукурузу — царицу полей — в массы!» Что тут началось! Весь комсомол был поставлен на дыбы. Проводят Пленум ЦК КПСС, по цепочке — пленум ЦК ВЛКСМ, далее Пленумы ОК ВЛКСМ, Пленумы РК ВЛКСМ, комсомольские собрания. Цель одна: вырастить столько кукурузы, чтоб догнать и перегнать Америку. Тут и пословица к месту: «заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт».

Проводим во всех колхозах комсомольские собрания. На них ребята обязуются вырастить и собрать не менее 140—160 ц с га. Под кукурузу должны отводиться лучшие земли. А земли пахотной в районе всего-то 12 000 га. Председатели дают под кукурузу только по 1-2 га, а то и несколько соток. Дело новое, председатели осторожничают, хотя из области пришло решение, что каждый колхоз обязан выделить под кукурузу не менее 20—25 гектаров лучшей земли. Я, как первый секретарь райкома комсомола, в районной газете выступаю со статьёй, где разъясняю условия соревнования между звеньями по выращиванию кукурузы в районе. Пишу, что победителей ждут награды. Занявшие первое место получают Почётную грамоту ОК ВЛКСМ и 3 тысячи рублей. Занявшие второе место получают Почётную грамоту ОК ВЛКСМ

и 1000 рублей. Получившие третье место будут награждены Почётной грамотой ОК ВЛКСМ и премией в 700 рублей. Итоги будут подведены на 1 октября. Заканчиваю статью пафосно: «Дело чести каждого комсомольско-молодёжного звена включиться в социалистическое соревнование молодых кукурузоводов и добиться первенства по области».

Как выглядит эта «царица», мы, северяне, видели только на плакатах, а уж как выглядят семена её и вовсе не ведали, но вырастить обещали. Наступил март. Из Краснодарского края в район привезли семена. По разрядке развезли их по колхозам. Климат у нас холодный. Некоторые агрономы рекомендовали посадить семена сначала в торфоперегнойные горшочки, а высадить квадратно-гнездовым методом. И начали комсомольцы-колхозники в конюшнях, скотных дворах делать нары для горшочков, потом класть по 1-2 семечка в эти горшки, поливать. Другой способ: сеяли прямо в землю, без всяких ростков. Я участвовала в воскреснике по посадке кукурузы в одном из колхозов Горковского сельсовета. Перед этим с секретарём ходили по избам, просили школьников, старушек помочь нам в посадке кукурузы в землю. На крыльцо конторы выставили граммофон. Лошади уже запряжены в сани, на них везут горшочки в поле. Все работали весело, играючи, на 10 сотках быстро высадили все ростки.

Конец июня, наша кукуруза выросла почти в рост человека. Радуемся, ждём початки. Какие они, говорят, сладкие, на юге их варят в солёной воде и продают на базаре. Вот бы попробовать. Звонок от секретаря комсомольской организации из Горки: «Аля, у нас прошли заморозки, вся кукуруза почернела, что делать?» Пошли звонки и из других колхозов. А что делать? Мы бессильны перед природой. Зато мы помним слова Мичурина: «Не надо ждать милостей от природы, взять их у неё — наша задача». Только не отчаиваться, комсомолу многое по плечу.

Снова весна, снова воскресники, опять садим «царицу» полей, опять ждём початки. Комсомольцы наготовили еловых веток вокруг поля с кукурузой, чтоб зажечь костры во время заморозка. Прокараулили, иней пал неожиданно. Погибла наша «царица». На третий год комсомол был избавлен от посадки кукурузы на Севере. Кто-то из умных написал, что в Заполярье кукуруза не растёт. Но частушки про кукурузу ещё долго пела молодёжь на праздниках. Например: «Кукуруза, ты обуза для житья и для питья. На хрена ты нам такая, проживём и без тебя!»

В поход за культуру села

1956 год. Комсомольцы района объявили на очередном Пленуме райкома ВЛКСМ поход за культуру села: активно участвовали в проведении радио и

электричества в каждом колхозе и лесопункте. Этого требовала жизнь. В каждом сельсовете была изба-читальня или клуб, но ходить туда из бригад колхозов было далеко, темно и грязно. Решили мы провести радио в каждый дом. Не оставили мы без внимания и колхозные бригады. Силами комсомольцев в бригадах открыли красные уголки, выписали туда журнал «Крестьянка», районную газету, на стену повесили «Боевой листок», где поместили социалистические обязательства колхозников, условия соцсоревнования между бригадами, колхозами. Победителей соревнования колхоз награждал премиями, почётными грамотами. Фотографии передовиков вывешивали на Доску почёта. В посевную, в сенокосную страду агитбригады молодёжи домов культуры выезжали с концертами в колхозы, в бригады.

В эти годы молодёжь увлекалась поэзией. Стихи читали не только со сцены, но и на свадьбах, на днях рождениях, на привалах. Любимыми поэтами были К. Симонов, Н. Доризо, М. Дудин, Р. Гамзатов, Н. Некрасов, А. Асадов, В. Тушнова и др. У нас в районе рождалась своя поэтесса — Оля Фокина. Она уже печаталась в областных газетах. Я помню, как однажды Оля пришла в райком с тонкой тетрадкой и показала мне свои стихи. Я тогда ещё не разумела всей ценности этой тетрабочки, но порадовалась за Олю, что она едет учиться в Литературный институт.

Много позднее, живя в Оренбурге, я очень тосковала по малой родине, вот тогда и оценила поэзию Ольги Фокиной. Боль за родную деревню, потерявшую жителей, боль за нескошенные луга, боль за утрату всех наших традиций, обычаев в каждом стихотворении Оли — это и моя боль.

Райком комсомола старался быть в курсе и семейной жизни комсомольцев. Пытались разрешать конфликтные ситуации в молодых семьях. Это не всегда удавалось. Вспоминается казусный случай в одной семье. Казалось бы, всё должно быть хорошо у них: она воспитатель, он фельдшер. Воспитывают маленького сына. Однако жена на имя секретаря РК ВЛКСМ приносит заявление, где просит привлечь к комсомольской ответственности мужа, так как он ей изменяет, ходит к другой комсомолке. Ну, я, как секретарь райкома, решила навести порядок в этой семье. Собираем бюро РК ВЛКСМ, вызываем на бюро виновника и со всей комсомольской страстью начинаем осуждать аморальное поведение комсомольца. Он как-то пытался нам сказать, что полюбил другую женщину (комсомолку), просил у жены развода, что сына не бросит. Тогда я ставлю вопрос ребром — выбирай: либо возвращаешься в семью, либо комсомольский билет на стол. Он молча кладёт билет на стол и уходит. Вот тут-то я и завертелась, поняла, что перегнула палку, что не разобралась в ситуации. И не

диво — мне всего 23 года, не замужем, что я смыслила в семейной жизни? Зато как рьяно (чужую беду руками разведу) взялась решать проблему. Впоследствии такие заявления на бюро никогда не ставила.

Были у меня и казусы при общении с приезжими рабочими. Как-то зимой я решила разобраться с работой комсомольской организации Зеленниковского лесопункта. Именно оттуда чаще всего уезжали рабочие, нарушая договор. Лесопункт расстраивался, заготовка леса шла уже на 20-м километре, рабочих в делянки возили на мотовозе. Бытовые условия для рабочих были самые примитивные: общежития на 6—10—13 человек в комнате, иначе сказать — бараки, неудобный клуб, баня, магазинчик и туалет на улице. Даже радио было ещё не в каждом бараке, да и электричество давали с перебоями и не круглосуточно. В комсомольской организации числилось более 100 человек, на собрания приходило меньше половины.

Собираю комитет комсомола (11 человек), знакомлюсь с комсомольцами, выслушиваю их претензии к РК ВЛКСМ, к руководству лесопункта. Прошу высказать своё мнение: что мешает комитету для работы с молодёжью, чем могут помочь профком, начальник лесопункта, партком, РК ВЛКСМ. Избрали комсомольско-молодёжную комиссию по проверке культурно-бытовых условий для рабочих лесопункта.

Наметили: провести вечер отдыха молодёжи с играми, танцами.

Я готовлюсь к вечеру отдыха молодёжи. В афише объявлен мой доклад, игры и танцы. Самой любимой игрой того времени была «беспроегрывшая лотерея». Для этого мы на свои деньги (100 рублей) закупили разную мелочь: книгу, тетрадку, блокнот, мыло, расчёску, ручку, карандаши, булавки и прочее, что было в магазине. Главный приз: либо шампанское, либо дорогой одеколон или духи, или что-то значимое для молодёжи, если это было в магазине. Свёртывали рулончики с надписью предмета, сумму делили на количество предметов и назначали стоимость билетика.

Рано утром я иду в магазинчик, чтоб посмотреть, что можно купить для лотереи. В дверях стоит молодой мужчина и вежливо приглашает в магазин: «Проходите. Не стесняйтесь». И что я вижу: у дверей толпятся женщины. Со слезами умоляют мужчину выпустить их из магазина. У кого-то оставлены дома малые дети, у кого-то топится печка. Я подошла к парню и спрашиваю: «В чём дело, молодой человек?» Он грубо отвечает: «Отойди, у меня идея. Хочу посмотреть, сколько человек можно набить в этот магазинчик. Вот фашисты в душегубку набивали до 300 человек». Моя реакция на такой цинизм и наглость была моментальной. Я схватила его за грудки и двинула вбок, а там в углу стояла поленница. Но и он в

меня вцепился. Оба барахтаемся среди поленьев. В это время все бабоньки, вместе с продавцом, выскочили из магазина. Парень озверел и стал пинать меня с яростью, с матом, приговаривая, что я всю идею ему испортила, что я не знаю, с кем связалась, что живой он меня из посёлка не выпустит. Я, видимо, потеряла сознание. Он наклонился надо мной. Очухалась, вижу, течёт кровь по его лицу. Сдуру и сказала, что у него кровь... Он ещё больше озверел. Пинал меня куда ни попадя. Я боялась, что если схватит полено, то мне не жить. Очнулась. Он схватил меня за плечи и трясёт. Я и говорю ему: «Какие у вас красивые глаза. Голубые, голубые». (Это я наставления И.И. Панова вспомнила, что мужчины любят комплименты больше, чем женщины). Да я вовсе не видела, какого цвета его глаза, просто сработал инстинкт самосохранения. Он как бы замер, потом протянул: «Ну, вставай». А я и встать не могу, кругом поленья, опереться не на что. Он берёт меня за пальто, а пальто зимнее, на вате, оно меня и спасло, и бросает на прилавок. В это время прибежали начальник лесопункта и продавец. Начальник кричит: «Гуцало, опять твои проделки! Ты хоть знаешь, кого избил? Тебе же опять тюрьма светит! На этот раз тебе с рук не сойдёт! И так весь посёлок от тебя стонет». Отвёл меня Смоляков в медпункт. Фельдшер смазала зелёной царапины, синяки,

заклеила ранки. Я в ужасе: вечером в клубе мой доклад, как же я покажусь людям? А выступать придётся, иначе какой я секретарь райкома.

Отдохнула в комнате для приезжих. Снова пошла в магазин, купила для игры призы, отнесла их в контору секретарю комсомольской организации, обговорили, как будем проводить вечер. Потом, оставшись одна, пятаком, бодягой долго натирала лицо, чтоб не было видно синяков. Вечером прихожу в клуб, народу полный зал. Весь посёлок уже знает, что бандюга вербованный избил секретаря райкома комсомола. Всем интересно: придёт или не придёт Попова. На сцене какая-то трибунка. Я читаю доклад. Вдруг в зал врывается этот хулиган, поднимает руку и кричит: «Люди, внимание! Вы уже знаете, что я сегодня избил вашего секретаря. Так вот при всех я прошу у неё прощения». Смотрит на меня и спрашивает: «Простишь или не простишь?» А у меня от страха подкашиваются ноги. Что сказать? Простить, не простить? Не прошу — найдёт способ и время, как мне отомстить. Прошу — потеряю авторитет среди молодёжи. Вот и верчусь за трибункой. И всё-таки пролепетала: «Процаю». А он с бравадой крикнул: «Процайте, люди!» и вышел из зала. Начался крик, гам. Тут уж не до доклада. Я пролепетала: «Вот видите, секретарь струсила». Некоторые стали утешать, мол, чего уж тут.

Многие боятся этого бандита. Приехал, не работает, играет в карты на большие деньги, держит посёлок в страхе.

Командировка позорно скончана. Не успела я вернуться в райцентр, как меня срочно вызывает первый секретарь райкома партии Смоленцев Н.Г. «Это что за фокусы, Попова? Почему мне не доложили, что вас избил? Почему простили бандита? Избивают первого секретаря райкома — это уже ни в какие ворота. А вы показали себя беззубой, беспринципной. Немедленно идите в медпункт, возьмите там справку о побоях и подавайте заявление в милицию. Такие вещи прощать нельзя!» Я наотрез отказалась писать заявление. Объяснила тем, что я принародно простила его и обратно слово брать не могу. Теперь на меня орал уже первый секретарь РК КПСС. Напоследок сказал: «Если вы, Попова, не подадите заявление, это сделаем мы, но тогда будем на бюро ставить вопрос о вашем пребывании в партии». А на завтра и след простыл нашего хулигана. Вопрос о моём членстве в партии как бы сам собой отпал.

Но на этом история моя с Гуцало не закончилась, хотя я уже и не вспоминаю об этом казусе. Года через два, а может и больше на райком, на мою фамилию приходит извещение на посылку. Получаю, открываю, а там солёное сало, килограммов шесть, сухофрукты и письмо. Теперь я сожалею, что его не сохранила.

Смысл его таков: пишет вам тот самый хулиган, который избил вас в магазине. Я вам буду благодарен всю жизнь, что не засадили меня в тюрьму. Я там уже был два года за дурость. Теперь я поумнел, женился, у нас растёт сын. С помощью родственников построил хату, имею своё хозяйство. Вот посылаю вам сало солёное. Кушайте на здоровье. Слова в письме то на русском, то на украинском языке. Куча ошибок. Что делать с посылкой? Афишировать я не стала, а то бы опять была объектом насмешек. Сало отнесла в детдом. Гуцало написала, что рада за его семью, что сало отдала детям.

Учёба в ЦК ВЛКСМ

1957 год. Я уже пятый год руковожу комсомольней района. Жизнь требовала новых форм и методов работы с молодёжью. В феврале меня направляют на шестимесячные курсы первых секретарей райкомов в центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ. Вместе с нами учились секретари комсомола из Албании, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Китая, Кореи, Монголии, Польши, Румынии. Я была куратором у албанцев (3 человека). Учила их разговорному русскому языку, вместе ходили в театры, в музеи, в турпоходы и т.п.

Учёба идёт своим чередом, много интересного узнала на семинарах по обмену опытом работы с молодёжью. Прошёл очередной

Пленум ЦК ВЛКСМ, на семинар приезжает секретарь Центрального комитета комсомола т. Месяцев. Мы все в ожидании: уж он-то нас научит, объяснит нам все секреты, формы, методы работы с молодёжью. А он с понтом вышел за трибуну, раскрыл свои записи и около часа, не отрываясь, читал содержание Пленума ЦК о роли молодёжи в развитии сельского хозяйства. Такая скупка, ни одного конкретного примера. Полное разочарование. Пищу записку: «Товарищ Месяцев, мы приехали в Москву за 3000 км не выслушивать постановление ЦК, мы его уже изучили, а узнать, как нам лучше работать с молодёжью, познакомиться с опытом комсомольской работы в других странах». Записка дошла до докладчика. Месяцев прочёл записку, побагровел, почти закричал: «Кто написал эту записку?» Из зала кричат: «Прочтите записку». Он помедлил и зачитал. Я встала и говорю, что это я написала. Зал зашумел: как ты смела такое написать, он же секретарь ЦК. Другие кричат: «Молодец, Попова!»

Назавтра меня вызывает секретарь парторганизации школы, с гневом выговаривает мне, как я могла такое написать, ты подумала бы прежде, что тебе будет за это. Срочно собирают партсобрание с повесткой: персональное дело коммуниста Поповой. На собрании голоса разделились. Большинство меня отстояло, даже оставили для работы на Шестом Всемирном фестивале молодёжи

и студентов. Приговор: Поповой А.А. за бестактное поведение на лекции т. Месяцева поставить на вид. Но то ли была «оттепель», то ли т. Месяцев повёл себя как мужчина, меня «не таскали» на большой ковёр в ЦК ВЛКСМ.

Шестой Всемирный фестиваль молодёжи и студентов

На фестивале я работала с норвежской делегацией. Жили мы в гостинице «Алтай», там же питались. На улице под шатрами были расставлены столики с таким разнообразием блюд, которые нам и не снились, разве что при коммунизме такое может повториться. Мы подходили, выбирали, что нам нравится, и садились за столик. А что я могла выбрать, когда не имела представления, что это за блюдо, и вкусно ли оно. Я иногда хитрила и брала то, что выбирал иностранец, чаще следовала выбору девушки, одетой чересчур вызывающе. Ну и что, блюдо оказывалось, на мой вкус, совершенно не съедобным. Тогда хватала сосиску в булке и родимый чай. Даже к сокам не была приучена, «сельпо — оно и есть сельпо!» Много позднее, побывав в городах, на курортах, учёбе в Ленинграде, Москве, я многое познала о вкусах зарубежных друзей.

Из гостиницы на все мероприятия возили нас на автобусах. На улицах Москвы было такое многолюдье, что с трудом проезжали. Окна автобусов открыты,

встречные пожимали протянутые из окон руки. Некоторые на ходу успевали обменяться чем-нибудь. К середине фестиваля все иностранцы были увешаны разными значками, пионерскими галстуками, нашими косынками. Некоторые носили наши кепки, фуражки, пилотки, бескозырки. Балаган и только. Вначале я была просто шокирована поведением иностранных девушек: их волосы ключьями висели по плечам (а я-то всё ещё жожу с косой). Если б увидела это моя бабушка, то сказала бы: «ходят, как лешачихи». Юбки у девушек выше колен, по-моему, это просто бесстыдство. Груды у девушек обнажены до неприличия, при всём честном народе ходят с ребятами в обнимку и даже целуются принародно. Меня просто коробило их поведение и я в душе гордилась своими комсомольцами: они бы так не повели себя.

За 15 дней фестиваля я как-то попривыкла к их образу жизни, но сама не сделала никакой попытки в чём-то подражать им. Зато к 2017 году наша молодёжь перещеголяла всяких там американских, английских, африканских девушек и юношей в своём поведении, а умом, душой как бы деградировала.

Шестой Всемирный фестиваль в Москве приоткрыл нашему народу железный занавес. Мы воочию увидели, что там, за занавесом, люди живут иначе и вовсе не хуже нас. Общительные, не затюканные, улыбчивые,

никакой агрессии в общении, ни норова, ни высокомерия. Люди без комплексов. За работу на фестивале ЦК ВЛКСМ наградили меня медалью фестиваля.

Лучшие комсомольцы нашего района были делегированы на фестиваль, как гости: это и доярки, телятницы, лесорубы, учителя и др. Путёвка стоила 1600 рублей. Поездку оплачивало предприятие, на котором работала молодёжь. Позднее на молодёжных мероприятиях мы все делились своими впечатлениями о фестивале. А я лично как бы 15 дней жила при коммунизме. Прошло уже 60 лет, уже давно нет нашего Советского Союза, уже не существует Берлинской стены, железного занавеса, уже мы только Россия плюс Крым, уже давно нет комсомола, уже за всё платим деньгами: российскими, немецкими, английскими, американскими, а дальше как быть, к чему стремиться молодёжи, какое у них будущее?

Во время учёбы в Москве я познакомилась с таким же неутомным, преданным комсомолу секретарём Краснохолмского РК ВЛКСМ Оренбургской области. У нас было много общего в увлечении литературой, театром, музеями, турпоходами и т.п. О замужестве и речи не шло — дружба превыше всего. Три года переписывались, делились комсомольским опытом. Он не вылезает из командировок по целине, он инструктор ОК ВЛКСМ.

Я уже учусь в Ленинграде. Иван Арнаутов в мае 1960 года прилетает в Ленинград и зовёт меня замуж. Я пообещала, что приеду посмотреть целину, тогда, может, и решусь.

Наступили каникулы, я приезжаю в свою Борисиху и говорю родителям, что меня зовёт оренбургский парень замуж. Родители говорят — тебе решать, но и подумай, тебе уже 28 лет, пора уgomониться. Я тогда выставляю последний довод, что ещё не время: у меня даже денег нет до Оренбурга. Мама в ответ: «А мы корову продадим», так я и поехала на целину выходить замуж. 18 августа 1960 года в селе Городище зарегистрировали наш брак и сыграли свадьбу со всеми их обычаями. 1 сентября 1960 года я уже в Таврическом дворце продолжаю учёбу на 2-м курсе Ленинградской Высшей партшколы. Так и жили 3 года: муж в Оренбурге, я в Ленинграде, встречались на каникулах, то в его селе Городище, то у меня в Борисихе. Прожили вместе 50 лет, бывали семейные бури, но это и не удивительно: два сильных, непокорных характера, но общность интересов, увлечений, да и ответственность за семью всегда брали верх. Но родину малую я никогда не забывала. Все отпуска проводила только в своей Борисихе. «Заразила» Севером и мужа, и детей своих, никакие моря и юга им не нужны, только бы не сорвалась поездка

на Север. Во время отпуска выступала на семинарах, в клубах района, печаталась в районной газете «Заря».

Да, мы были романтиками, у нас были идеалы, мы верили в лучшее будущее, работали, не щадя себя, во имя своих идеалов. И не жаловались на нашу экстремальную жизнь с неустроенным бытом: жили мы вдвоём в комнате в 14 квадратных метров, с печным отоплением, с кухней на 5 семей, с водой в колодце, с туалетом на улице, с баней, где придётся. Район огромный, в ледоход и в ледостав, разделённый непроходимой рекой Северная Двина. Транспорта у РК ВЛКСМ не было, да и дороги наши были почти непроходимы. Выручали свои ноги. Но просвет уже был виден. Комсомольская организация района пополнялась новыми рядами молодёжи. В районе строили, в том числе и силами комсомольцев и молодёжи, новые клубы, медпункты, общежития, школы. Радиофицировали каждый колхоз, лесопункт, в отдалённых сельсоветах построили грунтовые аэродромы. Появились стационарные точки проката кинофильмов в каждом крупном сельсовете и лесоучастке. Художественная самодеятельность была на таком уровне, что после отбора на смотрах наши артисты получали лучшие призы в районных и областном смотрах.

Это был мой последний пленум. 19 января 1959 года я ушла на работу в райком партии пропагандистом. Первым секретарём райкома комсомола был избран т. Аниканов.

Работала 35 лет на кафедре философии Оренбургского пединститута, с перерывом в три года, так как очно училась в аспирантуре МГУ на философском факультете по специальности «Этика». Моя кандидатская диссертация называлась «Критика этических воззрений русских неокантианцев» (Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве и другие.) С 1998 года на пенсии.

Сейчас 2018 год. Что случилось с моим В-Тоемским районом, в котором было три леспромхоза? Они давали стране более миллиона кубометров леса в год. С колхозами, их было более 30-ти в районе, с комсомольцами, их было более 1300 человек. Ничего этого в районе уже нет. Теперь наш район не перспективен. Стареет район, умирает. Молодёжь уезжает, деревни исчезают, дорог нет, аэродромы ликвидированы, пароходы не ходят. Река Северная Двина уже не судоходная. А ведь было, всё было, и мы были!

Но я верю, что наступит новый, более прогрессивный виток развития районов Севера. Наши потомки уже лучше, рачительнее нас будут осваивать северные богатства и строить свою жизнь разумнее и счастливее нас.

Виктор ПОЛЯНИЧКО (1937-1993)

ЗАПИСКИ КОМСОРГА

Главы из книги*

Чем ближе подходила демобилизация, тем чаще солдаты и сержанты прикидывали:

— Куда после армии?

Газеты звали на строительство железной дороги Абакан — Тайшет, в Норильск, в Дивногорск... Сослуживцы командировали меня, комсорга полка, в обком ВЛКСМ: «Поразведай насчёт комсомольских путёвок. Выбери поинтересней...»

Посоветовавшись с первым секретарём Оренбургского обкома Петром Алексюком и с инструкторами, я вернулся в часть и горячо предложил:

— Едемте в Гай!

Друзья были не в восторге.

— Вот так выбрал! Ну что за ударная стройка — в трёхстах километрах от города?..

Мечты неслись на Север, в тайгу, туда, где нужны были только первые.

В апреле мы демобилизовались. Немногословные командиры, товарищи сказали нам напутственные слова, подарили приёмник «Турист» и проводили вечером на вокзал.

Поезд бежал в ночную оренбургскую степь, а душа рвалась назад, к однополчанам. Армия! Тысяча дней позади. И каких дней!..

В рассветной мгле виднелись высокие дымящиеся трубы и корпуса Орско-Халиловского металлургического комбината. Сердце мое радостно дрогнуло. Здесь я уже бывал в прошлом году, накануне пуска второй комсомольской домны. Встречался с начальником комсомольского штаба стройки Владимиром Максименко. Повидал его в работе. Какой же это был организатор-виртуоз!

К нему шли отовсюду, со всех строительных площадок... Володя всем был нужен: мастерам и прорабам, поварам и журналистам, инженерам и бригадирам. В кирзовых сапогах размашисто ходил он по стройке, старался всё видеть и слышать, на ходу принимал решения. В штабном вагончике, не выпуская телефонную трубку, диктовал тексты «молний» и «тревог», кого-то вызывал в штаб, кому-то писал письма... И всё это делал быстро, чётко, с огоньком. Максименко горел в работе и зажигал собой других.

---

* Поляничко В.П., Поляничко Л.Я. Время выбрало нас. — Оренбург, Печатный Дом «ДИМУР», 1997

Комсомольские штабы в те годы только создавались, опыта не было. Многое зависело от того, кто штаб возглавляет. И когда в обкоме зашёл разговор о предстоящей работе в Гае, мне сразу же вспомнился Володя Максименко и весь тот напряжённый день, проведённый с ним на ударной стройке. «Смогу ли я так, как он?»

И вот снова распахнулась перед глазами знакомая панорама рабочего города, за которым где-то в ковильной степи, в сорока километрах от Орска, и находилось местечко с романтическим названием — Гай. Геологи нашли здесь медную руду. Строительство Гайского горно-обогательного комбината только-только начиналось.

В кабинете первого секретаря Орского горкома партии Ивана Артёмовича Хлевина собрались Пётр Алексюк, секретарь горкома комсомола Александр Николаев, работники аппарата. Пригласили и меня. Обговаривали стратегию и тактику Всесоюзной ударной стройки. Обращаясь ко мне, Хлевин сказал:

— Едешь на передний край. Создай здоровое ядро. Без актива нет коллектива. Почаще звони, советуйся. Ну, держись, старшина!

Отправлялись на стройку ранним утром. Дым заводских труб сливался с низким небом. За городом асфальт кончился, вместо дороги — набухший снег. Машины забуксовали и вскоре

остановились. Со мной ехала группа демобилизованных воинов. Пробовали идти по снежной целине, но тщетно — вязли, проваливались по колено. Помогла солдатская находчивость: к трактору прицепили лист железа и, балансируя на этой «площадке», поддерживая друг друга, тронулись в путь. К вечеру остановились на взгорке. Тракторист махнул рукой:

— Вот наш Гай.

Справа чернела рощица, маячил каркас шахты, пестрели проталины, слева виднелись три домика, из землянок курился дымок.

Нас встретил парторг стройки Николай Иванович Коньчев. Отогревшись в его комнатке, обсудили план подготовки к завтрашнему комсомольскому собранию. На ночлег разошлись кто куда. Первые ночи коротали в землянке под ивами, у старика-возчика. Старик нахваливал высокую проходимость своего, гужевого транспорта: «Из города ушёл, там везде асфальт. За день так настучит голову, а здесь по земле едешь, как по пуху».

От него впервые услышали мы о целебных свойствах гайского озера, которое стало ориентиром в поиске медных руд. Тут же, при свечке, я сделал первые записи в дневник.

Собрание провели на пустыре, изрытом канавами, заваленном грудями камня и земли. Сидели на шлакоблоках и поставленных на ребро кирпичях. Не было

ещё какого-либо помещения, сидели под открытым небом. Не было ещё и жилья, но ребята не унывали. Их выступления были бодрыми, умными, конструктивными. Секретарём комитета избрали Владимира Гуркина, начальником комсомольского штаба — меня.

Приехавшее на собрание начальство из Оренбурга и Орска в тот же вечер укатило со стройки на... железном листе, который тянул по весеннему бездорожью трактор. Разошлись и ребята. По землянкам и палаткам. Говор, смех затихали то в одном, то в другом конце степи, словно прихлопнутые дверями землянок.

Работники же комсомольского штаба всё ещё стояли возле сколоченного из неоструганных досок столика и обсуждали ближайшие дела. На душе было какое-то неясное ощущение неудовлетворённости: очень уж буднично прошло это первое собрание.

Впрочем, что теперь поделаешь? Собрание окончилось. Ребята разошлись.

— А как у нас насчёт музыки? — обратился к штабистам один парень. — Танцы бы...

— Можно и танцы. Но подо что танцевать?

— Комсомольская организация создана. Культсектор есть. Вот пусть и проведёт первое мероприятие — танцы под луной! — настаивал парень и чуть погодя предложил:

— Есть тут у нас гармонист. Коля. Хотите приведу?

Собралось человек двадцать. Принесли гармошку. Коля уместил её на коленях, пробежал пальцами по клавишам. Ребята и девчата, разбившись на пары, доверчиво зашаркали по щепно и щепкам.

Но гармонь вскоре подвела: залегли басы. Коле светили спичками, он усердно колупал утонувшие в грифе клавиши.

Кто-то зло бросил в темноту:

— Эх вы, начальники... Людей взбаламутили, а танцы того...

Кто-то нехорошо засмеялся.

Тут я вспомнил о портативном радиоприёмнике «Турист», вынул его из армейского вещмешка, наугад покрутил ручку настройки. И сразу же, словно по заявке, полилась мелодия старинного русского вальса.

Снова закружились пары.

Расходились поздними лунными тропинками.

Довольные, прощаясь, хлопали друг друга по плечу.

Девятое мая стало днём рождения Гая. С утра поступило сообщение: на стройку прибывает большой отряд комсомольцев. Тот день был очень солнечным, весёлым. В зелёной степи белели палатки, повсюду алели флаги. В полдень колонна машин отправилась в город за добровольцами. На перроне уже сверкали трубы духового оркестра. И вот показался поезд, украшенный цветами, кумачом. На привокзальной площади вспыхнул митинг. Трибуной стал один из бортовых

грузовиков. Ещё в дороге Гуркин предупредил: «Микрофона не будет. Давай погромче, по-солдатски!»

После митинга сразу же поехали в Гай.

Колонна машин остановилась на холме, с которого открывался вид на будущий город. Белые пунктиры палаток да ниточки красной глины, обозначающие фундаменты будущих домов и зданий. Подъехали к палаточному городку. Некоторые новосёлы были даже разочарованы: они настроились бороться с трудностями, а тут кровати с панцирными сетками, белые простыни, тумбочки с цветами, стулья...

Перекусив, ребята стали собираться на работу.

— Отдохнули бы с дороги.

Куда там! Некоторые, не дожидаясь утра, вышли на работу во вторую, ночную смену.

На оперативках и собраниях, в штабе и палатках в те дни слышалось одно — ЛЭП. Это слово не сходило с листов «тревог» и «молний», со страниц газет. Башенным кранам, экскаваторам, бетонным узлам, кухням, радиоприёмникам, утюгам, электробритвам нужна была постоянная энергия. «Лэповскими» месяцами стали апрель, май, июнь. Самых крепких ребят, знающих строительное и монтажное дело, направили на сооружение ЛЭП. До ближайшей электромагистрали Ирикля — Орск предстояло установить 38 опор.

Стройка рождала ударников и новаторов. За 22 часа непрерывной работы Миша Федюкевич, Петя Кошкин, Коля Пашков, Михаил Ферафонов уложили в фундамент подстанции 240 кубометров бетона. Одна за другой подъезжали машины с красными флажками. Но к вечеру возникли перебои. В чём дело? Девчата приустали. Шура Чебыкина попросила помощи. Я тут же сел на мотоцикл и помчался в радиозел. «Друзья! Бригада Михаила Федюкевича работает без перерыва вторую смену. Так же трудятся девчата на бетонном узле. Они устали. Нужна помощь. Ждём!»

Захлопали пологи палаток. Отобрали двенадцать парней и направили их на бетонный узел. И снова конвейер заработал непрерывно. В середине ночи вышел из строя движок. Пришлось установить три автомашины и при свете фар закончить укладку бетона.

Котлованы под опоры сначала рыли вручную. У каждой площадки был свой нор. Девятнадцатая опора попала на яшмовую гряду. Камень не брали отбойные молотки, не помогли и взрывники. Пригодился дедовский метод: разводили костёр, раскалывали яшму, потом на неё выливали холодную воду. И снова за молотки и ломы. Так сантиметр за сантиметром шли вглубь.

Ещё «злее» оказалась двадцать четвёртая. Попала она в озерко, которое ни проектировщики, ни геодезисты в январскую

метель не заметили. По непролазной грязи мы с Володей Гуркиным пробрались к оторванной от большой земли бригаде Толи Михайлова. Мы настаивали на том, чтобы прямо в воде кессонным способом установить фундамент. К Толе и его ребятам присоединилась бригада Михаила Федюкевича, на помощь пришли инженеры, специалисты. Повариха Рая Абсалямова днём и ночью кормила ребят. В студёной воде пришлось поработать и штабистам, но долгие других находился в купели Миша Зулкорнеев. Комсомольцы сделали, казалось бы, невозможное, и фундамент вскоре принял на себя тяжёлую мачту.

На ЛЭП отличился и Анатолий Бусаргин. Ещё по зимнику он перегнал свой экскаватор из города. И теперь, когда подсохло, получил задание рыть котлованы под опоры электромачт. Работал вместе с геодезистом Иваном Андреевым далеко в степи — насыпали бугры глины. С яшмовой гряды они смотрелись как шлемы богатырей. И вдруг на Анатолия поступила жалоба: отказался рыть котлован под двадцать шестую. Уже было занёс ковш, а потом вылез из кабины и заявил:

— Рыть не буду. Цветы жалко.

— Я было начал рвать, так он, лирик, ковшом отогнал, — жаловался геодезист.

Я поехал к котловану. По дороге встретил и пригласил в кабину жену Бусаргина.

Экскаваторщик принял нас прохладно:

— Что, агитировать приехали?

Долго сидел в раздумье, не решаясь поднять руку на поляну красных тюльпанов. Потом бережно поддел ковшом пласт цветущей земли и поднёс его к жене. Она от неожиданности вскрикнула и начала рвать, рвать сотрясаемые дрожью мотора степные цветы. А Толя снова и снова преподносил ей радость весны, красоту земли, свою трудовую радость. Двадцать шестую и сейчас зовут «цветочной». В квартире Бусаргиных хранится «молния», посвящённая Анатолию, а на шкафчике — высохшие полевые цветы. Это те самые, с двадцать шестой.

Так одна за другой поднимались в солнечной степи ажурные мачты. Срочно потребовался трансформатор. Телефонные разговоры, телеграммы, письма — всё как о стенку горох. Управляющий трестом попросил направить в Запорожье боевого комсомольца. Выбор пришёлся на члена штаба Гену Кочергина. И он выехал. Дни и ночи проводил в цехах трансформаторного завода. На собраниях рассказывал о Гае, просил заводских комсомольцев поработать в субботу и воскресенье, сам стал к станку. Наконец трансформатор был готов. Но его предстояло ещё отгрузить.

Начальник заводского техснаба, черноглазый армянин, несмотря на горячие просьбы Геннадия

ускорить отгрузку, твердил лишь одно: в порядке очереди.

— Ну ради вашей солнечной Армении ускорьте отгрузку. Ради Сильвы Капутикян, ради Арама Хачатуряна. Ради ваших земляков, которые работают на нашей Всесоюзной ударной! — умолял Геннадий.

— Что? — уже с интересом взглянул на парня техснабовец. — Ты Арама Хачатуряна знаешь? «Танец с саблями» знаешь? Ах, горячая кровь, правда?

Вскинув руки, прошёлся на цыпочках вдоль стола.

Потом взглянул на удивлённого Геннадия, сел и сказал тусклым голосом:

— Когда подойдёт очередь — тогда и получишь. Не мешайте работать.

Геннадий побежал на трамвайную остановку.

— Скажите, где магазин грампластинок?

«Танца с саблями» там не оказалось. Удручённый, вернулся на завод, зашёл в комитет комсомола.

— У вас есть собиратели пластинок? — спросил он у ребят. — Может быть, найдётся у кого-то хачатуряновский «Танец с саблями»? Во как нужен!

Секретарь комитета улыбнулся и начал звонить ребятам, стремясь помочь Кочергину в его несколько странной просьбе.

Через полчаса Геннадий с пластинкой в руках снова вошёл в приёмную начальника технаба, где в углу, возле холодильника,

стояла массивная радиола. Тигрину конторы тотчас прорезала вихревая мелодия танца. Смягчились строгие лица снабженцев и экспедиторов.

— Ай, весёлый, горячий человек ты! Люблю. Сам такой. А главное, не за себя, а за дело воюешь, — говорил армянин, и в его горячих глазах искрилась щедрость. — Трансформатор, говоришь? На три месяца раньше? Так, так, так... Хорошо. Сам займусь.

Две тысячи километров проехал с трансформатором Геннадий, не допуская ни малейших задержек на сортировочных станциях.

И вот трансформатор в Гае, подключён к ЛЭП. Вспыхнули красные сигнальные лампочки — подстанция приняла ток. А через две минуты на громоотводах загорелись слова: «Мир», «Гай». Пунктир огоньков оцепил палаточный городок. Я заглянул в палатку к Кочергину. Геннадий что-то писал.

— Мы договорились с Суреном Гургеновичем, начальником технаба, что, как только дадим на стройку электросвет, я при этом первом свете напишу ему письмо. Отзывчивый человек, в молодости танцевал в самодеятельности.

Вместе с Геннадием мы сели и написали доброе письмо в Запорожье. Письмо о свете дружбы.

В конце мая состоялся митинг, посвящённый заключению договора на соревнование между

гайстроевцами и строителями стана «2800» Орско-Халиловского металлургического комбината. Кузов машины был превращён в трибуну, на неё поднялись гости, передовые строители.

Первый секретарь обкома партии, рассказав о задачах строителей, обратился к участникам митинга с неожиданным вопросом:

— Пора подумать о названии будущего города. Как назовём его?

Из толпы неслось:

— Гай! Гай!

— А почему?

— Потому что Гай — это зелёная роща. Вот мы и сделаем наш город зелёным, цветущим.

— Потому что здесь проходил в гражданскую войну начдив Гай.

— И до нас это местечко называлось Гаем.

— Верно! Красивое название.

Первый секретарь поднял руку:

— Убедили. С этого дня будущий город будет называться Гай. И пусть в его имени сольются воедино и красота зелёной рощи, и множество героев революции. В добрый путь, Гай!

В Гае легче было достать молоко, чем воду: её привозили из соседней деревни Калиновки. Не раз утром в палаточном городке слышалось:

— Опять нет воды. Пойдём рой умываться.

Это значило, что шофёры водовозов не смогли пробиться — развезло дорогу. Нехватка

воды сдерживала работу бетонно-растворных узлов, чахли посаженные деревья. Своеобразной дорогой жизни стал строящийся водовод.

В середине июля Иван Артёмович Хлевин попросил меня собрать внеочередное заседание штаба.

— Хотим посоветоваться, как быстрее пустить водовод, без воды туго. Но есть ещё один объект, без которого нельзя жить, — школа. И на водоводе, и на школе не хватает ежедневно 15—20 тысяч штук кирпича. Темпы работ опережают поставку материалов. Нужен кирпич.

Сообща искали выход из сложившейся ситуации. Решили направить на все кирпичные заводы области письма-просьбы к комсомольцам: поработайте в воскресенье, дайте 30—40 тысяч штук кирпича сверх плана. Группа каменщиков выступила с открытым письмом в областной газете и по радио.

Откликнулись Оренбург, Бузулук, Бугуруслан. «Мы обсудили», «Мы приняли», «Мы с вами...» Штабисты довольно потирали руки. Но управляющий трестом Алексей Васильевич Радостев хмурился. Всё это придёт в августе, а в июле что делать?

Подумав, первый секретарь горкома партии посоветовал:

— Надо съездить в Медногорск. Там есть кирпичный заводик. Попробуйте договориться.

На заводе провели собрание. Молодёжи среди рабочих было

мало, но это не помешало наладить с коллективом деловую связь. Гайстроевцам было обещано: каждое воскресенье можете забирать 40—50 тысяч кирпичей.

В субботу члены штаба стали готовиться в дорогу. Сколотили колонну из 55 грузовиков. Штабной художник Витя Шубин оформил головные машины. Ваня Баскаков, Шура Чебыкина, Нина Пономарёва ходили по палаткам, агитировали ребят в поездку.

Потом включили радиоузел:

— Друзья! К вам обращаются комитет комсомола и штаб с просьбой поехать за кирпичом в Медногорск. Вы только что пришли с работы, устали, да и рейс будет нелёгкий, в оба конца 200 километров. Но этот кирпич нужен на водовод и на школу. Мы обращаемся к тем, кто может отправиться в дорогу. Машины ждут у штаба.

Машины с флагами, надписями на кабинах подъезжали, а добровольцев было негусто — всего человек сорок. Член комсомольского штаба Георгий Александрович Алабужин посоветовал:

— Давайте на самой разукрашенной машине съездим в Палаточный. Ребята просто ещё не успели перекусить.

Пробежали вдоль рядов палаток. Парни и девчата быстро садились в кузов, торопливо дожёвывая на ходу колбасу, булки. Почти на километр растянулась колонна. Сплошная белёсая стена пыли, она скрипела на зубах,

забивала волосы. В закрытых наглухо кабинах было жарко и душно.

К вечеру насквозь пропылённые ребята и девчата высыпали из машин на асфальтовый двор завода. Погрузочная площадка ожила, загомонила. В самом центре между тумбочками кирпича алело комсомольское знамя стройки.

Первую партию машин загрузили за пятнадцать минут.

— Эх, не успеем сегодня на танцы! — вздыхали девушки.

Расторопно шла погрузка. Но вдруг из-за Губерлинских гор навалились тучи. Заветвились по тёмному небу молнии, загромыхал гром, сыпанул дождь. Мокрая одежда прилипла к разгорячённым телам, выскальзывали из рук мокрые кирпичи. И тут кто-то запел:

*Забота у нас такая,
Забота наша простая...*

Песню подхватили. А дождь лил. Молнии рвали низкое небо. Кирпичи с каждой минутой становились тяжелее, стирались в кровь пальцы, но ребята держались, и в ненастный простор неслась песня.

Измученные, тронулись в обратный рейс. У железнодорожного переезда остановились перед опущенным шлагбаумом. Обождали, но поезда не видно и не слышно. В чём же дело? Подошли к будке.

— Отец, пропусти, — попросил я сторожа.

— А ты мне не указ. Мне сам горисполком дал персональное задание: не выпускать кирпич.

Что делать? Надо звонить председателю горисполкома. Но телефонистки «не смогли» найти председателя ни дома, ни на работе. Секретаря горкома партии тоже не было. Суббота. Упросили междугородную дать Оренбург. Первый секретарь обкома комсомола Алексюк ездил по области. А что, если?.. «Девочки, дайте, пожалуйста, первого секретаря обкома партии». В трубке послышался знакомый голос. Я рассказал о случившемся.

— Чем люди заняты?

— Спят в кабинах.

— Ступайте к ним и от имени обкома поблагодарите. К вам сейчас подъедут.

Пока вели переговоры, появились милиционеры и начали проверять накладные на кирпич. Этого ещё не хватало! И тут в конце колонны появилась зелёная «Победа». Подбежал молодой человек, представился:

— Дежурный по горкому партии.

И работники милиции пропустили нас.

В Гай вернулись ночью. Бережно разгрузили кирпич и еле-еле доплелись до палаток. Городок не спал. На танцплощадке гремела музыка.

Через несколько минут заговорил местный радиоузел. В наступившей степной тишине разносилось:

— Экстренное сообщение! Только что закончился первый комсомольский рейс за кирпичом. В рейсе участвовало 55 шофёров и 140 ребят и девчат. Работали здорово. Привезли 50 тысяч штук кирпича. Он пойдёт на строительство школы и водовода. Каменщики бригад Шибина и Черкасса могут завтра же начинать кладку. Участники рейса получили благодарность от обкома партии. А сейчас ребятам нужно поспать.

И тишина опустилась над Палаточным.

Сколько было подобных воскресных рейсов, субботников! С каждой неделей рейсы становились всё труднее. Близилась зима. Материалы для стройки приходилось брать всё дальше от Гая.

На строительстве школы организовали трёхсменную работу, каждая бригада, чем бы она ни занималась, еженедельно выходила на дополнительную «школьную» смену. Сентябрским утром бригадир Нина Пономарёва, которая со своими девчатами дневала и ночевала здесь, подняла медный звонок, и ребята разбежались по солнечным классам на первый урок в новой школе.

А через несколько дней в Гай пришла вода. Управляющий стройтрестом сказал на митинге комсомольцам и молодёжи:

— Сынки, доченьки, спасибо вам за труд, а за кирпич особо. Как только выдастся свободное

время — напишу вашим родителям, поблагодарю их за то, что вырастили настоящих тружеников!

После аплодисментов наступила тишина. И только слышно было, как льётся, шумит, клочечет, журчит, булькает уральская вода. Подставляли кружки, чайники, бидоны, фляжки, тазики.

... Душой стройки был управляющий трестом, ветеран первых пятилеток Алексей Васильевич Радостев. Он всегда помнил о комсомольском штабе, бывал на его заседаниях, подсказывал, поручал, советовал. Доступность Радостева хорошо знали строители, шли к нему с разными вопросами — служебными и личными. Радостев ездил на чёрном ЗИМе. Хорошим работницам сулил: будешь замуж выходить — отвезём в загс на ЗИМе. И было не раз: к палатке подъезжал роскошный автомобиль, жених и невеста садились в него и ехали на свою свадьбу.

Радостев не только руководил строителями, но и дружил с ними. Случалось, что и часы досуга проводил вместе с молодежью. Ему писали родители тех парней и девчат, которые трудились в Гае, и он аккуратно отвечал им.

Холмисты, беспокойны южноуральские степи. Украшают их невысокие жёсткие кустарники да редкие островки берёзовых или кленовых рощ. Словно тени от облаков, движутся по степям

стада овец. Как-то, пригнав скот на водопой к озеру, пастухи-казахи обратили внимание на то, что больные животные, приняв «ванны», скоро поправлялись.

К берегам купоросного озера потянулись люди. Потом оборотистый купец завладел озером, раскинул табор из шалашей и палаток, открыл «курорт». В годы столыпинской реформы возникли рядом две деревушки. По выжженным солнцем степям ещё в тридцатые годы пришёл сюда геолог Иосиф Леонтьевич Рудницкий. В деревушке Украинке, где он остановился передохнуть, старожил показал ему «бисову» кость.

— Где ты взял это? — спросил Рудницкий.

— Позавчера принёс воду с озера, там и зачерпнул эту кость. А она, чертяка, глядь, и позеленела. Право слово — нечистая сила!

Иосиф Леонтьевич догадался — здесь медь. Стал изучать почву, воду. Пришли долгожданные лабораторные замеры: в воде оказалось высокое содержание меди. Значит, надо искать, бурить. Рудницкий с товарищами обследовал каждый метр степи, в лупу рассматривал глину и камушки у нор сусликов. Всё говорило о меди.

Много сделал для открытия этого крупнейшего в стране месторождения меди и другой известный ныне геолог — Мефодий Степанович Недождогин.

Недожогин умел «читать» землю, вслушиваться, вглядываться в её глубины.

Появление на карте нового адреса полезных ископаемых — жизненный подвиг первооткрывателей.

Таких значков на геологической карте Недожогина немало. Но самое дорогое для него открытие — Гайское месторождение медно-колчеданных руд. Поначалу многие с большим трудом пробуренные скважины оказывались пустыми. Хозяйка Медной горы тщательно скрывала свои подземные богатства. Кабинетные малoverы нажимали на Недожогина: «Это не поиск, а растраниживание государственных денег». Но он убеждал, настаивал, выпрашивал: «Ну хотя бы ещё десяток шурфов!»

И успех пришёл. Из-под тёмной толщи буровики выгнали зеленоватый с золотыми точками кусок медной руды. От него исходил запах серы.

Любимое место Недожогина — тот самый холм, где была когда-то стоянка первопроходцев-геологов, с него виден Гай, копры шахт, глубокие карьеры, игрушечные издали экскаваторы и самосвалы. Не зря прожита жизнь геолога.

В середине лета руководство стройки, в том числе Гуркин и я, выехало на пленум обкома партии, на котором обсуждался вопрос об ускорении хода строительства Гайского комбината.

Заканчивая своё выступление, первый секретарь сказал:

— Здесь присутствуют комсомольцы, пусть они скажут о своих нуждах.

Вскоре мне предоставили слово. От имени и по поручению своих товарищей-гайстроевцев я говорил о конкретных нуждах и проблемах стройки, о недостатках в организации труда и быта, о том, что энтузиазму молодёжи нужно материально-техническое обеспечение; конечно, люди могут и дальше жить в землянках и палатках, но лучше наряду со строительством промышленных объектов не забывать о жилье. Сейчас не тридцатые годы. Есть все возможности создать для гайстроевцев нормальные условия для жизни и труда.

Трепетную радость переживают люди при рождении ребёнка. Не менее глубоко чувство, вызванное рождением города. Первая палатка, первый дом, первая телеграмма, первый поцелуй, первая свадьба, первое деревце, первый асфальт... Всё первое.

Как-то в комсомольский штаб принесли небольшую посылочку. Развернули — семена и коротенькое письмо: «Дорогие дети! Примите в подарок мой труд. Пусть цветы украсят ваш палаточный городок. Я, старая комсомолка, выполню любое ваше поручение с радостью. Панина. Чертково, Ростовская область».

Письмо несколько раз прочитал по радио местный Левитан

— Ваня Сорокин. В штаб прибежали гонцы от каждой палатки. Скромная посылочка напомнила, что стройке нужны не только кирпич и бетон.

Пока поднимались дома, пять тысяч человек жили в Палаточном. Без замков и дверей, без диванов и кресел, без тёплой, а порой и без холодной воды. Тут не было шепотков — говорили во весь голос. Все слушали одну и ту же музыку. Читали одни и те же газеты — всё было общим. Всем было одинаково прохладно под одинаковыми одеялами. Просыпаясь, сразу же смотрели в верхний угол палатки. Если мухи сбились в кучу — значит, одевайся потеплее.

О гайстроевцах писали в газетах и «молниях», рассказывали по радио — местному и всесоюзному. Ударная стройка рождала своих новаторов, героев. Но встречались здесь и другие.

Был случай: три парня прогуляли по 15 дней, каждый заработал в месяц всего по двадцать рублей. Ходили вдоль палаток с гитарой, напевали пошленькие песенки. Решили вызвать их на суд общественности.

Вечером у эстрады собралось около двух тысяч человек. По просьбе милиции «суд» должен был обсудить ещё и шофёра Полякова за хищение брёвен.

— Кто хочет выступить? — предложил Гуркин, всматриваясь в лица. — Давайте обсудим, стоит ли в коллективе нашей ударной

Всесоюзной стройки держать таких?..

Ни одной руки, ни одного голоса. Но вот поднялась женщина с ребёнком на руках. Подошла к столу и вдруг запричитала:

— За что ребят выгонять?.. Я вот работаю на водоводе. По колено в воде, а девочке молока негде купить.

К сцене подошёл мужчина и резко заявил:

— Что мне здесь дали: холодную палатку, кефир? С места на место гоняют!

— А почему в столовой готовят брандахлыст? Куда вы смотрите? Кто дал мастерам право грубить? Что-то ваша комсомольская путёвка не больно греет!

Поднялся шахтёр Гена Попов и негромко сказал:

— В Оренбурге я зарабатывал хорошо. Квартиру имел. Но поехал сюда. И вовсе не за длинным рублём. Начал копать шахту... Этим трём скажу так: наши трудности вам не по плечу. Хлюпики вы. Дезертиры!

Посыпались вопросы. Гуркин поднял руку:

— Спокойно, товарищи, не все сразу... Да, недостатки есть. Но устранять их нам и только нам самим. Давайте ещё злее с ними бороться. Греет или не греет путёвка, короткий или длинный здесь рубль — комсомольцы не смотрят на родной Гай через замусленный трояк. Нас путёвка привела на передовую, а на передовой лиха всегда больше. Но мы

закалёнными выйдем. Мы зажгли свет, мы пустили воду, но вы, трое, не радуетесь вместе с нами. Здесь те, кто получит награды за свой тяжкий труд, но вы не пожмёте им руки, они не протянут их вам. И самое главное — надо иметь не только одинаковые комсомольские билеты, но и одинаково горячие отважные души. Как вас хоть по-человечески звать: Кешка, Аргист, Король?

— Серёжа.

— Владимир.

— Гера... или Герман, точнее, — тихо отвечали «подсудимые».

— Нам с вами не по пути. Завтра уйдёте из Гая. Пешком уйдёте. А по дороге подумаете, как жить нужно.

— Взметнулся лес рук — вы сказать захотели многие.

— Тихо, давайте по порядку.

Вышел невысокий паренёк в очках. Я уже знал его — Володя Андрианов, комсорг калгановской бригады.

— Я не согласен с начальником штаба. Ребят нужно прочистить и оставить, — предложил он.

Выступили ещё несколько человек и сошлись на одном: оставить.

Просили ещё слова. Володя Гуркин дал его старику-возчику. Поднявшись, он поздоровался за руку с теми, кто был в президиуме, и заявил:

— А я ни с кем не согласный.

Это вызвало смех, аплодисменты. Ещё бы — один старик на весь молодёжный городок. И мнение имеет сугубо личное.

— Побрали мы ребят, хорошенько полохматили. Но это не всё, по-моему. Предлагаю, чтобы Король и его дружки написали в газету и извинились печатно перед всем рабочим классом нашей стройки. Рассказали, почему не работают, а шаландуются здесь.

— Верно!

По второму вопросу мнения были короткие. Начальник милиции доложил о том, что Поляков увёз шесть брёвен для постройки своего дома. Поляков, объясняя свой поступок, сказал:

— Земляки! У меня трое детей, жена больная. Живу в землянке. Решил до зимы хатёнку сбить. Землю дали, а стройматериалов — не разживусь. Попросил прораба, тот условие — поработаешь неделю в две смены — 5-6 брёвен получишь. Вот я их, трудовых, и поволок. Я никогда, люди, гвоздя не взял чужого!

Единогласно решили: брёвна вернуть стройке. Обязать прораба Феофилова оформить наряд за двухсменную работу. Предложить по совету рассмотреть вопрос об индивидуальном строительстве, наладить торговлю стройматериалами, оказать комсомольскую помощь Полякову — провести два субботника на строительстве его дома.

Закончили «суд» где-то около полуночи. Активисты расходились молча. Устали, перенервничали. Я подумал: «Хорошо, что так окончилось. А если бы верх взяли демагоги?...»

Рано утром Николай Иванович Коньчев, парторг стройки, накинулся на меня с укором:

— Кто вам разрешил собирать две тысячи человек? Будете отвечать сегодня на партбюро.

— Может, я и заслужил партийное наказание, — сказал я на заседании партбюро. — Но в проведении суда не вижу ничего зазорного. Это хорошо, что, решая судьбы четырёх провинившихся, люди высказались, открыли нам глаза на личные недостатки. А их у нас слишком много.

— Верно, — поддержал меня управляющий трестом Радостев. — Теперь бы неплохо рассказать в нашей многотиражке о том, что будет сделано конкретно по устранению недостатков, о которых говорили ребята.

— Летние месяцы на стройке — пора большого наступления и серьёзных испытаний. Строили с колёс, не вся молодёжь была обучена, мастеров и прорабов не хватало. Мы с Гуркиным делали ставку на бригадиров как организаторов и воспитателей молодёжи в труде и быту. Добрая слава сложилась о бригаде штукатуров Нины Пономарёвой. Застенчивая девушка, выпускница оренбургского строительного училища, создала в коллективе благоприятный психологический климат, люди работали на совесть, не считаясь со временем, ежедневно перекрывали задания. Они всюду успевали: участвовать в комсомольских рейдах, в художественной самодеятельности. Палатка

девушек занимала первое место по чистоте, уюту. Вся бригада училась в вечерней школе.

Безотказно брался за самые трудные работы бригадир Василий Черкас. К тому же он обучил строительному делу более двухсот ребят. На каждого хватало его щедрого сердца.

Из детдомовцев вышел бригадир плотников Алексей Шибин. В сыкатном марте пришёл он в Гай. Набрал юнцов, неумех, потом, сплотив их и выучив, передал своему ученику Эдуарду Клейну, а сам взялся за формирование и обучение новой бригады. Жил вместе с ребятами в одной палатке, кормил их обедами собственного приготовления. Алексей был признанным поваром.

В августе начались первые новоселья. Воля комсомольцев была такова: в первую очередь переселять только девушек. Парни по-рыцарски терпели неполаду. Ох, как ждали они тёплого угла! А получили его только в бурном ноябре. Последними палаточный городок покидали штабисты.

Прощаясь, прошли они по опустевшей стоянке и заметили в густых сумерках одинокую палатку. В ней желтел огонёк. Оказалось, там жил парень — любитель голубей, которых он держал в небольшой пристройке. А куда девать голубей теперь? Условились подобрать парню такое жильё, чтобы голуби были рядом, под

окном. Пока шёл разговор, голубки уселись парню на плечи и, вытягивая шейки, пытались заглянуть ему в глаза. Птицы перезимовали благополучно, привыкли к людям, стали их друзьями. Никак нельзя было оставлять их в опустевшем городке.

Комсомольский штаб всё опытнее и целеустремлённее занимался организацией труда и быта молодых строителей. Парторг стройки Николай Иванович Конычев, секретарь горкома партии Иван Артёмович Хлевин, старшие комсомольские товарищи всегда были рядом, учили, подсказывали, критиковали.

Трудно было очертить круг обязанностей начальника комсомольского штаба. За всё он был в ответе. Идёшь по стройке, а к тебе со всех сторон летят горячие просьбы:

- Помогите с гвоздями.
- Сидим без раствора!
- Где же обещанный кирпич?

Приходилось выяснять, спрашивать, подталкивать. Хотя зачем бы комсorghу заниматься гвоздями, если есть прорабы и мастера?

Так-то оно так, но жизнь стройки диктовала свои законы, вручала свои полномочия.

О стиле работы комсомольского штаба писали газеты. Одна из них, помимо похвалы, отмечала: «У штаба и его руководителя есть промахи. Их видят и о них говорят сами гайстроевцы. Очень хорошо, что штаб оперативно откликается на самые

разнообразные их сигналы и нужды. Но беда в том, что он пытается всё осилить сам, часто без помощи актива, и поэтому за мелочами упускает главное. Не хватает ещё комсомольскому штабу Гайстрою напористости в решении главных, коренных вопросов строительства. Когда этого требуют интересы дела, члены штаба должны быть принципиальными и настойчивыми».

Члены штаба делали выводы. Посоветовавшись с активом, решили создать на самых важнейших объектах комсомольские посты. На домах, на кабинах автомобилей, на экскаваторах появлялись надписи: «Здесь работает начальник комсомольского поста (фамилия, имя)». Делалось это для того, чтобы строитель не бежал в штаб, а передал замечание, предложение или просьбу тому, кто возглавлял комсомольский пост. После шести в штаб заходили или звонили начальники постов — стекалась конкретная свежая информация со всех объектов.

Работа штаба заметно оживилась, он стал ближе к людям. Вопросы обсуждались оперативные, неотложные.

Опытные хозяйственники думали вместе с комсомольцами о делах стройки, её заботах, насущных потребностях, вместе искали пути решения. Это была школа, в ней уму-разуму жадно учились командиры производства, парторги, комсомольские активисты.

Не было случая, чтобы кто-то из руководителей опоздал на заседание. Однажды только разошлись во мнениях. В Гае негде было смотреть кино и репетировать артистам художественной самодеятельности. Летом — на открытой площадке, а как зимой? Штабисты просили управляющего трестом ускорить строительство кинотеатра. Он оправдывался — людей не хватало на строительство жилья и важнейших промышленных объектов. Репетиции продолжались в небольших комнатах общежитий, негде было разместиться многочисленному хору. На одну из репетиций пригласили управляющего трестом.

— На кинотеатр нужен минимум год, — делился с ребятами Радостев. — Давайте сделаем пристройку к клубу. Только договоримся — всё сами, не во вред жилью. То есть материалы вы получите, а время для этой стройки выкроите сами...

В октябрьский вечер «молнии» рассказали о решении штаба. И в первое же воскресенье комсомольцы вырыли фундамент под кинотеатр. Очень спешили, ибо был уговор — новогодний бал провести в этом помещении.

Первый секретарь обкома комсомола Пётр Алексюк уделял стройке живейшее внимание. Часто приезжал, звонил, требовал чёткой и честной информации о ходе строительства. В нём удивительно сочетались душевность и деловитость, чуткость и строгость, принципиальность и

доброта. В беседах Пётр Михайлович обычно говорил:

— Об успехах знаем. Давайте с середины. Над чем работаете, что не получается, какие трудности?

Каждый понедельник в восемь часов утра в штабе раздавался долгий звонок междугородной.

— Как прошла неделя? Какие планы? — спрашивал из Оренбурга Алексюк.

Слушая, сразу же давал советы, поддерживал или возражал. Затем конкретно поручал: проверьте, почему не пишет домой такой-то; организуйте работу художников из Москвы... И в конце обязательное: какие просьбы к обкому?

Первое время их не было. Мы с Гуркиным, пожалуй, ещё не знали, с чем конкретно можно обращаться в такую высокую инстанцию. За это нам и доставалось: варитесь в собственном соку!

— Если нет вопросов, значит, плохо знаете обстановку, настроение комсомольцев, — резюмировал первый секретарь.

Штаб ежедневно, а иногда и ежечасно выпускал «молнии». Поздравительные и сатирические. Писались они очень броско, красочно. Вывешивались на самых людных местах. Их читали. Они дисциплинировали, объединяли.

Зеленоватую горкомовскую «Волгу» Ивана Артёмовича Хлевина в течение дня можно было встретить всюду. Строго следил он за графиком строительства,

вникал во все его нюансы. С пристрастием проверял молодёжные нужды, подсказывал, советовал, требовал.

Однажды на штабном вагончике он увидел живописную свинью из фанеры. Под ней слова: «Где грязь — там и я». А рядом текст «тревоги»: «На участке Вальяно очень много хлама».

— Вы знаете, как реагировал Вальяно? — рассказывал ему Гуркин. — Весь белый, прибежал в партбюро жаловаться на комсомол. Задело. Сейчас наводит порядок.

Первый секретарь промолчал, вошёл в штаб, обратился ко мне:

— Покажи дневник штаба... Ну что ж, хорошо, — приговаривал он, листая толстую рабочую тетрадь. — А это что?

«Звонила домой директору машиностроительного завода, который срывает поставку фланцев для водовода. Разговаривала с женой. Как можно любить такого мужа?» Подпись.

Первый секретарь, улыбаясь, качал головой.

— Так, так. Почитаем-ка дальше.

Гайские пионеры написали всем классом сорок почтовых открыток директору другого завода. «Дядя Вася! Наши отцы и братья строят Гай. От них мы узнали, что ваш завод задерживает выдачу металлоконструкций на водовод. Это не по-пионерски». На второй день директор был на

стройке, разобрался. Отгрузили все конструкции. Пионеры помогли.

Первый секретарь шумно захлопнул журнал, закурил, повернулся к штабистам:

— Кто вас учил всему этому?

— Никто.

— Дрова ломаете и остановиться не можете! Посудите сами, прочитал такую «свинью» товаиц Вальяно. Что он подумал о штабе? Некультурные люди там сидят, не умеют даже покритиковать. Критика — это не оскорбление, критика — не топор, это скорее наждак. Вот дальше — вы звонили жене директора, тем более в полночь. Что это за бестактность? Ну выбили фланцы, а каким путём? Вы слабость свою показываете. То же самое с пионерами... Втягиваете детей в дела, которые должны решаться нами... Что это за методы?

— Мальчишество это, — подержал критику Николай Иванович Коньчев.

— Старшие любовно и строго растили, воспитывали в нас чуткость, скромность, любовь к людям. Ведь стройка собрала очень разных по степени образованности и уровню культуры юношей и девушек. К каждому нужен был душевный подход. Нужно было знать, откуда человек приехал на стройку, какие мотивы привели его сюда, какая нравственная энергия питает его самоотверженный труд. Я

старался каждого знать по имени, заглянуть в душевный мир, понять. Знакомство с людьми происходило не на пляже, не на танцах, не за уютным столиком кафе, а в траншеях, котлованах, у бетономешалок, на строительных лесах и площадках.

Однажды в подъезде одного дома мне встретился паренёк. Заросший, немыйтый, в драной фуфайчонке, он спал у тёплой батареи прямо на цементном полу. Я разбудил бедолагу, внимательно расспросил о житье-бытье. Это был Митя Ковров, воспитанник детдома, из которого бежал ещё весной, был поварёнком в рыболовецкой бригаде, затем подпаском. Но лето кончилось, рыбаки с берега ушли, коровы колхозные заняли свои зимние стойла. Митя оказался не у дел, а в детдом возвращаться не желает: «До каких же пор мне там воспитываться? Я работать хочу и прошу, пожалуйста, не отправляйте меня в детдом».

— А специальность у тебя есть? Делать-то что-нибудь умеешь? — спросил я беспризорника.

— Не умею... Сапожником немного пробовал, поваром. Зачем вам это на такой стройке?

— Нам очень нужны сапожники. Скоро своё ателье построим. Вот ты и будешь там работать.

— Зачем смеётесь? — Паренёк нахмурился и отодвинулся от меня. Мы сидели на бетонных ступеньках лестничного марша и

в упор глядели друг на друга. — Лучше бы папироской угостили.

— Не курю и тебе советую с нынешнего же дня бросить эту мерзость.

— При первой встрече и такие речи — сразу воспитывать начинаете, а мне... есть и курить охота. Сам-то вон какой справный...

— Идём ко мне, накормлю, — предложил я.

— А, знаю, в милицию сдать хотите. — Паренёк вскочил и кинулся к двери. Я едва догнал его, крепко ухватил за руку и повёл к себе в комнату.

Когда парень вымылся под душем, я нашёл для него кое-какое старое, но чистое бельё. Потом дал хлеба, колбасы, чаю. Паренёк с жадностью уминал всё это за обе щеки, а когда насытился и оглядел комнату, то сказал с завистью:

— Хорошо живёте.

Заметив на тумбочке портрет пожилой женщины и узнав, что это моя мать, он со вздохом повторил:

— Хорошо живёшь. И еда, и одежда у тебя. И мама вот на тебя всегда смотрит... А у меня никого... Так на душе иногда засквозит...

Исповедуясь, паренёк незаметно для себя заснул на раскинутой на полу моей старой солдатской шинели, которую я за неимением пальто иногда надевал в ненастные осенние дни.

Утром с трудом разбудил гостя. Тот натягивал на голову

одеяло и никак не хотел подниматься. А когда очнулся и понял, где он, мигом соскочил и пошёл к двери.

— Стой! Куда ты?

— Куда-нибудь... где-нибудь... — невнятно забормотал паренёк.

— Ты вот что... Оставайся-ка у меня. Поручение тебе дам.

Я достал из кладовки свои старые, со сбитыми подмётками сапоги, нашёл молоток, шило, гвоздики, кусочки брезента, резинки и всё это отдал пареньку.

— Вот, сапоги нужно подбить. Сам хотел, да всё недосуг. Сумеешь?

— Попробую.

— На тебе ключ, а я побежал на стройку. Вечером встретимся и поговорим.

Растерянная и радостная улыбка осветила настороженное лицо паренька: ему доверяли комнату, к нему обращались с просьбой, он был нужным человеком!

Сапоги он отремонтировал крепко, я поглядел на них и с улыбкой сказал:

— Дарю их тебе! Носи. А рвань со своих ног сбрось и вынеси на помойку.

Ещё пуще обрадовался парнишка и, чтобы проверить, не игра ли это какая, спросил напрямик:

— Вы кто?

— Начальник комсомольского штаба этой стройки.

— Так... а как же... вы мне,

совсем незнакомому, квартиру оставили? А если бы я её обокрал?

— Ну, если бы у бабушки были усы, то она была бы не бабушка, а дедушка, — подмигнул я беспризорнику и, задумавшись, добавил серьёзно:

— Поверил я тебе сразу потому, что судьбы у нас с тобой во многом схожи. Ты — безотцовщина, я — тоже. Ты спишь в подъездах, и я когда-то на вокзалах... бывало...

И вспомнилось своё, болевое...

Отца, коммуниста, я не помнил: он умер в 1938 году. В послевоенные годы голодовал, холодовал, четырнадцатилетним подростком пришёл в цех «Ростсельмаш», где трудилась моя мать. Слесарил, а вечерами учился в школе, писал стихи и заметки в заводскую многотиражку. Потом учёба в институте, служба в рядах Советской Армии. И вот — стройка...

— Понимаешь, надо поверить в себя, в то, что ты ценный, нужный для всех человек, — сказал я пареньку.

— Да кому я нужен? Кто я такой?

— Так стань нужным! Всё у тебя для этого есть. Молодость, мастеровые руки. Силы воли, может, не хватает. Так возьми и воспитай. В деле, в большом, нужном для людей деле она воспитывается.

Вскоре в одном переулке появился зелёный щитовой домик,

а на нём вывеска: «Сапожная мастерская». И повалили туда обрадованные гайстроевцы: чем в Орск за сорок километров везти на починку обувь, куда как удобнее сдать её по месту жительства.

Я внимательно вглядывался не только в юные лица гайстроевцев, но и в их судьбы, биографии, пытаясь понять, чем же привлекает Гай молодых первоходцев.

Вот Надя Картель. Ей 19 лет. В Гай приехала из Брянской области, где заведовала сельским клубом. На стройке после обучения стала работать электросварщицей на роторном участке рудника, а после смены учиться в вечерней школе. По мнению Нади, быть завклубом, концерты показывать, конечно, тоже нужно, но строить важнее...

Нетерпеливая мечта совершить что-то большое, значительное привела в Гай и Людю Фоминову, бывшую работницу оренбургского шелкокомбината, переквалифицировавшуюся в штукатура-маляра.

И таких судеб сотни, тысячи.

Романтизм, писал один поэт, есть жадное стремление жить удесyтерённой жизнью. В Гае это стремление у тысяч молодых и не только молодых людей находило желанную атмосферу, возможность для полной своей реализации.

— В Гае невольно становишься поэтом, — сказал в своём

выступлении на молодёжном вечере инженер строящегося горно-обогатительного комбината Фёдор Бычков. — Мне пятьдесят, но без стихов не могу, вокруг такое творится — дух захватывает. Разрешите: прочту самое свеженькое?

И вот Бычков на трибуне, он инженер, он же и поэт:

*Тут всё вокруг — моё и наше.
И сам не знаю, почему
Я улыбаюсь Сашам, Машам
И другу сердца моему.
Дома, и школы, и больницы,
И всё вокруг, и всё вокруг,
Как это в песне говорится,
Дела моих рабочих рук.*

Нельзя было не заметить то знаменательное обстоятельство, что свои стихи гайстроевцы подписывали так: В. Потешкин, шофёр, В. Лопато, штукатур, А. Сесемкин, мастер, В. Борисов, электрик.

Недаром говорят: прочти свои стихи, и я скажу, кто ты. Поэзия гайстроевцев — это поэзия труда и романтики, поэзия беспокойной молодой души. Это поэтическое осмысление подвига. Некоторые стихи я переписал в свой дневник и выучил наизусть как яркие страницы летописи стройки. Вот одно из них. Молодой конструктор Леонид Волков писал:

*Помните, ытики ахали,
Удирая из Гае,*

*Над нами смеялись:
«Вы — пахари
Неродящего края».
И ходили, куражились
Легкодумные парни,
Когда первые саженцы
Появлялись на камнях.
Только самые сильные
Приживались ростки,
В небо вытянув синее,
Улыбаясь, листки.
Их любили, им верили
Мы в те зной палатки,
Сквозь дожди и метели
Сберегли настоящее.*

Это стихотворение напечатала впоследствии областная газета.

Гостем и другом гайстроевцев был уральский писатель-романист Б.С. Бурлак. Чуть позже Борис Сергеевич напишет: «Любовь к родине имеет точные географические координаты. Для меня поразительно ёмкое, могучее

понятие «народ» начиналось с тех людей, которых я видел и постигал ещё в юности, а родной моей с детства был Урал. И о чём бы я ни писал — о войне, о стройках, о земледельцах, — точкой отсчёта литературного замысла всегда служил Урал».

Необыкновенно щедро уральская земля, её недра, её работающие волевые люди. Бурлак всегда был рядом с ними, одаривал звонким и мужественным словом в печати неутомимых геологов-первооткрывателей. Именно Иосиф Леонтьевич Рудницкий, лауреат Ленинской премии, послужил прототипом литературного образа страстного искателя в романах Б. Бурлака «Седьмой переход» и «Возраст земли». Рудницкий открыл уникальные залежи гайской меди, и многие медеплавильные заводы были надёжно и надолго обеспечены богатейшей рудой.

*Виктор Петрович Поляничко погиб
в Северной Осетии в результате
террористического акта.
Похоронен на Новодевичьем
кладбище в Москве.*

**В. П. Поляничко (справа) —
начальник
штаба ударной
комсомольской
стройки
Гайского горно-
обогатительного
комбината. 1959 г.**

**Первый секретарь
Орского горкома
ВЛКСМ. 1961 г.**

**Первый секретарь
Челябинского
обкома ВЛКСМ.
1970 г.**

**В.П. Поляничко приветствует бойцов студенческих строительных отрядов.
Начало 70-х годов.**

**Могила Виктора Поляничко на Новодевичьем
кладбище в Москве**

Татьяна ТЕКУТЬЕВА

КУМИРАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

*Татьяна Викторовна
Текутьева (Ракутина)
родилась в Оренбурге.
Окончила Ташкентский
театрально-художественный
институт. Театровед.
Работала в редакциях
газет «Комсомольское
племя», «Южный Урал»,
«Оренбургская неделя». Член
Союза журналистов РФ,
член Союза театральных
деятели РФ. Заслуженный
работник культуры
Российской Федерации.
Живёт в Оренбурге.*

Есть люди, которых не забывают. Четыре года назад, в год столетия со дня рождения заслуженного работника культуры РФ Олега Милохина, на здании областного театра кукол появилась мемориальная доска, посвящённая ему, успешно директорствовавшему в этих стенах. В этом году, по случаю 105-летия Оренбургского отделения Союза театральных деятелей России об одном из самых энергичных и ярких его председателей, к тому же замечательном артисте Олге Милохине напомнил Сергей Тыщенко, заслуженный артист РФ. В своём музыкальном эссе он рассказал о творческом пути солиста оренбургской оперетты. Но об этом человеке, его незаурядной личности и масштабном таланте хочется вспомнить и без особого повода. По той простой, но становящейся всё более редкой причине, что вот он — пример бескорыстного служения делу.

В канун своего 85-летия со дня рождения и 65-летия творческой деятельности Олег Евгеньевич Милохин был удостоен звания — «Кумир». Так называется муниципальная премия Оренбурга. Может быть, это и достаточно скромная награда, местного, так сказать, значения, но зато она точно соответствовала статусу любимца оренбургской публики.

Кумиром оренбургских зрителей Олег Евгеньевич стал задолго до этого официального признания. Он был кумиром в течение долгих десятилетий; яркой синовой глаз, сияющей улыбкой, неповторимым тембром голоса буквально сводя с ума представительниц прекрасного пола. И когда уже перестал выходить на сцену, стал театральным директором, председателем областного отделения Союза театральных деятелей РФ, его по-прежнему узнавали на улице и почтительно шептали вслед: «Милохин!» Моя тётушка, особа довольно строгих нравов, всю жизнь вспоминала, как известный артист Олег Милохин угощал её с подругой мороженым. Почему-то я не догадалась спросить о подробностях этой истории, но думаю, что дело обстояло следующим образом. Две молодые поклонницы решились подойти к любимому артисту с изъявлениями восторга по поводу его таланта, а он в благодарность сделал широкий жест.

Жизнь премьеры оренбургской оперетты Олега Милохина была на виду, на публике. Но многое в

ней, как оказалось, оставалось в тени и даже являлось настоящей тайной, ибо о многом не принято было говорить, более того, не следовало и заикаться до того времени, которое получило название перестройки и гласности.

Когда Олег Евгеньевич впервые открылся мне в интервью, я была потрясена драматизмом его судьбы, сознанием того, что его творческий путь должен был сложиться не в провинции, а в столице и обещал быть куда более блестящим. А ещё удивил тем, что не выражал никаких обид и жалоб ни на строй, ни на доставшееся именно ему роковое стечение обстоятельств, как это делали и делают другие. Не знаю, чувствовал ли он себя выше жизненных превратностей или философски считал, что всегда бывает так, как бывает, а не так, как хочешь, чтобы было.

Милохин рано начал в искусстве благодаря тому, что появился на свет в артистической среде. Родители, драматические актёры, работали в Санкт-Петербургском театре «Фарс». Отец — комик. Мать по амплуа — героиня, подменявшая на сцене саму хозяйку театра, когда та отлучалась в Париж за новыми туалетами. (Лидию Ивановну Куровскую старые оренбургские театралы помнили долго: до 1965 года, она, обожаемая публикой, играла в оренбургской оперетте). Когда началась Первая мировая война, Евгений Александрович Милохин закончил школу прапорщиков и ушёл

на фронт. Сын родился без него. Отец увидел мальчика впервые, когда тому было почти три года.

Вернулся глава семьи как раз к начавшейся разрухе. В окно милохинской квартиры было видно, как на телеги складывали трупы. От голода и холеры умирало всё больше народа. Жители большого города потянулись в село, спасая своих близких и себя. Уезжали и актёры, собираясь на новых местах в небольшие мобильные труппы. Сами едва избежав смертельной угрозы, они ставили спектакли в помощь голодающим Поволжья. Для этой цели писались простенькие пьески непременно с жалостливой ролью голодного мальчика.

Один из первых героев Олега Милохина, обессиленный, лежал на печи и повторял два слова: «Мама, хлеба... Мама, хлеба...» Дебютанту едва сравнялось шесть лет. Ещё в его обязанности входило по окончании представления с картузом обойти зрительный зал. Маленькому артисту уже платили зарплату — 40 тысяч керенками. На первый гонорар был куплен велосипед. Затем послужного украсил выход на сцену прославленной Александринки. Играл сам Давыдов. А спектакль... Чуть ли не «Стенька Разин». По ходу действия атаман должен был взять на руки мальчика. Догадываетесь, кто был тем мальчиком?

В двенадцать лет Олег Милохин стал партнёром Леонида Утёсова. В каком-то частном театре

О.Е. Милохин

ставили популярную в ту пору пьесу «Мендель Маранц». Так вот у Менделя был сын... Этот театрик быстро сообразил выгоду от наличия юного и симпатичного дарования. Во всяком случае для Олега Милохина специально писали роли в модных обозрениях и злободневных пьесах, и целый год он играл по два спектакля в день. Пятиклассник обеспечивал ставших к тому времени не по своей вине безработными родителей, получая по два рубля в день (а пирожное тогда стоило семь копеек).

Когда Олег закончил школу, то его естественным решением было идти и дальше по театральной линии. Правда, имелся один нюанс: он хотел петь.

С дочерью Любой

В такой ситуации путь лежал один — в Мариинку. Время дипломированных специалистов ещё не настало и, чтобы стать профессиональным певцом, следовало брать частные уроки. Так Милохин и поступил. В Мариинской опере его зачислили в штат и уже поручали именные роли. В «Евгении Онегине» — меццо Гильо. «Мой секундант, вот он: меццо Гильо». После чего тенор Ленского выводит: «Начнём, пожалуй». Так вот и получилось, что он был на одной сцене с корифеями: рядом с ним пели Иван Козловский, Григорий Большаков и Леонид Собинов в прощальном своём спектакле.

Всё шло, как в мечтах. И тут — убийство Кирова. Шквал обысков, арестов, ссылок. Милохина-старшего причислили к участникам контрреволюционного заговора. Арестовали, предъявив вздорное обвинение. Следом вызвали в «серый дом» жену и сына и — всех троих — выслали в Оренбург.

20 марта 1935 года Милохины вышли на перрон вокзала совершенно незнакомого города, где их никто не ждал и не знал. Олег — в легкомысленной шляпе: в Ленинграде уже вовсю пела весна. А здесь стоял тридцатиградусный мороз. Хорошо ещё, что в Ленинграде у одних знакомых оказались знакомые, у которых в Оренбурге жили знакомые. Их адрес и имелся на руках у ссыльных. На привокзальной площади стояли только «ишакси». На одном они и поехали. Звучная улица Октябрьская находилась на самой окраине. Хозяин старой хатки лежал в малярии. Но не оплошали наши земляки, приняли горемык. А ведь накануне в газете появилась статья с предупреждением: едут в наш край бывшие графья и князья, враги советской власти, будьте, мол, бдительны. Но и правда была в этой груде печатной лжи: действительно, целый эшелон, набитый изгнанниками, прибыл на оренбургскую землю.

На работу никуда не брали. И где была логика? В театре работать Милохиным запретили.

Всей семьёй ходили отмечаться в НКВД. Но не только что организованной радиостанции Олегу предложили петь. И выходил в прямой эфир сын врага народа с ариями из опер и оперетт.

3-я Буранная, Григорьевская — по этим адресам снимали Милохины «углы». На Григорьевской Евгения Александровича и арестовали во второй раз. Шёл 37-й год — не чета 35-му, поэтому отец больше не вернулся. Мать выслали ещё раньше в село Октябрьское, где она, не растерявшись, организовала драматический коллектив, вырастив в нём даже будущего министра культуры РСФСР Алексея Попова.

Много-много позже из реабилитационных документов Милохина-старшего сын узнал, что отца вписали в «дело Каширина» и в 37-м расстреляли, узнал и то, что он вслед за родителями является потомственным дворянином (а не была ли принадлежность к дворянскому сословию истинной и единственной виной?)

А «жить стало легче» и главное — веселей. Оренбург не остался в стороне от новых веяний. Появился джаз. Классных музыкантов-то понаехало достаточно, хотя и не добровольно: первый фагот Ленинграда и прочие... Здесь и пригодился поставленный голос Олега Милохина. Позднее он и ударные освоил.

С десяти утра до двух часов дня джаз играл на вокзале (была такая мода), потом перед сеансами в кинотеатрах «Пролетарий»

и «Молот» (впоследствии поменявшие имена на «Октябрь» и «Победа», к нынешним временам канувшие в небытие). Зарабатывал новоявленный джазмен Милохин вполне приличные деньги — до двух тысяч в месяц. А четверть (3 литра) молока на базаре стоила 3 рубля, килограмм отборного мяса — 4 рубля, за сотню яиц просили трёшку. А когда молодой человек решил приодеться и заказал себе в лучшем ателье у превосходных портных (имелись тогда такие!) костюм из бостона и пальто из тёмно-синего драпа, то встали они ему в 800 рублей.

И всё-таки, когда Олега Милохина в октябре 1938 года пригласили в оренбургскую оперетту, то он, не пожалев о сногсшибательных заработках, ушёл на зарплату в 400 рублей, потому что прежде всего ощущал в себе артиста. Артисту нужна была сцена.

Он стал подлинной звездой театра, хотя артистов в те времена так не называли, а уж тем более они себя так не преподносили. Его творческое долголетие включило в себя и многообещающую весну, и цветущее лето, и зрелую мудрую осень. Дебютировал Милохин 15 ноября 1938 года, в свой день рождения, сыграв в «Свадьбе в Малиновке» Андрейку, почти своего ровесника. Это был лирический, советский герой. А потом последовали персонажи классических оперетт Кальмана, Легара. Молодость — пора романтизма, им

Участники семинара режиссёров и драматургов

были одушевлены милохинские герои, беззаветно влюблённые, красиво страдающие, обретающие в финале заслуженные любовь и счастье. Пришла зрелость — появились новые амплуа. В той же «Сильве» он стал играть характерные роли — Бони, Ферри. А выход на сцену в образе князя Воляпока обозначил следующий этап актёрской жизни — переход на возрастные роли.

Наверное, Милохину непросто давалось неизбежное артистическое взросление, но этого никто не видел; напротив, у зрителя было ощущение, что артист благодарно принимает ход

творческого времени. Но ведь и правда, он находился на месте в каждом новом амплуа, открывал в себе и демонстрировал со сцены всё новые возможности и вокально-драматические краски.

Вот что написал исследователь истории Оренбургского театра музыкальной комедии Виктор Наточий в своей книге «Силуэты» об Олеге Милохине: «Ему были свойственны лёгкость и естественность, он был изящен во фраке, хорошо владел голосом. А ещё у него было острое чувство комического, что, сами понимаете, в оперетте высоко ценилось. Как он сознавался, он любил в каком-нибудь эпизоде «похулиганить», поимпровизировать».

Оренбургу и Оренбургскому театру музыкальной комедии повезло с Олегом Милохиным; он стал здесь признанным кумиром, сыграл почти 250 ролей, выступил режиссёром почти 40 спектаклей. Но и Милохину повезло с Оренбургом. Город его полюбил. И по сей день имя Олега Милохина в театральном мире произносится с почтительным придыханием. Его помнят коллеги и многочисленные зрители. Программки спектаклей с его участием хранятся в семейных архивах как реликвии.

Многие артисты твердят: со сцены нужно уходить вовремя. И редко кто действительно

так поступает. Олег Евгеньевич оказался исключением из правила. Причём, уйдя со сцены, он остался в театральной сфере, опять освоил новые амплуа. В качестве директора областного театра кукол реконструировал старое здание, открыл при нём актёрскую студию. Пятнадцать лет, с 1966-го по 1981 год, успешно председательствовал на посту главы Оренбургского отделения Всероссийского театрального общества. И это было время серьёзных общесоюзных театральных событий: в областном центре с размахом праздновалось 100-летие ВТО, в областном драматическом театре состоялась Всероссийская военно-патриотическая конференция, в областном театре прошёл Всероссийский семинар драматургов.

Олег Евгеньевич вспоминал, что без консультаций с ВТО управление культуры не приняло мало решений даже по вопросам театрального репертуара. «Нас держали в первых помощниках, тесно сотрудничая с отделением. Активно работали с ВТО главные режиссёры театров... Вместе с ними мы разрабатывали и проводили Театральные

недели, Дни театра... Хорошие отношения у нас складывались с обкомом комсомола. Два раза в месяц комсомольцы устраивали у нас в «Малютке» заседания «Зелёной лампы». Мы им лекции по искусству театра читали. (Вы можете себе вообразить сегодняшних чиновников, внимающих рассуждениям о театральных веяниях?! — Т.Т.) За чаем приобщали комсомольских деятелей к искусству... А сколько встреч было с иностранными делегациями! Кто приезжал из Монголии, Вьетнама, Южной Америки, всех вели к нам».

Кстати, о «Малютке». Это тоже было детище Олега Милохина. «Малютка» возникла на третьем этаже драматического театра как место актёрских творческих встреч. Деньги на оборудование Олег Евгеньевич выпросил в Москве у Михаила Царёва,

Москва, 1970 год. После фестиваля в Венгрии с коллективом театра кукол

Отчётно-выборная конференция ВТО

председателя ВТО. Какие гости побывали в «Малютке»! А. Райкин, М. Ульянов, В. Зельдин, З. Гердт, Е. Евстигнеев, В. Талызина, А. Джигарханян, Беата Тышкевич и Ежи Гофман... Здесь пела фольклорная группа Оренбургского народного хора, играл на гармошке дважды Герой Социалистического Труда, известный на всю страну хлебороб Василий Чердинцев. Здесь выставлялись работы оренбургских художников, проходили творческие встречи, вечера памяти, справлялись юбилеи. Этот уголок объединял театры города и людей театра. И ей-богу, это помогало им в творчестве. Потому что хороший отдых — это тоже творчество. И это объединение оренбургских театральных деятелей — заслуга без преувеличения Олега Евгеньевича Милохина. Видимо, он

хорошо знал, как важно людям одной художественной крови держаться за руки, чтоб не пропасть поодиночке.

В 85 лет Олег Евгеньевич ещё раз вышел на родную сцену Оренбургского театра музыкальной комедии. В свой бенефис он продемонстрировал, что не потерял ни музыкальности, ни лёгкости и вполне вписывается в кордебалет. Он вообще не старел, а благородно принимал свой возраст. Его дочь, Любовь Милохина, заслуженная артистка России (а разве её судьба могла сложиться иначе, не вдохновиться родительским примером?!) хорошо помнит, как отец, сидя в любимом кресле, пел из «Евгения Онегина», которого он знал целиком. Вот такие они, настоящие, не показные кумиры.

Творческие образы
Олега Милохина

На бенефисе Олега Милохина

Семья Милохиных на открытии мемориальной доски, посвящённой 100-летию со дня рождения Олега Евгеньевича. 2014 г.